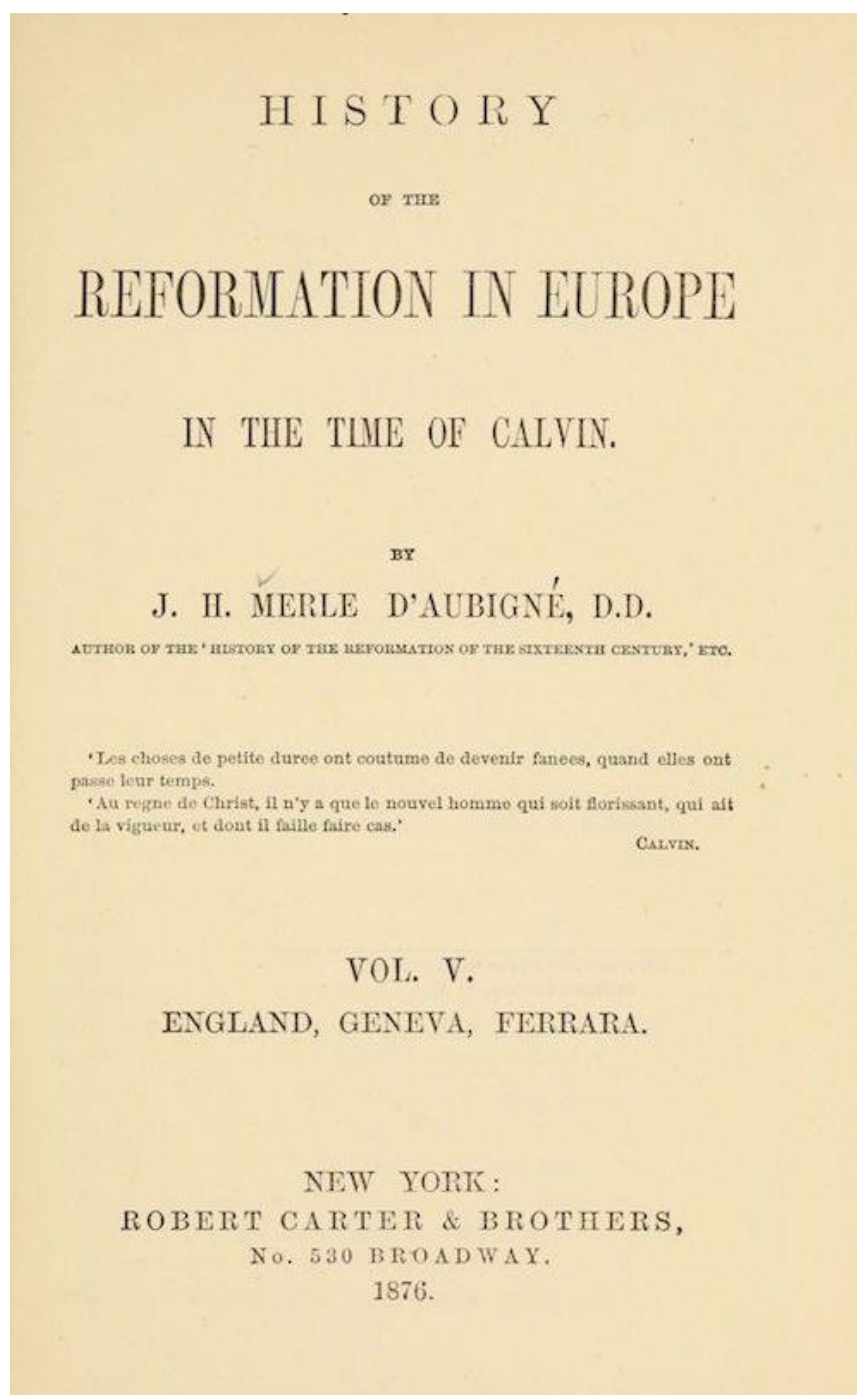

История реформации в Европе во времена Кальвина, Том 5 (из 8)

Ж. Х. Мерль д'Обинье

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории Реформации в Европе во времена Кальвина, том 5 (из 8)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Реформации в Европе во времена Кальвина, Том 5 (из 8)

Автор: Ж. Х. Мерль д'Обинье

Дата выхода: 31 января 2020 г. [Электронная книга № 61277]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Уилсон, Дэвид Эдвардс, Колин Белл, Крис Пинфилд и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА", ТОМ 5 (ИЗ 8) ***

Примечание переписчика:

Исправлены очевидные типографские ошибки. Упорядочена расстановка переносов. Сохранена непоследовательная орфография (включая ударения и заглавные буквы).

Бегущие заголовки в верхней части каждой правой страницы были перемещены перед абзацами, на которые они ссылаются, и окружены знаками =равенства=.

ЛОНДОН

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ "СПОТТИСВУД И КОМПАНИЯ"

НЬЮ-СТРИТ-СКВЕР

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

Дж. Х. Мерль Д'Обинье, доктор медицинских наук

АВТОР "ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА" И ДР.

'Les choses de petite durée ont coutume de devenir fanées, quand elles out passé leur temps.

'Au règne de Christ, il n'y a que le nouvel homme qui soit florissant, qui ait de la vigueur, et dont il faille faire cas.'

Кальвин.

ТОМ V.

АНГЛИЯ, ЖЕНЕВА, ФЕРРАРА.

НЬЮ-ЙОРК:

"РОБЕРТ КАРТЕР И БРАТЬЯ",

№ 530 НА БРОДВЕЕ.

1876.

Литейный завод стереотипов Сент-Джонленда,

округ Саффолк, Нью-Йорк

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Это десятый том *Истории реформации Шестнадцатого века* и пятый из Второй серии. Первая серия описывала историю этой великой эпохи от ее начала до признания Аугсбурга (1530). Второй будет включать в себя годы, прошедшие между этим периодом и триумфом Реформации в различных частях Европы. Установить последнее ограничение не всегда легко, оно варьируется в зависимости от местности.

Тем не менее, правило, изложенное автором в его первом томе, разумно ограничивает проделанную им работу. "Целью настоящего исследования является история одной из величайших революций, которые когда-либо совершались в жизни человечества, а не история простой партии. История Реформации отличается от истории протестантизма. "Один или два тома, которые выйдут, с Божьей помощью, после этого, завершат ее. Автор разделил историю на две серии для удобства публики, но он не разделяет их. Вместе они образуют единое произведение.

Курс, которого он, вероятно, будет придерживаться в будущем, лучше выразит единство великого события, которое прославило шестнадцатый век. Сначала ручьи текут врозь; затем они последовательно соединяются друг с другом и образуют единую реку. Наступает момент, когда воды подчиняются закону концентрации: то же явление проявляется в истории, подобной нашей. Последовательно проанализировав факты Реформации в Германии, Немецкой Швейцарии, Франции, Англии, Западной Швейцарии и других местах, мы немного сконцентрируем наше повествование и представим ход великой трансформации в единой картине.

Перед нами предстанут новые страны и новые люди. В нашем следующем томе мы совершим путешествие по Шотландии, Дании, Швеции, Венгрии и другим частям Европы, прослеживая замечательные черты их религиозной истории. Мы даже вернемся к Лютеру и Меланхтону, общество которых одновременно так здорово и так приятно; а также увидим Кальвина за его работой в Женеве.

Одно обстоятельство, помимо уже указанного, предостерегает автора от ограничения своей работы и может внезапно прервать ее. Времени у него остается все меньше, и он не может завершить свою работу без помощи Того, кто является хозяином наших дней.

Этот том начинается с Англии. Достоверная история Реформации сейчас, возможно, более необходима этой стране, чем какой-либо другой. Общее мнение на Континенте, за исключением слепых приверженцев папизма, таково, что дело Реформ выиграно и что нет необходимости его защищать. Странно, но это не совсем верно в отношении Англии — страны, столь дорогой друзьям истины и свободы. Более того, даже среди англиканских священнослужителей сформировалась партия энтузиастов в защиту обрядов, священнических облачений и суеверных римских доктрин, яростно нападающих на Реформацию. Крайности, которым предавались некоторые из его членов, беспрецедентны. Один из них проводит сравнение между реформаторами и лидерами периода террора — например, Дантоном, Маратом и Робеспьером — и заявляет о превосходстве последнего. [1] "Реформация, - говорит этот англиканский священник в другом месте, - не была Пятидесятницей; я рассматриваю ее как Всемирный потоп, акт божественного возмездия". При наличии таких мнений и других, которые, хотя и менее выражены, не менее фатальны, история Реформации может преподать несколько полезных уроков.

За историей Англии в этом томе следует повествование о событиях, которые привели к триумфу Реформации в Женеве. Эта история должна была бы заинтересовать протестантов каждой страны, поскольку впоследствии маленький город сыграл столь значительную роль в распространении евангельской истины и в борьбе протестантизма с папством.

Для целей своего повествования автор продолжал обращаться к наиболее достоверным источникам: подлинным документам, письмам, написанным людьми, о которых говорится в этой истории, или их современниками, а также к хроникам, анналам и книгам, опубликованным в ту эпоху. Он использовал те собрания документов, которые были напечатаны; часто он обращался к рукописям того периода, которые еще не были опубликованы.

Мы живем в литературный век, когда скипетром правит критика. Критика хороша и необходима: она очищает историю и расчищает пути к дворцу истины. Но если догматические эпохи имеют свои крайности, то критические эпохи также имеют свои. Давным-давно было сказано, что "те, кто слишком поспешно гонится за правдой, стреляют дальше нее". Люди, желающие обновить историю, подобны тем, кто хочет обновить города. Последние начинают с того, что сносят несколько уродливых домов, которые уродуют окрестности и затрудняют движение транспорта; но в конце концов они прибирают к рукам прочные и полезные здания, о разрушении которых сожалеют все. Мудрые люди в критическом возрасте будут руководствоваться умеренностью и справедливостью. В последние дни этого часто не хватало. Существует критика, называемая немцами *гиперкритицизмом*, которая отрицает не только то, что является ложным, но даже то, что является правдой. Священное Писание было особым объектом его нападков. Это отрицало подлинность писаний святого Иоанна, святого Павла, Исайи и других священных писателей, а также истинность многих фактов, которые они фиксируют. Если священные книги не были обойдены этой критикой, то писания чисто человеческие, исторические факты не остались без внимания. Подобные случаи имели место в Германии и других странах.

Несколько фактов, относящихся к истории Реформации Франции и Французской Швейцарии, были недавно поставлены под сомнение как в обзорах, так и в брошюрах. Автор счел своим

долгом доказать историческую реальность своих утверждений не только в Предисловии к французскому изданию этого тома, но и в февральском номере *Revue Chrétienne* (1869), опубликованном в Париже М. Мейруэ. Он не считал необходимым приводить эти подробности в английском издании, поскольку заявления, послужившие их основанием, неизвестны в Англии. Будет достаточно указать на основные положения, которые были отвергнуты со слишком большой поспешностью и правильность которых автор доказал самыми убедительными доказательствами.

Первый факт относится к Этапскому фестивалю. Автор заявил в своей Истории, что этот богослов, автор замечательного перевода Священного Писания на французский язык, проповедовал великую доктрину Реформации — оправдание верой через благодать — еще в 1512 году, то есть за четыре или пять лет до Лютера. Поскольку это оспаривалось, автор доказал это существованием *Комментария Ле Февра к Посланиям Святого Павла*, опубликованного в 1512 году, в котором эта доктрина изложена отчетливо и который хранится в Имперской библиотеке в Париже. Он добавил другие доказательства, почерпнутые из трудов Фареля и Безы, а также из работ ученого критика Ричарда Саймона, Бейла и др.

Второй факт касается Уильяма Фареля. Автор сказал в своей Истории, что этот реформатор, самый ревностный евангелист того периода, усвоил евангельские доктрины в Париже из уроков своего учителя, Левра Этапльского, и что он был обращен между 1512 и 1514 годами - до начала собственно так называемой Реформации. Поскольку этот тезис был опровергнут, автор доказал это положительными заявлениями Ле Февра и Фареля. Последний многозначительно говорит: "Это произошло во времена Людовика Двенадцатого". Ныне Людовик XII. умер в 1515 году.

Третий факт относится к Томасу аб Хофену, другу Цвингле и наместнику из Берна в Женеву в 1527 году. Автор написал в своей Истории, что этот мирянин был, собственно говоря, первым, кто трудился над распространением Евангелия в Женеве. Поскольку это утверждение было оспорено, автор доказал это немецкими и латинскими письмами Цвингле и самого Аб Хофена.

Четвертый факт касается Роберта Оливетана, двоюродного брата Кальвина и автора первого перевода Библии на французский. Были высказаны сомнения в том, был ли он наставником в семье женевского советника в 1532 году и "проповедовал ли он евангелие" в то время в Женеве. Автор доказал свое утверждение положительным свидетельством реформатора Фромана в его *Актах и поступках Женевы*, а также выдержками из официальных отчетов Женевского собора. Он продемонстрировал, что Оливетан предшествовал в Женеве проповеднику Евангелия не только Кальвину, но и Фарелю и Фроманту.

Наконец, пятый факт относится к Кальвину. Женевский писатель несколько лет назад отрицал, что Кальвин, возвращаясь из Италии, проезжал через Аосту, где, однако, существует памятник, установленный в память о его бегстве. Автор надеется, что он доказал, что всеобщее мнение, благодаря которому Реформатор проезжает через этот город, вполне обосновано и что противоположное мнение не имеет веса.

Этот последний момент обсуждается в Предисловии к французскому изданию этого тома; четыре других подробно рассматриваются в статье, озаглавленной "*Критика единой критики*", опубликованной в "*Кретьен Ревю*" в Париже.

Есть люди, которые, когда они встречаются с фактами истории, которые ранее не обсуждались в археологических диссертациях, или с обстоятельствами, которые до сих пор были неизвестны,

немедленно воображают, что такие факты не имеют под собой оснований. Это любопытное отклонение от нормы. Если историк пишет — не по источникам из вторых рук, а по оригинальным материалам, — вполне естественно, что он наталкивается на вещи, которые раньше не были замечены. Это случилось с автором *Истории Реформации*. Подлинная история, без сомнения, обладает колоритом и жизнью; но она описывает только те события, которые основаны на прочной основе истины.

В наши дни есть писатели, которые развивают свои археологические пристрастия еще дальше и хотели бы заменить историю хрониками, дав нам тело без души. Но авторы с выдающимися заслугами протестовали против такой ошибки.

Выдающийся критик месье Сент—Бев говорит: "Есть один вид истории, основанный на документальных свидетельствах, государственных бумагах, дипломатических сделках и переписке послов; и есть другой вид с совершенно иным аспектом - моральная история, написанная действующими лицами и очевидцами".

Выдающийся человек (граф д'Оссонвилль), который своим последним трудом, *"Взгляд Романа и высшая империя"*, занял почетное положение среди историков, подтверждает это суждение. "Господин Сент-Бев прав, - говорит он, - последний вид истории является лучшим, под которым я подразумеваю наиболее поучительную, наиболее прибыльную, единственную, которая помогает раскрыть глаза, расширить понимание, бороться с прискорбной доверчивостью и избегать неприятных мистификаций. Что нас интересует, так это узнавать людей, "приподнимая завесу, которая их скрывает", по счастливому выражению Сен-Симона.

Другой знаменитый писатель сказал: "Настоящая история появляется только тогда, когда историк начинает различать через пропасть времени живого и действующего человека — человека, обуреваемого страстями, человека привычек, — с голосом и физиономией, с жестами и одеждой, отчетливыми и завершенными, как у того, с кем мы только что расстались на улице. Язык, законодательство, катехизисы - это абстрактные вещи; целостная вещь - это действующий человек, видимый телесный человек, который ходит, борется, трудится, ненавидит и любит.

"Почему историю не изучают более внимательно? В нем люди нашли бы человеческую жизнь, домашнюю жизнь с ее разнообразными и драматическими сценами; человеческое сердце с его как самыми яростными, так и самыми нежными страстями, и, более того, суверенное очарование — очарование реальности".

Наконец, мы читаем в исследованиях М. Дауну, одного из самых признанных мастеров исторической композиции, что "история, которая по своей природе *живописна и драматична*, в наше время стала *скучной и холодной*, и больше не представляет тех живых образов людей и вещей, которые любил рисовать древний гений".

История освободилась от ограничений, наложенных на нее Средневековьем, не позволявшим ей говорить естественно и с жизнью, как говорят мужчины; и, возможно, уроки прославленного академика и пэра Франции, которого мы только что процитировали, могли способствовать этой перемене. Но в течение некоторого времени наблюдатели задавались вопросом, нет ли оснований опасаться возвращения Средневековья; не пытаются ли люди снова заткнуть рот истории. Иногда можно было бы сказать, что археологи придерживаются мнения, что история

может быть подавлена как предмет роскоши, бесполезное украшение и заменена документами, дипломами и выписками из реестров, составленных вместе.

Справедливо ли, что историк должен иметь антикваров, кричащих против него со всех сторон, потому что, оставаясь верным документам, он черпает из них что-то живое или светлое? Справедливо ли, что когда персонаж чувствует, двигается и говорит, радуется или горюет, Ареопаг должен объявить его вымышленным существом, которое никогда не могло существовать, и чистым продуктом воображения? Вы верите, что наши предки были такими же людьми, как и мы, с сердцами, бьющимися от страсти и горя.— Ни в коем случае; это были ледяные тени, подобные тем, что бродили по берегам Стикса. До сих пор люди говорили: это существо чувствует и движется, следовательно, оно живет; но, согласно новой школе, жизнь — это сказка. Нет ничего подлинного, кроме того, что утомительно. Человек и история не воспринимаются как настоящие живые существа, если только они не бесцветны, суровы и холодны.

Подобных примеров у нас было много. Однажды мы подверглись такому упреку: нам сказали, что ваше воображение изобретает функции, которые придают предмету живость, но о которых вы ничего не могли знать. Был процитирован следующий отрывок: "Когда реформатора Фрита, — писал критик, — в качестве заключенного пешком доставили в епископальный суд Кройдона, вы говорите, что "у него был спокойный и жизнерадостный вид, а остальная часть путешествия прошла в благочестивой и приятной беседе". Откуда вы могли это знать? — продолжал возражающий. "Были ли вы в числе тех, кто видел его лицо?" Мы немедленно сняли восьмой том *"Деяний и памятников"* Фокса, приложение к которому содержит отчет о путешествии Фрита, написанный очевидцем. Мы открыли книгу и нашли эти слова: "И вот с веселым выражением лица он пошел с ними, проводя время в приятном и благочестивом общении". То, в изобретении чего нас обвинили, было почти буквальная расшифровка документа более чем трехсотлетней давности.

Если бы историю заменили археологией, мы не думаем, что публика была бы чрезмерно довольна авторами преобразования. Исследования палеографов касаются не здания, а материалов, подготовленных для его возведения. История выше археологии, как дом выше своего фундамента. Здание, возведенное архитектором, является завершением. В нем люди находят приятное жилище, защищенное от суровых времен года. Но вести раскопки, выкапывать обломки скалы из недр земли — это хорошо; когда вы строите, полезно иметь камни, и притом хорошие камни. Историк, придающий мало значения археологии, выдает поверхностный склад ума; археолог, придающий мало значения истории, выдает ум, развитие которого еще не завершено. Но нам не нужно бояться этого движения; у него нет шансов на успех. Настоящая история никогда не исчезнет.

Мы включаем этот протест в настоящий том не из—за чего-либо, что может касаться нас лично; но поскольку эта история была благосклонно принята, мы чувствуем себя обязанными доказать, что мы всегда следовали самым уважаемым авторитетам и, хотя подвержены ошибкам, добросовестно старались изложить правдивое повествование — правдивое по фактам и по духу, которым оно вдохновлено.

Когда прекратятся споры и состязания? К счастью, в мире есть нечто такое, чего людские нападки не могут ни сокрушить, ни даже поколебать, и чего достаточно, чтобы дать душе покой. Святые слова, написанные пророками Божиими, будут существовать вечно, потому что в них

заключен Свет Жизни, и потому что из века в век многие сердца, жаждущие высших благословений, находили и все еще находят в них вечную жизнь. Они радуют нас не только своим божественным происхождением, но и потому, что полностью удовлетворяют все потребности нашего существования. Мы говорим этой небесной и живой истине, которую открывают нам божественные слова: Я был наг, и ты одел меня. Я хотел пить, и ты напоил меня. Я был голоден, и ты дал мне мяса. Как получается, что так много людей, погибающих от жажды, не приходят к этим водам? Выдающиеся писатели языческой древности, такие как Цельс, Порфирий и Юлиан, нападали на христианство в ранние века, используя те же праздные возражения, которые все еще используются в наши дни. Они не знали, что в нем заключена непреходящая сила. В течение полутора тысяч лет он выдерживал все атаки, а после нашей славной Реформации получил новый импульс. Народы, которые покрывают своими кораблями самые отдаленные моря, повсюду рассеяли семя Божье. Их шаги достигли краев света, и притаившиеся народы восстают при их приближении. Возможно, неверие никогда не было так распространено в Европе среди низших слоев общества; но в то же время верующих никогда не было так много во всем мире. *Это великое множество, которое ни один человек не может сосчитать.*

И даже если бы неверие и атеизм возрастали все больше и больше, это не привело бы нас к тому, чтобы оставить Тебя, ты, Спаситель мира! Если земная мудрость дает своим приверженцам свет, который опалает и опустошает душу, то Ты даешь свет, который возвышает, оживляет и восхищает. Посреди борьбы Ты вселяешь мир в наши сердца. В глубинах скорби Ты даешь мощное и живое утешение. При приближении той смерти, которая является ужасом людей, Ты наполняешь наши души твердой и живой надеждой достичь крестным путем Твоим жизни с Тобою в славном и невидимом мире. К кому нам идти, о Христос? У Тебя есть слова вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живого.

Женева: март 1869 г..

[1] *The Guardian* за 20 мая 1868 года.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОГО ТОМА.

КНИГА VIII.

АНГЛИЯ ПОРЫВАЕТ С РИМОМ.

ГЛАВА I.

ЗАГОВОР ПРОТИВ РЕФОРМАЦИИ.

(Март и апрель 1534 г.)

Критическое время—Король осудил Рим —Опоздали на два дня—Английские посланники и епископ Парижа—Просчеты английских посланников—Книга Генриха против Папы—Народ и духовенство против Папы—Реакция ультрамонтанства—Девочка—эпилептик—Монахиня из Кента—Сцена в часовне—Оракулы и чудеса—Политическое предприятие—Монахиня перед королем—Число ее сторонников увеличивается—Попытки привлечь сэра Томаса Мора—Заговор—Новые союзники—Монахиня и заговорщики арестованы—Раскаяние о сэре Томасе Море—Осуждение преступников—Смерть Кентской девы

ГЛАВА II.

ГЕНРИХ VIII. ОТДЕЛЯЕТ АНГЛИЮ ОТ ПАПСТВА.

(С Рождества 1533 по июнь 1534 г.)

Судебное разбирательство короля против Екатерины—Монахи и священники отрекаются от Папы—Подготовка Карла V. против Генриха—Генрих готовится оказать ему сопротивление—Два лидера антиримской партии—Оратор Реформации—Король отменяет Власть Папы—Шерифам приказано следить за исполнением Прокламации—Церковь, подразделение государства—Власть в Церковной форме, которую Церковь могла принять—Различные системы

18

ГЛАВА III.

НАЧАЛО ОПАСНОСТИ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ И ДЛЯ ТИНДЕЙЛА

(с 1534 по август 1535 г.)

Тиндейл переводит Ветхий Завет в Антверпене—Его милосердие и рвение—Джой делает вид, что исправляет свою версию—Благородный протест Тиндейла—Анна защищает Друзей Евангелия—Ее Послание в пользу Хармана—Недовольство короля—Заговор против Тиндейла—Расставленные для него ловушки—Хитрость—Попытка подкупа—Обращение к имперскому правительству—Дом Тиндейла окружен—Предатель—Арест Тиндейла—Его заключение в замке Вильворд—Жизнь реформаторов: извинения за реформацию

28

ГЛАВА IV.

КОРОЛЬ-ПОНТИФИК ПРОТИВ РИМСКО-КАТОЛИКОВ И ПАПСТВА.

(1534 и 1535 гг.)

Противодействие некоторых священников—Ментальные ограничения—Монахи—фанатики и робкие монахи—Агитация сэра Томаса Мора—Мор и Фишер отказываются приносить присягу—Их отводят в Тауэр—Картузианцы требуют присяги—Павел III желает вернуть Англию—Генрих отвергает папство—Суровые законы, касающиеся его Первенства—Король, а не глава Церкви

42

ГЛАВА V.

СВЕТ С ОБЕИХ СТОРОН.

(1534 и 1535 гг.)

Откровенность и страдания сэра Томаса Мора—Неразбериха в Англии—Характер Кранмера—Работа Кранмера—Библия должна быть переведена на английский—Радость Кранмера—Провал перевода епископами—Папистские и мятежные проповедники—Король приказывает картузианцам отвергнуть Папу—Картузианцы решают умереть—Угрозы восстания—Несовместимость папства и свободы—Картузианцы осуждены—Казнь трех приоров—Генрих наносит удары со всех сторон

51

ГЛАВА VI.

СМЕРТЬ ЕПИСКОПА ФИШЕРА И СЭРА ТОМАСА МОРА.

(С мая по сентябрь 1535 г.)

Фишер возведен в сан кардинала в Риме; приговорен к смерти в Лондоне—Благочестие его последних минут—Его христианская смерть—Мор предстал перед Судом королевской скамьи—Он приговорен к смертной казни—Доставлен обратно в Тауэр—Встреча с дочерью—Всеобщее волнение—Унижения Мора—Утро 6 июля—Его последние слова—Его смерть—Сенсация, произведенная этими двумя казнями—Последствия для Континента—Фанатичная булла против Генриха VIII.—Генрих оправдывается в Риме—Его оправдания недействительны

64

ГЛАВА VII.

ПОСЕЩЕНИЕ МОНАСТЫРЕЙ: ИХ СКАНДАЛЫ И ПОДАВЛЕНИЕ.

(Сентябрь 1535-1536 гг.)

Состояние монастырей—Прожорливая жизнь—Всеобщее отвращение—Совет Кранмера королю—Дети Тьмы, пойманные в Сети—Приказано о всеобщем посещении—Миряне появляются снова—Комиссары—Университеты—Кранмер в Риме—Начинается посещение—Разложение нравов в монастырях—Безнравственность в аббатстве Лэнгдон—Грабежи, разврат, Мошенничество—Святая бутылка в Хейлсе—Мошенничество в Боксли—Чеканка фальшивых денег—Жестокость—Посетители, осажденные в Нортоне—Женские монастыри—Апологеты и хулители—Многие монахи и монахини освобождены—Отчет комиссаров—Обсуждения в Совете—Влияние отчета на парламент—Триста семьдесят шесть упраздненных монастырей—Настоящие религиозные дома—Латимер и Кранмер—Алчность знати—Плохое использование монастырской собственности—Показания монахов—Принятая мера—Ужас и отчаяние—Новые институты—Национальное процветание—Социальные и политические события—Трансформация общества

78

ГЛАВА VIII.

СОЮЗ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ С ПРОТЕСТАНТАМИ ГЕРМАНИИ.

(1534-1535 гг.)

Генрих VIII. заигрывает с Меланхтоном—Реформатор отвергает их—Лютер и курфюрст склоняются к Генриху—Ошибки нетерпимости—Новое английское посольство в Германию—Союз подписан—Кранмер спасает Марию—Совещание с Екатериной—Твердость, аскетизм и болезнь Екатерины—Приготовления Карла V. против Англии—Воля Екатерины, ее прощание и смерть—Чувства Анны Болейн, узнавшей о ее смерти—Англия и Германия стремятся объединиться—Теологическая дискуссия в Виттемберге—Уступит ли Лютер в чем-либо?—Хозяин и рабы при английском дворе

105

ГЛАВА IX.

ОБВИНЕНИЕ АННЫ БОЛЕЙН.

(с 1535 по май 1536 г.)

Ошибка относительно начала Реформации—Добродетели и добрые дела Анны Болейн—Ее отношения с Кранмером и Латимером—С Тиндейлом и Паркером—Христианский характер Паркера—Характер Анны Болейн—Правда о королеве Анне—Ее враги—Генриха привлекла Джейн Сеймур—Манеры королевы Анны—Ее страдания—Ее мертворожденный сын—Ее печаль и беспокойство—Рвение Анны к Реформации—Недовольство ультрамонтанистов—Возрастающая опасность для Анны—Ее тревога за дочь—Четыре статьи Устава обвинительный акт—Характер Генриха VIII.—Комиссия по расследованию—Арестованы Бреретон и Смитон—Турнир в Гринвиче—Король устраивает сцену—Анна перед Норфолком и Советом—Анна Болейн в Тауэре—Ее благочестие и невинность—Ее горе—Критическое положение Кранмера—Его письмо королю—Ложная политика Кранмера—Суровая слежка за королевой—Спокойствие и волнение в ее сердце—Необычайный восторг

119

ГЛАВА X.

АННА ПРОЩАЕТ СВОИХ ВРАГОВ И ПРЕДАЕТСЯ СМЕРТИ.

Май 1536 г.)

Судья признает невиновность Анны—Ее врагов и ее отречение от Мира—Достоинство ее ответа—Письмо Анны королю—Его влияние на Генриха—Заявление Нортумберленда—Присяжные—Осуждение Норриса—Королева и ее брат перед пэрами—Достоинство Анны—Эффект, произведенный в Городе—Смертный приговор—Прощальное обращение Анны к пэрам—Лорд Рочфорд осужден—Четыре джентльмена обезглавлены—Генрих аннулирует свой брак с Анной—Радость и надежда Папы Римского—Самобичевание Анны—Просит прощения у принцессы Мэри—Энн Причастие—Чудеса священников—Последнее послание Анны Генриху—Приготовления в Тауэр—Грин—Благородное прощение—Эмоции, вызванные этим христианским поступком—Смерть Анны—Память о ней—Королевская охота—Генрих женится на Джейн Сеймур—Последствия смерти Анны для Континента—Какую роль в этом сыграл Рим?

147

ГЛАВА XI.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ Анны; КАТОЛИЧЕСКАЯ И СХОЛАСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ.

(Лето 1536 г.)

Позиция двух партий—Папа желает объединиться с Англией—Два человека в Генрихе VIII.—Поляк решает написать королю—Священники—отцы, короли—сыновья—Генрих правит как турок—Поляку приказано проклясть Генриха—Чувства короля—Мария дорого платит за свое примирение с королем—Ратификация парламента—Приказ об отречении от Папы—Язык мирян и христиан—Созыв духовенства—Реформаторская проповедь Латимера—Необходимость реформации—Вновь появляется элемент мирян—Духовенство осуждает шестьдесят семь *мала догматы*—Обвинение проповедника перед епископами—Две армии лицом к лицу—Шотландец в Собрании—То, что Кранмер считал необходимым—Фокс превозносит Реформацию—Слово Божье—источник Жизни—Алезиус исключен—Необходимость Собрания

171

ГЛАВА XII.

ДВИЖЕНИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОГО КАТОЛИЦИЗМА, НАЧАТОЕ КОРОЛЕМ. РЕАКЦИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ.

(Осень 1536 года.)

Генри играет роль Папы Римского—Догмы новой главы Церкви—Статьи о религии—Крещение, Присутствие, Покаяние, Изображения, Молитвы святым, Церемонии, Чистилище—Разные мнения—Статьи приняты—Меры предосторожности Кранмера для предотвращения беды—Наместник Кромвеля—Библия Ковердейла—Реакция евангелистов—Различные свидетельства—Преследования—Основы веры

191

ГЛАВА XIII.

ВОССТАНИЕ НА СЕВЕРЕ АНГЛИИ С ЦЕЛЬЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАПСТВА И УНИЧТОЖЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ.

(Октябрь 1536 г.)

Волнения в северных графствах—Брожение по всей стране—Восстание в Линкольншире—Двадцать тысяч повстанцев—Угрозы короля—Паломничество Благодати—Проповедь Латимера—Обращение Аске—Дворянство—Граф Нортумберленд—Тревога Генриха—Паника в Лондоне—Жестокость повстанцев—"Ланкастер Геральд" перед вождями повстанцев—Армия повстанцев идет на Лондон—Королевская прокламация—Предложения повстанцев—Они расходятся—Последующие восстания и репрессии

201

ГЛАВА XIV.

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА АНГЛИИ.

(С 1535 по октябрь 1536 г.)

Характеристика Тиндейла—Заключение в Вильворде—Его Труды—Роджерс приходит к нему на помощь—Наследие Тиндейла—Библия вот—вот появится—Свет, сияющий перед людьми—Ходатайство перед королем от имени Тиндейла—Действия Пойнца по его спасению—Пойнц атакован Филипсом—Твердость Тиндейла—Все объединяется против Тиндейла—Его великое преступление—Слова Тиндейла—Тиндейл унижен—Привел к наказанию—Он умирает, молясь за короля—Ходатайство о распространении всей Библии—Король соглашается—Последствия Поступка—Как была воспринята Библия—Внутренняя сила Священного Писания

213

КНИГА IX.

РЕФОРМАЦИЯ ЖЕНЕВЫ СЛУЖЕНИЕМ ФАРЕЛЯ И ПРИБЫТИЕ КАЛЬВИНА В ЭТОТ ГОРОД ПОСЛЕ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ИТАЛИИ.

ГЛАВА I.

ПРОГРЕСС, БОРЬБА И МУЧЕНИКИ РЕФОРМАЦИИ В ЖЕНЕВЕ.

(Январь-июнь 1535 г.)

Является ли Свобода Благословением?—Швейцарцы покидают Женеvu—Новые выборы магистратов, дружественных Реформации—Реформатская партия усиливается—Монах предлагает проповедовать Евангелие—Оппозиция в Сен—Жермене—Совет решает разрешить монаху проповедовать—Бунт в церкви—Пасхальное Причастие—Рыцарь Родоса проповедует Евангелие—Разбойники из Пеня—Жестокое наказание Годе—Постоянство Мученика—Женевцы атакуют Замок—Отступление и мужество

230

ГЛАВА II.

ОТРАВЛЕНИЕ РЕФОРМАТОРОВ.

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ ФРАНЦИСКАНЦЕВ.

(Весна 1535 г.)

Заговор с целью избавиться от Фареля, Вире и Фроменты—Антония, полученная священниками—Ее Опыт—Крадет яд—Готовит отравленный суп—Ее ужас и бегство—Ее поймали и вернули обратно—Сенсация в Женеве—Осуждение преступницы—Ее Видения—Последствия преступления—Необходимы два предоставления избирательных прав—Обращение Жака Бернара, настоятеля францисканцев—Он проповедует на протяжении всего Великого поста—Что провозглашают Церковные Уставы—Жак Бернар просит публичного обсуждения

243

ГЛАВА III.

ПОДГОТОВКА К ПУБЛИЧНОМУ ДИСПУТУ В ЖЕНЕВЕ.

(С апреля по Троицу 1535 г.)

Пять положительных и пять отрицательных предложений—Совет уполномочивает Жака Бернара поддержать их—Публичность, созданная Реформацией—Католицизм отвечает процессией—Только монахини проявляют мужество—Приглашены знаменитые богословы—Кароли приходит без приглашения—Его характер—Его мотивы посещения Женевы—Беседа между Фарелем и Кароли—Фарель осуждает его—Участие магистрата в дискуссии—Уполномоченные, принадлежащие к двум партиям

254

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕБАТЫ ОБ ОСНОВАХ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ВЕРЫ.

(Июнь 1535 г.)

Борьба между главой францисканцев и Главой доминиканцев—Десять предложений, отправленных Фербити—Кароли признает Необходимость Благодати—Кароли приглашает Фербити к диспуту—Кароли резко останавливается на мессе—Он приходит в себя и красноречиво говорит—Вире, Кароли и Фарель—Победа остается за Реформацией

264

ГЛАВА V.

ТОРЖЕСТВО СЛОВА БОЖЬЕГО, КАК ПИСЬМЕННОГО, ТАК И УСТНОГО.

(Июнь-август 1535 г.)

Первая Библия Реформации—Печатник и оттиск —Обращение Оливетана к Церкви—
Обращения после диспута—Задержки Собора—Великая нищета в Женеве—Реформаты
требуют свободной проповеди Евангелия—Фарель проповедует в Магдалине—Запрещено
Собором—Фарель проповедует в различных церквях—Собор Сен—Пьера—Ложное
богослужение и истинное—Проповедь Фареля в церкви Сен-Пьера—Две системы в отношении
государства

271

ГЛАВА VI.

ИЗОБРАЖЕНИЯ И МЕССА ОТМЕНЕНЫ.

(с 8 по 11 августа 1535 г.)

Песнопения священников —Детские игры в соборе —Уничтожение Изображений — Что об этом
следует думать?—Воинство—Разоблачение гугенотов—Негодование женевцев—Марш трех
отрядов против идолов—Махинации в Сен—Жерве—Чудеса Святого Доминика—Выговор
Фарелю—Реформация набирает силу—Скорбь священников—Твердость реформированных—
Фарел перед Великим Собором—Подавление Мессы—Духовенство — это не Церковь—Печаль и
ропот-Иисус Христос заменен Церемониями—Десятое августа 1535 г.

283

ГЛАВА VII.

СВЯЩЕННИКИ, МОНАХИ, МОНАХИНИ И ГЛАВНЫЙ ВИКАРИЙ УХОДЯТ.

(Август -декабрь 1535 г.)

Монахи немые —Священники надменно отказываются говорить —Бегство приверженцев Папы—
Кто оплатит Стоимость войны?—Об отмене мессы объявлено папе римскому—Фарель
проповедует монахиням—Как они воспринимают его проповедь—Обращение монахини—
Желание Клодин и Блезин просветить сестер—Отъезд монахинь—Их путешествие и прибытие в
Анси—Беспорядки и бегство генерального викария—Поношение священников, рвение
некоторых из них—Основание больницы общего профиля—Основание школ—Священники,
призванные защищать свою веру—Римско—католицизму приходит конец—Проповедуется
учение Христа

298

ГЛАВА VIII.

ЭНЕРГИЧНЫЙ ГРАЖДАНИН ПРИЗЫВАЕТ ШВЕЙЦАРИЮ ПОМОЧЬ ЖЕНЕВЕ И РЕФОРМАЦИИ.

(Сентябрь и октябрь 1535 г.)

Подготовка к нападению на Женеву—Надвигающаяся буря—Планы императора—Террор и
убежище—Берн встал на противоположные пути—Благородный ответ женевцев герцогу—
Разногласия между Бодишоном и Майклом Септом—Ла Мезоннев назначен генерал-
капитаном—Опасность возрастает—Клод Савоя поворачивается к Юре—Вильдермут обещает

помощь—Эрард и Героиня Нидау—Невшательцы откликаются на Призыв—Противодействие губернатора—Вспомогательные силы добровольцев—Колебания невшательцев—Борьба и Молитва —Сила уменьшилась наполовину

313

ГЛАВА IX.

ВОЙНА И БИТВА ПРИ ДЖИНДЖИНЕ.

(11 и 12 октября 1535 г.)

Предполагаемый маршрут Вильдермута—Вынужден изменить курс—Добровольцы взбираются на Юру—Суровый и трудоемкий марш—Голод—Аббатство—Озеро Ле—Руссе—Они достигают Сен—Серк—Три проводника—Послание Клоду Савойе—Клод отправляется в Коппет—Швейцарцы спускаются по Юре—Они приближаются к Ньону—Попали в ловушку—Предательство—Битва при Джинджине—Две героические женщины—Убийство священников—Вторая битва и вторая победа—День благодарения на поле боя—Песня бернских солдат—Подготовка к сопротивлению Третьей Атаке

327

ГЛАВА X.

ДИПЛОМАТИЯ, ИЛИ ЗАМОК КОППЕТ.

(12 октября 1535 г.)

Война и дипломатия—Государственные деятели в замке Коппе—Де Луллен, бернцы и Савойя—Конференция—Губернатор играет с послами—Планы Де Луллена—Все начинают с того, чтобы остановить продвижение швейцарцев—То, что губернатор видел по дороге—Послы останавливают швейцарцев—Весть о Победе достигает Женевы—Бодишон уходит с пятью сотнями человек—Ужас перед беглыми савоярами—Предательские переговоры—Бернцы приказывают швейцарцам отступить—Они колеблются, но в конце концов уступают—Бернцы взяты в плен — Подход Бодишона вызывает тревогу у Коппета—Мошенничество дипломатов—Трое женевских делегатов арестованы и отправлены в Шильон—Бодишон позволяет себя обмануть—Швейцарцы обмануты—Возмущение в Женеве—Женевцы захватывают троих заложников—Штурм Сен-Жана

339

ГЛАВА XI.

ДВИЖЕНИЯ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ И ОБОРОНЫ ЖЕНЕВЫ. ВЕРА И ГЕРОИЗМ.

(С начала ноября 1535 г. по конец января 1536 г.)

Женева в блокаде—Битва и молитва—Помощь приходит из Франции—План Франциска I.—Женева разменивает монеты—Берн выступает за Женеву в Аосте—Конференция в городе Аоста—Женевцы отказываются от перемирия—Успех Бодишона в Берне—Поражение французских вспомогательных войск в Юре—Обращение Фареля к Совету—Франциск I. желает стать защитником Женевы—Атака третьего января—Героическая защита Джесси Нотр—Дама-Каково истинное средство?—Война при Кельни

357

ГЛАВА XII.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ.

(Январь-февраль 1536 г.)

Новые планы герцога—Джанджакомо де Медичи — Командует Женевской кампанией— Приказано разрушить город—Берн решает помочь Женеве—Прокламация—Нагуэли назначен главнокомандующим—Его приказы—Халлер благословляет армию—Войска выступают с песнями—Песня бернцев—Нищета в Женеве—Захват женевцами Версуа—Изменения в политике Европы—Комбинации принцев—Франциск I. решает напасть на Савойю—Епископ Лозанны выступает против швейцарцев—Двое Армии встречаются в Морже—Сердце Медичи подводит его—Он сажает свою армию и сбегает—Всеобщий распад—Сила моральной силы—Лорды Страны слишком напуганы, чтобы взяться за оружие—Щадите Людей, разрушайте Замки—Франциск и Маргарита Гингенские—Генеральный викарий Де Гинген, спрятанный в Дивонне—Нагуэли делит свою Армию на три корпуса—Вступление швейцарцев в Женеву—Бернская боевая песня—Женевцы воздают Богу славу

369

ГЛАВА XIII.

РАЗРУШЕНИЕ ЗАМКОВ—РАДОСТЬ В ЖЕНЕВЕ—ОСВОБОЖДЕНИЕ БОНИВАРА.

(С февраля по конец марта 1536 г.)

Интервью между Берном и Женевой—Сожжение замков—Огненный круг—Разрушение Пеней—Дух мира в Женеве—Выборы Синдиков—Наступление армии—Солдаты обдумывают—Французы в Савойе—Захват владений герцога—Последние годы его жизни—Женева восстает, когда герцог отказывается—Претензии бернцев: стойкость женевцев—Завоевание Во—Бонивар в Шильоне—Женева и Берн решают освободить его—Атака на замок—Гарнизон убегает—Освобождение Бонивара—Алтарь о Евангелии и Свободе

390

ГЛАВА XIV.

ЖИТЕЛИ ЖЕНЕВЫ ЖЕЛАЮТ ЖИТЬ ПО ЕВАНГЕЛИЮ.

(Март-июнь 1536 г.)

Город и страна евангелизированы—Совет в качестве епископа—Государство и Церковь—Трудности—Религия соседей—Месяц, предоставленный священникам—Фербиты освобождены—Мораль в Женеве—Причина оппозиции министрам—Фарел призывает к публичному исповеданию веры—Источник свободы Женевы—Опасность обращения ко всему населению—Митинг двадцать первого мая—Вопрос, поставленный перед народом—Оплот против Папы—Мемориальная надпись—Возвращение женевских беженцев—Веротерпимость—Преображение—Пасха—Нехватка хороших Проповедников — Где Избранный Муж Божий?

403

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН В ФЕРРАРЕ.

(Зима и весна.)

Феррарский двор — Прибытие двух французов — Их радостный прием принцессой Рене — Литераторы в Ферраре — Долгие беседы между Рене и Кальвином — Новый директор "Принцев" — Последние письма Кальвина — Графиня Мареннская — Встречи в Придворной часовне — Слушатели Кальвина — Анна де Борега — Ее ранняя смерть — Эпитафия Маро — Субиз — Его рвение — Бевилаква и Тициан — Слово, заглушенное миром — Франсуа Капеллан — Беседы с Кальвином — Кальвин одалживает ему копию "Институтов" — Месса — "Елена" Церкви — Волнение капеллана — Письмо Кальвина герцогине о капеллане — Кальвин оправдывает Германию — Кальвин пишет Дюшену — Как избежать загрязнения Вавилона — Руссель стал епископом — Письмо Кальвина к нему — Его энергичный призыв — Урок, который следует извлечь из этих писем — Влияние Кальвина в Италии — Его опасность

420

ГЛАВА XVI.

БЕГСТВО КАЛЬВИНА.

(Весна 1536 г.)

Инквизиция встревожена — Французам приказано покинуть Феррару — Линия Маро королеве Наваррской — Кальвин арестован — Поспешил в Болонью — Остановлен и спасен по дороге — Его бегство — Кастельветро — Традиции Карильяно и Салуццо — Город Аоста — Начало Евангелия — Яростное сопротивление — Рвение епископа Гаццини и Защитника францисканцев — Ассамблея Штатов — Был ли Кальвин в то время в Аосте? — Дважды проезжает через Аосту — Ферма Кальвина — Мост и окно Кальвина — Памятник в Аосте — Кальвин возвращается во Францию — Визит в Нойон — Готовится вернуться в Базель — Его цель и желание

442

ГЛАВА XVII.

ПРИБЫТИЕ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(Лето 1536 г.)

Путешественник прибывает в Женеву — Встреча с Дю Тийе — Интервью с Фарелем — Фарель приглашает его поселиться в Женеве — Возражения Кальвина — Его робость — Пылкость Фареля — Проклятие — Удар Грома — Кальвин уступает Зову Божьему — Его путешествие в Базель — Его проповеди в церкви Сен — Пьер — Его место в Церкви — Неверный шаг — Пятно на рясе — Как это можно извинить — Правило совести — Честь Бога дороже жизни — Объединение религиозной и политической свободы — Скрытые ошибки — Формирование жизненного и объединенная Церковь — Орден Собора — Центр и Глава

456

ИСТОРИЯ

О

РЕФОРМАЦИИ В ЕВРОПЕ

ВО ВРЕМЕНА КАЛЬВИНА.

КНИГА VIII. АНГЛИЯ ПОРЫВАЕТ С РИМОМ.

ГЛАВА I. ЗАГОВОР ПРОТИВ РЕФОРМАЦИИ. (Март и апрель 1534 г.)

Парламент 1534 года значительно продвинул дело Реформации. Голоса самых просвещенных людей Англии были услышаны на нем с еще большей силой, чем в 1529 году; и соответственно историк, [2] Ссылаясь на собрание 1534 года, говорит о нем как о "том великом заседании". Эти просвещенные люди, однако, составляли лишь незначительное меньшинство, и среди них было много таких, которые из-за стремления к независимости никогда не голосовали на стороне свободы, кроме как с разрешения короля. Эпоха была критической для нации. Она могла с такой же легкостью вернуться к папе римскому, как и продвинуться к Евангелию. Колеблясь между средневековьем и новым временем, она должна была выбрать жизнь или смерть. Приложит ли она энергичные усилия и достигнет этих бодрящих высот, подобно путешественникам, взбирающимся по скалистым склонам Альп? Англия казалась слишком слабой для столь смелого полета. Масса людей, казалось, была прикована изношенными временем предрассудками к ошибкам и практике Рима. У короля, без сомнения, были политические взгляды, возвышавшие его над своим возрастом; но, раб своих страстей и послушный последователь схоластики, он ненавидел настоящую Реформацию и настоящую свободу. Духовенство было суеверным, эгоистичным и легковозбудимым; а советники короны не знали иного правила, кроме воли своего господина. Следовательно, ни одной из этих сил нельзя было добиться преобразования. Безопасность Англии исходила от этой суверенной руки, от этой таинственной силы, которая уже будоражила западный мир. Нация начала ощущать ее энергетический импульс. Станный бриз, казалось, наполнял паруса и гнал барк "Стейт" к гавани, несмотря на многочисленные мели, которые лежали вокруг него.

Мысль, которая в то время в основном занимала умы самых умных людей Англии — таких, как Кранмер, Кромвель и их друзья, — заключалась в необходимости свержения папской власти. Они верили, что необходимо вырвать с корнем чужеродный и вредный сорняк, распространившийся по почве Британии, и вырвать его так тщательно, чтобы он никогда не смог вырасти снова. Парламент объявил, что все полномочия, осуществляемые римским епископом в Англии, должны быть прекращены и переданы короне; и что никто, даже король, не должен обращаться к Риму за каким-либо разрешением вообще. Каждое воскресенье прелат проповедовал на Кресте Святого Павла о том, что папа не является главой Церкви. С другой стороны, понтифик, рассчитывавший на обещанные объяснения Генриха и удовлетворительные предложения, видя, что гонец, которого он ожидал из Лондона, не прибыл, торжественно осудил этого принца 23 марта 1534 года. [3] Но тут же, пораженный собственной смелостью, Климент с болью спросил себя, как он может исправить эту ошибку и умиротворить короля. Он понял, что это невозможно, и с горечью в сердце воскликнул: "Увы! Англия потеряна для нас!"

=КОРОЛЬ, ОСУЖДЕННЫЙ В РИМЕ.=

Через два дня после знаменитой консистории, на которой был вынесен приговор Генриху, английский курьер прибыл в Рим, все еще пребывая в состоянии волнения и тревоги, и направился прямо в папский дворец. "Чем он занимается?" - спрашивали люди. "и что может

придать ему такую смелость? Англичанин доводил до сведения министров Ватикана долгожданный акт, которым король Англии заявлял о своей готовности заключить соглашение с папой римским при условии исключения кардиналов императорской фракции. [4] В то же время посольный объявил, что сэр Эдвард Карн и Риветт, два посланника Генриха VIII, скоро придут, чтобы завершить дело. [5] Кардинал Фарнезе, вскоре сменивший Климента под титулом Павла III, и более умеренные прелаты священной коллегии немедленно явились к папе и умоляли его без промедления созвать консисторию. Это было именно то, чего желал Климент; но империалисты, более разъяренные, чем когда-либо, настаивали на подтверждении приговора, осуждающего Генриха, и не жалели средств для обеспечения успеха. Монахи ходили повсюду, повторяя определенные истории, которые присылали им их английские братья и которые они, кроме того, преувеличивали. Они утверждали, что английский народ вот-вот поднимется всем скопом против короля и бросится к ногам святого отца. Папа утвердил приговор, и консистория, сделав еще один шаг, приказала императору привести его в исполнение.

Было сказано, что двухдневная задержка стала причиной реформации в Англии. Это ошибка. Реформация исходила от Священного Писания, от Бога, от Его могущественной милости, а не от правителей, их страстей или промедлений. Даже если бы папский суд наконец дал Генриху развод, о котором он просил, этот принц, вероятно, не отказался бы от прав, которые он приобрел и которые сделали его единственным и истинным монархом Англии. Если бы он это сделал, сомнительно, был ли бы он достаточно силен, чтобы остановить Реформацию. Люди пришли в движение. Среди них вновь проявилась христианская истина: ни папские волнения, ни уступки не могли остановить быстрое течение, несущее их к чистым и живым водам Евангелия.

=СМЯТЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВ.=

Однако сэр Эдвард Карн и Уильям Риветт, посланники Генриха, прибыли в Италию, полные надежд, и обязались (как они написали королю) примирить Англию и папство "в соответствии с целями его Высочества". [6] По прибытии в Болонью они узнали, что епископ Парижа, которому было поручено поддержать их, находится в этом городе, они поспешили к нему, чтобы узнать точное положение дел. Епископ был одним из тех просвещенных католиков, которые верили, что крайняя ультрамонтанская партия подвергает папство большой опасности, и которые предотвратили бы раскол в Церкви, доставив некоторое удовлетворение Германии и Англии. Отсюда послы Генриха VIII. Нашли прелата удрученным и смущенным. "Все кончено", - сказал он им. "Папа вынес приговор его Величеству". Карн и Риветт были как громом поражены; ноша была слишком тяжела для них. [7] "Все наши надежды рухнули в одно мгновение", - сказали они. Дю Белле заверил их, что он приложил все усилия, чтобы предотвратить столь опрометчивый поступок со стороны папы римского. [8] "Но империалисты, - сказал он, - перевернули небо и землю и вынудили Климента VII. вынести приговор, противоречащий его собственным убеждениям". Посол Франциска I. добавил, что все еще есть один проблеск надежды. "Рейнсе, секретарь французского посольства в Риме, с клятвой пожелал себе смерти, - [9] довольно грубо сказал Дю Белле, - если наш святой отец не залатает все, что было повреждено". Англичане пожелали немедленно обратиться к папе, чтобы помешать приведению приговора в исполнение. "Не делайте ничего подобного", - сказал французский епископ. "Не ездите в Рим ни под каким предлогом". [10]

Возможно, Дю Белле хотел сначала узнать, что думает по этому поводу его хозяин. Карн, не зная, что делать, отправил гонца к Генриху VIII. просить указаний; а затем, десять дней спустя, желая что-то предпринять, он обратился от плохо информированного римского епископа к епископу Рима, более информированному. [11]

=НАРОД И ДУХОВЕНСТВО ПРОТИВ РИМА.=

Когда король Англии получил послание своего посла, он едва мог сдержать свой гнев. В тот самый момент, когда он пошел на уступку, которая казалась ему верхом снисхождения, Рим отнесся к нему с презрением и принес его в жертву Карлу V. Даже нация пришла в возбуждение. Говорили, что папа поручает иностранному принцу исполнять его указы; солдаты, недавно набранные в Германии и переполненные оскорблениями и угрозами, готовятся высадиться в Великобритании! [12] Национальная гордость встала на сторону короля. Генрих больше не колебался; его оскорбленная честь требовала возмещения: только полный разрыв мог удовлетворить ее. Он написал трактат, озаглавленный "О власти христианских королей над своими Церквями, против тирании и ужасного нечестия папы". [13] Эта книга против папы и совсем другая, которую он ранее написал против Лютера, - это две претензии этого принца на богословскую известность. Руководствуясь исключительно собственными интересами, он переходил то на одну, то на другую сторону. Многие писатели поддерживали его. "Папа римский, - сказал доктор Сэмсонс, настоятель Королевской часовни, - имеет в Англии не больше власти, чем архиепископ Кентерберийский в Риме. Папа проник в королевство только по молчаливому согласию, но теперь мы намерены изгнать его по прямому согласию". [14] Две палаты парламента почти единогласно придерживались этого мнения. Тайный совет предложил обратиться к лорд-мэру с просьбой проследить за тем, чтобы антиримские доктрины преподавались в каждом доме Лондона. Наконец, народ на свой манер демонстрировал свою оппозицию, предаваясь играм и маскарадам, на которых в одно время был представлен кардинал, в другое - папа римский. Назвать человека "папистом" или "священником папы римского" было одним из величайших оскорблений. [15] Даже духовенство выступило против Рима. 31 марта нижняя палата конгресса обсудила, обладает ли римский понтифик в Англии, согласно Священному Писанию, более высокой юрисдикцией, чем любой другой иностранный епископ. [16] Тридцать три проголосовали "против", только четверо "за". Король немедленно направил тот же вопрос всем церковным корпорациям королевства. Друзья Евангелия были преисполнены радости. Папа совершил большую ошибку, когда, подражая стилю древнего Рима, он метнул молнии в Ватикан, как Юпитер в древние времена метал громы в Капитолий. Великая революция, казалось, совершалась сама собой, не встречая сопротивления на этом острове, так долго находившемся в рабстве у римских понтификов. Как раз в это время извне опасаться было нечего: Карл V был завален делами; король Шотландии был в лучших отношениях со своим английским дядей, а Франциск I готовился к дружеской беседе с Генрихом VIII. [17] И все же опасность никогда не была большей; но мина была обнаружена в марте 1534 года, прежде чем к ней можно было поднести спичку.

В течение некоторого времени в монастырях тайно организовывался опасный политический и клерикальный заговор. Без сомнения, то тут, то там в монастырях можно было встретить образованных, благочестивых и верноподданных монахов; но большинство из них были невежественны и фанатичны и ужасно встревожены опасностями, угрожавшими их ордену. Их высокомерие, грубость и развязные манеры раздражали наиболее просвещенную часть нации; их богатство, дары и роскошь вызывали зависть знати. В эту памятную эпоху происходили

религиозные и социальные преобразования, и монахи предвидели, что они станут первыми жертвами революции. Соответственно, они были полны решимости сражаться до последнего, *за ариса и его очаги*, за свои алтари и дома. Но кто должен был сделать первый шаг в этом опасном предприятии — кто подаст сигнал?

Как и во времена Орлеанской девы, именно молодая женщина схватила трубу и протрубила в атаку. Но если первая была героиней, то вторая была экстатичкой — нет, фанатичкой.

=ЧУДЕСА ЭЛИЗАБЕТ БАРТОН.=

В деревне Олдингтон в графстве Кент жила молодая женщина необычной наружности. Несмотря на возраст, который обычно отличается свежим и чистым цветом лица, ее лицо было землистым, а глаза изможденными. Внезапно ее охватывала дрожь во всем теле; она теряла способность управлять своими конечностями и соображать, произносила странные и бессвязные фразы и, наконец, окоченевшая и безжизненная падала на землю. Более того, она была образцовой в своем поведении. Люди объявили ее состояние чудесным, и Мастер, настоятель прихода, хитрый и хваткий священник, заметив эти эпилептические припадки, решил воспользоваться ими, чтобы нажить деньги и репутацию. Он предположил бедной страдалице, что необычные слова, которые она произнесла, исходили от вдохновения Небес, и заявил, что она была бы виновна, если бы держала в секрете это чудесное дело Божье. Кентерберийский монах по имени Бокинг присоединился к священнику с намерением обратить болезнь девочки в пользу римской партии. Они объяснили Элизабет Бартон - так звали девушку из Кента, — что дело религии в Англии находится в большой опасности; что монахов и священников намеревались изгнать; но что Бог, чья рука защищает Свою Церковь самыми скромными средствами, поднял ее в эти неблагоприятные дни, чтобы поддержать святой ковчег, который король, министры и парламент хотели сбросить. Такие слова понравились девушке: по вере священников, она расценивала свои приступы как божественный восторг; ею овладело чувство гордости; она приняла отведенную ей роль. Внезапно ее воображение разыгралось, и она объявила, что общалась со святыми и ангелами, даже с самим сатаной. Было ли это чистым обманом или энтузиазмом? Возможно, в ней было немного и того, и другого, но в ее глазах цель оправдывала средства. Говоря, она использовала странные обороты, непонятные фигуры, поэтический язык и облекала свои видения в грубые рифмы, которые вызывали улыбку у образованных людей, но помогали распространять ее предсказания среди людей. Вскоре она бессовестно поставила себя выше правды, и, вдохновленная лихорадочной энергией, не побоялась подстрекнуть людей к кровопролитию.

Где-то в полях, в одной из частей прихода, стояла убогая старая часовня, которая давно опустела и где все еще сохранился грубый образ Пресвятой Богородицы. Учитель решил сделать его местом прибыльного паломничества. Он предложил эту идею Элизабет Бартон, и вскоре она сказала, что Пресвятая Дева исцелит ее от болезни в этом святом освященном здании. Ее отнесли туда с определенной помпой и благоговейно поставили перед образом. Затем ее постиг кризис. Ее язык вывалился изо рта, глаза, казалось, вылезли из орбит, и слышался хриплый замогильный голос, рассказывающий об ужасах ада; а затем, благодаря странному преображению, сладкий и вкрадчивый голос описывал радости рая. [18] Наконец экстаз закончился, Элизабет пришла в себя, объявила, что совершенно выздоровела, и объявила, что Бог повелел ей стать монахиней и взять Бокинга своим духовником. Пророчество

о кентийской девушке, касавшейся своей собственной болезни, было таким образом подтверждено, и ее репутация возросла.

Сообщники Элизабет Бартон полагали, что новой пророчице требуется более широкая сцена, чем поля Олдингтона, и надеялись, что, обосновавшись в церковной метрополии Англии, она увидит, как число ее последователей увеличится по всему королевству. Сразу после своего исцеления чревовещательница поступила в монастырь Гроба Господня в Кентербери, к которому принадлежал Бокинг. Оказавшись в этом первозданном городе, ее оракулы и чудеса умножились. Иногда посреди ночи дверь ее кельи чудесным образом открывалась: это был призыв от Бога, приглашавший ее в часовню, чтобы побеседовать с Ним. Иногда ангел с небес приносил ей письмо, написанное золотыми буквами. [19] Монахи вели записи об этих чудесах, об этих оракулах; и, выбрав некоторые из них, Учитель передал чудесную коллекцию, эту библию фанатиков, архиепископу Уорхэму. Прелат, который, казалось, верил в вдохновение монахини, представил документ королю, который передал его сэру Томасу Мору и приказал тщательно записать слова кентской девушки и передать ему. В этом Генрих VIII. проявил, вероятно, больше любопытства и недоверия, чем доверчивости.

Елизавета и ее советники были обмануты и думали, что, возможно, вступят в новую фазу, в которой они надеялись пожать плоды своего обмана. Девушка из Олдингтона перешла от чисто религиозной миссии к политической. "К несчастью, - говорит ультрамонтанский писатель, - она покинула небеса ради земли и занялась мирскими делами". [20] Именно к этому стремились ее советники. Все, и особенно брат Бокинг, который намеревался восстановить авторитет папства — даже если бы для их цели было необходимо лишить короля жизни, — начали осуждать в ее присутствии терпимость Генриха к ереси и новый брак, который он желал заключить. Елизавета охотно присоединилась к этой фракционной оппозиции. "Если Генрих женится на Анне Болейн, - сказала она епископу Фишеру, - через семь месяцев в Англии не будет короля". Круг ее влияния сразу же расширился. Римская партия объединилась с ней. Авель, доверенное лицо королевы Екатерины, участвовал в заговоре; дважды Элизабет Бартон предстала перед папскими легатами; Фишер поддержал ее, а сэр Томас Мор, один из самых образованных людей своего времени, хотя поначалу она не произвела на него особого впечатления, впоследствии признал правдивость ее глупых и преступных откровений.

=МОНАХИНЯ ПЕРЕД ГЕНРИ.=

Еще не хватало одного, и это было очень важно в глазах сторонников движения: Елизавета должна предстать перед Генрихом VIII. как Илия предстал перед Ахавом: они ожидали больших результатов от такого собеседования. Наконец они получили разрешение, и кентская девушка подготовилась к нему упражнениями, которые ее чрезмерно возбудили. Когда ее привели в присутствие принца, она сначала была молчалива и неподвижна, но через мгновение ее глаза заблестели и, казалось, вспыхнули огнем; рот ее был растянут в сторону, [21] в то время как с ее дрожащих губ срывалась вереница бессвязных фраз. "Сатана мучает меня за грехи моего народа, - воскликнула она, - но наша благословенная Госпожа избавит меня своей могучей рукой.... О времена! О нравы!... Отвратительные ереси, нечестивые нововведения!... Король Англии, берегись, чтобы не прикоснуться к власти святого Отца.... Искореняй новые доктрины.... Сожгите по всему вашему королевству Новый Завет на вульгарном языке. Генрих, откажись от Анны Болейн и верни себе жену Екатерину.... Если ты пренебрегешь этими вещами, ты не

будешь царем дольше месяца, а в глазах Бога ты не будешь таковым даже в течение часа. Ты умрешь смертью злодея, и Мария, дочь Екатерины, наденет твою корону". [22]

Эта шумная сцена не произвела на короля никакого впечатления. Генрих, хотя и был готов наказать, не стал отвечать на глупости Елизаветы и ограничился пожатием плеч. Но фанатичная молодая женщина не была обескуражена: если король не может быть обращен, нужно разбудить народ. Она повторяла свои угрозы в монастырях, замках и деревнях Кента, где часто совершала экскурсии. Она варьировала их в зависимости от обстоятельств. Король должен пасть, но в один момент она объявила, что это произойдет от рук его подданных, в другой - от священников, а в третий - от суда Божьего. Только один пункт остался неизменным в ее высказываниях: Генрих Тюдор должен погибнуть. Вскоре, подобно пророчице, возвышенной над обычными служителями Бога, она сделала выговор даже самому верховному понтифику. Она сочла его слишком робким и, отчитав его, [23] заявила, что если он не сведет планы Генри на нет, "великий Божий удар, который тогда навис над его головой", неизбежно обрушится на него. [24]

Эта смелость увеличила число ее сторонников. Монахи и священники, рыцари, джентльмены и ученые были увлечены ею. Особенно молодежь и некультурные люди с энтузиазмом восприняли это безумное дело. Были также выдающиеся люди, которые не побоялись стать ее защитниками. Епископ Фишер был покорен: он считал себя уверенным в благочестии молодой женщины. Будучи человеком меланхолического темперамента и склонности к мистике, любителем всего чудесного, он думал, что душа Элизабет вполне могла иметь сверхъестественное общение с Бесконечным Существом. Он сказал в Палате лордов: "Как я мог предвидеть обман со стороны монахини, святость которой засвидетельствовали так много священников?" Римские католики восторжествовали. В Англии восстала пророчица, как Дебора в Израиле.

Однако у одного выдающегося и великодушного католика, сэра Томаса Мора, были некоторые сомнения; и монахи, которые были советниками Елизаветы, пустили в ход все средства, чтобы привлечь его на свою сторону. На Рождество 1532 года отец Рисби, францисканец из Кентербери, прибыл в Челси, чтобы провести там ночь. После ужина он сказал: "Какая святая женщина эта монахиня из Кента! Чудесно видеть все, что Бог делает через нее". — "Я благодарю Бога за это", — холодно ответил Мор. — "Своим посредничеством она спасла душу кардинала", — добавил монах. Дальше разговора дело не пошло. Некоторое время спустя была предпринята новая попытка: отец Рич, францисканец из Ричмонда, пришел и рассказал Мору историю о письме, написанном золотыми буквами и принесенном ангелом. "Что ж, святой отец, — сказал канцлер, — я верю, что монахиня из Кента добродетельная женщина и что Бог совершает через нее великие дела; [25] но истории, подобные той, что вы мне рассказали, не являются частью нашего *Кredo*, и прежде чем повторять их, нужно быть в них полностью уверенным". Однако, поскольку духовенство в целом поддерживало Элизабет, Мор не смог вынести мысли о создании отдельной секты и отправился навестить пророчицу в монастыре Сион. Она рассказала ему глупую историю о дьяволе, превратившемся в птицу. [26] Мор был удовлетворен тем, что дал ей двойной дукат и вверил себя ее молитвам. Канцлер, как и другие благородные умы среди католиков, был готов признать некоторые суеверия; но он предпочел бы, чтобы монахиня оставалась в своей религиозной сфере; он боялся, что она коснется политики. "Не говори о делах принцев", — сказал он ей. "Отношения, которые были у покойного герцога

Бекингема со святым монахом, во многом стали причиной его смерти". Мор был канцлером Англии и, возможно, опасался участия герцога.

= СФОРМИРОВАЛСЯ ЗАГОВОР.=

Элизабет Бартон этот урок не принес пользы. Она снова заявила, что, согласно откровениям от Бога, никто не должен лишать принцессу Марию прав, полученных ею от рождения, и предсказала ее скорое восшествие на престол. Отец Гулд немедленно сообщил эту новость Екатерине. Монахиня и ее советники, которые упрекали папу только за свое рвение к папству, поддерживали связь с нунцием; они считали необходимым, чтобы он присоединился к заговору. Они договорились о том, какой курс следует избрать: в определенное время монахи должны были смешаться с народом и возбудить мятежное движение. [27] Элизабет и ее сообщники созвали тех, кто должен был стать орудием их преступного замысла. "Бог избрал вас, - сказала монахиня этим монахам, - чтобы восстановить власть римского понтифика в Англии". Монахи готовились к этой достойной уважения работе благочестивыми обрядами: они носили вретисце поверх кожи, они обматывали свои тела железными цепями, постились, бодрствовали и совершали долгие молитвы. Они всерьез намеревались нарушить общественный порядок и изгнать Слово Божье.

Жестокий Генрих VIII, впервые в жизни проявивший легкость характера— упорствовал в своем безразличии. Семь месяцев, названных пророчицей, прошли, а кинжал, которым она угрожала ему, так и не коснулся его. Он был в добром здравии, пользовался одобрением парламента, видел, как процветает нация под его руководством, и обладал женой, которую так страстно желал. Казалось, у него все получалось, что приводило фанатиков в замешательство. Чтобы подбодрить их, Елизавета сказала: "Не обманывайтесь. Генрих больше не является настоящим королем, и его подданные уже освобождены от всех обязательств по отношению к нему. Но он подобен королю Иоанну, который, хотя и был отвергнут Богом, все еще оставался королем в глазах мира". [28]

Заговорщики интриговали как никогда: не довольствуясь союзом Екатерины, они завязали связь с Маргаритой Плантагенет, графиней Солсберийской, племянницей Эдуарда IV., а с ее детьми - представителями партии Белой Розы. До сих пор эта леди воздерживалась от политики; но ее сын Реджинальд Пул, объединившись с папой римским и поссорившись с Генрихом VIII, убедил ее передать принцессе Марии, чьим двором она руководила, силы партии, главой которой она была.

=ЗАГОВОРЩИКИ АРЕСТОВАНЫ.=

Заговорщики считали себя уверенными в победе, но в тот самый момент, когда они вообразили, что вот-вот восстановят папство в Англии, весь их план внезапно рухнул. Страна была в опасности: государство должно вмешаться. Кранмер и Кромвель были первыми, кто обнаружил приближающуюся бурю. Кентербери, архиепископский город примаса, был центром преступной деятельности девушки из Кента. Однажды настоятельница храма Гроба Господня получила от Кранмера следующую записку: "Приходи в мой дворец в следующую пятницу; приведи с собой свою монахиню. Не подведи". [29] Обе женщины пришли должным образом; голова Элизабет была так вскружена, что она видела во всем происходящем возможность нового триумфа. На этот раз она была обманута. Прелат допросил ее; она упрямо настаивала на правдивости своих откровений, но не убедила архиепископа, который отвез ее к Кромвелю, а

тот отправил ее в Тауэр вместе с пятью другими монахинями из ее свиты. Сначала Елизавета с гордостью придерживалась своего имиджа пророчицы, но тюремное заключение, пытливые вопросы судей и горе, которое она испытала, увидев, что ее ложь раскрыта, заставили ее наконец сдаться. Несчастное создание, слепое орудие священников, не было лишено должных чувств. Она начала понимать свой проступок и раскаиваться в нем: она призналась во всем. "У меня никогда в жизни не было видения", - заявила она; [30] "все, что я говорила, было плодом моего собственного воображения; я выдумала это, чтобы понравиться окружающим меня людям и привлечь уважение всего мира". Расстройство, из-за которого у нее ослабла голова, имело много общего с ее абберациями. Мастер, Бокинг, Гулд, Диринг и другие, более виновные, чем она, предстали перед Звездной Палатой. Признание Елизаветы сделало их опровержения невозможными, и они признали, что пытались поднять восстание с целью восстановления папства. Они были приговорены публично отречься от своего обмана, и для этой цели было назначено следующее воскресенье в соборе Святого Павла. Епископ Бангора проповедовал; монахиня и ее сообщники, которые были выставлены на помосте перед ним, признались в своих преступлениях перед народом, а затем были отведены обратно в Тауэр. [31]

В деле были замешаны личности гораздо более известные, чем эти. Помимо девочки-эпилептика и нескольких монахов, в обвинительном заключении фигурировали имена Фишера и многих других. Кромвель призвал и епископа, и государственного деятеля обратиться к королю с прошением о помиловании, заверив их, что они его получают. "Добрый мастер Кромвель, - воскликнул сэр Томас Мор, который был очень взволнован и стыдился своей доверчивости, - мое бедное сердце разрывается при мысли, что его Величество считает меня виновным. Признаюсь, я действительно верил, что монахиня была вдохновлена; но я далеко отогнал от себя всякую мысль об измене. В будущем ни монах, ни монахиня не смогут заставить меня изменить моему Богу и моему королю". Кранмер, Кромвель и канцлер одержали верх над Генрихом VIII. вычеркнуть имя Мора из законопроекта. Знаменитый ученый избежал смертной казни, которой ему угрожали. Его дочь, Маргарет Ропер, пришла в порыве радости, чтобы сообщить ему эту новость: "Клянусь, Мэг, - сказал Мор с улыбкой, - *quod differtur non aufertur*, то, что откладывается, не откладывается". [32]

Случай с епископом Рочестерским был более серьезным: он был в тесном общении со всеми этими негодяями, и честный, но гордый и суеверный церковник не признал своей вины. Кромвель, желавший спасти старика, умолял его отказаться от всякой мысли о самозащите; но Фишер упрямо писал в Палату лордов, что он не видел в монахине никакого обмана. Таким образом, имя старого наставника короля было оставлено в билле о присвоении звания. [33]

=ПРЕСТУПНИКИ ОСУЖДЕНЫ.=

Законопроект был внесен в Палату лордов 21 февраля и получил королевское одобрение 21 марта. Заключение собрали в Звездной палате, чтобы выслушать их приговор. У их друзей еще оставалась некоторая надежда; но Булла, которую папа издал против Генриха VIII. 23 марта, поставив под угрозу порядок престолонаследия, затруднила индульгенцию. Король и его министры сочли своим долгом суровым примером предупредить восстание, которое сторонники понтифика разжигали в королевстве. Всем преступникам был вынесен смертный приговор.

В это время несчастная Елизавета увидела, как все зло, причиной которого она стала, встало перед ее глазами: она была опечалена и взволнована, она злилась на саму себя и трепетала при

мысли о временных и вечных наказаниях, которые она заслужила. Смерть должна была положить конец этой драме фанатизма. 20 апреля лжепророчицу вместе с ее сообщниками доставили в Тайберн посреди огромной толпы людей. Взойдя на эшафот, она сказала: "Я причина не только своей собственной смерти, которую я вполне заслужила, но и смерти всех тех, кто будет страдать вместе со мной. Увы! Я был беднягой без образования, [34] но похвалы священников в мой адрес вскружили мне голову, и я подумал, что могу говорить все, что придет мне в голову. Теперь я взываю к Богу и умоляю короля о прощении". Это были ее последние слова. Она пала — она и ее сообщники — под ударом закона.

Это были средства, к которым прибегали ревностные последователи Рима в борьбе с Реформацией в Англии. Такое оружие оборачивается против тех, кто его применяет. Самые слепые приверженцы папской церкви продолжали смотреть на эту женщину как на пророчицу, и ее имя пользовалось большой популярностью во время правления Марии. Но самые просвещенные римские католики сейчас стараются не защищать самозванство. [35] Эпизод с фанатизмом был не лишен пользы: он заставил людей понять, что это были за мнимые видения и ложные чудеса, благодаря которым религиозные ордена приобрели такое большое влияние; и до сих пор способствовал подавлению монастырей, в стенах которых был сострян такой жалкий обман.

[2] Бернет.

[3] Выше, том iv, bk. vi. глава xxi.

[4] Pallavicini, *Concil. Trid.* lib. i. Герберт, стр. 397. Бернет, i. стр. 131. Кольер, ii. стр. 80.

[5] Карн и Реветт — Генри.—*Государственные документы*, vii. стр. 553.

[6] Карн и Реветт Генри.—*Государственные документы*, vii. стр. 553.

[7] "Это было для нас тяжело". Карн и Реветт Генри.—*Государственные документы*, vii. стр. 553.

[8] Дю Белле - королю. Le Grand, *Preuves du divorce*, p. 634.

[9] 'Se donne au diable.'—*Ibid.*

[10] *Государственные документы*, vii. стр. 553.

[11] Карн и Реветт — Генриху VIII. —*Государственные документы*, стр. 555.

[12] Воан - Кромвелю.—*Там же*. vii. с. 511.

[13] 'De potestate christianorum regum in suis Ecclesiis, contra pontificis tyrannidem et horribilem impietatem.'—Strype, *Records*, i. p. 230.

[14] Strype, *Записки*, i. стр. 178.

[15] Raumer, *Briefe*, ii. p. 63.

[16] 'An Romanus pontifex habeat aliquam majorem jurisdictionem.'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 769.

[17] Генрих VIII. Франциску I.—*Государственные документы*, vii. стр. 562.

[18] "Голос, говорящий в ее животе". —Кранмер, *Письма и останки*, стр. 273.

- [19] Кранмер, *Письма и останки*, стр. 65, 274.
- [20] Оден в своей "Истории Генриха VIII".
- [21] "Отведи ее рот к одному уху". —Кранмер, *Письма и останки*, стр. 65.
- [22] Письмо Фишера в Палату лордов.—Коллайерс, vi. стр. 87. Страйп, Сандерс, Холл и др.
- [23] Епископ Бейл, *Сочинения*, стр. 640.
- [24] Кранмер, *Письма и останки*, стр. 273.
- [25] Еще раз о Кромвелле.—Бернет, *Отчеты*, ii. стр. 262.
- [26] "Внезапно превратившись в такую странную уродливую птицу". — Еще к Кромвелю. Бернет, *Отчеты*, ii. стр. 260.
- [27] "Много опасной крамолы, а также государственной измены". —Кранмер архидьякону Хокинсу, *Письма и останки*, стр. 274. Рукопись, хранящаяся в Архиве, содержит различные подробности.
- [28] 'Henricum non amplius esse regem.'—Sanders, p. 74.
- [29] Кранмер, *Письма и останки*, стр. 252.
- [30] Там же. стр. 274.
- [31] Кранмер, *Письма и останки*, стр. 274.
- [32] Жизнь Мора, стр. 230.
- [33] Письмо Кромвеля Фишеру.
- [34] Холл, стр. 814. Бернет, стр. 280 (ред. 1816 г.)
- [35] Римско-католический историк Лингард признает этот обман.

ГЛАВА II.

ГЕНРИХ VIII. ОТДЕЛЯЕТ АНГЛИЮ ОТ ПАПСТВА.

(С Рождества 1533 по июнь 1534 г.)

После казни Кентской девы ее сторонники сплотились вокруг другой женщины, которая представляла римскую систему в ее высших проявлениях, как Элизабет Бартон представляла ее в более вульгарной фазе. Вслед за монахиней пришла королева.

=ТВЕРДОСТЬ КОРОЛЕВЫ ЕКАТЕРИНЫ.=

Екатерина всегда претендовала на почести, причитающиеся английской королеве, и ее приближенные оказывали их ей. "Мы принесли присягу ей как королеве, - сказали они, - и король не может оправдать нашу совесть". Всякий раз, когда лорд Маунтджой, королевский

уполномоченный при дочери Фердинанда и Изабеллы, называл ее "*принцесса*", она надменно поднимала голову и говорила ему: "Ты ответишь за это перед Богом". [36] "Ах!" - воскликнул Маунтджой, обеспокоенный неудобствами своей должности. "Я бы в тысячу раз предпочел служить королю в самом опасном деле!" Мария, также получившая приглашение. на предписание лишить ее титула принцессы последовал ответ: "Я не поверю такому приказу, пока не увижу подпись его Величества". Самые известные приверженцы римского католицизма и даже посол Карла V. Часто наносили королеве визиты. Генриху стало не по себе, и незадолго до Рождества 1533 года он принял меры, чтобы разлучить ее с друзьями. Екатерина противилась всему. Саффолк написал королю: "Я никогда не видел такой упрямой женщины". Но был мужчина, не менее упрямый, и это был Генрих.

Его самые заветные желания не были удовлетворены: у него не было сына. Если бы ему довелось умереть, он оставил бы двух дочерей, Марию и Элизабет; первую поддерживали сторонники старых времен, вторую - сторонники новых. Гражданская война, вероятно, решила бы, кому должна принадлежать корона. Необходимо было предотвратить такое несчастье. Поэтому лорды и палата общин обратились к королю с петицией, несомненно, по его наущению, о том, чтобы его брак с леди Кэтрин был признан недействительным, а ее ребенок незаконнорожденным; чтобы его брак с королевой Анной был признан действительным, и только дети, происходящие от него, имели право наследования. Все классы людей немедленно принесли установленную законом присягу; даже монахи склонили головы. Они сказали: "Обязаны оказать нашему королю Генриху VIII. и ему одному после Иисуса Христа, [37] в верности и поклонении, мы обещаем нерушимое послушание нашему упомянутому господу, а также нашей светлейшей королеве Анне, его жене и их детям; и мы заявляем о вечном уважении к святому и целомудренному браку, который они законно заключили". [38] Это вынужденное свидетельство, принесенное Анне монашескими орденами, является одним из многочисленных памятников деспотизма Генриха VIII. и о моральной слабости монахов.

Но в этой клятве верности король преследовал более важную цель — изгнать папство из Англии. Монахи обязали себя не только признать установленный порядок престолонаследия, но и, кроме того, заменить главенство короля главенством папы. "Мы подтверждаем, - сказали они, - что король Генрих является главой англиканской церкви, что римский епископ, ложно именуемый папой и суверенным понтификом, имеет не больше власти, чем любой другой епископ; и мы обещаем проповедовать Христа просто и открыто в соответствии с правилом Священного Писания и православных и католических докторов". Знака, слова государства было достаточно, чтобы папская армия перешла из лагеря Рима в лагерь короля.

"Знаменитый вопрос", [39] о римской юрисдикции, также был поставлен перед двумя университетами. 2 мая Кембридж объявил, что "все его врачи, тщательно изучив Священное Писание, не обнаружили в нем главенства папы римского". Духовенство провинции Йорк во главе с архиепископом Эдвардом Ли, церковником, полным таланта, активности и тщеславия, сначала стойко сопротивлялось; но в конце концов 2 июня прелат написал королю, что "согласно единодушному мнению его духовенства, папа в соответствии со Священным Писанием имеет в Англии не больше авторитета, чем любой другой иностранный священнослужитель". [40] Генри, не довольствуясь этим, написал королю. прокламации его собора и декларации парламента требовали для его отделения от Рима избирательного права Церкви; и Церковь, вероятно, скорее по слабости, чем по убеждению, предоставила это право. Однако, не считая представителей духовенства, которые, как и примас, не хотели папы, было

много епископов, которые в глубине души не жалели об освобождении от постоянных посягательств римского двора.

=СОПРОТИВЛЕНИЕ ВТОРЖЕНИЮ.=

Слух, пришедший с континента, внезапно встревожил короля среди всех его легких побед; против него восстал враг более грозный, чем эти монахи и епископы. Сообщалось, что император не только набирал солдат во Фландрии, но и отправлял значительное количество из Богемии, Германии, Италии и Испании для вторжения в Англию. [41] Франциск I не мог допустить, чтобы это королевство, столь близкое к его собственному, было занято армиями Карла V. его постоянный враг; поэтому он решил встретиться с Генрихом и с этой целью послал сеньора Де ла Гиша, своего камергера и советника. [42] Генрих ответил, что было бы трудно покинуть Англию как раз в то время, когда папа и император говорили о вторжении в него; тем более что он должен покинуть свою "самую горячо любимую королеву" (Анну Болейн) и свою маленькую дочь, принцессу Елизавету; а также еще одну дочь и ее мать, тетю Карла V. Чьи сторонники составили против него заговор. "Попроси моего доброго брата короля, - сказал Генрих Де ла Гишу, - собрать флот из кораблей, галер и яликов, чтобы предотвратить высадку императора. И в случае, если этот принц вторгнется во Францию или Англию, давайте договоримся, что тот, кто не призван защищать свое собственное королевство, отправится на территории Карла. Однако Генрих согласился дойти до Кале. [43]

Произошло еще одно вторжение, которого, по мнению Генри, следовало опасаться гораздо больше. Этот король — возможно, более великий король, чем принято считать, — утверждал, что ни один принц, будь то Карл или Климент, не имеет права вмешиваться в дела его королевства. Акт от 23 марта, которым папа осудил его, положил конец его долгому терпению: Климент VII. объявил войну ему и Генриху VIII. принял это. Человек, хотя обычно он и раб своих страстей, иногда испытывает порывы, присущие великим личностям. Генрих решил покончить с папой так, как папа покончил с ним. Он объявит себя хозяином на своем собственном острове; он бесстрашно бросит вызов Риму и императорской власти, готовый напасть на него. Вскоре огонь, который поглотил его, казалось, воспламенил его подданных. Политическая партия, во главе которой стояли Саффолк и Гардинер, была готова отказаться от папства, даже сохраняя догмы католицизма. Евангелическая партия хотела пойти дальше и изгнать католические доктрины из Англии. Эти две враждующие части объединили свои силы против общего врага.

Во главе евангелистов, которым в конечном итоге предстояло одержать верх при сыне Генриха VIII, стояли два человека большого ума, которым суждено было стать мощными инструментами в деле предоставления Англии избирательных прав. Кранмер, церковный лидер партии, слишком легко уступил королевскому давлению; но, будучи умеренным богословом, добросовестным христианином, умелым администратором и неутомимым работником, он тщательно изучал Священное Писание, Отцов Церкви и даже схоластов; он принимал к сведению их высказывания и, укрепленный их мнениями, спокойно и настойчиво продолжал дело Реформации. Рядом с ним стоял Кромвель, мирской лидер протестантских настроений. Одаренный в определенных отношениях великодушным характером, он любил приносить пользу тем, кто помогал ему в невзгодах; но, слишком внимательный к своим собственным интересам, он воспользовался Реформацией, чтобы увеличить свое богатство и почести. Уступая Кранмеру по моральным качествам, он обладал более уверенным и широким взглядом, чем примас; он ясно видел цель, к которой должен стремиться, и средства, необходимые для ее

применения, и сочетал большую активность со своими талантами. Эти лидеры получили решительную поддержку. Определенное количество служителей и мирян Церкви желали проведения евангелической реформы в Англии. Латимер, популярный оратор, был трибуном, которому было поручено распространять по нации принципы, к торжеству которых стремились Кранмер и Кромвель. Он проповедовал по всей провинции Кентербери; но если его смелый язык просвещал доброжелательных людей, то священников и монахов это раздражало. Его высокая репутация привела к тому, что его пригласили проповедовать перед королем и королевой. Кранмер, опасаясь его резких высказываний и саркастического тона, умолял его не произносить за кафедрой ничего, что могло бы свидетельствовать о какой-либо горечи по поводу его недавнего позора. "Пусть в вашей проповеди не останется ни малейшей искорки или подозрения в недоброжелательстве. [44] Если вы нападаете Словом Божиим на какой-либо грех или суеверие, делайте это без страсти". Латимер проповедовал, и Анна Болейн была настолько очарована его евангельской простотой, христианским красноречием и апостольским рвением, что сделала его своим капелланом. Латимер занимает свое место рядом с Кранмером среди реформаторов Английской церкви.

=ПАПСКАЯ ВЛАСТЬ УПРАЗДНЕНА.=

Таким образом, евангелические и политические партии договорились поддержать принца, и Генрих решил нанести решающий удар. 9 июня 1534 года, примерно через три месяца после того, как он был осужден в Риме, он подписал в Вестминстере прокламацию "об упразднении узурпированной власти папы римского". [45] король заявил: "Будучи признан следующим после Бога верховным главой Англиканской церкви, он отменил власть римского епископа во всем своем королевстве и повелел всем епископам проповедовать и проповедовал каждое воскресенье и святой день сладкое и искреннее Слово Господа; учить, что юрисдикция Церкви принадлежит ему одному". и вычеркнуть из всех канонов, литургий и других произведений имя римского епископа и его напыщенные титулы, чтобы его имя и память никогда больше не вспоминались в королевстве Англии, кроме как с порицанием. [46] Поступая таким образом, вы возвысите честь Всемогущего Бога, проявите императорское величие вашего суверенного господина и обеспечите народу единство, спокойствие и процветание".

=ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ.=

Будут ли эти приказы выполнены? Если в каком-нибудь университете, монастыре, приходе или даже в каком-нибудь убогом пресвитерии сохранился требник, в котором было написано имя *папы*; если на алтаре какой-нибудь бедной сельской церкви был найден молитвенник с этими четырьмя незастертыми буквами — это было преступление. "Если не выкорчевать все сорняки, - думали королевские советники, - сад скоро будет полностью затоплен". Упрямство духовенства, их хитрости, их благочестивые уловки ни для кого не были тайной. Генрих был убежден, а его советники - еще больше, что епископы не будут возражать; поэтому они решили поручить шерифам следить за тем, чтобы приказы короля строго выполнялись. "Мы приказываем вам, - сказал этот принц, - под страхом нашего великого негодования, отбросить всякое человеческое уважение, поставить славу Божию исключительно перед собой и, рискуя подвергнуть себя величайшим опасностям, начать тщательный поиск и отдать приказ о его проведении. [47] Сообщите себе, в каждой ли части вашего графства епископ исполняет наши повеления без завесы или притворства. И в случае, если вы заметите, что он пренебрегает

какой-то частью, или холодно выполняет наши приказы, или представляет эту меру в плохом свете, мы строго приказываем вам сообщить нам и нашему совету со всей поспешностью.

- Если ты заколеблешься или дрогнешь при выполнении поручения, которое мы тебе даем, будь уверен, что, будучи принцем, любящим справедливость, мы накажем тебя с такой суровостью, что все наши подданные позаботятся о том, чтобы в будущем не нарушать наших приказов.

Все видели, что Генрих говорит серьезно, и сразу же после этого энергичного заявления те, кто отстал, поспешили заявить о своей покорности. Декан и капитул собора Святого Павла выразили свой протест против папы римского 20 июня. 27-го числа Оксфордский университет в акте, в котором они называли короля "мудрейшим Соломоном", единогласно заявил, что признание какого бы то ни было превосходства римского епископа противоречит Слову Божьему. Множество церквей и монастырей скрепили свои печати подобными заявлениями.

[48]

Таково было первое пастырское послание принца, который теперь утверждал, что управляет Церковью. Казалось, он хотел сделать ее простым государственным ведомством. Генрих позволил епископам остаться, но он нанял чиновников полиции и правосудия, чтобы они не обращали внимания на свой епископат; и эта должность была возложена на них в таких выражениях, что они обязательно должны были зорко следить занарушителями. Прежде всего, король хотел жить по-своему в своей семье, в государстве и в Церкви. Последнее было для него как корабль, который он только что захватил: капитана выгнали, но из страха, что он вернется, он выбросил за борт всех, кто, по его мнению, мог его предать. С надменной головой и обнаженным мечом Генрих VIII вступил в новое королевство, которое он завоевал. Он был далек от того, о Ком возвещали пророки: *Вот, царь твой грядет к тебе, кроткий и смиренный.*

=ФОРМУ, КОТОРУЮ ДОЛЖНА ПРИНЯТЬ ЦЕРКОВЬ.=

Поскольку власть в Церкви была отнята у папы, кому она должна была быть передана?

Священное Писание называет христианский народ святой нацией, царственным священством; [49] слова, которые показывают, что после Бога власть принадлежит им. И, действительно, первое действие Церкви, избрание апостола на место Иуды, было совершено братьями, собравшимися в одном месте. [50] Когда возникла необходимость назначить дьяконов, двенадцать апостолов еще раз созвали "множество учеников". [51] А еще позже евангелисты, делегаты от паствы, были выбраны голосом церквей. [52]

Это принцип разума, согласно которому власть в том, что касается корпоративного органа, принадлежит совокупности его членов. Этот принцип разума является также принципом Слова Божьего.

Когда Церковь стала более многочисленной, она была призвана делегировать (по крайней мере частично) власть, которую она больше не могла осуществлять полностью самостоятельно. В апостольский век христиане, призванные сформировать эту делегацию, приняли те формы, с которыми они были знакомы. По образцу совета старейшин, который существовал в еврейских синагогах, и собрания декурионов, которые выполняли муниципальные функции в городах язычников, [53] христианская церковь имела в каждом городе совет, составленный из людей безупречной жизни, бдительных, благоразумных, способных учить, [54] но отличный от тех, кого называли врачами, евангелистами или служителями Слова. [55] Тем не менее христианам

никогда не приходила в голову мысль назначить себе вселенского вождя по образу и подобию императора. Иисуса Христа и его Слова было вполне достаточно. Только много веков спустя этот антихристианский институт появился в истории.

Власть, которая в Англии была отнята у папы, должна была вернуться в соответствии с принципами Священного Писания к членам Церкви; и если бы, следуя примеру первых христиан, они приняли формы, существовавшие в их собственной стране в шестнадцатом веке, они поставили бы во главе Церкви — Христос оставался их единственным королем — одну или две палаты или собрания, уполномоченные обеспечивать церковное управление, поддержание чистой веры и духовное процветание этого обширного органа. Эти собрания состояли бы, как и в первобытные времена, из большинства христиан-мирян, с добавлением священников; и оба были бы избраны верующими, чья вера соответствовала вере Церкви. [56]

Но было ли в то время в Англии достаточное количество просвещенных христиан, чтобы стать членами этих собраний и даже провести выборы, которые должны были их назначить? Сомнительно. Их нельзя было найти даже в Германии. "Мне некого назначить в них, - сказал Лютер, - но если это станет возможным, я не останусь без своего долга". [57] Поскольку эта форма правления была невозможна в Англии, то, по выражению Реформатора, были предложены две другие формы. Если бы был принят первый вариант, власть перешла бы к духовенству; но это означало бы увековечивание доктрин и обрядов папства и безошибочное возвращение к господству Рима. Самое опасное правительство для Церкви - это правительство священников: они обычно лишают ее свободы, спонтанности, евангельской веры и жизни.

Тогда не оставалось другой альтернативы, кроме как доверить высшую власть в Церкви государству; и это то, что обычно делалось в шестнадцатом веке. Но люди с величайшим опытом в этих вопросах согласились с тем, что управление религиозным обществом гражданской властью может быть лишь временным средством, и повсеместно провозгласили великий принцип, "суть которого в том, чтобы всякое общество управлялось само собой". [58] Отрицать эту аксиому было бы совершенно противно не только свободе, но, более того, противно справедливости.

Мы не должны забывать, когда говорим об отношениях между Церковью и государством, что существуют три различные системы: — управление Церковью государством; союз Церкви, управляющей самой собой, с государством; и их полное разделение. Здесь нет никаких оснований говорить об относительной ценности двух последних систем.

[36] "За что мы должны держать ответ перед Богом". — *Государственные документы*, i. стр. 403.

[37] 'Cui uni et soli, post Jesum Christum.' — Rymer, *Acta*, p. 192.

[38] 'Erga castum sanctumque matrimonium.' — *Ibid.*

[39] 'In quæstione illa famosa de Romani pontificis potestate.' — Wilkins, *Concilia*, iii. p. 771.

[40] 'Nemine eorum discrepante.' — Wilkins, *Concilia*, p. 782.

[41] "Но из Богемии, Италии и Алмейны, а также из Испании, чтобы вторгнуться в его владения". — Некоторые статьи. *Государственные документы*, vii. стр. 560.

[42] Предполагалось, что это был герцог Гиз (Фруд, *История Англии*); но преданный папист, такой как Гиз, не был бы вовлечен в переговоры вопреки приказам папы. В *Государственных документах* (vii. стр. 562) и в указателе, приложенном к седьмому тому, написано *Гиш* или *Гиш*.

[43] *Государственные документы*, vii. стр. 559-564.

[44] Латимер: *Останки*, стр. 366.

[45] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 772.

[46] "И его имя и память никогда больше не будут вспоминаться, кроме как с порицанием". — Уилкинс, *Concilia*, стр. 773.

[47] "Усердно ищите и ждите". — прокламация короля. Фокс, *Деяния и памятники*, v. стр. 70. *Ожидание* правильно означает *засаду*.

[48] 'Sigilla de cera rubea'. — Образец и подписи см. в Rymer, *Acta*, vii. стр. 185-209.

[49] 1 Петра ii. 9.

[50] Деяния I. 15.

[51] Деяния vi. 2.

[52] 2 Кор. viii. 19.

[53] *Digesta*, lib. I. тит. ii.; *Де декурионе*, № 2.

[54] 1-е Тимофею iii.; Титу i.

[55] Ефессянам iv. 11; vi. 21; Колоссянам i. 7; 1 Тимофею iv. 6.

[56] Тридцать девять статей.

[57] Luther, *De missa Germanica*.

[58] Grotius, *De imperatoris summa potestate circa sacra*.

ГЛАВА III.

НАЧАЛО ОПАСНОСТИ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ И ДЛЯ ТИНДЕЙЛА.

(с 1534 по август 1535 г.)

Два человека вызывали в это время особый страх у римской партии: один находился на вершине величия мира, другой — на вершине величия веры - королева и Тиндейл. Приближался час испытания для них обоих.

Существовала иная реформация, чем та, проводниками которой должны были стать шерифы; были и другие реформаторы, кроме Генриха VIII. Один человек, желавший возродить Церковь Христа в Англии, сделал перевод Священного Писания делом своей жизни. Тиндейл был

вынужден покинуть свою страну; но он покинул ее только для того, чтобы посеять семя, которое, унесенное крыльями ветра, должно было превратить дикие места Великобритании в плодоносящий сад.

=ТИНДЕЙЛ В АНТВЕРПЕНЕ.=

Учитель на пенсии из долины Северн поселился в 1534 году как можно ближе к Англии — в Антверпене, откуда корабли часто отправлялись в британские гавани. Английские купцы, которых в этом городе было много, встретили его с братской сердечностью. Среди них был друг Евангелия, мистер Томас Пойнц, брат которого занимал должность при дворе короля. Этот сердечный христианин принял Тиндейла в свой дом, и последний был неустанно занят переводом Ветхого Завета, когда английский корабль принес известие о мученической смерти Фрита, его верного коллеги. Тиндейл пролил много слез и никак не мог решиться продолжить свою работу в одиночку. Но мысль о том, что Фрит прославил Иисуса Христа в своей тюрьме, взволновала его: он считал своим долгом прославлять Бога в своем изгнании. Потеря друга сделала его Спасителя еще более ценным для него, и в Иисусе он нашел утешение для своего ума. "Я потерял своего брата, - сказал он, - но во Христе все христиане и даже все ангелы - это отец и мать, сестра и брат, и сам Бог заботится обо мне. О Христос, мой Искупитель и мой щит! твоя кровь, твоя смерть, все, чем Ты являешься, и все, что Ты сделал, — Ты сам мой!" [59]

=МИЛОСЕРДИЕ И РВЕНИЕ ТИНДЕЙЛА.=

Тиндейл, укрепленный верой, удвоил свое рвение в служении своему Хозяину. Этот неутомимый человек не довольствовался усердным изучением Священных Писаний: он желал совместить изучение с благотворительностью, которая действует. Английские купцы из Антверпена дали ему значительную сумму денег, и он посвятил ее бедным; но он не довольствовался простым подаванием. Помимо воскресенья, он выделял два дня в неделю, которые называл "днями отдыха". В понедельник он посещал самые глухие улицы Антверпена, разыскивая на чердаках бедных английских беженцев, изгнанных из своей страны из-за Евангелия; он учил их нести бремя Христа и заботливо ухаживал за их больными. В субботу он отправился за город, посещая деревни и уединенные дома и "обыскивая каждую дыру и уголок". [60] Если ему случалось встретить какого-нибудь трудолюбивого отца, обремененного детьми, или какого-нибудь престарелого или немощного человека, он спешил поделиться своим состоянием с бедняками. "Мы должны быть для нашего ближнего, - сказал он, - тем, чем Христос был для нас". Это то, что Тиндейл называл своим "временепровождением". [61] Воскресным утром он отправился в дом торговца, где была приготовлена большая комната для евангельского богослужения, и читал и объяснял Священные Писания с такой нежностью и елеем и в таком практическом духе, что прихожанам (как говорили) показалось, что они слушают Евангелиста Иоанна. [62] Остаток недели трудолюбивый доктор полностью посвятил своему переводу. Он был не из тех, кто бездействует в надежде, что благодать может преизобиловать. "Если мы оправданы верой, - сказал он, - то это для того, чтобы мы могли совершать христианские дела".

Из Лондона пришли хорошие новости, которые утешили его в связи со смертью Фрита. Со всех сторон люди просили Новый Завет; несколько фламандских типографий начали перепечатывать его, говоря: "Если бы Тиндейл напечатал 2000 экземпляров, а мы столько же, их хватило бы на всю Англию". Четыре новых издания священной книги вышли из антверпенской типографии в 1534 году.

В то время в городе жил человек, мало подходивший на роль компаньона Тиндейла. Джордж Джой, стипендиат Кембриджа, был одним из тех активных, но поверхностных людей, мало образованных и не столь здравомыслящих, которые никогда не боятся браться за работу, выходящую за рамки их сил. Джой, покинувший Англию в 1527 году, заметив уважение, которое труды Тиндейла оказали их автору, а также желая прославить себя, начал, хотя он не знал ни иврита, ни греческого, исправлять Новый Завет Тиндейла в соответствии с Вульгатой и своим собственным воображением. Однажды, когда Тиндейл отказался принять одно из его экстравагантных исправлений, Джой был тронут за живое: "Я не боюсь справиться с ним в этом вопросе, - сказал он, - несмотря на все его высокие познания в иврите, греческом и латыни". [63] Тиндейл знал больше, чем они. "Он владеет семью языками, - сказал Буше, ученик Рейхлина. - Ивритом, греческим, латынью, итальянским, испанским, английским, французским, причем настолько основательно, что, на чем бы он ни говорил, можно поверить, что это его родной язык". [64]

В августе месяце перевод Джоя появился в Антверпене: он рекламировал его как "более ясный и точный". Тиндейл просмотрел страницы работы, которую так хвалил ее автор, и был раздосадован, обнаружив, что сам так неумело "исправлен". Он указал на некоторые ошибки Джой и сделал это трогательное и торжественное заявление: "Я протестую в присутствии Бога и Иисуса Христа и перед всем собранием верующих, что я никогда ничего не писал из зависти, чтобы распространить какую-либо ошибку или привлечь к себе последователей. У меня никогда не было другого желания, кроме как вести своих братьев к познанию Христа. И если в том, что я написал или перевел, будет что-либо противоречащее слову Божьему, я умоляю всех людей отвергнуть это, как я отвергаю это сам, перед Христом и его собранием".

Именно в ноябре 1534 года Тиндейл выступил с этим благородным протестом.

Пока Джой вел эту мелкую войну против Тиндейла, каждый корабль, приходивший из Лондона в Антверпен, приносил радостные новости о том, что великая война в Англии, похоже, затихает и что король и те, кто его окружает, склоняются к протестантизму. В сознании Энн произошла перемена, аналогичная той, что произошла в ее положении. Она была честолюбива и искушенна в мирских делах, но с того момента, как она взошла на трон, ее характер расширился; она стала королевой, она хотела быть матерью своего народа, особенно тех, кто шел по тропам Священного Писания. В первых порывах своей привязанности Генрих пожелал разделить с ней все почести владычества, и она отнеслась к этому высокому положению более серьезно, чем предполагал Генрих. Когда он увидел, что та, кого он поставил рядом с собой, воображает, что у нее есть какая-то власть, эгоистичный и ревнивый монарх нахмурил брови: это было началом бури, которая низвергла Анну Болейн с трона на эшафот. Она осмелилась приказать Кромвелю возместить убытки торговцам, понесшим убытки из-за того, что они ввезли Новый Завет в Англию. "Если проходит день, - говорили люди, - а у нее нет возможности оказать услугу другу Евангелия, она обычно говорит вместе с Титом: "Я потерял день". Харман, антверпенский купец и мужественный человек, который помог Тиндейлу опубликовать Евангелие на английском языке, был продержан Вулси и Хэкетом семь месяцев в тюрьме. [65] Несмотря на то, что его выпустили на свободу, он все равно был лишен своих привилегий и вынужден приостановить деятельность. Он приехал в Англию, но вместо того, чтобы обратиться либо к лорд-канцлеру, либо к Кромвелю за восстановлением своих прав, он направился прямо к королеве. Анна, находившаяся тогда в Гринвичском дворце, была тронута его набожностью и

страданиями и, вероятно, не посоветовавшись с королем, продиктовала премьер-министру следующее послание, которое, как мы думаем, стоит процитировать полностью.

Клянусь королевой.

Королева Анна.—Верная и по праву любимая, мы приветствуем тебя. И принимая во внимание, что мы достоверно информированы о том, что предьявитель сего, Ричард Харман, купец и гражданин Антверпена в Брабанте, был во времена покойного лорда кардинала посажен и изгнан из своей свободы и братства в английском доме там, ни за что иное, как он утверждает, как добрый христианин, [66], но только за то, что он своими товарами и политикой, к его большому огорчению и помехе в этом мире, помогал изданию Нового Завета на английском языке. Поэтому мы желаем и немедленно молим вас, чтобы со всей возможной скоростью и благосклонностью вы восстановили этого доброго и честного торговца, являющегося истинным, верным и любящим подданным моего Господина, к его изначальной свободе и товариществу, о которых говорилось выше. И тем скорее по этой нашей просьбе: и с вашего благоволения выслушать его о том, что он имеет сообщить вам в дальнейшем от этого имени.

Дано под нашей печатью в поместье милорда в Гринвиче, xiv мая.

Нашему верному и горячо любимому Томасу Кромвелю, главному секретарю его Величества, короля, милорда.

Об этом вмешательстве королевы в пользу преследуемого евангелиста много говорили. Некоторые объясняли ее поведение интересами ее собственного дела, другие - гуманностью: большинство друзей Реформации расценили это как доказательство того, что Анна перешла на сторону их убеждений, и Тиндейл выразил свою благодарность королеве, подарив ей красивый экземпляр своего Нового Завета.

=НЕУДОВОЛЬСТВИЕ КОРОЛЯ.=

То, что доставляло такую радость Тиндейлу, сильно раздражало короля. Такой частный приказ, исходящий от королевы, вызвал крайнее неудовольствие монарха, чья воля заключалась в том, чтобы никакие дела не обсуждались иначе, как в его совете. Кроме того, в этом порядке, по крайней мере в глазах Генри, крылось еще большее зло. Евангелическая реформация, с которой Генрих так упорно боролся и которую он ненавидел до последнего, делала в Англии большие успехи. 4 июля 1533 года Фрит, друг Хармана и Тиндейла, был сожжен в Смитфилде как один из его последователей; а десять месяцев спустя, 14 мая 1534 года, Харман, друг Тиндейла и Фрита, был объявлен королевой "добрым христианином". Анна осмелилась объявить себя другом тех, кого ненавидел король. Намеревалась ли она совершить революцию — выступить против мнения своего господина короля? Это письмо не осталось без последствий: сообщалось, что "Друзья слова Божьего", воспользовавшись благоприятным положением, печатают в Антверпене шесть отдельных изданий Нового Завета и распространяют их в Англии.

= РАССТАВЛЕННЫЕ ЛОВУШКИ Для ТИНДЕЙЛА.=

Раздражен был не только король, гнев римской партии был еще сильнее; но поскольку они не осмеливались ударить королеву, они оглядывались в поисках другой жертвы. Ни епископ Фишер, ни сэр Томас Мор, ни Генрих VIII, по-видимому, не имели никакого отношения к этому новому преступлению. Гардинер, ныне епископ Винчестерский, придал силу епископальному

корпусу, которой он долгое время был лишен; и несколько прелатов, "разгневанных и воспламененных в своих умах", говорится в документе, [67] напомнили, что лучшее средство высушить воды реки - перекрыть ее источники. Именно от Тиндейла исходили все эти писания — те Евангелия, которые, по их мнению, сбивали Англию с пути истинного. Момент казался благоприятным для того, чтобы избавиться от него: на самом деле он находился в штатах Карла V., этого великого врага Реформации. Гардинер и его союзники решили послать в Нидерланды двух человек с инструкциями не спускать глаз с реформатора, заставить его врасплох и предать смерти. Для этой цели они выбрали очень умного монаха Стратфордского аббатства и ревностного молодого паписта, который выглядел джентльменом и который (они надеялись) вскоре завоюет сердце Тиндейла своим дружелюбием.

Это было примерно в конце 1534 года, когда реформатор все еще жил в Антверпене в доме Томаса Пойнтца, когда однажды, обедая с другим купцом, он заметил среди гостей высокого молодого человека приятной внешности, которого он не знал. "Он наш соотечественник, - сказал хозяин дома, - мистер Гарри Филипс, человек с очень приятными манерами". [68] Тиндейл подошел поближе к незнакомцу и был очарован его беседой. После ужина, когда они уже собирались расходиться, он заметил рядом с Филипсом еще одного человека, чье менее открытое выражение лица мало говорило в его пользу. Ему сказали, что это был "Габриэль, его слуга". Тиндейл пригласил Филипса навестить его: молодой мирянин принял приглашение, и искренний реформатор был так увлечен им, что не мог прожить без него и дня, приглашая его то на обед, то на ужин. В конце концов Филипс стал ему настолько необходим, что он уговорил его, с согласия Пойнтца, переехать и жить с ним в одном доме. На некоторое время они потеряли Габриэля из виду, и на вопрос Тиндейла, что с ним стало, ему ответили, что он уехал в Лувен, центр римского клерикализма в Бельгии. Когда Тиндейл и Филипс однажды поселились под одной крышей, их близость возросла: у Тиндейла не было секретов от своего соотечественника. Последний часами проводил в библиотеке эллиниста, который показывал ему свои книги и рукописи и беседовал с ним о его прошлых и будущих трудах, а также о средствах, которыми он располагал для распространения Нового Завета по всей Англии. Переводчик Библии, воплощенная искренность и простота, не допускающий зла, не думающий о своем ближнем ничего, кроме добра, раскрылся перед ним, как ребенок.

Филипс, менее джентльмен, чем казался, был сыном сборщика налогов в Девоншире; а мнимый слуга, переодетый монахом, был тем хитрым и порочным церковником, которого привезли из Стратфорда и отдали так называемому джентльмену — по-видимому, как слугу, но на самом деле как его советника и хозяина. Ни Вулси, ни Мору, ни Хэкету не удалось заполучить Тиндейла; но Гардинер, человек врожденной злобы и не прямых действий, знакомый со всеми дырами и закоулками, со всеми обстоятельствами и людьми, знал, как приступить к работе без шума, молча отслеживать свою добычу и напасть на нее в тот самый момент, когда его меньше всего ждали. Чтобы поймать Тиндейла, требовались две вещи: приманка, чтобы привлечь его, и хищная птица, чтобы схватить его. Филипс был приманкой, а преподобный Гэбриел Данн - хищной птицей. Благородный Пойнтц, человек более опытный, чем реформатор, в течение некоторого времени с любопытством наблюдал за новым гостем, введенным в его дом. Филипсу бесполезно было пытаться быть любезным, в нем было что-то такое, что не нравилось достойному торговцу. [69] "Мастер Тиндейл, - сказал он однажды реформатору, - когда вы познакомились с этим человеком?" — "О! он очень достойный человек, - ответил доктор, - хорошо образованный и основательный джентльмен. Пойнтц больше ничего не сказал.

Тем временем монах вернулся из Лувена, куда ездил консультироваться с некоторыми лидерами ультрамонтанской партии. Если бы он и его компаньон смогли заполучить мистера Пойнтца, им было бы легко заполучить Тиндейла. Они думали, что будет достаточно показать торговцу, что у них есть деньги, воображая, что каждого человека можно купить. Однажды Филипп сказал Пойнтцу: "Я здесь чужой и был бы вам очень признателен, если бы вы показали мне Антверпен". Они вышли вместе. Филипп подумал, что настал момент дать Пойнтцу понять, что он хорошо обеспечен золотом и даже может раздать его другим. "Я хочу сделать несколько покупок, - сказал он, - и вы были бы очень обяжете меня, направив меня. Мне нужны самые лучшие товары. У меня много денег, - добавил он. [70] Затем он сделал еще шаг вперед и прощупал своего человека, чтобы узнать, поможет ли тот ему в его замыслах. Поскольку Пойнтц, казалось, не понял его, Филипп не стал продолжать.

=КОНСУЛЬТАЦИИ С ИМПЕРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.=

Поскольку хитрость не увенчалась успехом, пришлось прибегнуть к силе. Филипп по совету Габриэля отправился в Брюссель, чтобы подготовить удар, который должен был нанести Тиндейл. Император и его министры никогда еще не были так раздражены против Англии и Реформации. Войска Карла V были в движении, и люди каждую минуту ожидали услышать, что между императором и королем разразилась война. [71] По прибытии в Брюссель молодой англичанин появился при дворе и прислуживал правительству: он заявил, что он римский католик, испытывающий отвращение к религиозным реформам в Англии и преданный делу Екатерины. Он объяснил министрам Карла V, что у них в Нидерландах находится человек, отравляющий королевство, и что если они предадут смерти Тиндейла, то спасут папство в Англии. Министры императора, обрадованные тем, что англичане объединились с ними против Генриха VIII, уступили представителю Гардинера все, о чем он просил. Филипп, не жалея средств для достижения своей цели, [72] вернулся в Антверпен в сопровождении имперского прокурора и других чиновников императора.

Было важно арестовать Тиндейла, не обращаясь к городским властям и даже без их ведома. Разве ганзейские судьи не имели странной наглости заявить в случае Хармана, что они не могут осудить человека без веских доказательств? Монах, который, вероятно, не ездил в Брюссель, взялся за разведку местности. Однажды, когда Пойнтц сидел у своей двери, [73] Габриэль подошел к нему и спросил: "Мастер Тиндейл дома? Мой хозяин желает навестить его. - Они вступили в разговор. Казалось, все благоприятствовало планам монаха: он узнал, что через три или четыре дня Пойнтц отправится в Бар-ле-Дюк, где пробудет около шести недель. Это было именно то, чего хотел Габриэль, потому что он боялся проницательного взгляда английского торговца.

=ПРЕДАТЕЛЬСТВО ФИЛИППСА.=

Вскоре после этого Филипп прибыл в Антверпен вместе с прокурором и его сотрудниками. Первый немедленно отправился в дом Пойнтца, где застал дома только его жену. - Мастер Тиндейл сегодня обедает дома? - спросил он. - У меня большое желание отобедать с ним. У вас есть для нас что-нибудь хорошее? - "То, что мы можем купить на рынке", - лаконично ответила она. [74] "Хорошо, хорошо", - сказал вероломный папист и отвернулся.

Новый Иуда поспешил навстречу офицерам и договорился с ними о том, какой курс следует избрать. Когда приблизилось время обеда, он сказал: "Пойдемте, я доставлю его к вам".

Имперский прокурор и его последователи вместе с Филиппом и монахом направились к дому Пойнца, тщательно все отмечая и принимая необходимые меры, чтобы не привлекать внимания. Вход в дом был через длинный узкий коридор. Филипп разместил некоторых агентов чуть дальше по улице, других - у входа в переулок. "Я выйду с Тиндейлом, - сказал он агентам, - и вы схватите человека, на которого я укажу пальцем". С этими словами Филипп вошел в дом; было около полудня.

Это существо чрезвычайно любило деньги; он получил много денег от священников в Англии в качестве оплаты своей миссии; но он считал, что будет только правильно ограбить свою жертву, прежде чем предать ее смерти. Застав Тиндейла дома, он сказал ему после нескольких комплиментов: "Я должен рассказать вам о своем несчастье. Сегодня утром я потерял свой кошелек по дороге отсюда до Мехлина, [75] и у меня нет ни гроша. Не могли бы вы одолжить мне немного денег?" Тиндейл, простой и неопытный в житейских хитростях, [76] отправился за требуемой суммой, которая была эквивалентна тридцати фунтам стерлингов. Обрадованный Филипп бережно положил золото в карман, а потом подумал только о том, чтобы предать своего добросердечного друга. "Что ж, мастер Тиндейл, - сказал он, - мы собираемся пообедать вместе". "Нет, - ответил доктор, - сегодня я собираюсь пообедать вне дома; пойдемте со мной, я ручаюсь, что вам будут рады". Филипп радостно согласился; быстрота исполнения была одним из элементов успеха в его бизнесе. Двое друзей приготовились тронуться в путь. Переулок, по которому им предстояло выйти, был (как мы уже говорили) таким узким, что два человека не могли идти рядом. Тиндейл, желая оказать Филиппу честь, пожелал, чтобы он пошел первым. "Я никогда не соглашусь", - ответил тот, притворяясь очень вежливым. [77] - Я знаю, что вам подобает проявлять уважение — именно вы должны указывать путь. Затем, почтительно взяв доктора за руку, он повел его по коридору. Тиндейл, который был среднего роста, шел первым, в то время как Филипп, который был очень высоким, шел за ним. Он поставил у входа двух агентов, которые сидели по обе стороны переулочка. Услышав шаги, они подняли головы и увидели невинного Тиндейла, который приближался к ним без всяких подозрений, а над его плечами виднелась голова Филиппа. Он был ягненком, которого вел на заклание человек, который собирался его продать. Служители правосудия, часто столь жестокосердные, испытывали чувство сострадания при виде этого. [78] Но предатель, встав позади реформатора, который собирался выйти на улицу, приложил указательный палец к голове Тиндейла, согласно условленному сигналу, и многозначительно посмотрел на мужчин, как бы говоря им: "Это он!" Эти люди сразу же подняли руки на Тиндейла, который в своей святой простоте сначала не понял, что они собирались делать. Вскоре он узнал об этом, потому что ему приказали двигаться дальше, офицеры последовали за ним, и таким образом он предстал перед имперским прокурором. Последний, присутствовавший на обеде, пригласил Тиндейла сесть с ним. Затем, приказав своим слугам внимательно следить за ним, судья направился к дому Пойнца. Он схватил бумаги, книги и все, что принадлежало реформатору, а вернувшись домой, посадил его вместе с добычей в карету и уехал. Наступила ночь, и после трехчасовой поездки они подъехали к мощному замку Вильворде, построенному в 1375 году герцогом Вацлавом, расположенному в двух или трех лье от Брюсселя на берегу Сены, окруженному со всех сторон водой и семью башнями. Подъемный мост был опущен, и Тиндейл был передан в руки губернатора, который поместил его в безопасное место. Английский реформатор не должен был покидать Вильворд, как Лютер покинул Вартбург. Это произошло, как представляется, в августе 1535 года. [79]

=ТИНДЕЙЛ ЗАКЛЮЧЕН В ТЮРЬМУ.=

Достигнув цели своей миссии, Филипс, опасаясь негодования английских купцов, бежал в Лувен. Сидя в тавернах или за столами монахов, профессоров и прелатов, иногда даже при брюссельском дворе, он хвастался своим подвигом и, желая снискать расположение империалистов, звонил Генриху VIII. тиран и грабитель государства. [80]

Английские купцы Антверпена, справедливо оскорбленные, немедленно обратились к управляющему английской фабрикой с просьбой принять меры в пользу их соотечественника; но губернатор отказался. Тиндейл, лишенный всякой надежды, искал утешения в Боге. "О! какое это счастье - страдать ради правды", - сказал он. [81] "Если я страдаю на земле со Христом, я радуюсь в надежде, что буду прославлен с Ним на небесах. Испытания - самое полезное лекарство, и я перенесу их с терпением. Мои враги приговаривают меня к костру, но я невиновен, как новорожденный ребенок, в преступлениях, в которых они меня обвиняют. Мой Бог не оставит меня. О Христос, твоя кровь спасает меня, как если бы это была моя собственная кровь, пролитая на кресте. Бог, как бы велик Он ни был, принадлежит мне со всем, что у Него есть". [82]

Тиндейл в своей тюрьме в Вильворде был счастливее, чем Филипс при дворе. Если мы внимательно изучим историю реформаторов, то сразу поймем, что они были не просто мастерами чистого учения, но и людьми возвышенных душ, христианами высокой морали и возвышенной духовности. Мы не можем сказать того же об их противниках; какой контраст здесь между предателем и его жертвой! Клевета и оскорбления врагов протестантизма никого не обманут. Если достаточно читать Библию с искренним сердцем, чтобы поверить в нее, то достаточно также знать жизнь реформаторов, чтобы чтить их.

[59] Тиндейл, *Трактаты*, стр. 18, 110. (Общество Паркера.)

[60] Тиндейл, *Трактаты*, стр. lxi. (Общество Паркера.)

[61] "Так он провел свои два дня времяпрепровождения, как он их называл". —*Там же*.

[62] "Очень похоже на писания святого Иоанна Богослова". —*Там же*.

[63] Андерсон, *библейская энциклопедия*. стр. 397.

[64] 'Ut quamcunque loquatur, in ea natum putes.'—Schelhorn, *Amœnitates Litterariæ*, iv. p. 431.

[65] См. *History of the Reformation of the Sixteenth Century*, том v., книга xx. глава iv.,

[66] Слова "как хороший христианин" не приведены в "*Мемориалах* Strype", i. стр. 431. В оригинале они были стерты, вероятно, кем-то из римских католиков. Рукопись Коттона, Клеоп. E. 5. fol. 330.

[67] "Епископы разгневались и воспламенили свои умы". —Фокс, *Деяния*, ст. 121.

[68] "Симпатичный парень, как джентльмен". —Фокс, *Деяния*, т. 121.

[69] "Не очень—то доверяя парню". -Фокс, *Деяния*, ст. 122.

[70] "Ибо, — сказал он, - у меня достаточно денег". -Фокс, *Деяния*, v. стр. 122.

[71] "Между императором и королем должна была начаться война". —*Там же*.

- [72]"Что не было сделано с небольшими затратами". —*Там же*.
- [73] "Пойнтц сидит у своей двери". —Фокс, *Деяния*, т. 23.
- [74]"Какое хорошее мясо у нас будет?" — "Такое, какое дадут на рынке". -*Там же*.
- [75] Фокс, *Деяния*, ст. 23.
- [76]"Ибо в коварных тонкостях этого мира он был прост и неопытен". —*Там же*., стр. 127.
- [77]"За это он притворился, что проявляет великую человечность". —*Там же*.
- [78] "Им было жаль видеть его простоту". —Фокс, *Деяния*, ст. 127.
- [79]Письмо Пойнца своему брату Джону, в котором он рассказывает о заключении Тиндейла и которое сохранилось среди рукописей Коттона, датировано 15 августа 1535 года.
- [80] 'Tyrannum ac expilatorem reipublicæ.'—Cotton MSS., Galba B. x. 81.
- [81] Тиндейл, *Трактаты*, ii. стр. 28. (Общество Паркера.)
- [82] Фокс,*Деяния*, i. стр. 19.

ГЛАВА IV.

КОРОЛЬ-ПОНТИФИК ПРОТИВ РИМСКО-КАТОЛИКОВ И ПАПСТВА.

(1534 и 1535 гг.)

=НАСТАВЛЕНИЯ ДУХОВЕНСТВУ.=

В то время как римское папство торжествовало в Нидерландах, в Англии устанавливалось светское папство. Генрих VIII отдавал свои приказы как суверенный епископ, *высший епископ*, и большинство священников повиновались ему. Они верили, что такое экстраординарное положение вещей продлится недолго, и считали, что оно не стоит того, чтобы умирать в битве с тем, что погибнет само по себе. Они бормотали одними губами то, что приказал им король, и ждали грядущего избавления.

Каждый проповедник был обязан хотя бы раз произнести проповедь против узурпации папства; объяснить по этому поводу обязательства, заключенные папой с королем Англии, двуличие, проявленное Климентом, и обязательство, по которому монарх был обязан пресечь столько лжи и обмана. Служителям Церкви было приказано провозглашать Слово Христа в чистоте, но ничего не говорить о поклонении святым, браке священников, оправдании делами и других доктринах, отвергнутых реформаторами, которые король намеревался сохранить. Светское духовенство, как правило, подчинялось.

Однако были многочисленные исключения, особенно на севере Англии, и исполнение приказов Генриха привело к более или менее буйным сценам. Вообще говоря, сторонники Рима не заслуживали очень живого интереса; но мы должны отдать должное тем, кто отважился противостоять грозной силе, повинаясь принципам совести. То тут, то там виднелось несколько

признаков сопротивления. 24 августа отец Рико, проповедуя в монастыре Сион, назвал короля, согласно его приказу, "главой Церкви"; но сразу же после этого добавил, что тот, кто отдал приказ, несет ответственность только перед Богом и что он "должен предпринять шаги для очищения своей совести". Другие монахи пошли еще дальше: как только они услышали провозглашение нового титула Генри, среди них началось движение. Отец Лаше, который не только не соответствовал своему имени, но был непреклонен даже до дерзости, встал; восемь других монахов поднялись вместе с ним и покинули часовню "вопреки правилам своей религии" и к великому скандалу всей аудитории. [83] Эти девять монахов, смело покидавших церковь один за другим, были живым протестом монахов Англии. Понятно, что их желанием было признать главой не только Иисуса Христа: они хотели сохранить власть папы римского как в Церкви, так и в государстве. Король-папа не потерпел бы ни одной из этих причуд независимости. Беделл, получивший приказ Кромвеля осмотреть этот монастырь, предложил отправить девять монахов в тюрьму "по ужасному примеру их приверженцев". [84]

Священники, понимая, что они должны действовать осмотрительно, избегали повторения подобных вспышек и начали тайно обучать своих кающихся на исповеди, советуя им соблюдать ментальные ограничения, чтобы все уладить. Они сами подают пример: "Я отрекся от папы во *внешнем человеке*, но не *во внутреннем человеке*", - сказал один из них некоторым своим прихожанам. [85] Исповедник монастыря Сион провозгласил новый титул короля и даже произнес о нем проповедь; однако, когда один из его кающихся выказал сильное беспокойство, услышав, как Латимер сказал, что сам папа не может простить грех: "Не бойтесь, - сказал исповедник, - папа, несомненно, является главой Церкви. Правда, король и парламент отстранили его от должности здесь, в Англии, но это продлится недолго. Мир снова изменится, вы увидите, и это тоже очень скоро". — "Но мы принесли присягу королю как главе Церкви", - сказали несколько человек священнику. "Что имеет значение!" - ответил он. "Клятва, данная не очень строго, может быть нарушена таким же образом".

Однако эти ментальные оговорки заставляли многих священнослужителей и мирян чувствовать себя неловко. Они жаждали освобождения; они были настороже; они обращали свои взоры поочередно то на Ирландию, восставшую за папу, то на Нидерланды, откуда императорский флот должен был отплыть для покорения Англии. Мужчины пришли в возбуждение. В монастырях были фанатичные и дальновидные монахи, которые, обезумев от злоупотреблений властью, от которых они страдали, и воспламененные преследованиями, не мечтали ни о чем, кроме реакции и мести, и выражали свои жестокие желания дерзким языком. Один из них по имени Мейтленд, принадлежащий к доминиканскому монастырю в Лондоне, самонадеянно воскликнул, словно он был пророком: "Скоро я увижу воздвигнутый эшафот.... На этот эшафот по очереди поднимутся головы всех тех, кто исповедует новое учение, и Кранмер будет одним из них.... Король умрет насильственной и позорной смертью, а королева будет сожжена". Будучи пристрастившимся к черной магии, Мейтланд притворился, что читает будущее с помощью сатанинских существ. Не все были такими смелыми: были робкие и боязливые. Несколько монахов Дома Сиона, отчаявшись в папстве, готовились бежать и спрятаться в какой-нибудь глуши или чужом монастыре. "Если мы добьемся успеха, - сказали они, - о нас больше не услышат, и никто не узнает, где мы". Когда об этом сообщили Беделлу, агенту Кромвеля, он удовлетворился тем, что сказал: "Пусть они уходят, потери будут невелики". Однако римско-католицизму предстояло найти более достойных защитников.

=МОР ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРИНИМАТЬ ПРИСЯГУ.=

Два человека, мирянин и епископ, прославленные во всем христианском мире, Фишер и сэр Томас Мор, собирались выступить против короля, чего он, вероятно, не ожидал. С тех пор как Мор разгадал намерения короля и сложил с себя должность канцлера, он часто проводил целые ночи без сна, содрогаясь от угрожавшего ему будущего и орошая свою постель слезами. Он боялся, что ему не хватит твердости, чтобы отважиться на смерть. "О Боже! - восклицал он во время своих взволнованных бдений. - Приди и помоги мне. Я так слаб, что не выдержал бы и удара". [86] Его дети плакали, жена бушевала против врагов своего мужа, а сам он использовал необычный способ подготовки своей семьи к ожидавшей его участи. Однажды, когда все они сидели за столом, в комнату вошел сержант и вызвал его предстать перед королевскими уполномоченными. "Ободритесь, - сказал Мор, - время еще не пришло. Я заплатил этому человеку, чтобы подготовить вас к нависшему над вами бедствию. "Это не заставило себя долго ждать.

Вскоре после осуждения монахини Элизабет Бартон сэр Томас Мор, Фишер и многие другие влиятельные люди были вызваны во дворец архиепископа, чтобы принести присягу, предписанную в Акте о престолонаследии. Мор исповедался, причастился и, запретив жене и детям сопровождать его, по их обычаю, к лодке, которая должна была доставить его в Ламбет, в сильном волнении направился к месту, где решалось его будущее. Его пораженная семья смотрела ему вслед. Экс-канцлер, занявший свое место в лодке вместе со своим зятем Уильямом Ропером, пытался сдержать слезы и безуспешно боролся со своим горем. Наконец его лицо стало более безмятежным, и, повернувшись к Роуперу, он прошептал ему на ухо: "Я благодарю нашего Господа, сын мой; поле битвы выиграно". [87] По прибытии во дворец Ламбет, где собрались епископ Фишер и множество духовных лиц, Мор, который был единственным мирянином, был представлен первым. Канцлер зачитал ему бланк: в преамбуле говорилось, что беды Англии, океаны пролитой в ней крови и многие другие бедствия произошли от узурпированной власти пап; что король был главой англиканской церкви и что епископ Рима не обладал никакой властью за пределами своей епархии. "Я не могу подписать этот бланк, - сказал Мор, - не подвергая свою душу вечному проклятию. Я готов присоединиться к Акту о престолонаследии, который является политическим актом, но без преамбулы". "Вы первый человек, который отказался", - сказал канцлер. "Подумайте об этом". Большое количество епископов, докторов и священников, которых последовательно представляли, принесли требуемую клятву. Но еще больше осталось непреклонными, как и епископ Фишер. [88]

Кранмер, искренне желавший спасти этих двух добросовестных людей, попросил Кромвеля принять предложенную ими клятву, [89] и последний проконсультировался по этому поводу с королем. "Они должны уступить, - воскликнул Генрих, - или я подам им пример, который напугает других". Поскольку король был неумолим, парламентским актом они были осуждены за отказ принести требуемую присягу и отправлены в Тауэр. Это было в декабре 1534 года. [90]

Семья сэра Томаса Мора была ввергнута в бедственное положение. Его дочь Маргарет, получив разрешение увидеться с ним, поспешила в Тауэр, проникла в его камеру и, не в силах говорить, с рыданиями упала в его объятия. "Дочь моя, - сказал Мор, с усилием сдерживаясь, - давай преклоним колени". Он повторил семь покаянных псалмов, а затем, встав, сказал: "Дорогая Мэг, те, кто поместил меня сюда, думают, что причинили мне большое неудовольствие, но Бог обращается со мной так, как Он обращается со своими лучшими друзьями". [91] Маргарет, которая не думала ни о чем, кроме как о спасении своего отца, воскликнула: "Прими клятву!

смерть нависла над твоей головой". "Со мной не случится ничего, кроме того, что угодно Богу", - ответил сэр Томас Мор. Его дочь покинула Тауэр, убитая горем. Его жена, которая тоже навещала его, канцлер Одли, герцоги Норфолк и Саффолк, Кромвель и другие советники короля добились не большего успеха, чем Маргарет. Епископ Фишер ответил на аналогичные просьбы аналогичным отказом.

=СОПРОТИВЛЕНИЕ КАРТЕЗИАНЦЕВ.=

Поскольку королевское правительство не желало торопиться с судом над этими прославленными людьми, они перешли от вождей к последователям. Лондонские картезианцы сильно благоухали святостью; они никогда не разговаривали, кроме как в определенное время, не ели мяса и утверждали, что Бог посещал их в видениях и чудесах. Их дом не был свободен от беспорядков, но многие монахи серьезно относились к своему призванию. Когда королевские уполномоченные посетили их, чтобы принести клятву престолонаследия, перед ними предстал приор Хотон, человек небольшого роста, но приятной внешности и благородной осанки. Уполномоченные потребовали от него признать второй брак Генриха законным; Хотон сначала искал лазейку и ответил, что король может развестись и жениться без того, чтобы он или его монахи могли что-либо возразить на это. "Это приказ короля, - ответили уполномоченные, - чтобы вы и ваши братья признали под присягой законность его союза. Собери монахов вместе". [92] Появились картузианцы, и все отказались принять присягу. В результате приор и проктор были отправлены в Тауэр. Епископ Лондонский использовал все свое влияние, чтобы заставить их изменить свое мнение, и ему удалось убедить их в том, что они могут принести присягу, сделав несколько оговорок. Поэтому они вернулись в Дом Чартера и убедили своих братьев поступить так, как поступили они.

В монастыре сразу же воцарилось замешательство. Несколько монахов в глубоком отчаянии не могли решить, каким курсом следовать; другие, более решительные, воскликнули, что не уступят ни за какие деньги. "Они намерены принести себя в жертву великому идолу Рима", - писал Беделл Кромвелю. [93] Наконец, когда появились солдаты, чтобы отвести мятежников в Тауэр, перепуганные монахи пали духом и принесли присягу Генриху VIII в новом браке. "настолько, насколько это было законно". Горькая чаша была выпита, но ненадолго.

В то время как Англия отделялась от Рима, Климент VII. умирал от досады. [94] Ненависть, которую испытывали к нему римляне [95], могла сравниться только с радостью, которую они испытали при избрании его преемника. Александр Фарнезе, избранник французской партии, был светским человеком, желавшим свергнуть протестантов, восстановить Англию, реформировать Церковь и, прежде всего, обогатить свою собственную семью. Когда Да Казале, посланник Генриха, выразил свое почтение: "В мире нет ничего подобного", - сказал Павел III. ему: "Что у меня на сердце нечто большее, чем желание удовлетворить твоего хозяина". Было слишком поздно.

=ГЕНРИХ ОТВЕРГАЕТ ПАПСТВО.=

Поведение Климента оказало дурное влияние на характер короля Тюдоров. Услуги, оказанные этим принцем папству, были оставлены без внимания, его долгое терпение не было вознаграждено: он воображал себя презираемым и обманутым. Его гордость была раздосадована, его нрав становился все более свирепым, его жестокость, некоторое время сдерживаемая, вырвалась наружу, и, не сумев достучаться до папы, он отомстил папскому

престолу. До сих пор он едва ли был хуже большинства государей христианского мира: с этого момента, когда он провозгласил себя главой Церкви, он стал суровым и не заботился ни о чем, кроме удовлетворения своих дурных наклонностей, своего деспотического нрава, своей кровожадной жестокости. Как *принц*, он временами проявлял несколько приятных качеств; как *папа*, он был не кем иным, как тираном.

Генрих VIII, наблюдая за волнением, вызванным его притязаниями в Англии, и желая укрепить свою новую власть, добился внесения нескольких законопроектов, касающихся Церкви, в парламент, заседание которого состоялось 3 ноября 1534 года. Министры, составившие их, были далеко не протестантами, а ревностными приверженцами схоластической ортодоксии. Это был хитрый Гардинер, яростный католик; герцог Норфолк, который помогал королю в его походах против Рима только для того, чтобы помешать ему попасть в руки реформаторов; и политичный Кромвель, который, несмотря на свое рвение против папы, заявил перед смертью, возможно, придавая особый смысл этим словам, что он умер в католической вере. [96]

Первым актом, принятым парламентом, была ратификация нового титула короля, уже официально признанного духовенством. Министры Генриха знали, как сделать закон строгим. "Вводится в действие, - так гласил закон, - что наш господин король признается единственным и верховным главой Англиканской церкви на земле; что он должен обладать не только почестями, юрисдикцией и прибылью, сопутствующими этому достоинству, но и полной властью подавлять все ереси и чудовищности, каковы бы ни были обычаи и законы, которые могут этому противоречить". [97] Вскоре после этого, 1 февраля, парламент, еще более властный, постановил, что "всякий, кто сделает что-либо, имеющее целью лишить короля или его наследников любого из их прав". титулы, или следует называть его еретиком, раскольником, узурпатором и т.д., должен быть виновен в государственной измене". [98]

=КОРОЛЬ, А НЕ ГЛАВА ЦЕРКВИ.=

Так Генрих VIII. объединил два меча в своей руке. — "Мусульманский союз", - говорит современный историк. [99] Этот автор мог бы довольствоваться тем, что назвал это "папским союзом". Независимо от того, утверждает ли папа, что он король, или король утверждает, что он папа римский, это почти одно и то же. В то время, когда Реформация освобождала Церковь, долгое время находившуюся в рабстве, ей был дан новый хозяин, и какой хозяин! Совесть христиан восстала против такого порядка вещей. Однажды — это было некоторое время спустя — Кранмера спросили: "Кто является верховным главой Англиканской церкви?" — "Христос, — был ответ, — поскольку Он принадлежит Вселенской Церкви". - "Но разве вы не признали короля верховным главой Церкви?" - "Мы признали его главой *всего народа Англии*, - ответил Кранмер, - *церковников*, а также *мирян*". [100] — "Что! не от Церкви?" - "Нет! *Верховный глава Церкви*" никогда не имело никакого другого значения, кроме того, что я вам говорю". Это совершенно ясно. Если титул, данный Генриху, означал только то, что он был королем как духовенства, так и мирян, и что первые находились под юрисдикцией королевских судов, так же как и вторые, то во всех вопросах общего права не может быть ничего более справедливого. Но как получилось, что при жизни Генриха Кранмер не нашел в себе столько мужества говорить по совести, как при допросе в 1555 году Бруксом, папским субпредставителем? Документ с толкованием, составленный правительством почти одновременно с актом парламента, однако, подтверждает объяснение, сделанное Кранмером; в нем говорилось: "Титул верховного главы Церкви не дает королю новых полномочий: это не означает, что он может взять на себя какую-

либо духовную власть". [101] В этом документе говорится, что слова *злоупотребления реформами и ереси* указывают на полномочия, которыми обладает король для подавления полномочий, которые епископ Рима или другие епископы узурпировали в его королевстве. "Мы всем сердцем ненавидим, - сказал Фулк, магистр Пембрук-холла в Кембридже, - саму мысль о том, что король может делать все, что ему заблагорассудится в вопросах религии". [102] Даже Елизавета отказалась от титула главы Церкви. [103] Вероятно, это факты, которые не являются общеизвестными.

[83] Беделл Кромвелю.—*Государственные документы*, i. стр. 423.

[84] Там же. стр. 424.

[85] Отец Форест из Гринвича. Беделл Кромвелю, мисс из архива.

[86] Жизнь Мора, стр. 218.

[87] Жизнь, стр. 218.

[88] 17 апреля 1534 года. Письма и останки Кранмера, стр. 286.

[89] Письмо Кранмера Кромвелю.—Там же.

[90] Государственные документы, i. стр. 432.

[91] Жизнь Мора, стр. 239.

[92] Strype, *Записи*, i. стр. 300.

[93] Государственные документы, i. стр. 422.

[94] 'Fu questo dolore et affanno, che lo condusse alla morte.'—Soriano.

[95] 'Quem omnes mortales acerbissimo odio prosequabantur.'—*State Papers*, vii. p. 573.

[96] "Я умираю в католической вере, не сомневаясь". —Фокс, *Деяния*, ст. 402.

[97] Акты превосходства: 26 Генрих VIII. глава 1. См. Герберт, стр. 408.

[98] Там же. глава 13.

[99] Friedrich von Raumer: *Geschichte Europas*, ii. p. 29.

[100] Всех жителей Англии, как церковных, так и светских. —Кранмер, *Письма и останки*, стр. 224.

[101] "Не то чтобы он должен был отнимать какую—либо духовную власть у духовных служителей". -*Главы аргументов, касающихся власти папы и королевского превосходства*.—СР. в Архиве.—Фруд, ii. стр. 326.

[102] Fulke's *Defence*, стр. 489.

[103] Jewell's *Works*, iv. стр. 1144.

ГЛАВА V. СВЕТ С ОБЕИХ СТОРОН. (1534-1535)

В Англии право давать миру, несмотря на великие страдания, замечательные примеры христианских добродетелей принадлежало как католикам, так и евангелистам. Латимер и другие мужественно проповедовали истину; такие мученики, как Билни, Тьюксбери и Фрит, отдали свои жизни за Евангелие. Теперь другая сторона, миряне, монахи и священники, несомненно, менее просвещенные в вопросах благочестия, были готовы представить доказательства своей искренности. Были и римские мученики. Присутствовали две армии; многие пали с обеих сторон; но была ощутимая разница между этой духовной войной и войнами наций. Те, кто пал духом, не пали под оружием враждебной армии; существовала третья сила, король-папа, который занял свое место между двумя линиями и наносил свои удары то направо, то налево. Вожди папской армии должны были пасть в борьбе, в которой уже пало так много евангелистов.

= ПЛАЧЕВНОЕ СОСТОЯНИЕ МОРА.=

Сэр Томас Мор, находясь в тюрьме, стремился избавиться от тягостных мыслей, написав историю страстей Христовых. Однажды, когда он дошел до этих слов Евангелия: *Затем пришли они, возложили руки на Иисуса и увели Его*, дверь открылась, и появился Кингстон, губернатор Тауэра, в сопровождении Рича, генерального прокурора. "Сэр Томас, — сказал Рич, — если бы акт парламента обязал всех англичан признать меня своим королем, признали бы вы меня?" - "Да, сэр". [104] - "А если бы акт парламента обязал всех англичан признать меня папой?" - "У парламента нет полномочий делать это", — ответил Мор. Сэр Томас считал, что акта парламента достаточно, чтобы свергнуть короля Англии: именно правнуку Мора мы обязаны этим мнением, которое внучатый племянник Кромвеля воплотил в жизнь сто лет спустя. Был ли Генрих VIII. раздражен из-за того, что Мор так свободно распоряжался своей короной? Возможно, но как бы то ни было, суровость его заключения усилилась. Мученичеству предшествовали страдания. Выдающийся ученый был вынужден взять маленькие клочки бумаги, на которых записать углем несколько разрозненных мыслей. [105] Это было не самое худшее. "У меня нет ни рубашки, ни сута, - [106] писал он главному государственному секретарю, - ни другой одежды, которую мне необходимо носить, но которая рваная и рвется слишком постыдно. Несмотря на это, я мог бы легко вытерпеть это, если бы это согрело мое тело. И теперь, в моем возрасте, мой желудок может довольствоваться только несколькими видами мяса; которое, если я захочу, тут же разлагается, и я впадаю в язвы и болезни своего тела, и не могу поддерживать себя в здоровом состоянии.... Я умоляю тебя быть добрым хозяином для меня в моей нужде и позволить мне иметь то, что необходимо мне в моем возрасте. Верни мне свободу из этого холодного и мучительного заточения. Позвольте мне пригласить какого-нибудь священника, чтобы он выслушал мою исповедь в это святое время, и несколько книг, чтобы более эффективно произносить мои молитвы. Да пошлет вам Господь счастливого Рождества.

"В Тауэре, 23 декабря".

Приятно надеяться, что это скандальное пренебрежение проистекало из беспечности, а не из жестокости. Его просьбы были удовлетворены.

В то время как в Тауэре разыгрывались эти печальные сцены, по всей Англии царило великое смятение, где самые противоположные партии были в смятении. Когда традиционное иго было сброшено, каждый человек поднял свое собственное знамя. Друзья Мора и Фишера хотели восстановить папство римского епископа; Генрих VIII, Кромвель и двор думали, как установить верховенство короля; наконец, Кранмер и несколько человек того же склада пытались лавировать между этими зыбучими песками и стремились ввести господство Священного Писания под знаменем королевской власти. Это противостояние столь разных сил, осложненное к тому же страстями государя, было ужасной драмой, которой суждено было закончиться не одной катастрофой, а многими. Прославленные жертвы, взятые без разбора со всех сторон, должны были пасть под часто повторяющимися ударами и быть похоронены в одной общей могиле.

Благоразумный Кранмер жил в мучительном беспокойстве. Окруженный врагами, которые следили за каждым шагом, он боялся разрушить дело истины, проводя реформы, столь же масштабные, как на континенте. Природная робость его характера, компромиссы, на которые он считал своим долгом идти по отношению к иерархии, его страх перед Генрихом VIII, его умеренность, мягкость и пластичность характера и в некоторых отношениях принципиальность помешали ему подойти к работе с решимостью Лютера, Кальвина или Нокса. Тиндейл, если бы он обладал должным ему влиянием, осуществил бы реформу, подобную реформе этих великих лидеров. Видеть его реформатором на родине Уиклифа было бы источником огромного процветания; но это было невозможно: его страна дала ему не профессорскую кафедру, а изгнание. Кранмер медленно продвигался вперед: он изменил евангелическое движение, сделав клерикальную уступку. Сделав шаг вперед, он внезапно остановился и, по-видимому, отступил назад; не из трусости, а потому, что его так подтолкнуло к этому чрезвычайное благоразумие. Смелость Фарела или Нокса, на наш взгляд, гораздо благороднее; и все же эта крайняя умеренность спасла Кранмера, а вместе с ним и протестантизм. Рядом с тронем, подобным трону Генриха, только человек, проявлявший крайнюю осторожность, мог сохранить свое положение на Кентерберийском престоле. Если Кранмер столкнется со скипетром Тюдоров, он обнаружит, что это меч. Бог дает каждому народу и каждой эпохе необходимого для этого человека. Кранмер был таким человеком для Англии во время ее отделения от папства. Несмотря на свои компромиссы, он никогда не отказывался от великих принципов Реформации; несмотря на свои уступки, он пользовался любой возможностью, чтобы побудить тех, кто разделял его веру, идти к лучшему будущему. Примас Англии держал в руке факел, который не обладал таким блеском, как тот, что несли Лютер и Кальвин, но буря, бушевавшая над ним в течение пятнадцати или двадцати лет, не смогла его погасить. Иногда его охватывал ужас: когда он слышал львиный рык, он склонял голову, держался на заднем плане и прятал истину у себя на груди; но снова он поднимался и снова протягивал Церкви свет, который он спас от ярости тирана. Он был тростинкой, а не дубом — тростинкой, которая слишком легко гнулась, но именно благодаря этой слабости он смог сделать то, чего дуб со всей своей силой никогда бы не достиг. Истина восторжествовала.

=ПЕРЕВОД СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЙ.=

В это время Кранмер решил, что в состоянии сделать шаг — самый важный шаг из всех: он взялся передать Библию мирянам. Когда собралось собрание духовенства и парламента, он внес предложение о том, чтобы Священное Писание было переведено на английский некоторыми почтенными и образованными людьми и распространено среди народа. [107]

Представить Священное Писание в качестве верховного правила вместо папы римского было смелым поступком, который определил ход евангелической реформации. Стоксли, Гардинер и другие епископы католической партии протестовали против такого чудовищного замысла: "Учения Церкви достаточно, - говорили они; - мы должны запретить "Завещание Тиндейла" и еретические книги, которые приходят к нам из-за моря". Архиепископ понял, что он может отстаивать свою точку зрения, только отказавшись от чего-то: он согласился на компромисс. Созыв постановил 19 декабря 1534 года представить предложение Кранмера королю, но с добавлением, что Священные Писания, переведенные на вульгарный язык, должны распространяться среди подданных короля только пропорционально их знаниям, и что все, у кого есть подозрительные книги, должны быть обязаны передать их королевским уполномоченным: другие могли бы назвать это решение поражением, Кранмер рассматривал его как победу. Священные Писания больше не будут тайно проникать в королевство, как контрабандные товары: они будут появляться среди бела дня с королевской санкции. Это было нечто.

Генрих удовлетворил петицию о созыве, но поспешил воспользоваться этим. Его великая твердая идея состояла в том, чтобы уничтожить римское папство в Англии не из-за его ошибок, а потому, что он чувствовал, что это лишает принцев любви и часто послушания их подданных. "Если я дарую моим епископам то, о чем они просят, - сказал он, - то, в свою очередь, я прошу их дать клятву никогда не допускать восстановления юрисдикции римского епископа в моем королевстве; никогда не называть его *папой*, вселенским *епископом* или святейшим господом, но только епископом Рима, коллегой и братом, согласно древнему обычаю старейших епископов". [108] Все прелаты стремились повиноваться королю; но архиепископ Йоркский, тайно преданный Римской церкви, добавил в оправдание своей совести, "что он принес присягу, чтобы сохранить единство веры и католической церкви". [109]

Кранмер был полон радости от одержанной победы. "Если мы владеем Священным Писанием, - сказал он, - то у нас под рукой лекарство от любой болезни. Когда нас окружают невзгоды и искушения, где мы можем найти оружие для их преодоления? В Священном Писании. Это бальзам, который залечит наши раны и станет более драгоценным украшением в наших домах, чем золото или серебро". [110] Поэтому он сразу же сосредоточился на реализации плана, который был ему так близок. Взяв за основу существующий перевод (несомненно, сделанный Тиндейлом), он разделил Новый Завет на десять частей, переписал каждую отдельно и передал их наиболее ученым из епископов, молясь, чтобы они были возвращены ему со своими замечаниями. Он даже считал своим долгом не упускать из виду таких убежденных католиков, как Стоксли и Гардинер.

=МЯТЕЖНЫЕ СВЯЩЕННИКИ И ПРОПОВЕДНИКИ.=

В день, назначенный для возвращения и изучения этих различных фрагментов (июнь 1553 г.), Кранмер приступил к работе и обнаружил, что *Деяний Апостолов* не хватает: они достались на долю епископа Лондонского. Когда секретарь примаса пошел попросить рукопись, Стоксли ответил в очень плохом настроении: "Я не понимаю милорда Кентерберийского. Давая людям Священное Писание, он ввергнет их в ересь. Я, конечно, не уделю этому и часа. Вот, верните книгу милорду". Когда секретарь передал его послание, Томас Лоунесс, один из друзей Кранмера, сказал с улыбкой: "Милорд Лондонский не возьмет на себя труд изучать Священные Писания, будучи убежден, что в Завете Иисуса Христа для него ничего нет". Многие части,

возвращенные другими епископами, были жалкими. Архиепископ понял, что ему следует найти коллег, более настроенных.

Вскоре Кранмеру пришлось выполнять еще одну функцию. Поскольку папство и мятеж открыто проповедовались в епархиях Винчестера и Лондона, [111] митрополит объявил о своем намерении посетить их. Два епископа яростно закричали, и Гардинер поспешил к королю: "Ваша светлость, - сказал он, - вот новый папа!" Все, кому было чего бояться, начали упрекать примаса в стремлении к почестям и власти. "Да простит меня Бог, - сказал он с простодушием, - если есть в мире что-либо, что мне дороже, чем *кожура яблока*. [112] Грамотами и печатями нашей конторы являются не бумага, не пергамент, не свинец и не воск, а сама христианская беседа людей". Король поддержал Кранмера, зная, что некоторые представители духовенства проповедовали подчинение папе. Посещение состоялось. Даже в Лондоне нашлись священники, которые принесли присягу, предписанную Генрихом VIII, и которые, тем не менее, "сделали из римского понтифика бога, [113] ставя его власть и его законы выше власти Господа нашего". "Я приказываю вам, - сказал король, - арестовывать всех, кто распространяет эти пагубные доктрины".

Франциск I. наблюдал за этими суровостями издалека. Он опасался, что они сделают союз между Францией и Англией невозможным. Поэтому он отправил Бриона, верховного адмирала Франции, в Лондон, чтобы примирить короля с папой римским, укрепить узы, объединявшие две страны, и в то же время он убедил Павла III. отменить указ Климента VII против Генриха VIII. [114] Но успех не увенчал его усилий: король Англии не очень верил в искренность папы римского или французского короля. Он был очень рад, что ему больше не приходится сталкиваться с иностранной властью в его собственных владениях, и думал, что его народ никогда не откажется от Реформации. Вместо того чтобы примириться с римским понтификом, он считал более удобным подражать папе и восстать против тех подданных, которые отказывались признавать его, короля, главой Церкви.

=РЕЗОЛЮЦИЯ КАРТУЗИАНЦЕВ.=

Сначала он напал на картезианцев, самый респектабельный из религиозных орденов Англии, которых считал самыми опасными. Там, где было больше всего доброты, было и больше силы; и эта сила вызвала недовольство деспотичного короля-Тюдора.

Монашеская жизнь, отвратительная в своих злоупотреблениях, даже в принципе противоречила Евангелию. Но мы должны признать, что в Средние века существовала определенная гармония между потребностями общества и монастырскими учреждениями. Многие и разнообразные мотивы влекли в монастыри людей, которые их заполняли; и если некоторые из них заслуживали осуждения, были и другие, ценность которых заслуживает того, чтобы их оценить. Именно эти ревностные монахи, даже защищая королевскую власть папы, наиболее энергично отвергали папство короля: этого было достаточно, чтобы навлечь на них королевскую месть. Однажды посланец от двора принес в Лондонскую хартию приказ отвергнуть римскую власть. Монахи, вызванные своим настоятелем, хранили молчание, когда услышали это сообщение, и только выражение их лиц выдавало смятение их умов. [115] "Мое сердце полно печали", - сказал приор Хотон. "Что нам делать? Если мы будем сопротивляться царю, наш дом будет заперт, а вы, молодые люди, будете брошены посреди мира, так что, начав здесь в духе, вы закончите там во плоти. Но, с другой стороны, как мы можем повиноваться? Увы! Я бессилен спасти тех, кого Бог вверил моему попечению!" При этих словах картузианцы

"расплакались"; [116] а затем, ободрившись перед лицом опасности, они сказали: "Мы погибнем вместе в нашей целостности; и небо и земля возопят против несправедливости, которая нас угнетает". — "Если бы Бог мог, чтобы это было так, - воскликнул Настоятель, - но именно это они и сделают. Они предадут смерти меня - меня и самого старшего из нас, — а младших отправят в мир, который научит их своим злым делам. Я готов отдать свою жизнь, чтобы спасти вас; но если одна смерть не удовлетворит короля, тогда давайте умрем все!" — "Да, мы все умрем", - ответили братья.— А теперь давайте подготовимся к общей исповеди, - сказал приор, - чтобы Господь счел нас готовыми.

На следующее утро двери часовни открылись, и все монахи вошли строем. Их серьезные взгляды, их бледные лица, их неподвижные глаза, казалось, выдавали людей, ожидающих своих последних мгновений. Приор вззошел на кафедру и прочитал шестидесятый псалом: "*О Боже, ты отверг нас.*" Дойдя до конца, он сказал: "Братья мои, мы должны умереть в милосердии. Давайте простим еще одного". При этих словах Хотон спустился с кафедры и поочередно преклонил колени перед каждым братом, говоря: "О брат мой, я прошу у тебя прощения за все мои проступки!" Остальные монахи, каждый в свою очередь, совершили это последнее признание.

Через два дня после этого они отслужили мессу сошествия Святого Духа. Сразу после вознесения монахам показалось, что они слышали "легкое шипение ветра". [117] Их сердца наполнились нежной привязанностью: они поверили, что на них сошел Святой Дух, и настоятель, тронутый этой удивительной благодатью, расплакался. Энтузиазм смешивал необыкновенные фантазии с их благочестивыми эмоциями.

Королю, очевидно, нечего было опасаться в этом квартале. Его короне угрожали более грозные враги. В различных частях, особенно в Линкольншире и Йоркшире, [118] можно было найти отважных сторонников папства, которые пытались поднять народ на восстание; и тысячи англичан на Севере были готовы помочь им силой оружия. В то же время Ирландия хотела переправить своих солдат через канал Святого Георгия и свергнуть короля с его трона. Решение, с которым Фишер, сэр Томас Мор и картезианцы сопротивлялись Генриху, не преследовало своей целью немедленного восстания, но оно подтолкнуло толпу к восстанию. Поэтому правительство, решив, что пришло время нанести удар, направило картезианцам абсолютный приказ признать королевское превосходство.

=РИМ И СВОБОДА НЕСОВМЕСТИМЫ.=

В то время на самом деле не было свободы ни с одной, ни с другой стороны. Рим, не признавая этого, был последователен сам с собой; но не таков протестантизм, отрицающий это. Реформация, не признающая никакого другого суверенного Господа и Учителя, кроме Бога, по необходимости должна предоставить совесть этому Верховному Учителю, человек не имеет к этому никакого отношения. Но Римская церковь, признавая человека своим главой и почитая папу римского как представителя Бога на земле, претендует на власть над душой. Люди могут напрасно говорить, что они находятся в гармонии с Богом и Его Словом: вопрос не в этом. Главное - быть в согласии с папой Римским. Этот старик, восседающий на троне Ватикана на традициях Школы и буллах своих предшественников, является их судьей: они обязаны в точности следовать его линии, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Если они отвергают статью, хоть крупицу папской конституции, они должны быть изгнаны. Такая система, враг любой свободы, даже самой законной, воздвиглась в шестнадцатом веке подобно высокой стене,

разделяющей Рим и новое поколение. Это угрожало уничтожить в будущем ту власть, которая восторжествовала в прошлом.

После празднования Пасхи 1535 года главы двух других картезианских домов — Роберт Лоуренс, приор Бельваля, и Августин Вебстер, приор Аксхолма — прибыли в Лондон, повинувшись полученному ими приказу, и вместе с приором Хотон посетили Кромвеля. Поскольку они отказались признать королевское превосходство, их отправили в Тауэр. Неделью спустя они согласились принести присягу, добавив: "Насколько позволяет закон Божий". — "Никаких ограничений", - ответил Кромвель. 29 апреля они предстали перед судом, когда заявили: "Мы никогда не поверим ничему, что противоречит закону Божьему и учению нашей святой матери-Церкви". Сначала присяжные проявили некоторый интерес к их делу, но Хотон бесполезно усугубил свое положение. "Вы можете выдвинуть в пользу вашему мнению только парламент одного королевства, - сказал он, - что касается моего, я могу выдвинуть весь христианский мир". Присяжные признали троих подсудимых виновными в государственной измене. [119] Затем правительство перешло к более выдающимся жертвам.

К Фишеру и Другим, заключенным в ту же тюрьму, теперь относились с большим вниманием. [120] Говорили, однако, что эти прославленные пленники пытались даже в Тауэре подстрекнуть народ к восстанию. Король и Кромвель с трудом могли в это поверить, но они вообразили, что если эти два ведущих человека уступят, то их пример увлечет за собой непокорных: поэтому они подверглись новому испытанию. Но они оказались такими же упрямыми, как и их противники, и, возможно, более умелыми. "Я больше не имею отношения к титулам, которые должны быть даны папам и принцам, - сказал сэр Томас. - мои мысли только с Богом". [121]

Суд надеялся запугать этих выдающихся личностей казнью трех приоров, которая состоялась 4 мая 1535 года. Маргарет поспешила к отцу. Вскоре процессия прошла под его окном, и любящая молодая женщина использовала все средства, чтобы отвлечь сэра Томаса от этого зрелища, но он не отводил глаз. Когда все закончилось, он повернулся к своей дочери: "Мэг, - сказал он, - ты видела этих святых отцов; они шли на смерть так же радостно, как если бы были женихами, собирающимися пожениться". [122]

=КАЗНЬ КАРТЕЗИАНЦЕВ.=

Заключенные шли спокойно: на них были облачения священнослужителей, церемония унижения не проводилась, без сомнения, для того, чтобы показать, что папская хиротония не может защитить правонарушителей. Хотон, настоятель Лондонского чартерного дома, первым поднялся по трапу. "Я молю всех, кто меня слышит, - сказал он, - засвидетельствовать за меня в страшный судный день, что я не повинуюсь королю не из упрямой злобы или мятеха, а только из страха Божьего". Теперь веревка была надета ему на шею. "Святой Иисус!" - воскликнул он, "смилуйся надо мной", и испустил дух. Затем другие приоры выступили вперед. "Бог явил нам великую милость, - говорили они, - призвав нас умереть, защищая католическую веру. Нет, король не является главой Англиканской церкви". Несколько минут спустя эти монахи, одетые в рясы своего ордена, уже раскачивались в воздухе. Это было одно из преступлений, совершенных, когда незаконная тиара понтификов была незаконно возложена на голову короля Англии. Другие картезианцы были казнены несколько позже.

Тем временем Генрих VIII. желал сохранить равновесие между папистами и еретиками. Римские трибуналы наносили удары только по одной стороне, но этот странный принц гордился тем, что

наносил удары по обеим сторонам сразу. Такая возможность представилась. Некоторые анабаптисты из Нидерландов были осуждены 25 мая: двое из них были доставлены в Смитфилд, а двенадцать других разосланы по разным городам, где они подверглись казни через сожжение. Все они шли на смерть с веселыми сердцами. [123]

Настал черед прославленных пленников.

[104] Жизнь *Мора*, стр. 252.

[105] Там же. стр. 253.

[106] Страйп, *Церковные мемориалы*, i. стр. 270.

[107] *Мемориалы*, стр. 24.

[108] "Епископ Рима и собрат". -Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 280.

[109] Ли Кромвелю.—*Государственные документы*, i. стр. 428.

[110] *Письма и останки Кранмера*, стр. 120.

[111] "Они скорее проповедовали крамолу, чем назидание". —Кранмер, *Письма и останки*, стр. 296.

[112] Там же. стр. 305.

[113] "Превращение его в бога". Письмо короля.—Strype, *Записи*, i. стр. 208.

[114] См. *Государственные документы*, том vii, содержащий письма Кромвеля, Генриха VIII, Да Казале, Брайона и Франциска I. (март -июнь 1535 г.)

[115] *История. Мартирум англ.*—Strype, *Записи*, i. стр. 302. Это повествование основывается, в частности, на свидетельстве картезианца, которое, хотя и пристрастно, носит, однако, характер истины.

[116] Strype, *Записи*, i. стр. 301.

[117] Витус вызывает Далкера, *Привет. Март. Англ.*—Strype, *Записи*, i. стр. 302.

[118] Ковердейл, *Останки*, стр. 329. — *Письма и останки* Крэнмера, стр. 351, 352, 354.

[119] Страйп, *Мемориалы*, i. стр. 305.

[120] 'Tractabantur humanius atque mitius quam par fuisset pro eorum demeritis.'—*State Papers*, vii. p. 634.

[121] *More's Life*, стр. 256.

[122] Там же. стр. 246.

[123] Тиндейл, i. p. lxx.—Латимер, i. p. 60.—Коллиер, ii. p. 99.

ГЛАВА VI.

КАЗНЬ ЕПИСКОПА ФИШЕРА И СЭРА ТОМАСА МОРА.

(С мая по сентябрь 1535 г.)

Вскоре после смерти картезианцев Кромвель нанес еще один визит. Генрих VIII. любил своего бывшего канцлера и желал спасти ему жизнь. "Я ваш друг, - сказал Кромвель, - а король - добрый и милостивый к вам господин". Затем он еще раз предложил Мору принять акт парламента, провозглашающий верховенство короля; и те же шаги были предприняты в отношении Фишера. Оба отказались от того, о чем просили. С этого момента исполнение приговора нельзя было долго откладывать. Мор почувствовал это и, как только государственный секретарь ушел от него, взял кусок угля и написал на стене несколько стихов, выражающих покой его души.

=ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ФИШЕРА.=

Однако Генрих и его министр, казалось, колебались. Их не слишком беспокоило наказание нескольких папистов и малоизвестных анабаптистов; но предать смерти бывшего канцлера королевства и старого наставника короля - обоих личностей, столь прославленных и почитаемых во всем христианском мире, — это совсем другое дело. Прошло несколько недель. Это был акт папы римского, который ускорил смерть этих двух мужчин. Примерно 20 мая Павел III назначил определенное количество кардиналов: Джона Дю Белле, Контарини, Караччоло и, наконец, Фишера, епископа Рочестерского. Весть об этом творении обрушилась на Рим и Лондон подобно раскату грома. Да Казале, агент Генриха при папском дворе, воскликнул, что это нанесло его господину величайшее оскорбление из всех возможных: об этом заговорил весь город. [124] "Ваше святейшество никогда не совершало более серьезной ошибки, чем эта", - сказал Да Казале папе римскому. [125] Пол попытался оправдаться. Поскольку Англия хотела примириться с Ватиканом, сказал он, ему казалось, что он не может сделать ничего лучшего, чем назначить английского кардинала. Когда Фишер услышал эту новость, он благочестиво сказал: "Если бы кардинальская шляпа лежала у моих ног, я бы не поклонился, чтобы поднять ее". Но Генрих не отнесся к этому так спокойно: он расценил действия Павла как дерзкий вызов. Воздавать высшие почести человеку, осужденному за государственную измену, — разве это не поощряет подданных к бунту? Генрих, казалось, считал, что нет необходимости отнимать жизнь у старика, конец которого мог быть не за горами; но папа разозлился и бросил ему вызов. Поскольку Фишера причисляют к кардиналам в Риме, в Англии он будет причислен к мертвым. Пол может, сколько ему заблагорассудится, посылать ему шляпу; но когда шляпа прибывает, головы, на которую ее можно будет надеть, не будет. [126]

14 июня 1535 года Томас Беделл и другие судебные исполнители проследовали в Тауэр. Епископ не дал никакого ответа на требование признать короля главой Церкви. Сэр Томас Мор, когда его, в свою очередь, спросили, ответил: "Мое единственное занятие - размышлять о страстях Христовых". [127] "Признаете ли вы короля верховным главой Церкви?" - спросил Беделл. "Верховенство королевской власти устанавливается законом". — "Этот закон - палка о двух концах", - ответил бывший канцлер. "Если я принимаю это, это убивает мою душу; если я отвергаю это, это убивает мое тело". [128]

Три дня спустя епископа приговорили к обезглавливанию. Когда поступил приказ о его казни, заключенный спал: они уважали его сон. В пять часов следующего утра, 22 июня 1535 года,

Кингстон вошел в его камеру, разбудил его и сказал, что с благоволения короля он должен быть казнен сегодня утром. - Я смиреннейшим образом благодарю его Величество, - сказал старик, - за то, что ему угодно освободить меня от всех мирских дел. Дай мне еще только час или два, потому что прошлой ночью я очень плохо спал. Затем, отвернувшись к стене, он снова заснул. Между семью и восемью часами он позвал своего слугу, снял власяницу, которую носил рядом с кожей, чтобы умертвить плоть, и отдал ее мужчине. "Пусть никто этого не видит", - сказал он. "А теперь принесите мне мою лучшую одежду". — "Милорд, — сказал изумленный слуга, - "разве ваша светлость не знает, что через два часа вы ее никогда больше не снимете, чтобы надеть?" - "Именно так, - ответил Фишер. - Сегодня день моей свадьбы, и я должен одеться как на праздник". [129]

=ХРИСТИАНСКАЯ СМЕРТЬ ФИШЕРА.=

В девять часов появился лейтенант. Старик взял свой Новый Завет, перекрестился и вышел из камеры. Он был высок, шести футов ростом, но его тело согнулось от старости, а слабость была настолько велика, что он с трудом спускался по лестнице. Его усадили в кресло. Когда носильщики остановились у ворот Тауэра, чтобы узнать, готовы ли шерифы, Фишер встал и, прислонившись к стене, открыл свое Завещание и, подняв глаза к небу, сказал: "О Господи! Я открываю его в последний раз. Даруй мне найти какое-нибудь слово утешения до конца, чтобы я мог прославить Тебя в мой последний час". Первые слова, которые он увидел, были такими: *И сия есть жизнь вечная, да познают они Тебя, единственного истинного Бога, и Иисуса Христа, которого Ты послал.* [130] Фишер закрыл книгу и сказал: "Этого достаточно. Здесь я узнаю достаточно, чтобы продержаться до конца своей жизни". [131]

Похоронная процессия пришла в движение. Облака скрыли лик солнца; день был мрачный; улицы, по которым они проезжали, казались скучными и находили отклик в сердцах людей. Большой отряд вооруженных людей окружил благочестивого старца, который продолжал вполголоса повторять слова своего Завещания: *Hæc est autem vita æterna, ut cognoscant te solum Deum et quem misisti Jesum Christum.* Они добрались до Смитфилда. "Мы поможем тебе взойти", - сказали его носильщики у подножия эшафота. "Нет, господа", - ответил он, а затем добавил веселым тоном: "Идемте, ноги! исполняй свой долг, тебе недалеко идти". [132] Как только он взошел на эшафот, вспыхнуло солнце и осветило его лицо: *Они посмотрели на него, и им стало легче,* воскликнул он, *и на их лицах не было стыда.* [133] Было десять часов. Благородная осанка и благочестие престарелого епископа внушали всем окружающим уважение. Палач опустился перед ним на колени и попросил прощения. - От всего сердца, - ответил он. Сбросив с себя рясу и меховую мантию, он повернулся к людям и сказал серьезно и радостно: "Христиане, я отдаю свою жизнь за веру в святую Католическую Церковь Христа. Я не боюсь смерти. Однако помогите мне своими молитвами, чтобы, когда опустится топор, я мог оставаться твердым. Боже, храни короля и королевство!" Сияние его лица в этот момент поразило зрителей. Он упал на колени и сказал: "Вечный Боже, я надеюсь на твое избавление". Палач приблизился и завязал ему глаза. Епископ воздел руки, издал крик к небесам и положил голову на плаху. Вершитель судеб схватил свой тяжелый топор и одним ударом отсек голову. По приказу Генриха оно было выставлено напоказ на Лондонском мосту; но солдаты отнесли тело на церковный двор Баркинга, где своими алебардами вырыли для него скромную могилу. Были высказаны сомнения в деталях этой смерти; мы считаем их достоверными, и нам доставляет удовольствие сообщать о них, чтобы возложить корону на могилу римско-католического епископа, чей конец был смертью благочестивого человека.

Теперь настала очередь сэра Томаса Мора. 1 июля 1535 года он был вызван в суд королевской скамьи. Бывший канцлер Англии покинул свою тюрьму в фризном плаще, который испортился в подземелье, и пешком прошел по самым оживленным улицам Лондона по дороге в Вестминстер. Его худое бледное лицо; его седые волосы, на которых сказалося не время, а скорбь и заточение; посох, на который он опирался, [134] поскольку ходил он с трудом, производили глубокое впечатление на людей. Когда он подошел к стойке того трибунала, на котором так часто председательствовал, и огляделся вокруг, хотя и ослабленный страданиями, с выражением, полным кротости, все зрители были тронуты. Обвинительный акт был длинным и запутанным: [135] его обвинили в государственной измене. Сэр Томас, стараясь удержаться на ногах, сказал: "Милорды, обвинения, выдвинутые против меня, столь многочисленны, что, боюсь, учитывая мою огромную слабость, я не смогу вспомнить их все". Он остановился: его тело дрожало, и он был близок к падению. Ему принесли стул, и, заняв свое место, он продолжил: "Я никогда не произносил ни единого слова против устава, который провозглашает короля главой Церкви". — "Если мы не можем предъявить ваши слова, - сказал королевский прокурор, - мы можем предъявить ваше молчание". — "Никто не может быть осужден за свое молчание", - благородно ответил Мор. "*По молчаливому согласию видetur*, по словам юристов, молчание дает согласие". [136]

=ПРИГОВОР СЭРУ ТОМАСУ МОРУ.=

Его ничто не могло спасти: присяжные вынесли вердикт "виновен". "Теперь, когда все кончено, - сказал подсудимый, - я буду говорить. Да, клятва превосходства незаконна. Великая хартия установила, что *Англиканская церковь свободна*, так что ее права и вольности могут быть в равной степени сохранены". [137] — "Церковь должна быть *свободной*", — сказали юристы: "Следовательно, она не является рабыней папы". - "Да, *свободной*", - парировал Мор; "Следовательно, она не является рабыней короля". Затем канцлер вынес приговор, приговорив его к повешению в Тайберне, а затем четвертованию, пока он был еще жив. Генрих избавил своего прославленного подданного и старого друга от этого жестокого наказания и приказал просто обезглавить его. - Боже, спаси всех моих друзей от милости его Величества, - сказал сэр Томас, - и избавь моих детей от подобных поблажек.... Я надеюсь, милорды, - сказал экс-канцлер, смиренно поворачиваясь к своим судьям, - что, хотя вы осудили меня на земле, мы все еще сможем встретиться на небесах.

Приблизился сэр Уильям Кингстон; вооруженные стражники окружили приговоренного, и печальная процессия двинулась вперед. Один из надзирателей Башни шел впереди, неся топор острием в сторону Мора; [138] это был знак народу о судьбе заключенного. Как только он переступил порог двора, его сын, который ждал его, растерянно и в слезах упал к его ногам: "Твое благословение, отец, - воскликнул он, - твое благословение!" Мор поднял его, нежно поцеловал и благословил. Его дочери Маргарет там не было: она сразу же упала в обморок, услышав об осуждении своего отца. [139] Его отвезли обратно в тюрьму на лодке, возможно, для того, чтобы скрыть этого невинного и прославленного человека, с которым обращались как с преступником, от глаз жителей Лондона. Когда они приблизились к Башне, губернатор, который до тех пор сдерживал свои эмоции, повернулся к Мору и попрощался с ним, по его щекам текли слезы. [140] "Мой дорогой Кингстон, - сказал благородный узник, - не плачь; мы снова встретимся на небесах". — "Да!" - сказал лейтенант Тауэра, добавив: "Вы утешаете меня, когда я должен утешать вас". Огромная толпа заполнила причал, к которому должна была пристать лодка. Среди этой толпы, так жаждущей скорбного зрелища, была молодая женщина,

трепещущая от волнения и молча ожидающая процессии: это была Маргарет. Наконец она услышала шаги приближающихся стражников и увидела своего отца. Она не могла пошевелиться, силы покинули ее; она упала на колени там, где стояла. Ее отец, который узнал ее на расстоянии, поддавшись самым острым эмоциям, поднял руки и благословил ее. Маргарет этого было недостаточно. Это благословение вызвало в ней сильное волнение и вернуло жизнь в ее душу. Невзирая на свой пол, возраст и окружающую толпу, эта слабая женщина, к которой в этот высший момент сыновняя почтительность придавала силу многим мужчинам, по словам современника, [141] бросилась к своему отцу и, пробившись сквозь окружавших его офицеров и алебардщиков, [142] бросилась ему на шею и обняла его, восклицая: "Отец, отец!" Она не могла больше ничего сказать; горе лишило ее голоса: она могла только плакать, и слезы ее падали на грудь отца. [143] Солдаты остановились в волнении; сэр Томас, ставший жертвой одновременно нежнейшей любви и невыразимого горя, почувствовал, как будто меч пронзил его сердце. [144] Однако, придя в себя, он благословил свое дитя и сказал ей голосом, волнение которого он старался скрыть: "Дочь, я невиновен; но помни, что каким бы тяжелым ни был удар, нанесенный мне, он исходит от Бога. Подчини свою волю благоволению Господа".

=МОР И ЕГО ДОЧЬ.=

Капитан эскорта, желая положить конец сцене, которая могла взбудоражить народ, приказал двум солдатам увести Маргарет; но она вцепилась в отца руками, похожими на железные прутья, и ее с трудом удалось оторвать. [145] Едва ее поставили на землю в нескольких шагах от него, как она снова вскочила и, оттолкнув тех, кто разлучил ее с тем, кого она так любила, снова пробилась сквозь толпу, бросилась ему на шею и несколько раз судорожно поцеловала. В ней сыновняя любовь обладала всей неистовостью страсти. Мор, которого смертный приговор не смог тронуть, потерял всю энергию, и слезы потекли по его щекам. Толпа наблюдала за этой трогательной сценой с глубоким волнением, и "во всем отряде было очень мало тех, кто мог удержаться от слез; нет, не сами стражники". [146] Даже солдаты плакали и отказались снова вырвать дочь из рук отца. Двое или трое, однако, из менее взволнованных вышли вперед и унесли Маргарет. Женщины из ее окружения, которые сопровождали ее, немедленно окружили ее и унесли прочь от зрелища такой невыразимой печали. Заключение вошел в Башню.

Сэр Томас провел в тюрьме еще шесть дней и ночей. Мы, конечно, слышали о его благочестивых словах, но, похоже, мелкие занятия аскета слишком сильно поглощали его. Его истязания усилились: он ходил взад и вперед по своей камере, одетый только в простыню, как будто он уже был трупом, ожидающим погребения. [147] Он часто бичевал себя в течение длительного времени и с необычайной жестокостью. Но в то же время он предавался христианским размышлениям. "Я страдаю, - писал он одному из своих друзей, - заперт в темнице; но Бог в Своей милости скоро избавит меня от этого мира скорби. Стены больше не будут разделять нас, и мы будем вести вместе священные беседы, которым не помешает ни один тюремщик". [148] 5 июля, желая в последний раз попрощаться со своей дочерью, Мор взял кусочек угля (больше у него ничего не было) и написал ей: "Завтра день святого Фомы и день моего святого; соответственно, я чрезвычайно желаю, чтобы это был день моего отъезда. Дитя мое, я никогда не любила тебя так нежно, как тогда, когда ты в последний раз целовала меня. Мне нравится, когда дочерней любви не хватает времени, чтобы оглядываться на светскую вежливость. [149] ... Прощай, моя нежно любимая дочь; молись за меня. Я молюсь за всех вас до конца, чтобы мы могли встретиться на небесах".

Таким образом, одна из самых близких и священных привязанностей отца к своей дочери и дочери к своему отцу смягчила последние минуты жизни этого выдающегося человека. Сэр Томас прислал Маргарет свою власяницу и плетъ, которые он хотел скрыть от глаз равнодушных. Какое наследство!

В ту ночь он спал спокойно, а на следующее раннее утро (6 июля 1535 года), через две недели после смерти епископа, сэр Томас Поуп, один из его близких друзей, пришел сообщить ему, что он должен держать себя в руках. "Я благодарю короля, - сказал Мор, - за то, что он заключил меня в эту тюрьму, благодаря чему он дал мне возможность должным образом подготовиться к смерти. Единственное одолжение, о котором я прошу его, - это позволить моей дочери присутствовать на моих похоронах". Поуп вышел из камеры в слезах. Затем заключенный надел прекрасный шелковый халат, который подарил ему его богатый друг Бонвизи, купец из Лукки. "Оставьте это платье здесь, — сказал Кингстон, - ибо человек, которому оно достается по обычаю, всего лишь тюремщик". - "Я не могу смотреть на этого человека как на тюремщика, - ответил Мор, - который открывает мне врата рая".

=КАЗНЬ СЭРА ТОМАСА МОРА.=

В девять часов процессия покинула Тауэр. Мор был спокоен, его лицо было бледным, борода длинной и вьющейся; в руке он держал распятие, и его глаза часто были обращены к небу. Многочисленная сочувствующая толпа смотрела, как он проходит мимо — человек, которого когда-то так почитали, лорд—канцлер, лорд-верховный судья, президент палаты лордов, - которого вооруженные люди теперь вели на эшафот. Как раз в тот момент, когда он проходил перед домом убогого вида, бедная женщина, стоявшая в дверях, подошла к нему и предложила ему чашу вина, чтобы подкрепить его: "Спасибо, - мягко сказал он, - спасибо; Христос пил только уксус". По прибытии на место казни: "Дайте мне руку, чтобы помочь мне подняться", - сказал он Кингстону, добавив: "Что касается моего спуска, вы можете позволить мне переодеться самому". [150] Он взошел на эшафот. Сэр Томас Поуп по просьбе короля попросил его не произносить речей, опасаясь того эффекта, который этот прославленный человек может произвести на народ. Мор, однако, хотел сказать несколько слов, но шериф остановил его. "Я умираю, - с удовлетворением сказал он, - в вере Католической церкви и верным слугой Бога и короля". Затем он преклонил колени и повторил пятьдесят первый псалом: [151] *Помилуй меня, о Боже, по твоей человеколюбивой доброте: по множеству твоих нежных милостей изгладь мои прегрешения.* Когда он поднялся, палач попросил у него прощения: "Почему ты говоришь о прощении?" - ответил Мор. "Ты оказываешь мне величайшую доброту, которую я когда-либо получал от человека". Он пожелал, чтобы этот человек не боялся выполнять свою работу, и заметил, что у него очень короткая шея. Собственными руками он наложил себе на глаза повязку, а затем положил голову на плаху. Палач, державший топор, готовился нанести удар, когда Мор остановил его и, аккуратно отведя бороду набок, сказал: "По крайней мере, этот человек не совершил государственной измены". Такие слова, почти шутливые, без сомнения, пугают нас в такой момент; но часто наблюдалось, как сильные люди таким образом проявляют спокойствие своей души. Скорее всего, боялся, что его длинная борода смутит палача и смягчит удар. Наконец эта голова, в которой промелькнуло столько благородных мыслей, поникла; этот пронизательный ясный глаз был закрыт; эти красноречивые губы были губами трупа. Голова была выставлена на Лондонском мосту, и Маргарет исполнила болезненный долг, который завещал ей отец, благочестиво похоронив его тело.

=ЖЕРТВЫ ГЕНРИ.=

Таким образом, ценой своей жизни этот выдающийся человек протестовал против заблуждений жестокого правителя, узурпировавшего титул, данный Библией только Иисусу Христу. Многие евангельские мученики, которые были принесены в жертву в разных странах и которые должны были быть принесены в жертву, проявляли в целом, в большей степени, чем Фишер и многие Другие, горячую любовь к Спасителю, живую надежду на вечную жизнь; но никто не проявлял большего спокойствия, чем они. Эти два добрых человека хотели разобраться в том, что представляет собой чистое Евангелие; их благочестие слишком сильно привязывало их, как мы уже говорили, к монашеской практике; они (и особенно) в дни своего могущества преследовали учеников Господа и, хотя отвергали узурпацию короля, действовали как фанатичные защитники узурпации папы. Но в то время, когда было так много пресмыкающихся епископов и раболепствующей знати, когда почти каждый робко склонял голову перед безумным папством Генриха VIII, эти двое твердо стояли на своем. Мор и Фишер были товарищами Билни и Фрита по несчастью: их всех поразила одна и та же королевская рука. Мы сочувствуем жертвам и испытываем отвращение к палачу.

Смерть этих двух знаменитых людей вызвала огромную сенсацию. В Англии народ и даже знать были поражены. "Может ли это быть правдой, - спрашивали люди, — что Томас Мор, которого Генри знал с девяти лет, с которым он обычно вел дружеские беседы по вечерам на террасе своего загородного дома, за чей стол он любил садиться фамильярно, которого он выбрал, хотя он был всего лишь мирянином и рыцарем, преемником могущественного Вулси, - может ли это быть правдой, что по приказу короля он погиб от топора?" Могло ли быть правдой, что Фишера постигла та же участь — этого почтенного восьмидесятилетнего старика, который был его наставником, верным другом его бабушки и чьему учению он был обязан успехами, достигнутыми в учебе? Люди начали понимать, что сопротивление Тюдорам равносильно эшафоту. Все дрожали, и даже те, кто не знал двух жертв, не могли сдержать слез. [152]

Ужас, который эти казни вызвали среди просвещенных людей континента, демонстрировался с большей свободой и энергией. "Я мертв, - воскликнул Эразм, - поскольку мертв Мор: ибо, как говорит Пифагор, между нами была только одна душа". [153]— "О Англия! О нежно любимая страна, — сказал Реджинальд Поул, - он был не только отцом Маргарет, но и твоим отцом!" - "Этот год стал роковым для нашего ордена, - сказал Меланхтон реформатор. - Я слышал, что были убиты не только они, но и другие. Вы знаете, как подобные вещи сжимают мое сердце". [154] — "Мы изгоняем таких преступников, - резко сказал Франциск I. английскому послу, - но мы не предаем их смерти". — "Если бы в моем королевстве было два таких огня, - сказал Карл V, - я скорее отдал бы два моих самых сильных города, чем позволил бы им погаснуть". В Риме, в частности, гнев был ужасен. Они все еще льстили себе надеждой, что Генрих VIII. вернется к своим прежним симпатиям; но теперь надежды больше не было! Король предал смерти князя Церкви, и, как он поклялся, кардинальская шляпа не могла найти головы, чтобы надеть ее. Немедленно была созвана консистория: было зачитано трогательное письмо кардинала де Турнона, и все, кто его слышал, были тронуты даже до слез. Смущенные и потерявшие дар речи агенты Англии не знали, что делать; и, как они сообщали, опасаться было всего, чего следовало.

Возможно, никто не был так сбит с толку, как понтифик. Павел III. был осмотнительным, благоразумным, обдумывающим и выжидающим; но когда он решил, что момент настал, когда, по его мнению, дальнейших маневров не требуется, он больше не колебался, а нанес сильный

удар. Известно, что у него были две молодые родственницы, которых в своей слепой нежности он сделал кардиналами, несмотря на их молодость и представления императора. "Увы! - воскликнул он. - Я чувствую себя смертельно раненным, как будто у меня на глазах убили двух моих племянников". [155] Его самые преданные сторонники, и прежде всего кардинал его творения, преданы смерти! В его сердце произошло сильное движение; он довел себя до бешенства; ему захотелось ударить принца, жестокие поступки которого так глубоко ранили его. Его гнев вырвался наружу раскатом грома. 30 августа он издал буллу, достойную Григория VII, которую наиболее ревностные сторонники папства хотели бы изъять из папских архивов. [156] "Пусть король Генрих расскается в своих преступлениях, - сказал понтифик. - Мы даем ему девяносто дней, а его сообщникам шестьдесят, чтобы они явились в Рим. В случае невыполнения мы поражаем его мечом анафемы, проклятия и вечного проклятия; [157] мы забираем у него его королевство; мы объявляем, что его тело будет лишено церковного погребения; мы объявляем интердикт против его Государств; мы освобождаем его подданных от их клятвы верности; мы призываем всех герцогов, маркизов и графов изгнать его и его сообщников из Англии; мы освобождаем всех христианских князей от их клятв по отношению к нему, приказываем им выступить против него и ограничить его вернуться к послушанию, подобающему Святому Апостольскому престолу, отдав им все свое имущество за их вознаграждение, а ему и своим близким быть их рабами". [158]

Гнев произвел на понтифика такое же действие, как и опьянение; он утратил способность здраво мыслить и позволил увлечь себя угрозами и крайностями, которых ему было бы стыдно, будь он трезв. Соответственно, едва закончилось пьянство, как несчастный Пол поспешил спрятать своего быка и бережно отложил свои "тандерболты" в арсенал, чтобы достать их позже.

=ЖАЛКИЕ ОПРАВДАНИЯ ГЕНРИ.=

Генрих VIII, более спокойный, чем папа, услышав о его недовольстве, побоялся подтолкнуть его к крайностям; и Кромвель через месяц после даты буллы поручил Да Казале оправдать короля перед Ватиканом. "Фишер и многие другие, - должен был сказать он, - по всем пунктам внутренней политики Англии пришли к выводам, диаметрально противоположным спокойствию и процветанию королевства. Они вели тайные беседы с некоторыми людьми, известными своей дерзостью, и влили в сердца этих негодяев яд, который они предварительно приготовили сами. [159] Могли ли мы допустить, чтобы их преступление, распространяясь все шире и шире, нанесло смертельный удар государству? Фишер и Мор в одиночку выступали против законов, которые были приняты с общего согласия народа и были необходимы для процветания королевства. Наш *кротчайший* из государей не мог больше терпеть столь чудовищного оскорбления". [160]

Даже эти оправдания обвиняют и осуждают Генри. Ни Мор, ни Фишер не участвовали в заговоре против государства; их сопротивление было чисто религиозным; они были свободны действовать в соответствии со своей совестью. Возможно, было необходимо принять некоторые благоразумные меры в эпоху, еще мало пригодную для свободы; но ничто не могло оправдать эшафот, воздвигнутый по приказу короля для людей, к которым относились с всеобщим уважением.

[124] 'Qua de re tota urbe sermo fuit.'—*State Papers*, vii. p. 604.

- [125] 'Nunquam alias gravius erratum fuisse.'—*Ibid.*
- [126] 'Eo maturius truncatur capite.'—*Erasmi Epp.* i. p. 1543.
- [127] Допросы.—*Государственные документы*, i. стр. 432.
- [128] Жизнь Мора, стр. 271.
- [129] Фуллер, стр. 203.
- [130] Иоанн XVII. 3. Завещание было на латыни.
- [131] Фуллер, стр. 204.
- [132] 'Eia, pedes, officium facite; parum itineris jam restat.'—*Sanders*, p. 79.
- [133] Псалом xxxiv. 5.
- [134] "Он пошел туда, опираясь на свой посох". — *Жизнь*, стр. 255.
- [135] 'Longa et perplexa accusatio.'—*Polus, Pro Unitatis Defensione*, p. 63.
- [136] Жизнь Life, стр. 260. Герберт: *Генрих VIII.* стр. 393.
- [137] 'Ecclesia Anglicana libera sit, et habeat omnia jura integra, et libertates suas illæsas.'—*Herbert: Henry VIII.* p. 268.
- [138] *Жизнь*, стр. 274.
- [139] 'Exanimata dolore.'—*Polus, Pro Unitatis Defensione*.
- [140] *Жизнь*, стр. 274.
- [141] 'Cui jam pietas multorum virorum robur addiderat.'—*Polus, Pro Unitatis Defensione*, p. 66.
- [142] "Проходя сквозь толпу стражников, которые с дубинами и алебардами окружили его". — *Жизнь*, стр. 276.
- [143] 'Lacrymis sinum ejus applebat.'—*Polus, Pro Unitatis Defensione*, p. 66.
- [144] "Каким мечом это было для его сердца". — *Жизнь Мора*, стр. 278.
- [145] 'Ut vix ab eo divelli posset.'—*Polus, Pro Unitatis Defensione*, p. 66.
- [146] *Жизнь*, стр. 277.
- [147] "Завернутый в простыню, как труп, готовый к погребению". — *Жизнь*, стр. 279.
- [148] 'Ubi non arcebit a colloquio janitor.'—*Ad. Антон. Bonvisum mercatorem Lucensem*.
- [149] *Жизнь*, стр. 280.
- [150] *Жизнь*, стр. 286.
- [151] Пятидесятая часть Вульгаты: *Miserere mei, Deus*.

[152] 'Lacrimas tenere non potuerunt.'—Polus, *Pro Unitatis, Defensione*, p. 66.

[153] В Moro mihi videor extinctus, adeo *mia psuche*, juxta Pythagoram, duobus erat.'—Эрасми Эпп. стр. 1938.

[154] *Corpus Reformatorum*, ii. p. 918. "Орден" означает орден литераторов.

[155] 'Si videret ante se, occisos duos suos nepotes.'—*State Papers*, vii. p. 621.

[156] Лингард, iii. глава iv.

[157] 'Anathematis, maledictionis, et damnationis eternæ mucrone percutimus.'—*Bullarium Romanum*, 3 Kal. Сентябрь 1535 года.

[158] 'Et eos capientium servos fieri decernentes.'—*Ibid*.

[159] 'In horum sinum, jam antea conceptum pectore venenum evomebant.'—*State Papers*, vii. p. 634.

[160] 'Sustinere diutius non potuit mitissimus Rex istorum culpam tam atrocem.'—*State Papers*, vii. p. 635.

ГЛАВА VII.

ПОСЕЩЕНИЕ МОНАСТЫРЕЙ: ИХ СКАНДАЛЫ И ПОДАВЛЕНИЕ.

(Сентябрь 1535-1536 гг.)

За смертью покойного наставника и друга принца должна была последовать мера менее жестокая, но гораздо более общая. Папа, который так грубо обращался с королями, не должен удивляться, если короли сурово обращались с монахами. Генрих знал — действительно, был близким свидетелем их ленивой и часто нерегулярной жизни. Однажды, когда он охотился в Виндзорском лесу, он сбился с пути, возможно, намеренно, и примерно к обеду постучал в ворота Редингского аббатства. Представившись одним из гвардейцев его Величества, аббат сказал: "Вы пообедаете со мной", - и король сел за стол, уставленный обильными и изысканными блюдами. Внимательно все осмотрев, он сказал: "Я остановлюсь на этой вырезке", - указывая на кусок говядины, который с аппетитом съел. [161] Аббат смотрел на это с восхищением. "Я бы отдал сто фунтов, - воскликнул он, - чтобы есть с таким же аппетитом, как вы; но увы! мой слабый и измученный желудок с трудом переваривает куриное крылышко". — "Я знаю, как вернуть тебе аппетит", - подумал король. Через несколько дней в монастырь явились какие-то солдаты, увели настоятеля и заперли его в Башне, где его посадили на хлеб и воду. "Что я такого сделал, - продолжал спрашивать он, - что навлек на себя неудовольствие его Величества до такой степени?" Через несколько недель Генри отправился в тюрьму штата и, спрятавшись в прихожей, откуда мог видеть аббата, приказал подать перед ним говяжью вырезку. Изголодавшийся монах, в свою очередь, набросился на косяк и (согласно традиции) съел его весь. Тут показался король: "Сэр аббат, - сказал он, - я излечил вас от ваших угрызений совести; теперь заплатите мне мое жалованье. Это сто фунтов, вы знаете." Аббат расплатился и вернулся к чтению; но Генри никогда после этого не забывал о монашеской кухне.

=СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЕЙ.=

Состояние монастырей стало поводом для скандала: на многие столетия в большинстве этих учреждений прекратилась всякая религиозная жизнь. Монахи, как правило, жили в праздности, обжорстве и распущенности, и монастыри, которые должны были быть обителями святых, во многих случаях превратились просто в притоны ленивых обжор и нечистых на руку сластолюбцев. "Единственный закон, который они признают, - сказал Лютер, говоря об этих монастырях, - это закон о семи смертных грехах". История сталкивается здесь с двойной опасностью: первая заключается в том, что скрывается то, что существенно, скандальные факты, оправдывающие подавление монастырей; другая - в том, что говорится о вещах, которым нельзя дать названия. Мы должны стремиться лавировать между этими двумя зыбучими песками.

Все классы общества испытывали отвращение к монастырям: простые люди говорили монахам: "Мы тяжко трудимся, в то время как вы ведете легкую и комфортную жизнь". Знать смотрела на них с завистью и иронией, которые угрожали их богатству. Юристы считали их паразитическими растениями, которые отнимают у других необходимую им пищу. Все это заставило религиозные ордена с тревогой воскликнуть: "Если у нас больше нет папы, который защищал бы нас, то с нами и нашими монастырями покончено". И они принялись за дело, чтобы помешать Генриху отделиться от папы: они распространяли анонимные истории, бунтарские песни, банальные пасквилы, страшные пророчества и едкие сатиры на короля, Анну Болейн и друзей Реформации. Они проводили таинственные беседы с недовольными и пользовались исповедальней, чтобы встревожить слабоумных. "Верховенство папы римского, - говорили они, - является фундаментальным догматом веры: никто, отвергающий его, не может быть спасен". Люди начали опасаться всеобщего восстания.

Когда Лютеру сообщили, что Генрих VIII. отменив власть папы в своем королевстве, но сохранив религиозные ордена, он улыбнулся этой ошибке: "Король Англии, - сказал он, - ослабляет тело папства, но в то же время укрепляет душу". [162] Это не могло продолжаться долго.

=СОВЕТ КРОМВЕЛЯ.=

Теперь Кромвель достиг высоких почестей и должен был подняться еще выше. Он думал вместе с Лютером, что папа и монахи не могли существовать или пасть друг без друга. После упразднения римского понтифика возникла необходимость в упразднении монастырей. Именно он уговорил короля занять место главы Церкви; и теперь он действительно хотел, чтобы это было так. - Сир, - обратился он к Генриху, - очистите Господне поле от всех сорняков, которые заглушают хорошую кукурузу, и разбросайте повсюду семена добродетели. [163] В 1525, 1528, 1531 и 1534 годах сами папы оказывали вам помощь в подавлении монастырей; теперь вы больше не нуждаетесь в их помощи. Не сомневайтесь, сир: самых фанатичных врагов вашей верховной власти можно найти в монастырях. Там зарыты богатства, необходимые для процветания нации. Доходы религиозных орденов намного превышают доходы всего дворянства Англии. Монастырские школы пришли в упадок, и нужды времени требуют более совершенных. Подавлять папу римского и удерживать монахов - все равно что низложить генерала и передать крепости страны его армии. Сир, подражайте примеру протестантов и уничтожьте монастыри".

Такие высказывания встревожили друзей папства, которые решительно выступили против плана, который они считали кощунственным. "Эти основания были посвящены Всемогущему Богу, - сказали они королю. - Поэтому уважайте те убежища, где благочестивые души живут в созерцании". [164] "Созерцание!" - сказал сэр Генри Колт, улыбаясь. - "Завтра, сир, я берусь представить доказательства того, какого рода созерцанию предаются эти монахи". После чего, говорит историк Колт, зная, что определенное количество монахов Уолтемского аббатства любили беседовать с дамами и обычно проводили ночи с монахинями Чешемского монастыря. , подошел к узкой тропинке, по которой монахам предстояло пройти на обратном пути, и растянул поперек нее одну из прочных сетей, используемых при охоте на оленей. Ближе к рассвету, когда монахи с фонарями в руках пробирались через лес, они внезапно услышали громкий шум позади себя — он был вызван людьми, которых Колт разместил специально для этой цели, — и, мгновенно задув свои фонари, они поспешили прочь, когда попали в уготованные им трудности. [165] На следующее утро он представил их королю, который от души посмеялся над их жалким видом. "Я часто видел дичь получше, - сказал он, - но никогда более жирную. Конечно, - добавил он, - я могу лучше распорядиться деньгами, которые монахи тратят на свои разгулы. Побережье Англии нуждается в укреплении, мой флот и армия должны быть увеличены, а гавани должны быть построены для торговли, которая расширяется с каждым днем. [166] Все это стоит усилий по подавлению домов нечистоты".

Защитники религиозных орденов не были обескуражены и утверждали, что нет необходимости закрывать все монастыри из-за нескольких провинившихся домов.

=ВОЗРОЖДАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ МИРЯН.=

Доктор Лейтон, бывший офицер Вулси, предложил промежуточный курс: "Пусть король распорядится о всеобщем посещении монастырей, - сказал он, - и таким образом он узнает, следует ли ему секуляризировать их или нет. Возможно, простой страх перед этой проверкой побудит монахов уступить желаниям его Величества." Генрих поручил Кромвелю выполнение этой меры и с этой целью назначил его наместником и генеральным викарием, передав ему всю церковную власть, которая принадлежала королю. [167] "Ты посетишь все церкви, - сказал он, - даже митрополита, независимо от того, будет ли кафедра вакантной или нет; все монастыри, как мужские, так и женские; и ты исправишь и накажешь любого, кто будет признан виновным". Генри отдал своему викарию преимущество перед всеми пэрами и постановил, что мирянин должен председательствовать в собрании духовенства вместо примаса; контролировать администрацию не только епископов, но и архиепископов; подтверждать или аннулировать выборы прелатов, лишать их полномочий или отстранять от должности и созывать синоды. Это было в начале сентября 1535 года. Таким образом, влияние мирян вновь вошло в Церковь, но не через соответствующую дверь. Они выступили во имя короля и его провозглашений, в то время как им следовало бы выступить во имя Христа и Его Слова. Король проинформировал примаса, а через него всех епископов и архидиаконов, что, поскольку всеобщее посещение вот-вот начнется, они больше не должны осуществлять свою юрисдикцию. [168] Изумленные прелаты делали представления, но они были бесполезны: их самих и их коллег должны были осмотреть миряне. Хотя совершение последнего не содержало требуемых условий, а именно делегирования паствы, этот акт был довольно очевидным признаком того, что восстановление членов Церкви к их функциям в то время предвиделось и, возможно, даже рассматривалось многими как одна из наиболее существенных частей Реформации Англии.

Монахи задрожали. Веры в монастыри больше не существовало - даже в самих монастырях. Доверие к монашеской практике, реликвиям и паломничествам ослабевало; бревна монастырей были изъедены червями, их стены вот-вот могли рухнуть, и здание Средневековья, пошатнувшееся на своем фундаменте, не смогло выдержать нанесенных ему серьезных ударов. Когда антиквар исследует какую-нибудь древнюю гробницу, он натывается на скелет, по-видимому, хорошо сохранившийся, но рассыпающийся в прах от малейшего прикосновения пальца; подобным же образом могущественной руке шестнадцатого века достаточно было прикоснуться к большинству этих монастырских учреждений, чтобы стереть их в порошок. Настоящим разрушителем религиозных орденов не был ни Генрих VIII, ни другие, и не Кромвель: это был всепожирающий червь, которого они годами и столетиями носили за пазухой.

Генеральный викарий назначил своих уполномоченных [169], а затем собрал их, как главнокомандующий созывает своих генералов. В первом ряду шел доктор Лейтон, его старый товарищ по дому Вулси, умелый человек, хорошо знавший дело и не забывавший о своих собственных интересах. За ним последовал доктор Лаудон, человек беспримерной активности, но без характера и флюгера, поворачивающегося на любой ветер. С ним был сэр Ричард Кромвель, племянник главного викария, честный человек, хотя и желавший пробиться сквозь влияние своего дяди. Он был предком другого Кромвеля, гораздо более знаменитого, чем наместник Генриха VIII. Двумя другими были Томас Лег и Джон Апприс, самые смелые из коллег королевских министров; помимо других людей с хорошо известными способностями. Наместник вручил им инструкции для руководства, вопросы, которые они должны были задать монахам, и предписания, которые они должны были наложить на аббатов и настоятелей; после чего они отправились выполнять свою миссию.

Университеты, которые, к сожалению, нуждались в реформе, не остались без внимания Генри и его представителя. С тех пор как Гаррет, священник лондонского прихода, распространил Новый Завет в Оксфорде, священный том был изгнан из этого города, так же как *Прощение нищего* и другие евангелические писания. За пробуждением последовал сон. Члены университета, особенно некоторые священнослужители, которые, оставив свои приходы, приехали и поселились в Оксфорде, чтобы насладиться прелестями Капуи, [170] проводили свою жизнь в праздности и чувственности. Королевские уполномоченные вывели их из этого оцепенения. Они свергли с престола Дунса Скотта, "хитрого врача", который правил там триста лет, и листы его книг были развеяны по ветру. Схоластика пала; были учреждены новые лекции; философское преподавание, естественные науки, латынь, греческий и богословие были расширены и развиты. Студентам запретили посещать таверны, а священников, приехавших в Оксфорд наслаждаться жизнью, отправили обратно в свои приходы.

=КРАНМЕР ОСУЖДАЕТ РИМ.=

Посещение монастырей началось с Кентерберийских, первосвященнической церкви Англии. В октябре 1535 года, вскоре после Михайлова дня, доктор Лейтон, посетитель, вошел в собор, и архиепископ Кранмер поднялся на кафедру. Он видел Рим: у него было глубокое убеждение, что этот город оказывает пагубное влияние на весь христианский мир; он хотел, как примас, воспользоваться этой важной возможностью, чтобы публично порвать с ней. "Нет, - сказал он, - епископ Рима не является наместником Бога. Напрасно вы будете говорить мне, что Римский престол называется *Святая Святых*, а его епископ носит титул *Sanctissimus Papa*: святость папы - это всего лишь святость по названию. [171] Тщеславие, мирская пышность, безудержная

похоть и бесчисленные пороки преобладают в Риме. Я видел это собственными глазами. Папа утверждает, что своими церемониями прощает людям их грехи: это серьезная ошибка. Их затушевывает только одно произведение, а именно смерть Господа нашего Иисуса Христа. До тех пор, пока существует Римский престол, не будет лекарства от того зла, которое одолевает нас. Все эти много лет я ежедневно молился Богу о том, чтобы я увидел, как разрушается могущество Рима". [172] Столь откровенные высказывания неизбежно вызвали недовольство приверженцев папы, и соответственно, когда Кранмер упомянул о своей энергичной ежедневной молитве, настоятель доминиканцев, дрожа от возбуждения, воскликнул: "Какой недостаток милосердия!"

Он был не единственным человеком, охваченным негодованием и страхом. Как только проповедь закончилась, доминиканцы собрались, чтобы помешать архиепископу осуществить свои намерения. "Мы должны поддерживать папство, - говорили они, - но делать это осмотрительно". Приор был выбран как самый красноречивый из братьев, чтобы ответить Кранмеру. Взойдя на кафедру, он сказал: "Церковь Христова никогда не ошибалась. Законы, которые он устанавливает, равны по авторитету законам Самого Бога. Я не знаю ни одного римского епископа, которого можно было бы упрекнуть в пороке". [173] Очевидно, приор, каким бы красноречивым он ни был, не был сведущим в истории Церкви.

=МОНАШЕСКАЯ РАЗВРАЩЕННОСТЬ.=

Началось посещение кентерберийских монастырей. Безнравственность большинства этих домов проявлялась в скандальных сценах и порождала вопросы, которые мы вынуждены замалчивать. Отвратительные пороки, царившие в них, упоминаются святым Павлом в его описании языческого развращения. [174] Члены комиссии заняли свои места в одном из залов монастыря Августинцев, и все монахи предстали перед ними, одни смущенные, другие смелые, но большинство из них были беспечны. Затем мужчинам, объявившим себя посвятившими себя благочестивой и созерцательной жизни, были заданы странные вопросы: "Есть ли среди вас, - спросили члены комиссии, - кто, переодевшись, покидает монастырь и отправляется бродяжничать? Соблюдаете ли вы обет целомудрия, и был ли кто-нибудь уличен в неводержанности? Поступают ли женщины в монастырь, [175] или живут в нем постоянно? Мы опускаем последующие вопросы. Результат был скандальным: восемь братьев были осуждены за отвратительные пороки. Когда паршивую овцу отделили для наказания, Лейтон созвал остальных монахов и сказал им: "Истинная религия заключается не в бритье головы, молчании, посте и других обрядах; но в непорочности души, чистоте жизни, искренней вере во Христа, братской любви и поклонении Богу в духе и истине. Не довольствуйтесь церемониями, но поднимитесь к более высоким вещам и обратитесь от всех этих внешних практик к внутренним и глубоким размышлениям". [176]

За этим последовало еще одно посещение, еще более печальное. В картезианском монастыре в Кентербери, четыре монаха которого умерли благочестиво, было несколько прогневших прихожан. Некоторые из них обычно надевали мирские платья и покидали монастырь ночью. Там был один дом для монахов, а другой для монахинь, и монастырский кузнец признался, что один монах попросил его отпилить решетку на окне, разделявшем два монастыря. Обязанностью монахов было исповедовать монахинь; но из-за одной из тех утонченностей разврата, которые отмечают низшую степень порока, грех и отпущение грехов часто следовали

друг за другом. Некоторые монахини умоляли посетителей больше не пускать некоторых монахов в их дом. [177]

Поскольку посещение продолжалось в Кенте, 22 октября гости прибыли в аббатство Лэнгдон, недалеко от Дувра. Уильям Дейк, настоятель монастыря Святой Девы, обладал очень дурной репутацией. Лейтон, который был полон решимости заставить его врасплох, приказал своим слугам окружить аббатство таким образом, чтобы никто не мог покинуть его. Затем он отправился в дом аббата, который выходил окнами на поля и был полон дверей и окон, через которые любой мог сбежать. [178] Лейтон начал громко стучать, но никто не ответил. Заметив топор, он схватил его, выбил им дверь и вошел. Он застал женщину с монахом, и посетители обнаружили в сундуке мужскую одежду, которую она надевала, когда хотела сойти за одного из младших братьев. Она сбежала, но один из слуг Кромвеля поймал ее и отвел к мэру в Дувре, где ее поместили в клетку. Что касается святого отца-настоятеля, говорит Лейтон, то его посадили в тюрьму. Несколько монахов подписали акт, в котором они заявили, что их дому угрожает полное разрушение, мирское и духовное, и только король может найти средство, и поэтому они передали его его Величеству. [179]

Настоятель Фонтейнов разорил свое аббатство, публично удержав шесть женщин. Однажды ночью он забрал золотые кресты и драгоценности, принадлежавшие монастырю, и продал их ювелиру за небольшую сумму. [180] В Мейден-Брэдли Лейтон нашел другого отца-настоятеля, некоего Ричарда, у которого было пять женщин, шестеро сыновей и дочь, получавшая пенсию на территории монастыря: его сыновья, высокие, крепкие молодые люди, жили с ним и прислуживали ему. Видя, что Римская церковь запрещала духовенству подчиняться заповеди Священного Писания, которая гласит: *епископ должен быть мужем одной жены*, эти несчастные люди взяли пять или шесть человек. Принуждение монахов к вымогательству денег ранило их в общественном мнении гораздо больше, чем их распутство. Лейтон нашел в монастыре Святого Антония в Бристоле хитон Господа Нашего, нижнюю юбку Пресвятой Богородицы, фрагмент Тайной вечери и осколок камня, на котором родился Иисус в Вифлееме. [181] Все это приносило деньги.

Каждое религиозное и нравственное чувство испытывает отвращение, когда слышит о беспорядках и мошенничестве монахов, и все же истина истории требует, чтобы о них стало известно. Вот одно из средств — из богохульных средств, — которые они использовали, чтобы обмануть людей. В Хейлсе, графство Глостершир, монахи притворились, что они сохранили немного крови Христа в бутылке. Они говорили, что человек, чьи смертные грехи Бог еще не простил, не мог этого видеть; в то время как отпущенный грешник видел это мгновенно. Тысячи кающихся стекались туда со всех концов. Если богатый человек исповедовался священнику и возлагал свой дар на алтарь, его проводили в таинственную часовню, где драгоценный сосуд стоял в великолепном футляре. Кающийся опускался на колени и смотрел, но ничего не видел. "Твой грех еще не прощен", - сказал священник. Затем последовала еще одна исповедь, еще одно подношение, еще одно введение в святилище; но несчастный напрасно открывал глаза, он ничего не мог видеть, пока его пожертвование не удовлетворило монахов. Уполномоченные, пославшие за сосудом, обнаружили, что это "кристалл, очень толстый с одной стороны и очень прозрачный с другой". [182] "Видите ли, милорды, - сказал один искренний монах, - когда появляется богатый кающийся грешник, мы переворачиваем сосуд толстой стороной; это, как вы знаете, открывает его сердце и кошелек". [183] Прозрачная сторона не появлялась до тех пор, пока он не положил на алтарь крупное пожертвование.

=МОШЕННИЧЕСТВО В БОКСЛИ.=

Ни одно открытие не произвело в Англии большей сенсации, чем практика, применявшаяся в Боксли в Кенте. В нем хранилось знаменитое распятие, изображение на котором, вырезанное из дерева, утвердительно кивало головой, если подношение принималось, подмигивало глазами и изгибалось телом. Если подношение было слишком маленьким, возмущенная фигура отворачивала голову и делала знак неодобрения. [184] Один из Уполномоченных снял со стены распятие и обнаружил трубки, к которым тянулись провода, за которые обычно дергал священник-фокусник. [185] Приведя машину в движение, он сказал: "Вы видите, как мало внимания монахи уделяют нам и нашим предкам". Монахи дрожали от стыда и тревоги, в то время как зрители, говорится в записи, покатывались со смеху, как Аякс. [186] Король послал за машиной и привел ее в действие в присутствии придворных. Фигура закатила глаза, открыла рот, вздернула нос, уронила голову и согнула спину. "Честное слово, - сказал король, - я не знаю, должен ли я скорее плакать, чем смеяться, видя, как бедный народ Англии дурачили на протяжении стольких веков".

Эти мерзкие проделки были наименьшим из грехов этих негодяев. В нескольких монастырях посетители нашли приспособления для чеканки низкопробных денег. [187] В других они обнаружили следы ужасной жестокости, практикуемой монахами одной фракции по отношению к монахам другой. Спустившись в мрачные подземелья, они увидели при свете своих факелов кости огромного количества несчастных людей, некоторые из которых умерли от голода, а другие были распяты. [188] Но самым частым случаем был разврат. Эти мнимые жрецы Бога, который сказал: *Будьте святы, ибо Я, Господь, свят*, прикрывались лицемерной мантией своего священства и предавались постыдной нечистоте. Они обнаружили одного монаха, который, используя исповедь под носом в отвратительных целях, совершил прелюбодеяние в двухстах или трехстах семьях. Список был выставлен, и некоторые из членов Комиссии, к своему великому удивлению, по словам современного писателя, обнаружили в нем имена своих собственных жен. [189]

Иногда случались бунты, осады и сражения. Королевские уполномоченные прибыли в аббатство Нортон в Чешире, настоятели которого были печально известны тем, что вели скандальную торговлю монастырскими табличками. В последний день их визита настоятель разослал своих монахов, чтобы собрать своих сторонников, и собрал отряд из двухсот или трехсот человек, которые окружили монастырь, чтобы помешать комиссарам что-либо унести. Последние укрылись в башне, которую они забаррикадировали. Было два часа после полуночи: аббат приказал зарезать быка, чтобы накормить свой сброд, который сидел вокруг костров перед монастырем и даже во внутреннем дворе. Внезапно прибыл сэр Пирс Далтон, мировой судья, и обрушился со своим отрядом на монахов и их защитников. Осаждающие были поражены ужасом и бежали так быстро, как только могли, прячась в рыбных прудах и надворных постройках. Аббат и три каноника, зачинщики бунта, были заключены в тюрьму в замке Халтон. [190]

К счастью, королевские уполномоченные встретились с монастырями другого характера. Когда Джордж Гиффорд посещал монастыри Линкольншира, он попал в уединенный район, изобилующий водой, но очень бедный, [191] где находилось аббатство Вулстроп. Жители окрестностей, несмотря на свою нищету, высоко ценили милосердие отшельников. Войдя в монастырь, Гиффорд нашел честного приора и нескольких благочестивых монахов, которые

переписывали книги, сами шили себе одежду и практиковали искусство вышивания, резьбы по дереву, живописи и гравюры. Посетитель обратился к королю с прошением о сохранении этого монастыря.

=ЖЕНСКИЕ МОНАСТЫРИ.=

У уполномоченных были особые инструкции для женских монастырей. "Ваш дом полностью закрыт?" - спросили они настоятельницу и монахинь. - Может ли мужчина попасть в это? [192] У вас есть привычка писать любовные письма?" [193] В Личфилде монахини заявили, что в монастыре нет беспорядков; но одна добрая пожилая женщина рассказала все, и когда Лейтон упрекнул настоятельницу за ее ложь, она ответила: "Наша религия вынуждает нас к этому. При поступлении мы поклялись никогда не раскрывать тайных грехов, которые были совершены среди нас". [194] Были дома, в которых почти все монахини попирали ногами самые священные обязанности своего пола и были безжалостны к несчастным плодам своих беспорядков.

Таковыми часто были в те времена монашеские ордена Запада. Красноречивые апологеты, которые восхваляют их добродетели без различия, и преувеличивающие критики, которые выносят один и тот же приговор в отношении всех, оба ошибаются. Мы воздали должное монахам, которые были честны; мы можем обвинять тех, кто был виновен. Скандалы, скажем так, исходили не от основателей этих орденов. Чувства, вне всякого сомнения, противоречащие принципам Евангелия, хотя и были продиктованы благими намерениями, руководили формированием монастырей. Отшельники Павел, Антоний и другие из третьего и четвертого веков предались антиевангельскому аскетизму, но все же они мужественно боролись с искушением. Однако нужно быть очень невежественным, чтобы не видеть, что коррупция в конечном итоге должна исходить из монастырских учреждений. *Всякое растение, которое не посадил мой Небесный Отец, будет вырвано с корнем*- таков язык Евангелия.

Мы не преувеличиваем. Монастыри иногда становились убежищем, в котором мужчины и женщины, чьи сердца были разбиты жизненными бурями, искали покоя, которого не предлагал мир. Они ошибались; им следовало бы жить с Богом, но в гуще общества. И все же есть удовольствие верить, что за этими стенами, скрывавшими столько разврата, были избранные души, любившие Бога. Такие были найдены в Кейтсби, в Годстоу, недалеко от Оксфорда и в других местах. Посетители просили сохранить эти дома.

Если посещение монастырей было горьким напитком для многих обитателей, то для большего числа это была чаша радости. Многие монахи и монахини были помещены в монастыри в младенчестве и содержались там против их воли. Согласно принципам Кромвеля, никого нельзя принуждать. Когда состоялось посещение, Посетители объявили каждому монаху моложе двадцати четырех лет и каждой монахине моложе двадцати одного года, что они могут покинуть монастырь. Почти все, перед кем таким образом были открыты двери, поспешили этим воспользоваться. Им дали светское платье и немного денег, и они с удовольствием удалились. Но велико было горе многих, чей возраст превысил предельный. Упав на колени, они умоляли Уполномоченных оказать им подобную услугу. "Жизнь, которую мы ведем здесь, - говорили они, - противоречит нашей совести". [195]

=ОТЧЕТ УПОЛНОМОЧЕННЫХ.=

Члены Комиссии вернулись в Лондон и представили свой отчет Совету. Они были огорчены и возмущены. "Мы обнаружили, - сказали они, - не семь, а более семисот тысяч смертных грехов.

[196] ... Эти отвратительные монахи - *хищные волки*, о пришествии которых возвестил Христос и которые под овечьей шкурой пожирают стадо. Здесь представлены исповеди монахов и монахинь, подписанные их собственными руками. [197] Эту книгу вполне можно назвать *Книгой Божьего суда*. Монастыри настолько полны беззакония, что они должны были бы рухнуть под таким грузом. Если тут и есть невинные прихожане монастыря, то их так мало, что они не могут спасти остальных. Наши сердца тают, и все наши члены дрожат при мысли о тех мерзостях, свидетелями которых мы были. О Господи! что Ты ответишь пяти городам, которые Ты уничтожил огнем, когда они напомнят Тебе о беззакониях тех монахов, которых Ты так долго поддерживал? [198] Красноречие Птолемея, память Плиния и перо св. Августина не смог бы рассказать нам отвратительную историю этих мерзостей".

=ОБСУЖДЕНИЯ В СОВЕТЕ.=

Собор начал совещаться, и многие из его членов призвали к секуляризации части монастырей. Сторонники религиозных орденов заняли свою защиту и признали, что есть место для реформ. "Но, - добавили они, - неужели вы лишите всякого убежища благочестивые души, которые желают покинуть мир и вести благочестивую жизнь во славу своего Создателя?" Они пытались даже опровергнуть в некоторых пунктах показания Посетителей; но последние заявили, что они не только легкомысленно зафиксировали эти скандальные факты, но и исключили многие из них. [199] "Мы не сообщали о некоторых публичных скандалах, — сказали они, - потому что они, по-видимому, противоречат знаменитому уставу монахов - *Si non caste, tamen caute*". Влиятельные люди поддержали выводы членов Комиссии; несколько членов Совета были склонны к снисхождению; даже Кромвель, казалось, был склонен попытаться реформировать все, что поддавалось улучшению; но многие считали, что все поправки невозможны. "Мы должны, прежде всего, уменьшить богатство духовенства, - сказал доктор Кокс. - ибо до тех пор, пока они не будут подражать бедности Христа, люди не будут следовать их учению. Я не сомневаюсь, - добавил он с легкой иронией, - что епископы, священники и монахи с готовностью освободятся от тяжелого бремени богатства любого рода, которое делает невозможным выполнение их духовных обязанностей". [200] Назывались и другие причины. "Доход монастырей, - сказал один из тайных советников, - составляет 500 000 дукатов, в то время как доход всего дворянства Англии составляет всего 380 000. [201] Эта диспропорция невыносима, и ей необходимо положить конец. Ради благополучия своих подданных и Церкви король должен увеличить количество епископств, приходов и больниц. Он должен увеличить силы государства и подготовиться к сопротивлению императору, чьи флоты и армии угрожают нам. Должны ли мы требовать налогов с людей, которым и так нелегко зарабатывать на жизнь, в то время как монахи продолжают проедать свое богатство в лени и разврате? Это было бы чудовищной несправедливостью. Сокровища, которые монастыри получают от нации, не должны больше быть бесполезными для нации".

В феврале 1536 года этот серьезный вопрос был вынесен на рассмотрение парламента. Именно Томас Кромвель, чья тяжелая рука обрушилась на эти вместилища нечистоты, и которого люди называли "молотом монахов", [202] предложил эту великую реформу. Он положил на стол Палаты общин ту знаменитую *Черную книгу*, в которую были занесены злодеяния религиозных орденов, и пожелал, чтобы ее прочли в Палате представителей. Книги больше не существует: она была уничтожена во времена правления королевы Марии теми, кто был заинтересован в ее запрете. Но затем она была открыта перед парламентом Англии. Никогда прежде ни в одном собрании не проводилось такого чтения. Факты были четко зафиксированы — самые

отвратительные чудовищности не были завуалированы: ужасные признания монахов, подписанные их собственными руками, были представлены членам Палаты общин. Сольный концерт произвел необычайный эффект. Мужчины не имели представления о таких отвратительных скандалах. [203] Дом был охвачен ужасом, и "Долой их, долой их!" - кричали со всех сторон.

Начались прения. Лично члены совета, как правило, были заинтересованы в сохранении монастырей: большинство из них так или иначе были связаны с тем или иным монастырем; у настоятелей и других настоятелей были родственники и друзья в парламенте. Тем не менее осуждение было всеобщим, и люди говорили об этих монашеских святилищах так же, как в прежние времена люди говорили о священниках Иезавели: "Давайте разрушим их дома и перевернем их алтари". [204] Были, однако, некоторые возражения. Двадцать шесть настоятелей, глав крупных монастырей, заседали в качестве баронов в Верхней палате: их уважали. Кроме того, в больших монастырях было меньше беспорядка, чем в маленьких. Кромвель ограничился на данный момент секуляризацией 376 монастырей, в каждом из которых проживало менее двенадцати человек. Аббаты, польщенные сделанным в их пользу исключением, хранили молчание, и даже епископы едва ли заботились о защите учреждений, которые давно были выведены из-под их власти. "Эти монастыри, - сказал Кромвель, - являются позором религии, и все попытки, повторявшиеся на протяжении более чем двух столетий, показали, что их реформирование невозможно, король, как верховный глава Церкви перед Богом, предлагает лордам и палате общин, и они соглашаются, что имущество указанных домов перестанет растрачиваться на поддержание греха и будет использовано для лучших целей". [205]

=НАСТОЯЩИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОМА.=

По всей Англии немедленно поднялся большой переполох. Одни радовались, другие плакали: суеверия активизировались, и слабые умы верили всему, что им говорили. "Пресвятая Дева, - уверяли их, - явилась некоторым монахам и приказала им служить ей так, как они служили до сих пор". больше никаких религиозных домов", - восклицали другие сквозь слезы. [206] "Напротив, - сказал Латимер, - посмотрите на этих мужчину и женщину, живущих вместе благочестиво, спокойно, в страхе Божьем, соблюдающих Его Слово и активно выполняющих обязанности своего призвания: они образуют *религиозный дом*, тот, который действительно приемлем для Бога. Чистая религия состоит не в том, чтобы носить капюшон, а в том, чтобы навещать сирот и вдов и сохранять себя незапятнанными от мира. То, что до сих пор называлось религиозной жизнью, было нерелигиозной жизнью". [207] "И все же, - сказал набожный человек, - монахи обладали большей святостью, чем те, кто живет в миру". Латимер снова взошел на кафедру и сказал: "Когда святой Антоний, отец монашества, жил в пустыне и считал себя самым святым из людей, он спросил Бога, кто был бы его спутником на небесах, если бы это было возможно для него. "Иди в Александрию, - сказал Господь, - на такой улице и в таком доме ты найдешь его". [208] Антоний покинул пустыню, разыскал дом и нашел бедного сапожника в убогой лавке, чинившего старую обувь. Святой поселился вместе с ним, чтобы узнать, какими унижениями сапожник удостоил себя такой великой небесной чести. Каждое утро бедняк преклонял колени в молитве вместе со своей женой, а потом шел на работу. Когда наступило время обеда, он сел за стол, на котором были хлеб и сыр; он возблагодарил бога, с радостью съел свою трапезу, воспитал своих детей в страхе Божьем и добросовестно исполнял все свои обязанности. При этом зрелище святой Антоний заглянул внутрь себя, смирил сердце

и отбросил свою гордыню. Таков новый вид *религиозных домов*, - добавил Латимер, - которые мы хотели бы иметь сейчас".

И все же, как ни странно, Латимер был чуть ли не единственным человеком среди евангелистов, который поднял свой голос в поддержку религиозных организаций. Он опасался, что, если собственность монастырей перейдет в жадные руки придворных Генриха, арендаторы, привыкшие к мягкому обращению аббатов, подвергнутся притеснениям со стороны землевладельцев-мирян, желающих воспользоваться плодами своего состояния до последней капли. Епископ Вустерский, будучи несколько воодушевленным, стремился сохранить несколько женских монастырей как дома учебы, молитвы, гостеприимства, благотворительности и проповеди. [209] Кранмер, обладавший большей проницательностью и более практичным духом, не питал никаких надежд на монахов. "Сатана, - сказал он, - живет в монастырях; он доволен и чувствует себя непринужденно, как джентльмен в своей гостинице, а монахи и монахини - его самые смиренные слуги". [210] Предстоятель, однако, принимал мало участия в этом великом мероприятии. [211]

=ПОДАВЛЕНИЕ МОНАСТЫРЕЙ.=

Законопроект о ликвидации монастырей был принят двумя палатами 4 февраля 1536 года. Он передал королю и его наследникам все монастыри, годовой доход которых не превышал 200 фунтов стерлингов. Около десяти тысяч монахов и монахинь были секуляризованы. Этот закон добавил к доходам короны ежегодную арендную плату в размере 32 000 фунтов стерлингов, помимо немедленного получения 100 000 фунтов стерлингов серебра, драгоценных камней и других предметов. Имущество, которым до сих пор пользовались немногие для удовлетворения своих плотских желаний, казалось, было предназначено для процветания всей нации.

К несчастью, бесстыдная алчность монахов сменилась алчностью иного характера. Петиции посыпались к Кромвелю отовсюду. Исполнилось изречение Священного Писания: *где бы ни была туша, там соберутся орлы*. Томас Кобхэм, брат лорда Кобхэма, заявил, что монастырь Серых монахов в Кентербери находится в удобном для него месте; что это город, где он родился и где живут все его друзья. Следовательно, он попросил, чтобы это было предоставлено ему, и Кранмер, на племяннице которой он женился, поддержал молитву. [212] "Мой добрый лорд, - сказал лорд-канцлер Одли, - мое единственное жалованье - это жалованье канцлера; дайте мне несколько хороших монастырей; я подарю вам свою дружбу на всю жизнь и двадцать фунтов стерлингов за ваши хлопоты". "Мой особо дорогой лорд, - сказал сэр Томас Элиот, - "Я был королевским послом в Риме; мои услуги заслуживают некоторого вознаграждения. Умоляйте его Величество даровать мне часть конфискованных монастырских земель. Я передам вашей светлости доход за первый год.

История должна фиксировать зло иной природы. Некоторые из лучших библиотек Англии были уничтожены, а произведения огромной ценности проданы бакалейщикам за бесценок. Друзья учености на континенте купили многие из них и увозили целые корабли. Один человек сменил религию ради участка земли аббатства. Король проиграл в карты сокровища, которых лишил монашеские ордена, и использовал монастыри в качестве конюшен для своих лошадей. Некоторые люди воображали, что подавление монастырей приведет к отмене налогов и субсидий; но это было не так, и нация оказалась обремененной законом о бедных в дополнение к обычным налогам. [213] Были, однако, более достойные дела, чем дела короля и его придворных. "Самый грозный, могущественный и благородный принц, - писал лорд-мэр

Лондона королю, - отдайте приказ, чтобы три городские больницы впредь не служили удовольствиям каноников, священников и монахов, чьи грязные и отвратительные тела загромождают наши улицы; но использовались для утешения больных и слепых, стариков и калек".

Акт парламента был немедленно приведен в исполнение. Граф Сассекс, сэр Джон Сент-Клер, Энтони Фитцхерберт, Ричард Кромвель и несколько других уполномоченных совершили поездку по Англии и сообщили религиозным общинам о законном роспуске. Голосистины был услышан из небольшого числа монастырей. "Несомненно, - говорили линкольнширские францисканцы, - совершенство христианской жизни состоит не в том, чтобы носить серое платье, странным образом переодеваться, наклонять тело и кивать головой, [214] и носить пояс с узлами. Истинная христианская жизнь была божественно явлена нам во Христе, и по этой причине мы с единомышленным согласием подчиняемся приказам короля". Монахи монастыря Святого Андрея в Нортгемптоне признали членам комиссии, что они приняли привычку ордена жить в комфортной праздности, а не добродетельным трудом, и предавались постоянному пьянству, а также плотским и сладострастным желаниям. [215] "Мы покрыли позором Евангелие Христа", - сказали они. "Теперь, видя, что пропасть вечного огня разверзается, чтобы поглотить нас, и побуждаемые угрызениями нашей совести, мы смиряемся смиренным раскаянием и молим о прощении, предавая себя и наш монастырь нашему суверенному королю и господу".

=ПЕЧАЛЬ И ОТЧАЯНИЕ.=

Но не все они говорили на одном языке. Это был последний час для монастырей. В монастырях царило непрерывное движение; всплески скорби и страха, гнева и отчаяния. Что?! Никаких больше монастырей! никакой религиозной помпезности! никаких сплетен! никакой больше трапезной! Те залы, по которым веками расхаживали их предшественники; те часовни, в которых они молились, стоя на коленях на мостовой, должны были быть переоборудованы для вульгарного использования. Несколько монастырей пытались подкупить Кромвеля: "Если вы спасете наш дом, - сказал аббат Питерборо, - я дам королю два миллиона пятьсот марок, а вам триста фунтов стерлингов". [216] Но Кромвель задумал великое национальное мероприятие и хотел его осуществить. Ни красноречие монахов, ни их молитвы, ни их обещания, ни их деньги не могли тронуть его.

Некоторые аббаты подняли открытый бунт против короля, но в конце концов были вынуждены подчиниться. Старые залы, длинные галереи, узкие кельи монастырей день ото дня пустели. Монахи получали пенсию пропорционально своему возрасту. Тех, кто желал продолжить религиозную жизнь, отправляли в крупные монастыри. Многих отпускали с несколькими шиллингами на дорогу и новой мантией. [217] "Что касается вас, - сказали уполномоченные молодым монахам моложе двадцати пяти лет, - вы должны зарабатывать на жизнь трудом своих рук". То же правило применялось и к монахиням.

В этот период было много страданий. Обитатели клойстерса были чужаками в этом мире: Англия была для них неведомой страной. Можно было увидеть монахов и монахинь, бродящих от двери к двери в поисках убежища на ночь. Многие, кто тогда был молод, состарились в нищете. Их грех был велик, как и их наказание. Некоторые монахи впали в мрачную меланхолию, даже в страшное отчаяние: воспоминание о своих проступках преследовало их; Божий суд ужасал их; вид их страданий приводил их в ярость. "Я как Исав, - сказал один из них, - я буду вечно проклят". И он задушил себя своим воротником. Другой заколол себя перочинным ножом.

Какие-то сострадательные люди лишили его возможности причинять себе вред, и он в ярости воскликнул: "Если я не могу умереть таким образом, я легко найду другого"; и, взяв лист бумаги, он написал на нем: *Rex tanquam tyrannus opprimat populum suum*. [218] Это он поместил в одну из церковных книг, где это было найдено прихожанином, который в большой тревоге окликнул окружающих его людей. Монах, полный надежды, что он предстанет перед судом, подошел ближе и сказал: "Это я сделал это; вот я; пусть они предадут меня смерти".

Вскоре эти мрачные тучи, которые, казалось, предвещали штормовой день, казалось, рассеялись. Впоследствии были бури, но, говоря в целом, Англия нашла в этом энергичном акте один из источников своего величия, а не несчастий, которыми ей угрожали. В тот момент, когда жадные взоры начали вождельть доходов Кембриджа и Оксфорда, в сознании Генри пробудились воспоминания о приятных днях его юности. "Я не позволю окружающим меня волкам, - сказал он, - напасть на университеты". Действительно, доходы нескольких монастырей были использованы для основания новых школ, и в частности Тринити-колледжа в Кембридже; и эти учебные заведения помогли распространить по всей Англии свет Возрождения и Реформации. Красноречивый голос был слышен из тех древних залов, говорящих: "О самый непобедимый князь, велико дело, которое ты начал. Христос заложил основание; апостолы воздвигли здание. Но увы! бесплодные сорняки запленили его; папская тирания склонила все головы под своим игом. Теперь вы отвергли папу; вы изгнали расу монахов. О чем еще мы можем просить? Мы молимся, чтобы эти дома кенобитов, где обычно жужжал невежественный рой трутней, [219] увидели в своих академических залах щедрую молодежь, жаждущую, чтобы ее учили, и ученых людей, которые будут учить их. Пусть свет, который был возвращен нам, распространит свои лучи по всей вселенной и зажжет другие факелы, чтобы тьма рассеялась по всему миру [220] до рассвета нового дня".

Подавление монастырей принесло пользу не только учености. Доходы короны, составлявшие около семисот тысяч дукатов, увеличились за счет доходов монастырей, составлявших около девятисот тысяч, более чем вдвое. Это богатство, доселе бесполезное, послужило укреплению Англии и Ирландии, строительству крепостей вдоль побережья, ремонту гаваней и созданию внушительного флота. Королевство сделало шаг на пути к власти. Благодаря преобразованию монастырей моральная сила нации возросла еще больше, чем материальная. Упразднение папства восстановило народу то национальное единство, которого лишил Рим; и Англия, освобожденная от подчинения иностранной державе, могла выступить против своих врагов с могучим мечом и железным фронтом.

=НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ.=

Политическая экономия, сельская экономика, все, что касается сбора и распределения богатства, тогда дало старт, который уже ничто не могло остановить. Поместья, отнятые у беспечных монахов, приносили богатство. Король и знать, желая извлечь как можно больше выгоды из доставшихся им владений, пытались улучшить сельское хозяйство. Многие люди, до того времени бесполезные, наэлектризованные движением умов, искали средства к существованию. Реформация, от которой нация ожидала только чистоты доктрины, способствовала росту общего благосостояния, промышленности, торговли и мореплавания. Бедняки вспомнили, что Бог повелел человеку есть свой хлеб не в тени монастырей, а *в поте лица своего*. К этой эпохе мы должны отнести происхождение тех торговых предприятий, тех

долгих и дальних путешествий, которым суждено было однажды стать силой Великобритании. Генрих VIII. был настоящим отцом Элизабет.

Установленный порядок способствовал не меньшему моральному, социальному и политическому развитию. В первый момент, без сомнения, Англия представляла собой видимость огромного хаоса, но из этого хаоса возник новый мир. Силы, которые до сих пор были затеряны в темных камерах, были использованы на благо общества. Люди, которые беспечно жили внутри монастырских стен или за их пределами и всю свою деятельность тратили на то, чтобы вяло раздавать или вяло принимать милостыню, были сильно потрясены ударами *Malleus monachorum*, монашеского молота: они вострепнулись и приложили усилия, которые послужили общественному благу. Их дети, и особенно внуки, стали полезными гражданами. Появилось третье сословие. Население клойстерса превратилось в активный и интеллигентный средний класс. Само богатство, нажитое, правда, с жадностью знатью, обеспечило им независимость, которая позволила им противопоставить благотворный противовес притязаниям короны. Верхняя палата, где преобладал церковный элемент, стала, по сути, домом для мирян из-за отсутствия аббатов и настоятелей. Росла публика. Новая жизнь оживила античные институты, которые до этого оставались почти бесполезными. По правде говоря, лишь позднее могущественная Англия, ставшая решительно евангелической и конституционной, победоносно воссела на двух великих руинах феодализма и папства; но важный шаг был сделан при Генрихе VIII. Эта великая трансформация распространила свое влияние даже за пределы Великобритании. Удар, нанесенный системе Средневековья, отозвался эхом по всей Европе, и повсюду сотрясались искусственные строительные леса. Только Испания и Италия оставались почти неподвижными посреди своей древней тьмы.

Подавление монастырей, начатое в 1535 году, было продолжено в 1538 году и завершено в 1539 году Актом парламента.

=ПРОРОЧЕСТВО.=

Из этих разрушенных монастырей донесся голос, восклицающий: "Хвала и благодарение Богу! Ибо никто не может заложить другого основания, кроме Иисуса Христа. Тот, кто верит, что Иисус Христос есть *умиротворитель*, который отводит от наших голов удары Божьего гнева, [221] закладывает истинное основание; и на этом прочном основании он воздвигнет здание лучшее, чем то, столпами которого были монахи!" Это пророчество сэра Уильяма Овербери не преминуло исполниться.

[161] "Сэр Лойн из Бофа, посвященный в рыцари этим королем Генрихом". — Фуллер, стр. 299.

[162] 'Des Pabstes Leib plaget er, abes seine Seele stærkt er.' — *Lutheri Opp.* xxii. p. 1466.

[163] 'Ecclesiam vitiorum vepribus purgare, et virtutum seminibus conserere.' — *Collyer's Records*, ii. p. 21.

[164] "В интересах уединенного и созерцательного настроения". — *Там же*. i. стр. 102.

[165] Монахи выходят из женского монастыря ... сами угодили в сеть". — Фуллер, стр. 317.

[166] "Он намеревался построить много убежищ". — Бернет, i. с. 181.

- [167] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 785.—Собр. Рек. 21.
- [168]"Нулевой веструм, требующий осуществления юрисдикции". —*Записи*, стр. 22.
- [169]Одли Кромвелю, 30 сентября 1535 г. —*Государственные документы*, i. стр. 450.
- [170] *Подавление монастырей*, стр. 71, кв.
- [171] *Письма и останки Кранмера*, стр. 326.
- [172] *Там же*. стр. 327.
- [173] "Он не знал пороков ни у одного из епископов Рима". — *Письма и останки Кранмера*, стр. 327.
- [174] Послание к Римлянам, гл. i.
- [175] "Обходными путями или иным образом". —Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 783.
- [176] Уилкинс, *Консилиум*, стр. 791.
- [177] *Подавление монастырей*, стр. 48.—Фуллер, стр. 318.
- [178]"Как хлопушка для кроликов, полная начальных отверстий". -Фуллер, стр. 75, 76.
- [179] "Сдача монастыря Лэнгдон". —Бернет, *Записи*, i. стр. 133.
- [180] *Подавление монастырей*, стр. 100.
- [181] 'Pars petræ super qua natus erat Jesus in Bethlehem.'—Strype, i. p. 391.
- [182] *Записи*, ii. стр. 149.
- [183]"Это, как сказано, было сделано, чтобы открыть его сердце и карман". —*Там же*.
- [184]"Затылочная часть, внутренняя часть глаза, конвертерная оболочка, изогнутое тело". —*Записи или документы* в Burnet, iii. стр. 131.
- [185] 'Occultæ passim fistulæ in quibus ductile per rimulas ferrum a mystagogo trahebatur.'—*Ibid.* p. 132.
- [186]'Aliis Ajacem risu simulantibus.' —*Записи или документы* в Burnet, iii. стр. 132.
- [187]"Инструменты для чеканки монет". —*Там же*. стр. 182.
- [188]"Некоторые распяты". —*Там же*. стр. 182.
- [189] "Некоторые из членов комиссии обнаружили, что их собственные жены титулованы среди остальных".—У. Томас в "*Страйпе*", т. 386.—Бернет, т. 182.
- [190] Эллис, *Письма*, 3-я серия, том iii. стр. 42.
- [191]"Стою на мокрой земле, очень одинокий". —Strype, i. стр. 393.
- [192] 'An sint aliqua loca pervia, per quæ secrete intrari possit?'—Wilkins, *Concilia*, iii. p. 789.

[193] "Пишет ли кто—нибудь из вас любовные или похотливые письма". -Уилкинс, *Concilia*, iii. стр. 789.

[194] *Подавление монастырей*, стр. 91.

[195] *Подавление монастырей*, стр. 81.

[196] *Strype*, i. стр. 385.

[197] "Их собственные признания, подписанные их собственными руками, являются доказательством этого". —*Strype*, i. p. 387.

[198] *Страйп*, i. стр. 385.

[199] Мы опускаем обстоятельства, которые цитировались тогда; их можно увидеть у Фуллера (стр. 318) и в других местах.

[200] *Strype*, i. стр. 418.

[201] *Relazione d'Inhilterra*, Даниэле Барбаро, посол Венеции.—*Ранке*, iv. стр. 61.

[202] 'Malleus monachorum.'

[203] "Когда их чудовищные деяния впервые были зачитаны в здании парламента, они были настолько велики и отвратительны". — *Проповеди Латимера*, стр. 123.

[204] "Не было ничего, кроме "Долой их!" Там же. стр. 123.

[205] *Государственные бумаги*. 27 Генрих VIII. ок. 28.

[206] *Latimer's Sermons*, стр. 391.

[207] *Там же*. стр. 392.

[208] "Там он должен найти сапожника, который станет его товарищем на небесах". — *Там же*.

[209] *Strype*, i. стр. 400.

[210] *Письма и останки Кранмера*, стр. 64.

[211] "Я не возьму на себя никаких объяснений". — *Там же*. стр. 317.

[212] *Письма и останки Кранмера*, стр. 330.

[213] *Проповеди Латимера*, стр. 93, 256. — *Жизнеописания архиепископов Кентерберийских* дина Хука, *passim*.

[214] "Долкинг и бекинг". — *Записи Коллайера*, ii. стр. 159.

[215] *Там же*.

[216] *Collyer's Records*, ii. стр. 156-159.

[217] "Новая мантия из прочной ткани". — *Фуллер, История церкви*, стр. 311.

[218] "Король угнетает свой народ, как тиран". — *Письма и останки Кранмера*, стр. 319.

[219] 'Ignarus fucorum grex evolare solebat.'—*Стрый, Записи*, i. стр. 136.

[220] "Новые лампы, новые лица с акцентом". —*Стрый, Записи*, i. стр. 337.

[221] "Усмиритель Божьего гнева, поноситель грехов". —*Стрый, Записи*, i. стр. 307.

ГЛАВА VIII.

СОЮЗ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ С ПРОТЕСТАНТАМИ ГЕРМАНИИ.

(1534-1535 гг.)

Генрих VIII. низвергнув *опору папства*- монахов— он почувствовал необходимость усилить начатую им работу, заключив союз с континентальными протестантами. Он не обратился к швейцарским или французским реформаторам: их небольшое политическое значение, а также решительный характер их Реформ отдалили его от них. "Какие же это невнимательные люди, - сказал Кальвин, - которые превозносят короля Англии. Приписывать суверенную власть князю во всем, называть его верховным главой Церкви во Христе, на мой взгляд, является богохульством". [222]

=MELANCHTHON.=

Генри больше надеялся на Германию, чем на Швейцарию. Еще в 1534 году три сенатора Любека представили ему Аугсбургское признание и предложили союз против римского понтифика. [223] Анна Болейн настаивала на объединении короля с протестантами, и весной 1535 года Барнса отправили в Виттемберг, где он убедил реформаторов обратиться за защитой к его хозяину. Меланхтон, который был более склонен, чем Лютер, прибегать к помощи принцев, поскольку он не отказывался объединяться с Франциском I, не отвергал заигрываний Генриха VIII. "Сир, - писал он в марте 1535 года, - сейчас золотой век Британии. [224] В незапамятные времена, когда армии готов подавили письменность в Европе, ваш остров вернул ее во вселенную. Я умоляю тебя во имя Иисуса Христа ходатайствовать за нас перед королями". Прославленный доктор посвятил этому принцу новое издание своих *Общих мести* поручил шотландцу Алезиусу представить его с надеждой, что он увидит, как Англия станет спасением многих народов и даже всей Церкви Христовой. [225] Алезиус, нашедший убежище в Саксонии, был счастлив вернуться на тот остров, с которого его вынудил бежать фанатизм шотландского духовенства. Он был представлен дяде своего короля, и Генрих, восхищенный шотландцем, сказал ему: "Я назначаю тебя своим учеником", - и велел Кранмеру прислать Меланхтону двести крон. К ним прилагалось письмо для прославленного профессора, в котором король собственноручно подписал: *Ваш друг Генри*.

Но вскоре надежды на союз между Германией и Англией, казалось, исчезли. Едва ли Меланхтон хвастался своей преданностью Генриху VIII. умеренность короля — умеренность, достойная (по его словам) мудрого принца, — когда он услышал о казни Фишера и многих других. Он в ужасе отпрянул назад. "Морус, - воскликнул он, - был предан смерти, и другие вместе с ним". Жестокость короля мучила кроткого Филиппа. Мысль о том, что такой литератор, как Мор,

должен пасть от рук палача, шокировала его. Он начал опасаться за свою собственную жизнь. "Я сам, - сказал он, - в большой опасности". [226]

Генрих и не подозревал, какой ужас вызовет его преступление на континенте, и только что с восторгом прочел отрывок Меланхтона, в котором последний сравнивал его с Птолемеем Филадельфом! Поэтому он сказал Барнсу: "Поезжай и приведи его с собой". Барнс вернулся в Виттемберг в сентябре и передал свое послание. Но врач из Германии никогда раньше не получал столь тревожного приглашения. Он вообразил, что это коварный план. "Одна мысль о путешествии, - сказал он, - приводит меня в отчаяние". Барнс попытался подбодрить его. "Король предоставит вам великолепный эскорт, - сказал он, - и даже заложников, если вы этого пожелаете". [227] Меланхтон, у которого перед глазами постоянно была кровоточащая голова Мора, был непоколебим. Лютер также относился к Барнсу с неприязнью и называл его *черным англичанином*. [228]

Посланнику повезло больше с курфюрстом. Иоанн Фридрих, услышав, что король Англии желает заключить союз с князьями Германии, ответил, что сообщит им об этом важном требовании. Затем он угостил Барнса роскошным завтраком, сделал ему красивые подарки и написал Генриху VIII, что проявленное им желание реформировать религиозную доктрину усилило его любовь к нему, "ибо, - добавил он, - королям принадлежит распространять Евангелие Христа повсюду". [229]

Лютер также, но из иных побуждений, чем у курфюрста, не присматривался так пристально, как Меланхтон; подавление монастырей расположило его в пользу своего древнего противника. Наказания, которым подверглись картезианцы и другие, его не встревожили. Верджеро, папский легат, находившийся в начале ноября в Виттемберге, пригласил Лютера позавтракать с ним. "Я знаю, - сказал он, - что король Генрих убивает кардиналов и епископов, но..." И, закусив губы, он сделал многозначительное движение рукой, как будто хотел отрубить королю голову. Рассказывая этот анекдот Меланхтону, который в то время находился в Йене, Лютер добавил: "Молю Бога, чтобы у нас было несколько королей Англии, чтобы предать смерти тех епископов, кардиналов, легатов и пап, которые на самом деле не что иное, как грабители, предатели и дьяволы!" [230] Лютер был менее мягким, чем его изображают, сравнивая с Кальвином. Эти поспешные слова действительно выражали мысли всех сторон. Духовная закваска Евангелия должна была в течение столетия или более воздействовать на твердый материал, из которого сделано сердце человека, прежде чем ошибки римского законодательства тысячелетней давности были устранены. Несомненно, Реформация немедленно смягчила положение; но если бы кто-нибудь сказал людям шестнадцатого века, что неправильно предавать людей смерти за нечестивые поступки, они были бы поражены не меньше, а может быть, и больше, чем наши судьи, если бы их оскорбили, потому что, в соответствии с законом, они карали убийство высшей мерой наказания. Странно, однако, что потребовалось столько веков, чтобы понять эти славные слова нашего Спасителя: *Сын человеческий пришел не для того, чтобы погубить человеческие жизни, но чтобы спасти их*. [231]

Условие, которое протестанты поставили своему союзу с Генрихом VIII, затрудняло этот союз. "Мы просим только об одном, - сказали реформаторы Барнсу, - чтобы доктрина, которая *согласуется со Священным Писанием*, была восстановлена во всем мире"; [232] но Генри по-прежнему придерживался католической доктрины. Но ему сказали, что лютеране и Франциск I. благодаря посредничеству Меланхтона, вероятно, приходят к соглашению и что будет созван

генеральный совет. Какого обращения он мог ожидать от такого собрания, тот, кто так тяжко оскорбил папство! Желая предотвратить собор любой ценой, король решил в сентябре 1535 года направить более важное посольство к лютеранам, чтобы убедить их отказаться от идеи примирения с папой и скорее заключить союз с Англией.

=ПОСОЛЬСТВО В ГЕРМАНИИ.=

Следовательно, Фокс, епископ Херефордский, гордый и дерзкий придворный, и архидьякон Хэйр, дружелюбный и просвещенный человек, с некоторыми другими отправились в Германию и присоединились к Барнсу и Маунту, которые были до них. 24 декабря они были допущены в присутствие курфюрста Саксонии, ландграфа Гессенского и других протестантских депутатов и князей: "Король, наш повелитель, - сказали они, - отменил власть римского епископа во всех своих владениях и отверг его мнимые помилования и рассказы его старых жен. [233] Соответственно, папа в порыве ярости призвал всех королей земли взяться за оружие против него. Но ни папа, ни паписты не встревожили нашего принца. Он предлагает вам свою личность, свое богатство и свой скипетр для борьбы с римской властью. Давайте объединимся против этого, и Дух Божий объединит нашу конфедерацию". [234] Князья ответили на эту красноречивую речь, "что если бы король взял на себя обязательство распространять чистое учение веры, как оно было исповедано на сейме в Аугсбурге; если бы он, подобно им, никогда не признавал римскому епископу никакой юрисдикции в своих Штатах, они назвали бы его Защитником своей конфедерации". [235] Они добавили, что пошлют депутацию, в том числе одного человека превосходной учености (имеется в виду Меланхтон), для обсуждения с королем изменений, которые необходимо внести в Церковь. Англичане не могли скрыть своей радости, но богослов потерял всякое доверие к Генриху VIII. "Смерть Мора огорчает меня: я не желаю иметь ничего общего с этим бизнесом". [236] Тем не менее союзный договор был подписан 25 декабря 1535 года. [237] Католическая партия, особенно в Англии, была встревожена этой новостью, и Гардинер, тогдашний посол во Франции, не теряя времени, написал письмо, в котором выступил против планов, направленных на установление протестантизма в англиканской церкви.

В то время как король объединялся с Аугсбургским исповеданием, его отношения с самыми решительными сторонниками папства были далеки от улучшения. Его дочь Мэри, обладавшая меланхоличным и раздражительным характером, не соблюдала никаких ограничений в отношении друзей или поступков своего отца и отказывалась подчиняться его приказам. - Я требую, чтобы она отказалась от титула принцессы, - пылко заявил Генрих. "Если бы я согласилась, чтобы ко мне так не относились, — ответила она, - я пошла бы против своей совести и навлекла бы на себя Божий гнев". [238] Генри, не сторонник полумер, говорил о том, чтобы предать свою дочь смерти и таким образом напугать мятежников. У этого несчастного принца была замечательная склонность убивать тех, кто был ему ближе всего. Мы можем видеть, как отец наказывает своего ребенка плетью; но у этого человека удар его руки был смертельным. Уже поговаривали об отправке принцессы в Тауэр, когда евангелист Кранмер отважился вступить за католичку Марию. Он напомнил Генри, что он ее отец и что если он лишит ее жизни, то навлечет на себя всеобщее порицание. Король уступил этим представлениям, предсказав архиепископу, что это вмешательство когда-нибудь дорого ему обойдется. Фактически, когда Мария стала королевой, она предала смерти человека, который спас ей жизнь. Генрих удовлетворился приказом разлучить свою дочь с матерью. С другой стороны, перепуганная Екатерина попыталась успокоить принцессу. "Повинуйтесь королю во

всем, - писала она из Бакдена, где жила, - за исключением того, что могло бы разрушить вашу душу. Говори мало, ни о чем не беспокойся, играй на спинете или лютне.' Эта несчастная женщина, которая нашла так много горечи в супружеском положении, добавила: "Прежде всего, не желайте мужа и даже не думайте об этом, умоляю вас во имя страстей Христовых."

"Твоя любящая мать, королева Екатерина". [239]

=ТВЕРДОСТЬ КЭТРИН.=

Но мать была не менее решительна, чем дочь, в отстаивании своих прав и не отказалась от своего титула королевы, несмотря на приказ Генриха. Комиссия, состоящая из герцога Саффолка, лорда Сассекса и других, прибыла в Бакден, чтобы попытаться склонить ее к этому, и были созваны все домочадцы принцессы. Бесстрашная дочь Фердинанда и Изабеллы твердым голосом сказала: "Я королева, истинная жена короля". [240] Получив информацию о том, что ее намеревались перевезти в Сомершем и разлучить с некоторыми из ее лучших друзей, она ответила: "Я не поеду, пока вы не свяжете меня веревками". [241] И, чтобы предотвратить это, она легла в постель и отказалась одеваться, сказавшись больной. [242] Король послал двух католических прелатов, архиепископа Йоркского и епископа Даремский, надеющийся смягчить ее. "Мадам, — сказал архиепископ, - ваш брак недействителен..." - "Это законный брак", - воскликнула она со страстной горячностью. [243] "До самой смерти я буду женой его Величества". — "Члены вашего собственного совета, - продолжал архиепископ, - признают, что ваш брак с принцем Артуром действительно был заключен". — "Все это ложь!" - громко воскликнула она. — "Следовательно, развод был объявлен".... - "Кем?" - спросила она. — "Милордом Кентерберийским". — "И кто он?" - ответила королева. "Тень! [244] Папа высказался в мою пользу, а он наместник Христа". — "Король будет относиться к вам как к дорогой сестре", - сказал епископ Тонстолл. [245] — "Ничто в мире, - ответила Кэтрин, - ни потеря моего имущества, ни перспектива смерти не заставят меня отказаться от моих прав".

В октябре 1535 года Кэтрин все еще находилась в Бакдене. Эта благородная, но фанатичная женщина усилила свой аскетизм, предавалась самым суровым обычаям аскетической жизни, часто молилась, стоя на полу с обнаженными коленями, и в то же время смертельная скорбь подрывала ее здоровье. Наконец чахотка заявила о себе; [246] и поскольку ее состояние требовало смены обстановки, ее перевезли в Кимболтон. Она жаждала общества своей дочери, которое, без сомнения, облегчило бы ее страдания; но напрасно она со слезами просила о встрече с ней. Мария также умоляла короля позволить ей навестить мать: он был непреклонен. [247]

=КАРЛ ВОССТАЕТ ПРОТИВ ГЕНРИХА.=

Резкость Генриха по отношению к тете Карла V. вызвала гнев этого монарха в высшей степени. В то время он с победой возвращался из своей первой африканской экспедиции и был полон решимости больше не откладывать выполнение миссии, полученной им от папы римского. Для этого необходимо было заручиться если не сотрудничеством, то хотя бы нейтралитетом Франциска I. Это было нелегко. Король Франции всегда стремился к союзу с Англией: он подписал с Генрихом договор против императора и папы римского и только что искал союза с лютеранскими князьями. Но император знал, что приобретение Италии или, по крайней мере, Ломбардии было любимой идеей Франциска I. Карл в равной степени желал этого, но ему так не терпелось восстановить Екатерину Арагонскую на троне и снова вернуть Англию под власть

папы, что он решил пожертвовать Италией, хотя бы внешне. Сфорца, герцог Миланский, только что умер бездетным, и император предложил Франциску I. Миланское герцогство его второму сыну, герцогу Орлеанскому, если он не воспротивится его замыслам против Англии. [248] Король Франции охотно принял это предложение и, желая доказать свое рвение, даже предложил папе созвать всех князей христианского мира, чтобы заставить короля Англии подчиниться Римскому престолу. Любовь, которую он питал к Милану, зашла так далеко, что заставила его предложить крестовый поход против своего естественного союзника Генриха VIII. [249]

=СМЕРТЬ КЭТРИН.=

Дело становилось серьезным: Англии редко угрожала большая опасность, когда важное событие внезапно устраняло ее. В то самое время, когда Карл V с помощью Франциска I. желал поднять Европу, чтобы заменить свою тетю на троне, она умерла. Примерно в конце декабря 1535 года Екатерина серьезно заболела и почувствовала, что Бог положил конец ее великим горестям. Король, желая соблюсти приличия, послал справиться о ней. Королева, твердая до последнего в своих принципах, послала за своими адвокатами и продиктовала им свою волю. "Я готова, - сказала она, - отдать свою душу Богу.... Я умоляю, чтобы за упокой моей души было отслужено пятьсот месс и чтобы какой-нибудь человек отправился за меня в паломничество к Богородице Уолсингемской. [250] Я завещаю свои платья монастырю, а меха из них дарю своей дочери." Затем Кэтрин подумала о короле: для нее он всегда был ее мужем, и, несмотря на его несправедливость, она обращалась к нему только с уважением. Чувствуя, что конец не за горами, она продиктовала следующее письмо, одновременно такое простое и такое благородное:

"Мой самый дорогой Господин, король и Супруг!

"Приближается час моей смерти, и я не могу ничего не выбрать, кроме как из любви, которую я испытываю к вам, позаботиться о здоровье вашей души. Вы ввергли меня во многие бедствия и себя во многие беды; но я прощаю вас всех и молю Бога поступить так же. Я вверяю тебе Марию, нашу дочь, умоляя тебя быть ей хорошим отцом. Наконец, я даю эту клятву, что мои глаза желают тебя превыше всего". [251]

Поэтому королева попыталась проститься с тем, кто причинил ей столько зла. Генрих был тронут и даже прослезился, [252] но не выполнил желания королевы: совесть упрекала его в совершенных проступках. 7 января Екатерина приняла последние причастия, а в два часа дня скончалась.

Анна в глубине души чувствовала права этой принцессы. Она подчинилась своему воображению, абсолютной воле короля; замужество подарило ей несколько мгновений счастья, но на душе у нее часто было неспокойно. Она подумала про себя, что гордая испанка была той, кому Генрих доверил свою веру; и засомневалась, не принадлежит ли корона дочери Изабеллы. Смерть Екатерины рассеяла ее тревоги. "Теперь, - сказала она, - теперь я действительно королева". Она надела траур, но в соответствии с обычаем Франции того периода. Слезы народа провожали в могилу эту несчастную и (по правде говоря) суеверную женщину; но она была любящей матерью, пылкой женой и королевой с неукротимой гордостью. [253]

Этой кончине было суждено вызвать большие перемены в Европе. Император, который заключал священный союз, чтобы заменить свою тетю на троне, и который, чтобы добиться успеха, зашел так далеко, что пожертвовал северной частью Италии, не имея больше ничего общего с Екатериной, вложил свой меч в ножны и сохранил Милан. Франциск I, раздосадованный тем, что от него ускользает добыча, которой он так страстно желал и которую воображал уже у себя в руках, пришел в ярость и приготовился к войне не на жизнь, а на смерть. Император и король Франции, вместо того чтобы вместе выступить против Генриха, начали ухаживать за ним, желая иметь его союзником в жестокой борьбе, которая вот-вот должна была начаться.

В то же время смерть Екатерины способствовала, как мы уже говорили, заключению союза короля с протестантами Германии, которые поддерживали законность его брака с принцессой Арагонской. Одна из их главных претензий к Генриху VIII. Таким образом, исчезла. Теперь обе стороны думали, что могут сделать шаг вперед и попытаться прийти к богословскому взаимопониманию. Пункты, по которым они расходились, были важными. "Король Англии, - говорили в Виттемберге, - желает быть папой вместо папы римского и поддерживает большинство заблуждений старого папства, таких как монастыри, [254] индульгенции, мессы, молитвы за умерших и другие римские басни". [255]

=ДИСКУССИЯ В ВИТТЕМБЕРГЕ.=

Дискуссия началась в Виттемберге. Чемпионами теологического турнира были епископ Фокс и архидиакон Хит с одной стороны; Меланхтон и Лютер - с другой. Хит, один из молодых врачей, которых королева Анна содержала в Кембриджском университете, чрезвычайно очаровал Меланхтона. "Он отличается вежливостью и здравой доктриной", - сказал последний. Фокс, с другой стороны, который был человеком короля, не проявлял, по мнению Филиппа, никакого вкуса ни к философии, ни к приятной и изящной беседе. Доктрина мессы была основным пунктом обсуждения. Они никак не могли прийти к взаимопониманию. Лютер, который думал, что это займет всего три дня, видя, что время уходит, сказал курфюрсту: "За четыре недели я сделал больше, чем эти англичане за двенадцать лет. Если они продолжают реформировать в таком стиле, Англия никогда не будет *ни внутри* *ни outside*." [256]. Это определение английской реформации позабавило немцев. Они не обсуждали, они спорили: это превратилось в обычную ссору. [257] "Мне противны эти дебаты, - сказал Лютер вице-канцлеру Буркхарду, - меня от них тошнит". [258] Даже кроткий Меланхтон воскликнул: "Мне кажется, весь мир горит ненавистью и гневом". [259]

Соответственно, богословские дискуссии были прерваны, и послы Генриха VIII. 12 марта были допущены к курфюрсту. "В Англии сейчас спокойно, - сказал епископ Херефордский. - Смерть женщины навсегда положила конец всем пререканиям. В данный момент его Величество озабочен только вероучением Иисуса Христа. Поэтому король умоляет вас сделать возможным союз между вами и им, изменив несколько пунктов вашего Исповедания." После чего вице-канцлер Саксонии обратился к Лютеру: "В чем мы можем уступить королю Англии?" — "Ничего", - ответил реформатор. "Если бы мы были готовы уступить в чем угодно, мы могли бы с таким же успехом договориться с папой римским". После этого очень позитивного заявления Лютер немного смягчился. Он хорошо знал, как сказал другой реформатор, "что некоторые люди слабее других, и если мы не относимся к ним очень мягко, они теряют мужество и отворачиваются от религии; и что христиане, более продвинутые в доктрине, обязаны утешать

немощных невежд". [260] Саксонский реформатор, немного вернувшись назад, написал вице-канцлеру: "Это правда, что Англия не может принять всю правду сразу". [261] Он считал возможным в определенных случаях принять другие выражения и допускают некоторое разнообразие употреблений. "Но, - сказал он, всегда твердый в вере, - от великих доктрин нельзя ни отказаться, ни изменить их. Заключать союз с королем или нет - решать моему все милостивейшему повелителю: это дело светское. Опасно только внешнее объединение, когда сердца не в гармонии." Протестантские государства, собравшиеся 24 апреля 1536 года во Франкфурте-на-Майне, потребовали Генриха VIII. принять веру, исповеданную в Аугсбурге, и в этом случае выразили готовность признать его защитником евангелического союза. Курфюрст, который был очень недоволен некоторыми английскими церемониями, добавил: "Пусть ваше величество основательно реформирует папскую идоломанию в Англии". [262] Было решено, что Меланхтон, Штурм, Буцер и Дракон должны отправиться в Лондон, чтобы завершить это великое дело объединения. Англия и евангелическая Германия были готовы взяться за руки.

Этот союз короля с лютеранами глубоко раздосадовал католиков королевства, и без того серьезно оскорбленных подавлением монастырей и наказанием двух человек, которым Генрих (по их словам) был больше всего обязан. В то время как римская партия была полна гнева, политическая партия была удивлена смелым шагом, предпринятым принцем. Но удар, нанесенный двум великим жертвам, научил их, что они должны подчиниться воле монарха или погибнуть. Эшафоты Фишера и Мора преподали им великий урок покорности и воспитали во всех окружающих Генриха тот раболепный дух, который не оставляет во дворце короля ничего, кроме господина и рабов.

Им предстояло увидеть выдающийся судебный процесс над Анной Болейн.

[222] 'Inconsiderati homines. . . . Dederunt illi (Regi Angliæ) summam rerum omnium potestatem, et hoc me semper graviter vulneravit. Erant . . . enim blasphemi, quum vocarent ipsum *Summum caput Ecclesiæ sub Christo*.'—Calvinus in Amos, vii. 13.

[223] 'Fœdus contra Romanum pontificem.'—Раймер, *Fœdera*, VI. ii. стр. 214.

[224] 'Tale nunc aureum seculum esse tuæ Britanniæ.'—*Corpus Reform.* ii. p. 862.

[225] 'Multarum gentium et Ecclesiæ Christianæ salutem.'—*Ibid.* p. 920.

[226] 'Ego quoque magno versor in periculo.'—*Corpus Reform.* ii. p. 918.

[227] 'Und auch Geissel dafür anbeüt.'—Lutheri *Epp.* iv. p. 633.

[228] 'Ille niger Anglicus.'—*Ibid.* p. 630.

[229] "Ut Christi gloria latissime propagetur".—*Реформа корпуса.* ii. стр. 944.

[230] 'Reverendissimi cardinales, papæ et eorum legati, proditores, fures, raptores, et ipsi diaboli. Utinam haberent plures Reges Angliæ, qui illos occiderent.'—Lutheri *Epp.* iv. p. 655.

[231] Святого Луки ix. 56.

[232] 'Pia ac sana doctrina, divinis literis consentanea, toti orbi restituatur.'

- [233] В латыни есть игра слов: "Venias vel potius Nenias prorsus antiquavit". — *Реформа корпуса*. ii. стр. 1029.
- [234] 'Dei spiritum qui utrosque conglutinet.' — *Ibid.* p. 1032.
- [235] 'S. M. obtineat nomen Defensoris et Protectoris.' — *Ibid.* 1034.
- [236] 'Thomæ Mori casu afficior, nec me negotiis illis admiscebo.' — *Ibid.* p. 1034.
- [237] *Реформа корпуса*. ii. стр. 1032-36. Подписи Фокса, Хита и Барнса, английских посланников, предшествуют подписям курфюрста Саксонии и ландграфа.
- [238] Письмо леди Марии королю Генриху VIII. — Фокс, *Деяния*, vi. стр. 353.
- [239] Бернет, *Отчеты*, ii. стр. 220.
- [240] "Упорствуя в своем великом упорстве, ответила открытым голосом". — *Государственные документы*, i. стр. 415.
- [241] *Там же*. стр. 417.
- [242] "Она может убирать свою постель и не надевать свою одежду". — *Там же*.
- [243] "В сильном оцепенении и агонии, и всегда прерывая наши слова". — *Там же*. i. стр. 420.
- [244] "Лорд Кентерберийский, которого она называла тенью". — *Там же*. стр. 420.
- [245] "Как самая дорогая сестра вашей светлости". — *Там же*. стр. 421.
- [246] 'Catharina ... animi mœrore confecta, cœpit ægrotare.' — *Polydore Virgil*, p. 690.
- [247] 'Conjux a viro, mater pro filia impetrare non potuit.' — *Polus, Apol. ad Cæsarem*, p. 162. Этот факт подвергался сомнению, но никаких доказательств против него представлено не было.
- [248] 'Scribebat se contentari dare ducatum Mediolani duci Aurelianensi.' — *State Papers*, vii. p. 649.
- [249] *Mémoires de Du Bellay*.
- [250] "Последняя воля и т. Д." — *Strype, Записи*, i. стр. 252.
- [251] Герберт, стр. 432.
- [252] "Законный законный закон" — *Полидор Вергилий*, стр. 690.
- [253] Лорд—камергер Кромвелю. — *Государственные документы*, i. стр. 452.
- [254] *Великие монастыри* еще не были закрыты.
- [255] *Реформа корпуса*. iii. стр. 12.
- [256] 'Werden sie nimmermehr daraus noch drein kommen.' — *Lutheri Epp.* iv. p. 671.
- [257] 'Cum Anglicis disputamus, si disputare est rixari.' — *Ibid.* p. 669.
- [258] "Уске до тошноты". — *Там же*. стр. 669.

[259] 'Orbis terrarum ardet odiis et furore.'—*Corpus Reform.* iii. p. 53.

[260] Кальвин.

[261] 'In England nicht so plötzlich kann alles nach der Lehre in's Werk bracht werden.'—Letter to the Vice-Chancellor. Лютери *Ерр.* iv. стр. 688.

[262] 'Regia dignitas vestra suscipiat emendationem Idolomaniae pontificiae.'—*Corpus Reform.* iii. p. 64.

ГЛАВА IX.

ОБВИНЕНИЕ АННЫ.

(с 1535 по май 1536 г.)

Если слабые умы не гнушались прогибаться под королевским деспотизмом, то люди фанатичного склада лелеяли в своих сердцах жажду мести. Папству были нанесены серьезные раны, и они горели желанием нанести какой-нибудь решающий удар по делу Реформ. У этого дела, по их словам, тоже должна быть своя жертва. За все эти монастыри, принесенные в жертву, должен быть принесен в жертву один человек: только один, но взятый с самого выдающегося положения. Король, с одной стороны, ударивший своего наставника и друга, теперь, чтобы сохранить равновесие, должен был ударить свою жену с другой. Вот-вот должна была начаться трагедия, которая должна была закончиться ужасающей катастрофой. Анна Болейн воспитывалась, как говорили некоторые, "не в худшей школе Европы", [263], а в одной из лучших — в доме благочестивой Маргариты Ангулемской, которая была просвещенной защитницей не только ученых, но и всех друзей Евангелия. Анна научилась у этой принцессы любить Реформацию и реформаторов. И соответственно, в глазах папских приверженцев она была главной причиной перемен, произошедших в сознании короля и им самим во всем королевстве. Реформация, как мы видели, началась в Англии около 1517 года с чтения Святого Писания в университетах; но наиболее авторитетные римские врачи предпочли приписать ей другое происхождение и, говоря о связи Кранмера с Анной Болейн тринадцатью годами позже, сказали: "Таково начало Реформации в Англии". [264] В этом утверждении есть ошибка как хронологического, так и исторического характера.

=КРАСНОРЕЧИЕ КРАНМЕРА.=

С момента своей коронации королева почти ежедневно общалась с архиепископом Кентерберийским, и обычно — даже ее враги подтверждали это — затрагивались интересы евангелического дела. В свое время Анна молила Кранмера прийти на помощь преследуемым протестантам. В другой раз, полная необходимости посылать жнецов на жатву, она интересовалась такими молодыми людьми, которые были бедны, но чья чистая мораль и ясный интеллект, казалось, давали им право на добродетельную практику и изучение литературы; [265] им она помогала с большой щедростью. [266] Это также был пример, который дала ей Маргарита Валуа. Королева не поощряла этих студентов бездумно: она требовала свидетельств, подтверждающих чистоту их нравов и способности их интеллекта. Если она была удовлетворена, то отправляла их в Оксфорд или Кембридж и требовала, чтобы они

распространяли вокруг себя, даже во время изучения, Новый Завет и труды реформаторов. Многие пенсионеры королевы впоследствии сослужили большую службу Церкви и государству. С этими королевскими качествами Анна сочетала более домашние. Кранмер видел, как она, подобно доброй королеве Клод, собирает вокруг себя множество молодых леди, отличающихся своим происхождением и добродетелями, и работает с ними над гобеленами восхитительного совершенства для дворца Хэмптон-Корт или над одеждой для неимущих. Она основала в бедных приходах обширные склады, наполненные всем необходимым для нуждающихся. "Ее око милосердия, ее рука щедрости, - говорит биограф, - обошли всю страну". [267] "Говорят, что за три четверти года, - добавляет лорд Герберт Шерберский, знаменитый философ и историк, - она жертвовала четырнадцать или пятнадцать тысяч фунтов таким образом", то есть в виде милостыни. [268] И этот выдающийся писатель, посол Англии при дворе Людовика XIII и известный во Франции благодаря усилиям, которые он предпринимал в защиту протестантов, добавляет: "Кроме того, она учредила фонд для бедных ремесленников в королевстве". [269] Таковы были труды королевы Анны. Кранмер, который очень разбирался в людях и вещах, будучи тронут уважением, которое королева питала к тем, кто исповедовал Евангелие, и видя все, что она делала для Реформации и утешения несчастных, заявил, что после короля Анна была из всех живущих существ "той, с кем он был больше всего связан". [270]

Кранмер был не единственным человеком среди евангелистов, с которым поддерживала отношения Анна Болейн. С первого дня, как она увидела Латимера, ее тронули христианская простота и апостольские манеры реформатора. Услышав его проповедь, она пришла в восторг. Энтузиазм по отношению к этому смелому христианскому проповеднику был всеобщим. "Для нас так же невозможно, - говорили его слушатели, - вместить в свой разум все сокровища красноречия и знаний, которые изливаются из его уст, как для маленькой реки было бы вместить в свое русло воды океана". С того периода (1535 г.), когда Латимер произносил перед королем Великопостные проповеди, он был одним из самых постоянных инструментов активной благотворительности королевы.

Еще более решительный реформатор высоко ценил Анну Болейн: это был Тиндейл. Никто, по его мнению, не высказывался с такой решительностью, как королева, в пользу Нового Завета и его распространения на английском языке. Желая, соответственно, выразить свою благодарность и уважение, Тиндейл подарил ей уникальный экземпляр своего перевода, напечатанный красивым шрифтом на пергаменте, иллюстрированный и переплетенный в синий сафьян, с этими словами, написанными большими красными буквами: *Anne Regina Angliæ* (Анна, королева Англии). [271] Этот замечательный том, ныне хранящийся в библиотеке Британского музея, является памятником почитания узницы Вильворда перед Анной Болейн. Сохранилось также рукописное руководство по набожности для этой принцессы: она часто дарила копии этого руководства своим фрейлинам. Мы видим в этом значение, которое она придавала Священному Писанию: "Дай нам, о Отец Милосердия, - читаем мы, - величайший из всех даров, которыми Ты когда-либо наделял человека, — знание Твоей святой воли и благую весть о нашем спасении. Римская тирания долго скрывала это от нас под латинскими буквами; но теперь это обнародовано и свободно распространяется". [272]

=ХРИСТИАНСКИЙ ХАРАКТЕР ПАРКЕРА.=

Анна, потеряв в 1535 году доктора Беттса, одного из своих раздававших милостыню, искала человека, преданного Евангелию, на его место, поскольку ей нравилось находиться в

окружении самых набожных людей Англии. Она обратила свой взор на Мэтью Паркера, уроженца Норвича, профессора колледжа Корпус-Кристи в Кембридже, человека, который в течение двух лет с жаром проповедовал истину. Паркер любил уединение и безвестность; соответственно, когда он получил в среду, следующую за Вербным воскресеньем, два письма с приглашением ко двору, "потому что королева пожелала его видеть", [273] он был поражен и сбит с толку. Сначала он хотел отказаться от столь блестящего приглашения, но Латимер написал ему: "Покажи себя миру; не прячься больше; твори добро, пока у тебя есть такая возможность. Мы знаем, на что вы способны; пусть ваша воля не уступает вашей власти". [274] Паркер отправился в Лондон, и за короткое время его знания, благочестие и благоразумие снискали всеобщее уважение королевы. Этот скромный, умный, деятельный мужчина был именно тем человеком, которого хотела видеть Энн, и с тех пор ей доставляло удовольствие оказывать ему знаки своего внимания. Он сам рассказывает нам, что если при исполнении своих обязанностей ему приходилось принимать друзей за своим столом, королева, скудея его средствами, посылала ему зайца или олененка, пойманного в ее парках. [275] С этого времени Паркер был одним из тех, кого Энн наняла для распространения своей благотворительности. Едва он прибыл ко двору, как представил королеве некоего У. Билла, очень молодого и очень бедного человека, но отнюдь не лишенного таланта. Анна, обладавшая большой проницательностью, включила его в число студентов, которых готовила к служению: впоследствии он стал деканом Вестминстера. Паркер, начавший свою карьеру с Анны, должен был закончить ее с Элизабет. Когда в 1554 году королева Мария лишила его всех занимаемых должностей, он воскликнул: "Теперь, когда я лишен всего, я живу в присутствии Бога и полон радости в своей совести. В этом очаровательном досуге я нахожу больше удовольствий, чем в напряженной и опасной жизни, которую я вел при дворе". Вынужденный скрываться, часто убегая по ночам, чтобы спастись от преследования своих преследователей, покой, которым он наслаждался, никогда не нарушался. Он смотрел на испытания как на привилегию дитя Божье. Внезапно его постигло странное и неожиданное бедствие. Дочь Анны Болейн, взойдя на престол, пожелала иметь капелланом своей матери архиепископа Кентерберийского и примаса всей Англии. "Я преклоняю колени перед вашим величеством, - обратился он к королеве Елизавете, - и умоляю вас не обременять меня должностью, которая требует человека гораздо большего таланта, знаний, добродетели и опыта, чем у меня". Второе письмо от канцлера Бэкона повторило призыв. Тогда несчастный Паркер воскликнул в глубине своей скорби: "Увы! увы! Господь Бог! сколько раз Ты сохранял меня! [276] Я вошел в глубокие воды, где потоки переполняют меня. О Господи! укрепи меня Своим могучим Духом!" Паркер был главой Англиканской церкви в течение шестнадцати лет и с достоинством занял возвышенное кресло, на котором был вынужден сидеть. Таковы были мужчины, которых Анна Болейн собрала вокруг себя.

Однако мы ошиблись бы, если бы представляли молодую королеву фанатичкой, живущей, подобно Екатерине, в условиях жесткой экономии. Представляется даже сомнительным, знала ли она на собственном опыте то внутреннее, духовное и живое христианство, которое было найдено в Латимере, Тиндейле, Кранмере и Паркере. Она была добродетельной женой, доброй протестанткой, приверженной Библии, настроенной против папы римского, любящей добрые дела, почитающей служителей Божьих больше, чем придворных, но она не отреклась от мира и его великолепия. Светская женщина, честная, религиозная, любящая творить добро, представителей класса, которого всегда много, она не была знакома с благочестивыми устремлениями души, живущей в общении с Богом. Даже ее положение королевы и жены

Генриха VIII. возможно, это помешало ей продвинуться по пути христианской жизни. Она считала возможным любить Бога, не отказываясь от удовольствий века, и смотрела на мирские вещи как на невинное развлечение. Желая завоевать сердце своего мужа, она старалась угодить ему веселой беседой, устраивала увеселительные приемы, жизнью которых была сама, и изящно принимала всех его придворных. Оказавшись на скользкой почве и наблюдаемая предвзятыми глазами, она, возможно, иногда позволяла себе какое-нибудь неосторожное выражение лица. Ее жизнерадостность и веселость, ее дружелюбная свобода резко контрастировали с более серьезными и чопорными формальностями английских леди. Латимер, близко видевший ее, иногда делал ей почтительные замечания, когда оставался с ней наедине, и благодарная Энн искренне восклицала: "Ты делаешь мне так много хорошего! [277] Молитесь, никогда не пропускайте ни одного недостатка".

=ПРАВДА ОБ АННЕ БОЛЕЙН.=

Мы должны научиться узнавать Анну Болейн не по писаниям памфлетистов. Ближе к концу шестнадцатого века противоположные партии, в своем крайнем возбуждении, рисовали ее то в слишком темных тонах, то в слишком лестных. В этом вопросе мы должны особенно прислушиваться к людям, чьи свидетельства пользуются всеобщим уважением. В истории не так много принцесс, которые, подобно Анне, пользовались уважением самых возвышенных умов — Кранмера и Латимера, Тиндейла и Паркера и других христиан, возможно, менее прославленных, но не менее уважаемых. Однако в глазах папских сторонников она совершила непростительное преступление: *она отделила Англию от папства*; и соответственно, их дикая ненависть не знала границ, и они никогда не переставали очернять ее память своей гнусной клеветой. Из всех злодеяний, которые может совершить история, величайшее состоит в представлении невинных так, как если бы они были виновны. Это массовая клевета для использования не только нынешним поколением, но и поколениями грядущими. Многие авторы выдвигали и продолжают выдвигать низменные обвинения против реформаторов Лютера, Кальвина и других. Анна Болейн получила свою полную долю клеветы в этом огромном заговоре лжи. [278]

Великолепие, которым была окружена Анна, открыло ее сердце для самых нежных чувств. Быть радостью своего мужа и восхищением своих родственников, защищать друзей Евангелия и быть любимой Англией — таковы были на какое-то время мечты ее юного воображения. Но вскоре корона святого Эдуарда тяжело легла на ее лоб. Члены ее собственной семьи стали ее врагами. Ее дядя, гордый герцог Норфолк, глава ультрамонтанской партии, наряду с Гардинером, был движим тайной ненавистью к молодой женщине, которая была опорой евангелической партии. Ее отец, граф Уилтшир, вообразив, что видит, как королю не льстит быть его зятем, покинул Лондон, сожалея о союзе, которого так жаждало его честолюбие. Леди Рочфорд, жена брата Анны, женщина с подлым характером, чье прежнее вероломство королева простила и которую она привязала ко двору, отплатила за это великодушие тайным замыслом погубить невестку, возвышение которой наполнило ее ревностью. В конце концов, одна из тех, кто ел ее хлеб и получал от нее милости, была готова выказать свою неблагодарность несчастной королеве.

Среди ее фрейлин была Джейн Сеймур, в которой сочетались все привлекательные черты молодости и красоты и чей нрав был чем-то средним между суровой серьезностью королевы Екатерины и завораживающей жизнерадостностью королевы Анны. Постоянство в чувствах не

было чертой характера Генриха; его сердце легко воспламенялось; его взор остановился на юной Джейн Сеймур, и как только он почувствовал ее прелесть, очарование Анны Болейн, которое раньше пленило его, стало невыносимым. Добродушная веселость королевы утомляла его; достижения, которые обычно служат средством доставить удовольствие, вызывали у него раздражение; рвение, которое она проявляла к протестантизму, оттолкнуло его. Враги Анны, особенно герцог Норфолк и леди Рошфорд, заметили это и решили воспользоваться этим, чтобы погубить женщину, которая затмевала их.

=ХАРАКТЕР И МАНЕРЫ ЭНН.=

Одно обстоятельство, само по себе достаточно невинное, благоприятствовало замыслам врагов королевы. Анна, выросшая во Франции, среди людей, отличавшихся неиссякаемым запасом веселья, непринужденной болтовней, остроумными и изобретательными выходками, ироничными фразами и дружелюбными сердцами, привезла кое-что из всего этого в Лондон. Откровенная и располагающая к себе, она любила общество; и ее обычные манеры казались слишком непринужденными среди народа, который, несмотря на глубокие привязанности, обладает большой серьезностью и внешней холодностью. Анна обрела определенную свободу слова при французском дворе — не похоже, чтобы она даже подражала ей; но в минуту веселья она могла бы отпустить несколько острых колкостей, несколько неосторожных слов и таким образом снабдить своих врагов оружием. Ей было трудно соответствовать строгому этикету английского двора, и она не была приучена к осмотрительности, столь необходимой при таком муже, как Генрих VIII.

Анна была в одно и то же время другом Реформации в среде католического в душе общества и французенкой при английском дворе; это были два ее тяжких преступления. Ее не поняли. Ее веселость не переросла в легкомыслие: она не обладала той любовью к удовольствиям, которая, доведенная до крайности, порождает развращение нравов; мы называли истинно благочестивых мужчин, которых она любила собирать вокруг себя. Но некоторым людям было вполне достаточно того, что Анна была приятной, как леди Сен-Жермен и Фонтенбло, чтобы заподозрить ее в кокетстве, как и многих из них. Более того, она вышла замуж за человека выше своего положения. Живя при дворе наравне с принадлежащими к нему молодыми дворянами, она не всегда могла, взойдя на трон, держаться на ногах королевы. С этого времени ее враги неблагоприятно истолковали невинную любезность, с которой она их принимала. Недоверчивый Генрих VIII. начал питать подозрения, и виконтесса Рочфорд попыталась разжечь ревность этого принца хитрыми и вероломными намеками.

=ТОСКА ЭНН.=

Анна вскоре заметила склонность короля к Джейн Сеймур: тысячи мелочей, внешне безразличных, поражали ее. Она часто наблюдала за подружкой невесты; ее гордость была оскорблена, и ревность терзала ее сердце день и ночь. Она пыталась вернуть любовь короля, но Генрих, заметивший ее подозрения, с каждым часом сердился на нее все больше. Королева была недалеко от родов, и именно в тот самый момент, когда она надеялась подарить Генриху наследника, о котором он мечтал столько лет, король лишил ее своей супружеской привязанности. Сердце ее сжималось, и, предвидя печальное будущее, она сомневалась, что удар, подобный тому, который обрушился на Кэтрин, вскоре не будет нанесен и ей. Джейн Сеймур не отвергла ухаживания короля. Историки самых противоположных партий рассказывают, что однажды, ближе к концу января 1536 года, королева, неожиданно войдя в

комнату во дворце, обнаружила, что король слишком подчеркнуто ухаживает за молодой фрейлиной. Возможно, они преувеличивают, [279] но нет никаких сомнений в том, что Генри вызвал очень серьезные жалобы со стороны своей жены. Это было так, словно меч пронзил сердце несчастной Анны Болейн: она не выдержала столь жестокого удара и преждевременно родила мертвого сына. Бог, наконец, даровал Генриху долгожданного наследника, но горе матери стоило ребенку жизни. Какое горе для нее! Некоторое время никто не верил в ее выздоровление. Когда король вошел в ее комнату, она разрыдалась. Этот эгоистичный принц, опечаленный мыслью, что она родила ему мертвого сына, жестоко упрекал ее в несчастье, вместо того чтобы утешить. Это было уже слишком: бедная мать не могла сдержаться. "Тебе некого винить, кроме себя", - воскликнула она. [280] Генри, еще больше разозлившись, резко ответил ей и вышел из квартиры. [281] Эти подробности сохранил хорошо информированный писатель времен Елизаветы. Представить Генриха в столь неблагоприятном свете, если бы это было неправдой, вряд ли было бы приятным способом ухаживать, как намекали некоторые, за королевой, которая больше походила на своего отца, чем на мать.

Теперь Анна предвидела ожидающие ее несчастья: она действительно оправилась после этого шторма и проявила себя, снова приняв участие в беседах и праздниках; но она была меланхолична и встревожена, как тонущий корабль, который снова появляется на морских волнах после шторма и какое-то время еще держится на плаву, но только для того, чтобы наконец быть поглощенным. Все ее попытки вернуть любовь мужа были бесполезны, и по ночам ее беспокоили страшные сны. Эта агония продолжалась три месяца.

Ветер переменился: это заметили все, и для некоторых бессердечных придворных это было подобно сигналу, поданному нетерпеливой своре гончих. Они принялись выслеживать добычу, которую, как они чувствовали, могли растерзать без опасности. Ультрамонтанисты вновь обрели мужество. Они опасались, что из-за вмешательства Анны дело Рима было проиграно в Англии, и их тревога была небезосновательной. Кранмер, объединив свои усилия с усилиями королевы, никогда не переставал продвигать Реформацию. Когда кто-то говорил в Палате лордов о Генеральном совете в Италии, он воскликнул: "Только к Слову Божьему мы должны прислушиваться в религиозных спорах". В то же время, совместно с Анной, он распространил по всей Англии новый молитвенник, *Букварь*, предназначенный заменить опасные книги священников. [282] Люди пользовались им. Благодетельный и духовный читатель этой книги воскликнул однажды, поразмыслив над ней: "О щедрый Иисус! О сладостный Спаситель! не презирай того, кого Ты выкупил ценой такого сокровища - Своей кровью! Я с уверенностью взираю на трон милосердия". [283] Религия становилась личной для Анны Болейн.

=РЕЛИГИОЗНОЕ РВЕНИЕ АННЫ.=

Королева и архиепископ на этом не остановились: они попытались, насколько позволял Генрих, поставить над стадами настоящих пастухов, а не купцов, которые торговали их шерстью. Епископство Вустер, отнятое у Гиннуччи, было передано (как мы видели) Латимеру; так что долина Северна, которую четыре итальянских епископа грабили в течение пятидесяти лет, наконец обрела пастора, который "насаждал там изобилие Иисуса Христа". [284] Шэкстон, еще один из капелланов Анны, который в то время исповедовал большую привязанность к Священному Писанию, был назначен епископом Солсберийским вместо знаменитого кардинала Кампеджио. Хилдерли, бывший доминиканский приор, который одно время защищал непорочное зачатие Девы Марии, но впоследствии признал Иисуса Христа

единственным Посредником и поклонялся Ему, был назначен на кафедру в Рочестере, вместо несчастного епископа Фишера. Наконец, Джордж Браун, бывший провинциал августинцев в Англии - честный человек, друг бедных, который, будучи захвачен истиной, воскликнул с кафедры: "Идите ко Христу, а не к святым!" — был избран архиепископом Дублина и, таким образом, стал первым евангелическим прелатом Ирландии, трудный пост, который он занимал, рискуя своей жизнью. [285] Другие прелаты, такие как Фокс, епископ Херефордский, хотя и не были истинными протестантами, проявили себя антипапистами.

Члены ультрамонтанской партии увидели влияние королевы во всех этих назначениях. Кто сопротивлялся предложению о том, чтобы Английская церковь была представлена в Генеральном совете? Кто пытался заставить короля двигаться в направлении Реформации? Кто бросил Англию в объятия принцев Германии?—Королева, никто иной, как королева. Говорили, что она чувствовала себя несчастной, когда видела, что не проходит и дня, чтобы она не добилась какой-либо поддержки Реформации. [286] Люди знали, что папа был готов простить все и даже объединиться с Генрихом против Карла V. Если король подчинится условиям, изложенным в булле, то есть если он уберет Анну Болейн. [287]

Условие, которого требовал понтифик, не было невыполнимым, поскольку Генрих любил менять своих жен: у него их было шесть. Брак не был для него единством жизни. В конце 1535 года Анна была его женой уже три года; для него это был долгий срок, и он начал обращать свои взоры на других. Молодость Джейн Сеймур затмила молодость королевы. Несчастливая Болейн! Горе постепенно лишило ее свежести. У Джейн были естественные союзники, которые могли бы помочь ей взойти на трон. Два ее брата, Эдвард и Томас — старший более умеренный, младший более высокомерный, — каждый из которых обладал большими амбициями и замечательными способностями, считали, что Сеймур так же достоин носить английскую корону, как и Болейн. Однако первый удар был нанесен не ими, а членом семьи королевы - ее невесткой. Между близкими родственниками нет места безразличию: они любят, а если и не любят, то ненавидят. Леди Рочфорд, столь тесно связанная с королевой, постоянно чувствовала себя задетой за живое. Ревность породила в ее сердце глубокую неприязнь, и этой неприязни было суждено привести ее к тому, что она подстроила смерть ненавистного объекта. Доведенная до отчаяния счастьем и особенно величием Анны Болейн, она стала главной страстью уничтожить их. Однако перед ней возникло одно препятствие. Лорд Рочфорд, ее муж и брат Анны, не стал бы участвовать в ее коварных планах. Эта развратная женщина, которая впоследствии понесла смертную казнь за попустительство преступлению, решила погубить свою невестку и ее мужа вместе. Было условлено, что трое придворных должны будут первыми намекнуть Генриху. "Так началась, - говорит автор того времени, - комедия, которая превратилась в печальную трагедию". [288] Не было упущено ничего, что способствовало успеху одной из самых печально известных придворных интриг, известных в истории.

Почти одновременно Энн осознала ненависть своей невестки к ней и любовь ее мужа к Джейн Сеймур. С этого момента она предчувствовала скорую смерть, и ее самые тревожные мысли были о дочери. Она гадала, что будет с бедным ребенком, и, желая воспитать ее в знании Евангелия, послала за благочестивым простодушным Паркером, рассказала ему о своих опасениях и желаниях и поручила ему Элизабет со всей материнской любовью. [289] Слова Анны так глубоко запали ему в сердце, что он никогда их не забывал; [290] и двадцать три года спустя, когда этот ребенок, ставший королевой, возвысил его до первенства, он заявил лорду Берли, что если бы у него не было таких больших обязательств перед ее матерью, он никогда бы

не согласился служить дочери на столь высоком посту. [291] Передав юную Елизавету на попечение служителя Божьего, несчастная королева почувствовала себя более непринужденно.

=ОБВИНЕНИЯ ПРОТИВ ЭНН.=

Тем временем заговор формировался в тишине, и два или три обстоятельства, какие случаются в самой невинной жизни, послужили предлогом для гибели Анны.

Однажды, когда она была с королем в Винчестере, она послала за одним из придворных музыкантов по имени Сметон, "чтобы сыграть на "верджиналах"". [292] Это был первый пункт в обвинительном заключении.

Норрис, джентльмен из королевских покоев, был помолвлен с Маргарет, одной из фрейлин Анны, и поэтому часто бывал в покоях королевы. Клеветнические языки утверждали, что он пошел на это больше ради своего государя, чем ради своей нареченной. Королева, узнав об этом и желая прекратить скандал, решила принудить Норриса жениться на Маргарет. "Почему вы не продолжаете свой брак?" - спросила она его. "Я хочу подождать еще немного", - ответил джентльмен. Анна, намереваясь дать ему понять, что есть серьезные причины больше не откладывать это в долгий ящик, добавила: "При дворе говорят, что вы ждете башмаков мертвеца, и что, если бы какое-нибудь несчастье постигло короля, вы бы хотели заполучить меня в жены". [293] "Боже упаси!" - в тревоге воскликнул Норрис. - "Если бы мне пришла в голову такая мысль, это стало бы моей гибелью". "Думайте о том, что вы делаете", - сурово продолжила королева. Норрис, пребывая в сильном волнении, немедленно отправился к благотворителю Анны Болейн. "Королева - добродетельная женщина, - сказал он. - Я готов подтвердить это под присягой". [294] Это был второй пункт обвинения в обвинительном заключении.

Сэр Фрэнсис Уэстон, смелый легкомысленный человек, был (хотя и женат) очень внимателен к молодой придворной даме, родственнице королевы. "Сэр Фрэнсис, - сказала Анна, огорченная его поведением, - вы любите госпожу Склтон и пренебрегаете своей женой". "Мадам, - ответил дерзкий придворный, - "в вашем доме есть один человек, которого я люблю больше, чем их обоих". "И кто же это?" - спросила королева. - Себя, - ответил Уэстон. Оскорбленная такой дерзостью, Анна с презрением и неудовольствием приказала ему покинуть ее присутствие. [295] Это был третий пункт обвинительного заключения.

Лорд Рочфорд, человек благородного и рыцарственного характера, возмущенный клеветой, которая начала распространяться против его сестры, попытался предотвратить бурю. Однажды, когда она лежала в постели, он вошел в ее комнату, чтобы поговорить с ней; и в присутствии фрейлин он наклонился к королеве, чтобы сказать что-то по этому поводу, что не предназначалось для ушей посторонних членов семьи. Печально известная леди Рочфорд воспользовалась этим невинным обстоятельством, чтобы обвинить своего мужа и невестку в отвратительном преступлении.

Таковы четыре обвинения, которые должны были стоить Анне Болейн жизни. Бесполезные наблюдения, злобные замечания, которым подвергаются люди в свете, и особенно при дворе, достигли ушей короля и внушили ему ревность, упреки, гневные слова и холодность. Для Энн больше не было счастья.

В этих историях было достаточно, чтобы побудить Генриха VIII. отвергнуть свою вторую жену и взять третью. У этого принца — как это обычно бывало с Тюдорами — был решительный и переменчивый нрав, восприимчивое и недоверчивое сердце, энергичный характер и страсти, жаждущие удовлетворения любой ценой. Очень недоверчивый, он нелегко справлялся со своими подозрениями, и когда какой-нибудь человек досаждал ему, он не успокаивался, пока не избавлялся от него. Здравый смысл обычно оценивает по достоинству такие истории, о которых мы рассказали; но персонажи, вышедшие сейчас на сцену, были более раздражительными, чем те, кого обычно можно встретить в мире. "Буря, - говорит по этому поводу лорд Герберт Шерберский, - хотя она и не всколыхивает низкие и мелководные воды, когда она встречается с морем, одновременно раздражает его и заставляет швырять все, что попадает на пути". [296]

Генри, счастливый оттого, что нашел предлог, к которому стремилась его новая страсть, ничего не расследовал; казалось, он верил всему, что ему говорили. Он поклялся доказать другим вину Анны величием своей мести. Из шести своих жен он избавился от двух путем развода, от двух - на эшафоте; только двум удалось избежать его преступного юмора. На этот раз он не желал разводиться; утомительная интрижка Кэтрин утомила его. Он предпочел более оперативный способ — топор.

=КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ.=

25 апреля король назначил комиссию для расследования поведения Анны и включил в нее герцога Норфолка, дядю по материнской линии, но (как мы уже говорили) непримиримого врага несчастной королевы; герцога Саффолка, который, как шурин Генриха, выполнял его малейшие желания; графа Оксфорда, искусного придворного; Уильяма Пола, контролера королевского двора, чьим девизом было "Быть ивой, а не дубом"; Одли, честнейшего из всех, , но все еще покорный слуга своего хозяина; лорд Делаварр и несколько других лордов и джентльменов, всего двадцать шесть. Бернет и другие рассказывали, что король назвал отца Анны, графа Уилтширского, одним из судей. Это, без сомнения, было бы самой поразительной чертой жестокости, о которой Генрих приводил так много доказательств; но мы должны по справедливости заявить, что несчастный принц не совершал такого чудовищного поступка. Бернет после самого тщательного расследования отказался от своей ошибки. [297] В четверг, 27 апреля, король, понимая необходимость того, чтобы парламент отменил законы, принятые в пользу Анны и ее детей, издал приказ о его созыве. Он был полон решимости поторопиться с делами — ему в равной степени не терпелось больше ничего слышать о своей жене и обладать ею, которая была объектом его желаний.

К Энн, которая ничего не понимала в происходящем, постепенно вернулось немного спокойствия, но с теми, кто ее окружал, все было по-другому. Двор был взволнован и встревожен. Были опрошены имена уполномоченных, и люди гадали, на кого обрушатся ужасные удары короля. Многие беспокоились за себя или своих друзей. Обрушится ли буря на сэра Томаса Уайатта, написавшего стихи в честь Анны? или на лорда Нортумберленда, которого королева любила до того, как Генрих обратил на нее свой взор? Король не собирался подниматься так высоко.

Нерешительность длилась недолго. В два часа дня 27 апреля — в тот самый день, когда были изданы постановления о создании нового парламента, — Уильям Бреретон, один из приближенных короля, на которого указали враги королевы, был арестован и доставлен в

Тауэр. Два дня спустя, 29 апреля, Анна пересекала приемную, где в этот момент случайно находилось несчастное создание. Это был Марк Сметон, придворный музыкант — тщеславный, трусливый, продажный человек, который чувствовал себя обиженным из-за того, что с того дня, как он играл перед королевой в Винчестере, принцесса ни разу даже не взглянула на него. Он стоял в удрученной позе, прислонившись к окну. Возможно, что, услышав о немилости, грозившей королеве, он надеялся, показав свое горе, добиться от нее какого-нибудь знака интереса. Как бы то ни было, его необычное присутствие в этой комнате, поза, которую он принял, скорбный вид, который он напустил, очевидно, были рассчитаны на то, чтобы привлечь ее внимание. Уловка удалась. Анна заметила его, проходя мимо. "Почему вы грустите?" - спросила она. "Это не имеет значения, мадам". Королеве показалось, что Сметон опечален тем, что она ни разу с ним не поговорила. "Вы можете не рассчитывать, что я буду говорить с вами, - добавила она, - как с дворянином, потому что вы человек низшего сорта". "Нет, мадам, - ответил музыкант, - мне не нужны слова; мне достаточно взгляда". [298] Он не удостоился взгляда, о котором просил, и его уязвленное тщеславие с этой минуты побуждало его погубить принцессу, у которой он имел наглость желать, чтобы его заметили. Слова Сметона были доложены королю, и на следующий день (30 апреля) музыкант был арестован, допрошен в Степни и отправлен в Тауэр.

=ТУРНИР В ГРИНВИЧЕ.=

В Гринвиче готовился великолепный праздник, чтобы отпраздновать Первое мая обычным образом. Это был странный момент, который Генри выбрал для раскрытия своих планов. В некоторых умах, по-видимому, существует таинственная связь между празднествами и кровопролитием; другой принц (Нерон) продемонстрировал это в старые времена, а несколькими годами позже Карл IX. должен был отпраздновать бракосочетание своей сестры Маргарет Варфоломеевской резней. Генрих VIII отдал двум жертвам, которых собирался принести в жертву, первые места в блестящем турнире, который он подготовил. Лорд Рочфорд, брат королевы, был главным претендентом, а Генри Норрис был главой защитников. Сэр Фрэнсис Уэстон также должен был принять участие в этих турнирах. Генрих проявил к ним большую любезность и улыбками скрыл их приближающуюся гибель. Король занял свое место, а королева в великолепном наряде уселась рядом с ним, Рочфорд и Норрис прошли перед ним, опустив копья — *morituri te salutant*. Рыцарский турнир начался сразу после этого. Придворные обстоятельства придавали празднеству мрачную торжественность. Король, который пристально наблюдал за борьбой своих придворных, внезапно вскочил, всем своим видом выражая гнев, и поспешно покинул балкон. Что произошло? Ультрамонтанин Сандерс, известный как самый злобный и выдуманный писатель, упоминает, что королева уронила свой носовой платок на ристалище, и что Норрис поднял его и вытер им лицо. Лорд Герберт, Бернет и другие утверждают, что нет ничего, что подтверждало бы эту историю, которая, будь она правдой, могла бы быть очень невинной. Однако празднества были прерваны отъездом короля. Замешательство было всеобщим, и встревоженная королева удалилась, желая узнать причину странной процедуры. [299] Так закончилось ликование Первого мая.

Генрих, вернувшийся во дворец, услышав о возвращении королевы, отказался ее видеть, приказал ей оставаться в своей комнате, сел на коня и в сопровождении шести джентльменов поскакал обратно в Лондон. На некоторое время замедлив шаг, он отвел Норриса в сторону и, рассказав ему о причине своего гнева, пообещал простить его, если он сознается. Норрис ответил твердо и уважительно: "Сир, если бы вы вспороли мне живот и вынули мое сердце, я мог

бы рассказать вам только то, что знаю". [300] По прибытии в Уайтхолл Генрих сказал своим министрам: "Завтра утром вы отведете Рочфорда, Норриса и Уэстона в Тауэр; затем вы отправитесь в Гринвич, арестуете королеву и посадите ее в тюрьму. Наконец, ты напишешь Кранмеру и попросишь его немедленно отправиться в Ламбет и там ждать моих распоряжений. Жертвы были схвачены, и верховный жрец был вызван для жертвоприношения.

Ночь была полна страданий для Анны Болейн, а на следующий день, когда она была окружена своими придворными дамами, их испуг усилил ее ужас. Ей казалось невозможным, чтобы одно ее слово не убедило мужа в ее невиновности. "Я непременно увижу короля", - воскликнула она. Она приказала приготовить свою баржу, но как раз в тот момент, когда она собиралась отплыть, из Лондона прибыла другая баржа, привезшая Кромвеля, Одли и ужасного Кингстона, лейтенанта Тауэра. Это зловещее присутствие было смертным приговором: увидев его, королева громко закричала.

=АННА ПЕРЕД СОВЕТОМ.=

Однако они не удалили ее сразу: совет, в котором заседали ее самые яростные противники, собрался во дворце, и Анну вызвали предстать перед ним. Герцог Норфолк, президент, холодно проинформировал ее о том, в чем ее обвиняют, и назвал ее мнимых сообщников. При этих словах королева, пораженная изумлением и горем, упала на колени и воскликнула: "О Господи, если я виновна, пусть я никогда не получу прощения!" Затем, немного оправившись от волнения, она ответила на выдвинутые против нее клеветнические обвинения, на что Норфолк ответил небрежно и презрительно, как будто он все еще разговаривал с маленькой девочкой, рождение которой он видел на своих глазах: "Ту, ту, ту", - и презрительно покачал головой. [301] - Я желаю видеть короля, - сказала Анна. "Невозможно, - ответил герцог. - Это не входит в наши обязанности". "Со мной очень жестоко обошлись", - сказала Анна Болейн позже, рассказывая об этом ужасном разговоре со своим дядей. "Его величеству угодно, чтобы мы проводили вас в Тауэр", - добавил Норфолк. "Я готов повиноваться", - сказала королева, и все отправились на одной барже. Когда они достигли Тауэра, Анна приземлилась. Губернатор был там, чтобы встретить ее. Норфолк и другие члены совета передали ее на его попечение и отбыли. Было пять часов пополудни.

Затем ворота крепости открылись; и в этот момент, когда она переступала порог по обвинению в чудовищных преступлениях, Анна вспомнила, как три года назад она с триумфом вошла в нее на церемонию своей коронации под всеобщие возгласы народа. Пораженная ужасающим контрастом, она упала на колени "как мяч", [302] и воскликнула: "О Господи, помоги мне, поскольку я невиновна в том, в чем меня обвиняют!" Губернатор поднял ее, и они вошли. Она ожидала, что ее поместят в строгое заключение. "Мистер Кингстон, - сказала она, - вы посадите меня в темницу?" "Нет, мадам, - ответил губернатор. - вы будете в своем собственном жилище, где вы лежали во время своей коронации". "Это слишком хорошо для меня", - воскликнула она. Однако она вошла и, дойдя до королевских покоев, которые вызывали такие разные воспоминания, снова опустилась на колени и разрыдалась. Сила ее горя вскоре вызвала судорожные движения, и ее слезы сменились истерическим смехом. [303] Постепенно она пришла в себя и попыталась собраться с мыслями. Чувствуя необходимость укрепить себя доказательствами любви Господа, она сказала Кингстону: "Умоляй его Величество позволить мне причаститься". [304] Затем, сознавая свою невиновность, она добавила: "Сэр, я так же далека от общества мужчин, как и от вас. Я истинная жена короля". [305]

=СОЧУВСТВИЕ ЭНН.=

Она не была поглощена собственными несчастьями: ее тронули страдания других, и она беспокоилась о своем брате. "Не могли бы вы сказать мне, где лорд Рочфорд?" - спросила она. Кингстон ответил, что видел его в Уайтхолле. Ее не успокоил этот уклончивый ответ. - О, где мой милый братец? - воскликнула она. Ответа не последовало. - Мистер Кингстон, - продолжала Энн через несколько мгновений, - вы знаете, почему я здесь?" - "Нет, мадам". "Я слышала, что меня обвиняют в преступной фамильярности". (Норфолк сказал ей об этом на барже.) "Я могу сказать не больше, чем — Нет!" Внезапно разорвав одно из своих одеяний, она воскликнула, словно отвлекшись: "Если бы они вскрыли мое тело, я бы все равно сказала —"Нет". После этого ее мысли блуждали. Она подумала о своей матери, и любовь, которую она испытывала к графине Уилтшир, больше всего на свете заставила ее ощутить горечь своего положения: она представила, что перед ней гордая леди, и воскликнула с невыразимой болью: "О моя мать, моя мать, ты умрешь от горя!" Затем ее мрачные мысли обратились к другим предметам. Она вспомнила, что, находясь на барже, герцог Норфолк назвал Норриса и Сметона ее обвинителями, что было отчасти ложью. Несчастный музыкант не был огорчен тем, что его несправедливо обвинили в преступлении, которое, вероятно, принесло ему дурную славу, но Норрис решительно отвергал саму мысль о том, что королева могла быть виновна. "О Норрис, ты обвинил меня!" - воскликнула она. "и ты тоже, Сметон!" После нескольких минут молчания Анна пристально посмотрела на губернатора. "Мистер Кингстон, - спросила она, - неужели я умру без правосудия?" "Мадам, - ответил губернатор, - это самое подлое подданное короля". При этих словах королева снова истерически расхохоталась. - Правосудие— правосудие! - воскликнула она с презрительным недоверием. Она рассчитывала на правосудие меньше, чем самый скромный из ее подданных. Постепенно буря утихла, и ночная тишина принесла облегчение ее горю.

В тот же день (2 мая) по Лондону разнеслась весть об аресте королевы. Кранмер, получивший королевское указание отправиться в свой дворец в Ламбете и ждать там до дальнейших распоряжений, прибыл и был поражен, как громом, услышав о случившемся. "Что? королева в тюрьме! королева - прелюбодейка!"... В его груди происходила борьба. Он был многим обязан королеве; он всегда считал ее безупречной — прибежищем несчастных, защитницей истины. Он любил ее как дочь, уважал как свою правительницу. В том, что она невиновна, он не сомневался; но чем объяснить поведение короля? Несчастный прелат был поглощен самыми тягостными мыслями в течение всей ночи вторника. Этот поистине набожный человек проявил чрезмерную снисходительность к Генриху VIII и легко склонился под его могучей рукой; но его путь был четко прослежен — без колебаний отстаивать невинность той, кого он всегда чтит. И все же он должен был стать примером очарования, которое деспот оказывает на таких персонажей, — примером трусости, в которой хороший человек может быть виновен из-за человеческого уважения. Несомненно, в его деле есть смягчающие обстоятельства. Прелата беспокоила не только судьба королевы, но и будущее Реформации. Если любовь к Анне помогла Генриху склониться на сторону Реформации, то ненависть, которую он сейчас испытывал к своей несчастной жене, могла легко подтолкнуть его в другом направлении. Кранмер желал предотвратить это любой ценой и, соответственно, считал себя обязанным принять крайние меры предосторожности. Но эти обстоятельства на самом деле не являются смягчающими обстоятельствами. Никакие мотивы в мире не могут оправдать мужчину от того, что он не защищает своих друзей откровенно, когда их ложно обвиняют, или от того, что он не оправдывает невинную женщину, когда ее объявляют виновной. Кранмер писал королю: "Я

не могу без приказа вашего Величества предстать перед вами; но я могу, по крайней мере, смиренно пожелать, как это мой долг, чтобы ваша великая мудрость и Божья помощь могли рассеять глубокую печаль вашего сердца.

=ПИСЬМО КРАНМЕРА ГЕНРИ.=

- Я не могу отрицать, что у вашего величества есть серьезные причины для того, чтобы быть подавленным горем. На самом деле, независимо от того, правда то, о чем говорят люди, или нет, ваша честь, сир, согласно ложному представлению мира, пострадала; и я не помню, чтобы Всемогущий Бог когда-либо прежде подвергал твердость вашего Величества столь суровому испытанию.

"Сир, я в таком замешательстве, что просто поражен; ибо я никогда не был лучшего мнения о женщине, чем о ней, что заставляет меня думать, что она не может быть виновной". [306]

Это было довольно смело, и, соответственно, Кранмер поспешил смягчить свою дерзость. - И все же, сир, - добавил он, - зашли бы вы так далеко, если бы не были уверены в ее преступлении?... Вашей светлости лучше всех известно, что после вашей Светлости я был привязан к ней больше всего на свете. Посему я должен смиренно умолять вашу Светлость позволить мне то, к чему меня обязывают и закон Божий, и природа, и ее доброта, чтобы я мог (с благосклонности вашей Светлости) желать и молиться за нее. И исходя из того, в каком состоянии ваша светлость, по вашей единственной доброте, взяли ее и возложили корону на ее голову, я не считаю ни верного слугу и подданного вашей светлости, ни верного королевству человека, который не желал бы, чтобы преступление было безжалостно наказано по примеру всех других. И поскольку я любил ее не на шутку, за ту любовь, которую, по моему мнению, она питала к Богу и Его святому Евангелию; итак, если ее вина будет доказана, то никто из любящих Бога и Его Евангелие никогда не окажет ей благосклонности, ибо тогда в наше время не было существа, которое так сильно клеветало бы на Евангелие.

- Однако, - добавил он, казалось, собравшись с духом, - не забывайте, что Бог проявлял Свою благодать к вашей светлости многими способами и никогда не причинял вам вреда; в то время как ваша светлость, я уверен, признали, что вы оскорбили Его. Поэтому прояви к Евангелию тудрагоценную благосклонность, которую ты всегда оказывал ему и которая проистекает не из твоей любви к королеве, твоей жене, а из твоего рвения к истине.

"Из Ламбета, 3 мая 1636 года".

Когда Кранмер обратился с этими успокаивающими словами к королю, он, несомненно, исходил из предположения (мнения о котором он не высказывает), что Анна виновна. Но, даже допуская эту гипотезу, не слишком ли далеко заходит лесть грозному самодержцу в сравнении его с Иовом, как это делает прелат? В другой части этого письма он говорит: "Принимая все невзгоды, без отчаяния и без ропота, ваша светлость даст возможность Богу умножить Свои благословения, как Он сделал со Своим верным слугой Иовом, которому после его великого бедствия и в награду за его терпение Он вернул вдвое больше того, чем Тот обладал". Что касается короля, Кранмер обнаружил у себя ложную совесть, которая привела его на путь обмана: его письмо, хотя он все еще пытается защитить Анну, не может быть оправдано.

Он уже собирался отправить письмо, когда получил послание от лорда-канцлера, в котором его просили прибыть в Звездную Палату. Архиепископ поспешил переправиться через Темзу и

застал в условленном месте не только Одли, но и лордов Оксфорда и Сассекса, а также лорда-камергера. Эти дворяне изложили ему обвинения, выдвинутые против Анны Болейн, добавив, что они могут быть доказаны, хотя сами они не представили никаких доказательств. Вернувшись в Ламбет, Кранмер добавил постскрипtum к своему письму, в котором выразил свое крайнее сожаление по поводу только что поступившего ему сообщения.

=ЖЕСТОКОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К АННЕ БОЛЕЙН.=

Утро того же дня (3 мая) в Тауэре выдалось печальным. С изощренной жестокостью король приказал двум врагам королевы — леди Болейн и миссис Коузинс — всегда находиться рядом с ней; с этой целью они спали в ее комнате, в то время как Кингстон и его жена спали снаружи, у двери в ее спальню. Что могло быть целью этих странных предосторожностей? Мы можем видеть только одно. Каждое слово, произнесенное Анной, даже во время ее конвульсий или во сне, было бы вероломно подхвачено и передано королевским агентам со злонамеренными толкованиями. Анна, прощая прежнее поведение этих дам и всецело поглощенная горем своего отца, подумала, что могла бы поинтересоваться новостями о нем у людей, которых ей дали в компаньонки; но эти злые женщины, которые никогда не разговаривали с ней без грубости, отказались дать ей какую-либо информацию. "Король знал, что делал, - сказала Анна Кингстону, - когда приставил ко мне этих двух женщин. Я мог бы пожелать иметь в своих покоях двух дам, особ, которых я люблю; но его Величество имел жестокость подарить мне тех, кого я никогда не смог бы вынести". [307]

Наказание продолжалось. Леди Болейн, надеясь заметить некоторое замешательство на лице своей племянницы, сказала ей, что ее брат, лорд Рочфорд, также находится в Тауэре. Анна, к которой несколько вернулись силы, спокойно ответила: "Я рада узнать, что он так близко от меня". "Мадам, - добавил Кингстон, - Уэстон и Бреретон также находятся под моим присмотром". Королева оставалась спокойной. [308]

Однако она намеревалась отстоять себя, и ее первая мысль была обращена к двум самым набожным людям Англии: "О, если бы Бог позволил мне, - сказала она, - иметь моих епископов (имея в виду Кранмера и Латимера), они бы ходатайствовали за меня перед королем". Затем она несколько минут молчала. Приятное размышление промелькнуло в ее голове и утешило ее. Поскольку она ввязала на себя защиту преследуемых евангелистов, благодарность, несомненно, побудит их помолиться за нее. "Я думаю, - сказала она, - что большая часть Англии молится за меня". [309]

Анна попросила милостыню, и, поскольку прошло несколько часов без его прихода, мрачные образы снова возникли в ее сознании. "Быть королевой, - сказала она, - и чтобы с тобой обращались так жестоко - обращались так, как с королевой никогда прежде!" Затем, словно солнечный луч разогнал тучи, она воскликнула: "Нет, я не умру, нет, я не умру!... Король посадил меня в тюрьму только для того, чтобы доказать это". Ужасная борьба была слишком тяжела для молодой женщины: у нее были конвульсии и припадки, и она почти лишилась чувств. Охваченная новым истерическим приступом, несчастная дама расхохоталась. Придя через некоторое время в себя, она воскликнула: "Я добьюсь справедливости ... справедливости ... правосудие!" [310] Кингстон, присутствовавший при этом, поклонился и сказал: "Разумеется, мадам". "Если кто-то обвиняет меня, — продолжала она, - я могу только сказать - Нет. Они не могут привести свидетеля против меня". [311] Затем с ней внезапно случился экстраординарный приступ: она упала в бреду, и глаза ее округлились, как будто она смотрела

в будущее и могла предвидеть наказание, которым Бог покарает позорное злодеяние, жертвой которого она стала, она воскликнула: "Если меня приговорят к смерти, над Англией в течение семи лет будут твориться великие суды.... И я... Я буду на небесах... ибо я совершил много добрых дел за свою жизнь". [312]

[263]Фруд.

[264] Bossuet, *Histoire des Variations*, liv. vii. art. 8.

[265] 'Quorum morum ingenuitas et candor aliquis ingenii præluceret.'—Letter of Sir John Cheke, 1535. *Переписка*, стр. 3.

[266] 'Reginæ magnificentia quæ erga studiosos late patuit.'—*Ibid.* p. 2.

[267] Уайатт, *Мемуары Анны Болейн*, стр. 442.

[268] Герберт, *Правление Генриха VIII*. Сумма была эквивалентна примерно 60 000 фунтов наших денег.

[269]Герберт.

[270] "Я был привязан к ней больше всего на свете". —Кранмер Генриху VIII., 1536. *Письма и останки*, стр. 324.

[271] Тиндейл, *Доктринальные трактаты*, *Примечание*, стр. lxiv.

[272] *История перевода Библии*, стр. 97. *Жизнь КранмераТодда*, i. стр. 136.

[273] Parker's *Correspondence*, стр. 1, 2.

[274] 'Notum est quid potes; fac non minus velis quam potes.'—*Ibid.* p. v.

[275] Паркер сэру У. Сесилу, *там же*. стр. 178.

[276] 'Heu, heu! Domine Deus, во временное служение мне!' — *Меморандумы Паркера*, *Корреспондент*. стр. 484.

[277]"Она с радостью выслушала наставления своего капеллана". —Фуллер, стр. 200.

[278] Такого рода заговор простирается от публикации работы Сандерса, озаглавленной "*О происхождении и прогрессе схизматической Англии*", 1585 г. — "книга, — говорит Байль, - в которой много страсти и очень мало точности", - вплоть до "*Истории Генриха VIII*"Одена, достойного преемника Сандерса, чья работа пользуется большим успехом во всех папских кругах. Это жалкое производство возмутительных выдумок началось еще до Сандерса и до сих пор не закончилось.

[279]"Джанам (Сеймур) гениус Хенричи внутри нас". —Сандерс, Хейлин, Лингард.

[280]"Возлагать вину на недоброжелательность". —Уайатт.

[281]"Которую король воспринял с большим трудом". —*Там же*.

- [282] "Чумные и заразные книги". — *Предисловие к букварю*.
- [283] Strype, i. стр. 339; *Литургии*, стр. 477.
- [284] *Проповеди*, стр. 82.
- [285] "Это было с риском для жизни". — *Мемориалы* Кранмера, стр. 38.
- [286] Meteren, *Histoire des Pays-Bas*, p. 21.
- [287] 'Hanno fondata questa bolla sopra la causa del matrimonio.' — *State Papers*, vii. p. 637, 640.
- [288] *История Анны Болейн, руан д'Англетер*, стр. 181. — Эта история, написанная французскими стихами шестнадцатого века, которую г-н Крепле напечатал по трем рукописям, хранящимся в Императорской библиотеке в Париже, принадлежит перу Кrespена, лорда Мильервского, который находился в Лондоне в то время, о котором он говорит.
- [289] "Какие слова мать ее светлости сказала мне о ней (Элизабет) менее чем за шесть дней до ее задержания". — *Переписка* Паркера, стр. 59.
- [290] Паркер лорду Берли, 6 октября 1572 г. — *Там же*. стр. 400.
- [291] Паркер лорду Берли, 19 марта 1571 г. — *Там же*. стр. 391.
- [292] Kingston's *Letters*, стр. 455.
- [293] Kingston's *Letters*, стр. 452.
- [294] "Он поклялся бы за королеву, что она была хорошей женщиной". — *Там же*.
- [295] "И тогда она бросила ему вызов с презрением и неудовольствием". — Страйп, стр. 433.
- [296] Герберт, стр. 381 (изд. 1649).
- [297] Дополнения к Третьей книге его Истории. — Он признает, что эта *ошибка*, как он это называет, была выдумкой несчастного Сандерса.
- [298] Kingston's *Letters*, стр. 455.
- [299] "Это сильно обеспокоило всю компанию, особенно королеву". — Герберт, стр. 445.
- [300] *История Анны Болейн*, автор Кrespен, стр. 186. См. также *Archéologie*, xxiii. стр. 64.
- [301] Kingston's *Letters*, стр. 456.
- [302] "Эта милостивая королева падает на колени, как мячик, ее душа, придавленная горем к земле". — Уайатт, стр. 144.
- [303] "В той же печали разразился громким смехом". — кингстонские *письма*, стр. 451.
- [304] *Письма Кингстона*, стр. 451.
- [305] *Там же*.
- [306] Cranmer's *Letters and Remains*, письмо clxxiv. королю Генриху VIII., стр. 323, 324.,

[307] *Письма и останки Кранмера*, стр. 457.

[308] "У нее было очень приятное выражение лица". — *Письма и останки Кранмера*, стр. 454.

[309] "Я думаю, что большая часть Англии молится за меня". — *кингстонские письма*, стр. 457.

[310] *Kingston's Letters*, стр. 457.

[311] *Там же*.

[312] *Kingston's Letters*, стр. 457.

ГЛАВА X.

АННА ПРОЩАЕТ СВОИХ ВРАГОВ И ПРЕДАЕТСЯ СМЕРТИ.

(Май 1536 г.)

=НЕСПРАВЕДЛИВЫЙ СУД.=

Все готовилось к несправедливому суду, который должен был закончиться столь жестоко. Правосудие обязано следить за соблюдением законов и наказывать виновных; но если закон должен быть справедливым законом, судьи должны честно выслушивать обвиняемых, усердно выполнять все обязанности, к которым их призывает должность, и не позволять влиять на себя ни подаркам, ни домогательствам, ни угрозам, ни милостям, ни рангу (даже если он королевский) обвинителя. Их решения должны основываться только на таких мотивах, о которых они могут отчитаться перед Верховным Судьей; их приговоры должны выноситься путем внимательного рассмотрения и серьезных размышлений. Для них нет других ориентиров, кроме беспристрастности, совести и закона. Но королева не должна была предстать перед такими судьями: те, кто собирался распоряжаться ее жизнью, выступили против этих властных условий.

Агенты Генриха удвоили свои усилия, чтобы добиться либо от придворных дам, либо от обвиняемых мужчин каких-либо показаний против Анны, но все было напрасно. Даже женщины, которых затмило ее возвышение, ничего не могли возразить против нее. Генри Норриса, Уильяма Бреретона, и сэра Фрэнсиса Уэстона тщательно допросили одного за другим: следователи пытались заставить их признаться в супружеской неверности, но они упорно отрицали это; после чего королевские агенты, которые были полны решимости чего-то добиться, начали новое расследование и подвергли заключенных перекрестному допросу. Считается, что господа из суда были освобождены от пыток, но что дыба была применена к Марку Сметону, которого таким образом заставили признаться во всем, что они хотели.

[313] Более вероятно, что мерзкий музыкант, человек слабоумный и крайне тщеславный, оскорбленный тем, что его государь не снизошел даже взглянуть на него, поддался мести оскорбленного самолюбия. Королева не пожелала удостоить его чести взглянуть — он хвастался супружеской неверностью. Трое джентльменов настаивали на своем заявлении о невиновности королевы: лорд Рочфорд сделал то же самое. [314] Обескураженный прокурор написал лорду-казначей: "Это для того, чтобы сообщить вам, что никто, кроме Марка, ни в чем не признается против нее; поэтому я полагаю, что, если не будет других доказательств, дело нанесет ущерб чести короля". [315] Адвокаты знали, какую ценность следует придавать словам

музыканта. Если бы вердикт был оставлен на усмотрение справедливого толкования закона — если бы король не использовал свое суверенное влияние на решения судей, не могло бы быть никаких сомнений относительно исхода ненавистного судебного процесса.

Но все страсти были направлены на то, чтобы парализовать силу права. Напрасно невиновность королевы сияла со всех сторон — заговор, составленный против нее, крепчал с каждым днем. К порочности леди Рочфорд, ревности интригующей *камарильи*, ненависти ультрамонтанской партии, необузданным амбициям, вызванным в некоторых семьях перспективой того, что ложе деспота вскоре опустеет, хотя и будет запятнано кровью, и к неустойчивости слабых людей добавилась сильная воля Генриха VIII, столь же решительного избавиться от Анны смертью, как он был полон решимости развестись с Екатериной путем развода. Королева понимала, что ей суждено умереть, и, желая быть готовой, она стремилась отвыкнуть от той жизни, в которой было так много привлекательного для нее. Она чувствовала, что удовольствия, которыми она так наслаждалась, были тщетными; знания, которые она пыталась приобрести, — поверхностными; добродетель, к которой она стремилась, — несовершенной; а активная жизнь, которой она желала, — без решающих результатов. Тщета всего сотворенного, однажды провозглашенная тем, кто также занимал трон, поразила ее сердце. Когда у нее отняли все, она отреклась от

Le vain espoir de ce muable monde. [316]

Анна, отказавшись от всего, обратилась к лучшей жизни и стремилась укрепиться в Боге. [317]

=ЭНН СТРЕМИТСЯ К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ.=

Таково было ее трогательное настроение, когда герцог Норфолк в сопровождении других вельмож явился от имени короля, чтобы изложить ей выдвинутые против нее обвинения, призвать ее говорить правду и заверить, что, если она признает свою вину, король может простить ее. Анна ответила с достоинством королевы, все еще восседающей на троне, и со спокойствием христианки у врат вечности. Она с благородным негодованием отвергла гнусные обвинения, источником которых были королевские комиссары:

A ces seigneurs, parlant comme maîtresse. [318]

"Ты призываешь меня говорить правду", — сказала она Норфолку. "Что ж, тогда король узнает об этом", — и она отпустила лордов. Оправдываться перед этими злобными придворными было ниже ее достоинства, но она скажет своему мужу правду. Оставшись одна, она села писать это знаменитое письмо, благородный памятник возвышенности ее души; письмо, полное нежнейших жалоб и резчайших протестов, в котором сияет ее невинность и в котором сочетается одновременно столько натуры и красноречия, что, по мнению самых компетентных судей, оно заслуживает того, чтобы быть переданным потомству. Оно гласило следующее:—

=ПИСЬМО АННЫ БОЛЕЙН.=

"Неудовольствие вашей светлости и мое заключение в тюрьму — вещи настолько странные для меня, что я совершенно не знаю, что писать или как оправдываться. Принимая во внимание, что вы послали ко мне (желая, чтобы я признался в правде и таким образом заручился вашим расположением) человека, которого вы знаете как моего древнего заклятого врага; я не успел получить от него это послание, как правильно понял ваш смысл; и если, как вы говорите,

признание правды действительно может обеспечить мне безопасность, я со всей готовностью и исполню ваш долг.

- Но пусть ваша светлость никогда не воображает, что вашу бедную жену когда-нибудь заставят признать вину, о которой она даже не помышляла. И, по правде говоря, ни у одного принца не было жены, более верной во всех долгах и во всей истинной привязанности, чем вы когда-либо находили в Анне Болейн — именем и местом которой я охотно удовлетворился бы, если бы Богу и вашей светлости было так угодно. Никогда до сих пор я не забывалась в своем возвышении или полученном королевском титуле, но я всегда искала такой перемены, какую нахожу сейчас; поскольку мое возвышение не имело более надежного основания, чем фантазия вашей светлости, малейшее изменение было уместным и достаточным (я знала), чтобы обратить эту фантазию на какую-нибудь другую тему.

- Ты избрал меня из низкого сословия, чтобы я стала твоей королевой и спутницей жизни, намного превосходящей мои ожидания и желания. Если же вы сочли меня достойным такой чести, добрая ваша светлость, то пусть никакая легкомысленная фантазия или дурной совет моих врагов не лишат меня вашей королевской милости; и пусть это пятно — это недостойное пятно — неверного сердца по отношению к вашей светлости никогда не бросит такого грязного пятна на меня и на малолетнюю принцессу, вашу дочь.

"Испытай меня, добрый король, но позволь мне предстать перед законным судом, и пусть мои заклятые враги не будут моими обвинителями и моими судьями; да, позволь мне предстать перед открытым судом, ибо моя истина не убоится открытого позора. Тогда вы увидите, что либо моя невиновность оправдана, ваши подозрения и совесть удовлетворены, позору и клевете мира положен конец, либо моя вина открыто объявлена; так что, что бы Бог и вы ни решили, ваша светлость могут быть освобождены от открытого порицания, и мое преступление будет законно доказано, ваша светлость может быть свободна, как перед Богом, так и перед людьми, не только подвергнуть меня достойному наказанию как неверную жену, но и следовать вашей привязанности, уже установленной к той стороне, ради которой я сейчас такая, какая я есть; чье имя я могла бы некоторое время спустя назвать. указал на то, что ваша светлость не в неведении о моих подозрениях в этом. Но если вы уже определились со мной и что не только моя смерть, но и позорная клевета должны принести вам радость желаемого счастья, тогда я желаю от Бога, чтобы Он простил ваш великий грех здесь, а также моих врагов, орудий его; и чтобы Он не потребовал от вас строгого отчета за ваше беспринципное и жестокое обращение со мной на Его общем судилище, куда вскоре должны предстать и вы, и я; и в справедливом суде которого, я не сомневаюсь (что бы мир ни думал обо мне), моя невиновность будет открыто известна и достаточно оправдана.

Моя последняя и единственная просьба будет заключаться в том, чтобы я мог только нести бремя неудовольствия вашей светлости и чтобы оно не коснулось невинных душ этих бедных джентльменов, которые, как я понимаю, также находятся в строгом заключении из-за меня. Если когда-нибудь я снискал благосклонность в ваших глазах — если когда-либо имя Анны Болейн было приятно вашим ушам, - тогда позвольте мне выполнить эту просьбу; и поэтому я не буду беспокоить вашу светлость дальше; с моей искренней молитвой к Троице, чтобы ваша Светлость были под Его надежным присмотром и направляли вас во всех ваших действиях.

"Из моей скорбной тюрьмы в Тауэре, 6 мая.

"Анна Болейн".

Мы подробно рассматриваем Анну в этом письме, одном из самых трогательных, которые когда-либо были написаны. Пострадавшая в свою честь, она говорит без страха, как человек, стоящий на пороге вечности. Если бы не было других доказательств ее невинности, одного этого документа было бы достаточно, чтобы оправдать ее в глазах беспристрастного и разумного потомства. [319]

=ВЛИЯНИЕ ПИСЬМА АННЫ На ГЕНРИХА.=

Это благородное письмо вызвало бурю в сердце короля. Непокколебимая невинность, запечатленная на нем; упоминание о вкусах Генриха, и особенно о его склонности к Джейн Сеймур; заявление Анны о том, что она предвидела неверность своего мужа, торжественное обращение к судному дню и мысль о вреде, который такие благородные слова нанесут его репутации, — все это вместе наполнило этого надменного принца досадой, ненавистью и гневом. Это письмо дает реальное решение загадки. Преступный каприз склонил Генриха к Анне Болейн; другой каприз теперь склонил его к Джейн Сеймур. Это объяснение настолько очевидно, что никому не нужно искать другое.

Генрих решил подвергнуть эту дерзкую женщину великому унижению. Он лишит ее звания жены и сделает вид, что она была всего лишь его наложницей. Поскольку его брак с Екатериной Арагонской был признан недействительным из-за ее союза с его братом Артуром, Генрих предположил, что его брак с Анной Болейн может быть аннулирован из-за привязанности, которую когда-то питал к ней Перси, впоследствии герцог Нортумберлендский. Когда этого дворянина вызвали к Кромвелю, он думал, что его тоже должны были бросить в Тауэр как любовника королевы; но вызов касался совсем другого дела. - Между вами и Анной Болейн был заключен предварительный брачный контракт? - спросил главный королевский викарий. "Вовсе нет", - ответил он; и чтобы его заявление могло быть зафиксировано, он записал его и отправил Кромвелю. В нем он сказал: "Ссылаясь на клятву, которую я дал по этому делу перед архиепископами Кентерберийским и Йоркским и перед Благословенным Телом нашего Спасителя, которое я принял в присутствии герцога Норфолкского и других советников его величества, я признаю, что вкушал Святое Причастие с моим осуждением, если между королевой и мной был какой-либо контракт или обещание о браке. Это 13 мая, на двадцать восьмом году правления его величества короля Генриха VIII". [320] Это заявление было ясным, но варварский монарх не отказался от своей идеи.

24 апреля была назначена специальная комиссия "для рассмотрения некоторых преступлений, совершенных в Лондоне, Хэмптон-Корте и Гринвиче". Они хотели придать этому процессу хотя бы видимость справедливости; и поскольку предполагаемые преступления были совершены в графствах Миддлсекс и Кент, обвинительный акт был представлен большому жюри присяжных обоих графств. 20 мая они нашли настоящий законопроект. Авторы, благосклонные к Генриху VIII. в этом деле — а их немного — признали, что эти "отвратительные обвинения" (по словам одного из них) были всего лишь баснями, выдуманными ради удовольствия и которые "выходили за все обычные границы доверчивости". [321] Поведению этих присяжных были даны различные объяснения; наиболее естественным представляется то, что они, в соответствии с раболепной манерой того времени, подчинялись деспотической воле короля, которой всегда следовало опасаться, но особенно в вопросах, касавшихся его собственной персоны.

Последовавшие действия были столь же стремительными, сколь и жестокими. Два дня спустя (12 мая) Норрис, Уэстон, Бреретон и музыкант были доставлены в Вестминстер и предстали перед комиссией, состоящей из герцогов Норфолка и Саффолка, двух ближайших друзей Генриха и других лордов, и даже говорят, что присутствовал граф Уилтшир. [322] Трое джентльменов отразили обвинение с непоколебимой твердостью. - Я скорее готов вынести тысячу смертей, - сказал Норрис, - чем предать невинного. Я заявляю, клянусь своей честью, что королева невиновна, и я готов поддержать свои показания с оружием в руках против всего мира". [323] Когда об этом языке фаворита Генриха VIII доложили этому принцу, он закричал: "Повесьте его, тогда ... повесьте его!" [324] Несчастный музыкант в одиночку признался в преступлении, которое обеспечило бы ему место в истории. Он не получил награды, обещанной за его позор. Возможно, предполагалось, что его смерть гарантирует его молчание, а наказание подтвердит его клевету. Трое джентльменов были приговорены к обезглавливанию, а музыкант - к повешению.

=СУД НАД КОРОЛЕВОЙ АННОЙ.=

Три дня спустя (15 мая) королева и ее брат предстали перед своими пэрами в большом зале Тауэра, куда были допущены только лорд-мэр, несколько олдерменов и горожан. Герцог Норфолк получил приказ собрать определенное количество пэров для формирования двора: всего их было двадцать шесть, и большинство из них были врагами Анны и Реформации. [325] Граф Уилтшир не входил в их число, как утверждает Сандерс. [326] Герцог Норфолк, личный враг несчастной королевы, этот дядя, который ненавидел ее так же сильно, как должен был любить, был назначен отбирать судей и председательствовать на судебном процессе: обстоятельство, указывающее на дух, в котором он должен был проводиться. Норфолк занял свое место, справа от него сел лорд-канцлер, слева - герцог Саффолк, а перед ним в качестве заместителя маршала сел граф Суррей, сын Норфолка, честный человек, но гордый и горячий сторонник католицизма. Объявили о прибытии королевы: ее приняли в глубокой тишине. Перед ней шла комендант Тауэра, за ней - леди Кингстон и леди Болейн. Анна с достоинством прошла вперед, украшенная королевскими знаками отличия, и, грациозно поприветствовав придворных, заняла свое место в кресле, соответствующем либо ее слабости, либо ее рангу. У нее не было защитника; но скромность ее лица, достоинство ее манер, спокойствие ее совести, которые находили выражение в безмятежности ее взгляда, трогали даже ее врагов. Она предстала перед судом людей, думая только о суде Божьем; и, полагаясь на свою невинность, она не боялась тех, кем еще вчера правила как королева. По спокойствию и благородству ее поведения, такому уверенному и величественному, можно было бы сказать, что она пришла не для того, чтобы предстать перед судом как преступница, а для того, чтобы получить почести, подобающие монархам. По словам современника, она была такой же прочной, как дуб, которому не страшны ни град, ни яростные порывы ветра. [327]

Суд приказал зачитать обвинительный акт; в нем королеве были предъявлены обвинения в супружеской измене, кровосмешении и заговоре против личности короля. Энн подняла руку и заявила, что "невиновна", а затем спокойно, но решительно опровергла и разорвала в клочья выдвинутые против нее обвинения. Обладая "превосходной сообразительностью" и будучи готовым оратором, она не произнесла ни слова, которое не попало бы в цель, [328] хотя и была полна сдержанности; но тон ее голоса, спокойствие ее черт и достоинство ее облика были красноречивее ее слов. Было невозможно смотреть на нее или слышать ее и не заявить о ее

невиновности, говорит очевидец. [329] Соответственно, в Тауэре и даже в городе прошел слух, что королева оправдала себя самой мудрой и благородной речью и что она будет оправдана.

Пока Анна говорила, герцог Нортумберлендский, который когда-то любил ее и которого Генрих безжалостно причислил к числу ее судей, неловкими движениями выдал волнение в своей груди. Не в силах больше выносить эту ужасную пытку, он встал, притворившись недомогающим, и поспешно покинул зал до того, как был вынесен роковой приговор.

Король с нетерпением ждал момента, когда сможет ввести Джейн Сеймур в пустующие апартаменты Анны Болейн. В Палате пэров не требовалось единогласия. В Англии в шестнадцатом веке люди были горды, но среди великих (за редкими исключениями) царило подобострастие. Топор, отрубивший голову достопочтенному епископу Рочестерскому и бывшему канцлеру Мору, преподавал страшный урок всем, кто мог быть расположен противостоять деспотическим желаниям принца. Суд побоялся очной ставки королевы с музыкантом, единственным свидетелем против нее, и признал ее виновной без соблюдения других формальностей. Непостижимая легкость, с которой дворянство тогда привыкло подчиняться непреклонной воле монарха, не оставляла места для сомнений относительно катастрофы, которой завершится эта трагедия. [330]

=ПРИГОВОР ЭНН.=

Герцог Норфолк, как лорд-распорядитель, вынес приговор: королеву следует отвести обратно в Тауэр и там, на лужайке, сжечь или обезглавить, *согласно благоволению его величества*. Двор, желая оставить немного места для сострадания Генриха, предоставил ему самому выбирать способ казни: он мог оказать королеве услугу, будучи всего лишь обезглавленным.

Энн спокойно выслушала этот печально известный приговор. [331] В чертах ее лица не наблюдалось никакой перемены: сознание своей невиновности поддерживало ее сердце. Схватившись за руку и подняв глаза к небу, она воскликнула: "О Отец, о Создатель! Ты, кто есть путь, истина и жизнь, знай, что я не заслужила этой смерти!" [332] Затем, повернувшись к своему жестокому дяде и другим лордам, она сказала: "Милорды, я не говорю, что мое мнение должно быть предпочтительнее вашего суждения; но если у вас есть причины оправдать это, они должны быть иными, чем те, которые были представлены в суде, ибо я совершенно невиновна во всех делах, в которых меня обвиняли, так что я не могу взывать к Богу о прощении меня. Я всегда был верен королю, моему господину; но, возможно, я не всегда проявлял к нему такое совершенное смирение и почтение, каких заслуживали его милость и обходительность и какой требовала честь, которую он мне оказал. Признаюсь, у меня часто возникали фантазии ревности к нему, которые у меня не хватало мудрости или силы подавить. Но Бог знает, что в остальном я ничем не провинился перед ним. Не думайте, что я говорю это в надежде продлить свою жизнь, ибо Тот, кто спасает от смерти, научил меня умирать и укрепил мою веру. Однако не думайте, что мой разум настолько сбит с толку, что я не стремлюсь доказать свою невиновность. Я знал, что мне было бы мало пользы защищать его в последний момент, если бы я не поддерживал его всю свою жизнь, как это делала королева. И все же последние слова, сорвавшиеся с моих уст, оправдают мою честь. Что же касается моего брата и других несправедливо осужденных джентльменов, то я охотно умер бы, чтобы спасти их; но поскольку это не угодно королю, я буду сопровождать их в смерти. И тогда после этого я буду жить в вечном мире и бесконечной радости, где я буду молиться Богу за короля — и за вас, мои господа". [333]

Мудрость и красноречие этой речи, подкрепленные красотой королевы и трогательным выражением ее голоса, тронули даже ее врагов. Но Норфолк, полный решимости выполнить свою ненавистную задачу, приказал ей снять королевские знаки отличия. Она так и сделала и, поручив себя всем их молитвам, вернулась в свою тюрьму.

Лорд Рочфорд вышел вперед и занял место своей сестры. Он был спокоен и тверд и отвечал на каждый вопрос пункт за пунктом с большой ясностью и решительностью. Но для него было бесполезно утверждать невинность королевы — бесполезно заявлять, что он всегда уважал ее как сестру, как "почтенную леди": он был приговорен к обезглавливанию и четвертованию.

Затем суд разошелся, и пока придворные, только что скрепившие кровью невинной королевы свою рабскую покорность самому грозному из деспотов, возвращались к своим развлечениям и низменной лести, лорд—мэр повернулся к другу и сказал ему: "Я могу заметить только одно в этом судебном процессе - твердую решимость избавиться от королевы любой ценой". И это вердикт потомков.

=ЛОРД РОЧФОРД ОБЕЗГЛАВЛЕН.=

Негодяи, участвовавшие в этом незаконном заговоре, жаждали положить ему конец. 17 мая джентльмены, которые должны были быть казнены, были собраны в зале Тауэра. Они обнялись, вознесли хвалу друг другу перед Богом и приготовились уйти. [334] Констебль Тауэра, опасаясь, что они заговорят на эшафоте, напомнил им, что честь, оказанная королю, не позволит им усомниться в справедливости вынесенного им приговора. Когда они добрались до места казни, лорд Рочфорд, не в силах больше хранить молчание, повернулся к зрителям и сказал: "Друзья мои, я собираюсь умереть, поскольку таково соизволение его величества. Я не жалею о своей смерти, ибо за свою жизнь совершил много грехов, но *я никогда не причинял вреда королю*. Да дарует ему Бог долгую и счастливую жизнь!" Затем, по словам летописца, он поднес свою голову

Au dur tranchant qui d'un coup l'emporta. [335]

Норрис, Уэстон и Бреретон были обезглавлены вслед за ним.

Король, прежде чем предать свою жену смерти, пожелал совершить поступок не менее жестокий: он был полон решимости аннулировать свой брак с Анной, несмотря на отрицания Нортумберленда. Хотел ли он избежать упрека в том, что его жена погибла от рук палача? или в порыве гнева он хотел нанести королеве удары со всех сторон сразу? Мы не можем сказать наверняка. Как бы то ни было, король в своем гневе не видел, что противоречит сам себе; что если между ним и Анной не было брака, то не могло быть и прелюбодеяния, и что приговор, основанный на этом преступлении, был *фактически* недействительным. Кранмер, самый несчастный, но, возможно, не в последнюю очередь виновный из всех лордов, которые раболепно подчинялись деспотическим желаниям принца, — Кранмер верил (как это представляется), что таким образом положение королевы улучшится; что ее жизнь будет спасена, если она больше не сможет считаться женой Генриха. Это, хотя и в некоторой степени, оправдывает его великую слабость. Он сказал несчастной даме, что ему поручено найти способ объявить недействительными узы, соединявшие ее с королем. Анна, ошеломленная вынесенным ей приговором, также придерживалась мнения, что это был способ, придуманный

некоторыми остатками уважения Генриха, чтобы спасти ее от горечи смерти. Ее сердце открылось надежде, и, представив, что ее отправят всего лишь в изгнание, она составила план возвращения на континент. "Я поеду в Антверпен", - сказала она за ужином с почти счастливым видом. [336] Она знала, что встретит в этом городе протестантов, которые примут ее с радостью. Но тщетная надежда! В том самом письме, в котором комендант Тауэра сообщает об этом простодушном замечании королевы, он просит королевских распоряжений относительно строительства эшафота. [337] Генри нужно было лично заказать композицию из тех досок, которые он собирался пятно с невинной крови.

Около девяти часов утра 17 мая лорд-канцлер, герцог Саффолк, граф Эссекс (Кромвель), граф Сассексский в сопровождении нескольких врачей и архидиаконов вошли в часовню в Ламбете. [338] Архиепископ занял свое место и высказал возражения против брака Генриха VIII. после оглашения имени Анны Болейн прокторы короля и королевы допустили их, и примас объявил брак недействительным. Королевы при этом не было, как полагали некоторые историки.

=ВОСТОРОГ ПАПЫ РИМСКОГО.=

В самый день развода Анны Болейн английский посланник в Риме Да Казале, услышав о заключении королевы в тюрьму, поспешил в папский дворец, чтобы сообщить Павлу III хорошие новости. [339] "Я никогда не переставал молить небеса об этой милости, - сказал папа с восторгом, - и я всегда надеялся на это. Теперь его величество может совершить замечательную работу на благо христианского мира. Пусть король примирится с Римом, и он получит от короля Франции все, чего только может пожелать. Давайте будем друзьями. Я пошлю к нему нунция с этой целью. Когда весть о смерти кардинала Фишера достигла Рима, - продолжил он, вспоминая ту ужасную буллу, - это правда, что я был вынужден принять несколько суровые меры ... но я никогда не намеревался подкреплять свои слова делами". Таким образом, по мнению папы римского и его приверженцев, заключение Анны Болейн в тюрьму должно было примирить Англию и Рим. Этот факт указывает на одну из причин, побудивших Норфолка и других католиков вступить в заговор против нее.

В тот же день (17 мая), ближе к вечеру, королева узнала, что приговор, несомненно, будет приведен в исполнение. Хотя было объявлено, что она никогда не была женой короля, приговор, вынесенный ей за супружескую измену, тем не менее, должен быть приведен в исполнение. Это то, что Генрих VIII. называл отправлением правосудия.

=АННА ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ У МАРИИ.=

Анна пожелала принять участие в Вечере Господней и попросила оставить ее одну. Примерно через два часа после полуночи прибыл капеллан; но, прежде чем приступить к святому обряду, она хотела сделать одну вещь. Одна ошибка тяжелым грузом лежала на ее сердце. Она чувствовала, что согрешила против королевы Екатерины, согласившись выйти замуж за короля. Ее совесть упрекала ее в том, что она причинила вред принцессе Марии. Это наполнило ее глубочайшей скорбью, и ей не терпелось передсмертью загладить вину перед дочерью женщины, чье место она заняла. Анна хотела бы увидеть Марию, пасть королевой к ее ногам и молить о прощении; но, увы! она не могла: ей предстояло покинуть тюрьму только ради эшафота. Решившись, однако, признаться в своей вине, она сделала это поразительным образом, который показал всю искренность ее раскаяния и ее твердую решимость смириться перед дочерью Кэтрин. Она умоляла леди Кингстон, жену констебля Тауэра, которая не питала к

ней особого уважения, занять ее место в государственном кресле. Когда последняя возразила, Анна заставила ее и, опустившись перед ней на колени, сказала, все время горько плача: "Я заклинаю тебя — как ты ответила бы перед Богом — пойти от моего имени к принцессе Марии, пасть ниц перед ней, как я сейчас падаю перед тобой, и попросить у нее прощения за все зло, которое я ей причинила. Пока это не будет сделано, - добавила она, - моя совесть не будет знать покоя". [340] В тот момент, когда она собиралась предстать перед престолом Божиим, она хотела загладить вину, которая тяжким грузом лежала на ее сердце. "В этом, - сказала она, - я хочу поступить так, как подобает христианке". Этот трогательный случай вселяет в нас надежду, что если при жизни Анна была просто честной протестанткой, слишком доверявшей собственным делам, то испытание принесло плоды и сделало ее истинной христианкой. Но ей предстояло привести этому еще более поразительное доказательство.

Поднявшись с колен, Анна почувствовала себя более спокойной и подготовленной к принятию причастия. Прежде чем принять его, она еще раз заявила о своей невинности в вменяемом ей преступлении. Присутствовал губернатор, и он не преминул сообщить Кромвелю об этом заявлении, сделанном как бы в присутствии Бога. Анна обрела в смерти Христа новые силы, чтобы вынести свою собственную: она вздохнула после того момента, который положил бы конец ее печалям. Вопреки ее ожиданиям, ей сказали, что казнь отложена до полудня. "Мистер Кингстон, — сказала она, — я слышала, что мне не суждено умереть сегодня днем, и я очень сожалею об этом; потому что я думала, что к этому времени я буду мертва и боль пройдет". - "Мадам, - ответила губернатор, - "Вы не почувствуете боли, удар будет таким острым и быстрым". - "Да, - продолжила Энн, - я слышала, что палач очень умен", а затем она добавила: "и у меня всего лишь маленькая шейка", положив ее на колени. обхватываю его рукой и улыбаюсь. [341] Кингстон вышел из комнаты.

Тем временем набожные приверженцы римского первенства были полны ликования и позволили зародиться надеждам, которые зажгла в их сердцах смерть Анны. "Сир, - сказали они королю, - свечи, установленные вокруг могилы королевы Екатерины, внезапно вспыхнули сами по себе". [342] Из этого чуда они заключили, что римско-католицизм снова вот-вот прольет свой свет на Англию. Священникам не терпелось пропеть свои *Deo gratias*, и было распространено сообщение, что эта новая победа над Реформацией будет ознаменована повешением группы еретиков вместе с Анной. [343] Ни друзья, ни враги не проводили никакого реального различия между делом Анны и делом протестантизма; и многие евангельские христиане, воображая, что после смерти Анны их больше некому будет защищать, были готовы покинуть королевство.

Однако Генрих, страстно желая получить от Анны хотя бы одно слово, которое оправдало бы его, послал к ней кого-нибудь с поручением прощупать ее и выяснить, не побудит ли ее надежда избежать смерти удовлетворить его. Анна ответила, и это были последние слова, которые она обратила к королю: "Представьте меня его величеству и скажите ему, что он всегда был постоянен в своей карьере, продвигая меня по службе. Из простой дворянки он сделал меня маркизой, из маркизы - королевой; и теперь, когда у него не осталось более высокой степени чести, он возлагает на мою невинность венец мученичества". [344] Джентльмен пошел и сообщил об этом благородном прощании своему хозяину. Даже тюремщик свидетельствовал о покое и радости, которые наполнили сердце Анны Болейн в этот торжественный момент. "Я видел казненных мужчин, а также женщин, - писал Кингстон Кромвелю, - и они были в великой печали; но, насколько мне известно, эта леди испытывает много радости и наслаждения от смерти". [345]

=КАЗНЬАНЫ.=

Все было устроено так, чтобы убийство было совершено без огласки и беспорядков. Кингстон получил приказ выставить из Тауэра всех посторонних и с готовностью подчинился. Около одиннадцати часов утра 19 мая герцоги Саффолкский и Ричмондский, лорд-канцлер Кромвель, лорд-мэр с шерифами и олдерменами вошли в Тауэр и заняли свои места на лужайке, где было воздвигнуто орудие наказания. Палач, которого Генрих вызвал из Кале, был там со своим топором и своими слугами. Пушка, установленная на стенах, должна была возвестить королю и народу, что все кончено. Вскоре после полудня появилась Анна, одетая в мантию из черного дамаста, в сопровождении четырех своих фрейлин. Она подошла к плахе, на которой ей предстояло преклонить голову. Ее походка была твердой, взгляд спокойным - все свидетельствовало о полнейшей покорности судьбе. Ей было тогда тридцать лет, и "никогда прежде она не выглядела такой красивой", [346] говорит современница-француженка, жившая тогда в Лондоне. Ее глаза выражали кроткую покорность; приятная улыбка сопровождала взгляд, который она обращала к зрителям этой трагической сцены. [347] Но как раз в тот момент, когда палачи закончили последние приготовления, ее волнение было настолько сильным, что она чуть не упала в обморок. Постепенно к ней вернулись силы, и вера в Спасителя наполнила ее мужеством и надеждой.

Важно знать, каковы были ее чувства к королю в этот последний и торжественный момент. Она хотела, чтобы у Марии попросили прощения за ее проступки: ее долгом, если она умрет христианкой, было также простить проступки Генриха. Она должна повиноваться своему Спасителю, который сказал: *"Любите своих врагов, благословляйте проклинающих вас"*. Она все простила, но ее долгом было заявить об этом перед смертью, и если бы она была смиренной, то сделала бы это без притворства. Обращаясь к тем, кто был ее подданными, а затем стоял вокруг нее, она сказала: "Добрые христиане, я пришла сюда не для того, чтобы оправдываться; я полностью верю свое оправдание Христу, на которого я возлагаю свое упование. Я никого не стану обвинять и ничего не скажу о том, в чем меня обвиняют, поскольку я прекрасно знаю, что все, что я мог бы сказать в свою защиту, не относится к вам, и что я не мог извлечь из этого никакой надежды на жизнь. Я прихожу сюда только для того, чтобы умереть в соответствии с вынесенным мне приговором. Я верю своим судей милосердию Господа. Я молю Бога (и умоляю вас сделать то же самое) спасти короля и послать ему долгое царствование над вами, ибо более мягкого и милосердного принца еще никогда не было. Для меня он всегда был добрым, кротким и суверенным господом. И поэтому я прощаюсь с миром и с вами, и я от всего сердца желаю, чтобы вы все помолились за меня. Господи, помилуй меня! Богу верю душу мою!" [348]

Вот простые слова, в которых Анна выразила то чувство покоя, которым было наполнено ее сердце по отношению к мужу в тот момент, когда он лишал ее жизни. Если бы она сказала, что прощает его, то вызвала бы в памяти преступление короля и, таким образом, сделала бы вид, что заслужила свое великодушное прощение. Она не сделала ничего подобного. В течение определенной части их супружеской жизни Генри был для нее "добрым господином". Она желала вспоминать только хорошее, а зло предавала забвению. Она сделала это, не думая о себе, ибо знала, что прежде чем эти милостивые слова достигнут ушей короля, топор уже обрушится на нее, и Генрих не сможет отразить смертельный удар.

Эта христианская речь не могла не произвести глубокого впечатления на всех, кто ее слушал. Глядя на несчастную королеву, они испытывали глубочайшее сострадание и острейшую боль. [349] Чем тверже становилось ее сердце, тем слабее становились зрители трагедии. Вскоре они уже не могли сдерживать слез, которые у страдальцы хватало сил сдерживать. [350] Одна из фрейлин королевской семьи подошла к ней, чтобы прикрыть ей глаза; но Анна отказалась, сказав, что не боится смерти, и подарила ей на память об этом часе небольшой рукописный молитвенник, который она привезла с собой.

Затем королева сняла свой белый воротничок и капюшон, чтобы не мешать действию топора; [351] этот головной убор образовал косичку и свисал сзади. Затем, упав на колени, она несколько мгновений оставалась безмолвной и неподвижной, мысленно молясь. Поднявшись, она подошла к роковой плите и положила на нее голову: "О Христос, в твои руки я вверяю свою душу!" - воскликнула она. Палач, встревоженный кротким выражением ее лица, несколько секунд колебался, но потом к нему вернулось мужество. Анна снова закричала: "О Иисус, прими мою душу!" В этот момент топор палача сверкнул в воздухе, и ее голова упала. Крик сорвался с губ зрителей, "как будто они получили удар по собственным шеям". [352] Это делает честь врагам Анны, так что мы вполне можем поверить свидетельствам. Но тотчас же послышался другой звук: стрелок, приставленный к стене в качестве сигнальщика, наблюдал за различными фазами сцены, держа в руке зажженную спичку; едва голова стрелка опустилась, как он выстрелил, и раздавшийся на расстоянии выстрел донес до Генри весть о преступлении, которое дало ему Джейн Сеймур. [353] Фрейлины королевы Анны, хотя и были почти безжизненны от ужаса, не допустили, чтобы грубые руки прикасались к благородным останкам госпожи, которую они так сильно любили; они собрались вокруг тела, завернули его в белую простыню и отнесли (почти теряя сознание) в старый сундук из вяза, который был вынесен из арсенала и использовался для хранения стрел. Этот грубый ящик был последним пристанищем для нее, которая жила в дорогих дворцах: для нее не было предусмотрено даже гроба. Дамы поместили в него голову и тело Энн; "было замечено, что глаза и губы двигались", - говорится в документе, как будто ее рот повторял последние слова, которые он произнес. Она была немедленно похоронена в часовне Тауэра. [354]

Так умерла Анна Болейн. Если неистовые страсти принца и подлость его придворных привели ее к безвременной кончине, то ненависть и легковерие убили ее во второй раз. Но позорная клевета, выдуманная нечестными людьми, должна быть сурово отвергнута всеми здравомыслящими людьми. Не напрасно Анна в смертный час вверила свое дело в руки Божьи, и мы охотно верим, что все просвещенные люди, без предрассудков и пристрастий, как среди римско-католиков, так и среди других, с отвращением отвернутся от гнусной лжи злобных придворных и лживых басен паписта Сандерса и его последователей.

=БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ГЕНРИ.=

Утром этого дня Генрих VIII. оделся в белое, как на праздник, и приказал устроить охоту. Вокруг дворца царил большой переполох: охотники сновали туда-сюда, лаяли собаки, звучали рога, прибывала знать. Отряд был сформирован, и все они отправились в Эппинг Форест, где и начался этот спорт. В полдень охотники собрались отдохнуть под дубом, который до сих пор носит название *Королевского дуба*. Генри занял свое место под ним, окруженный своей свитой и собаками; он слушал и казался взволнованным. Внезапно в лесу раздался пушечный выстрел — это был условленный сигнал - голова королевы упала. - Ха, ха! - воскликнул король, вставая. -

Дело сделано! отцепите собак и прочь". [355] Затрубили рога и трубы, и вскоре собаки и лошади пустились в погоню. Несчастный принц, увлеченный своими страстями, забыл, что есть Бог, перед которым ему придется отчитываться не только за казнь в Тауэре, но и за погоню в лесу; и этими жестокими действиями, которые должны были бы потрясти сердца даже его придворных, он собственными руками заклеил себя как великого преступника. Король и его придворные вернулись во дворец еще до наступления темноты.

Наконец-то Генрих был свободен. Он возжелал Джейн Сеймур, и было придумано все — прелюбодеяние, кровосмешение, - чтобы разорвать узы, соединявшие его с королевой. Поскольку доказательств преступлений Анны не было, их место должны были занять жестокие действия короля. Могли ли те, кто был свидетелем жестокости мужа, сомневаться в виновности жены? Генри стал бесчеловечным, чтобы не показаться неверующим. Теперь, когда цель была достигнута, оставалось только извлечь выгоду из своего преступления. Его нетерпение удовлетворить свои страсти заставило его пренебречь всеми приличиями. Скорбная смерть его королевы, христианские слова, которые она произнесла, как бы целуя жестокую руку, ударившую ее, — ничто не смягчило сердце этого человека, и уже на следующий день он женился на юной фрейлине. Трудно было бы сказать более поразительным образом: "Вот почему Анны Болейн больше нет!" Когда мы видим рядом окровавленную плиту, на которой Анна получила смертельный удар, и сверкающий алтарь, перед которым соединились Генрих и Джейн, мы все понимаем эту историю. [356] Принцу, одновременно сладострастному и жестокому, нравилось сочетать в одной картине самые противоположные объекты — преступление и празднества, брак и смерть, чувственность и ненависть. Он показал себя самым величественным и самым цивилизованным монархом Европы; но также и соперником тех варварских королей диких орд, которые находят удовольствие в отрубании голов тем, кто был их любимцами и даже объектами их самой страстной любви. Мы должны использовать разные стандарты в оценке одного и того же человека, когда рассматриваем его как частное и как общественное лицо. Принц Тюдоров, столь виноватый как муж, отец и друг, сделал много хорошего как правитель Англии. Людовик XIV, так же как и Генрих VIII, обладал некоторыми чертами великого короля; и его нравственная жизнь была, конечно, не лучше, чем у его прототипа в Англии. У него было столько же и даже больше любовниц, чем было жен у предшественников Стюартов; но единственное преимущество, которое французский монарх имел перед английским, это то, что он знал, как избавиться от них, не отрубая им голов.

Смерть Анны Болейн произвела большую сенсацию в Европе, как и смерть Фишера и Мора до нее. Ее невиновность, которую Генрих (как говорят) признал на смертном одре, [357] одними отрицалась, а другими поддерживалась; но все принципиальные люди выразили чувство ужаса, когда услышали о ее наказании. Протестантские князья и богословы Германии не сомневались, что этот жестокий акт был залогом примирения, предложенным папе Генрихом VIII, и отказались от союза, который они собирались заключить с Англией. "Наконец-то я свободен от этого путешествия", - сказал Меланхтон, у которого смерть Анны Болейн, добавленная к смерти сэра Томаса Мора, еще меньше желания приближаться к принцу, который их ударил. "Королева, - продолжал он, - скорее обвиненная, чем осужденная за супружескую измену, понесла смертную казнь, и эта катастрофа внесла большие изменения в наши планы". [358]

Несколько позже протестанты приписали смерть Анны прежде всего папе римскому: "Этот удар был нанесен из Рима, - кричали они. - в Риме придуманы все эти уловки и заговоры. Даже Петрарка давным - давно назвал этот город

Nido di tradimenti, in cui si cuova

Quanto mal per lo mondo hoggi si spande.' [359]

Я подозреваю, что в этом есть ошибка. Заговоры римского двора против Елизаветы привели к тому, что его обвинили в аналогичных замыслах против матери великой протестантской королевы. Друзья этого двора в Англии, вероятно, были знакомы с этим преступлением, но великим преступником был Генрих.

[313] "Поговаривали, что он был тяжело ранен". — *Археология*, ххiii. стр. 164.

[314] "Ни один мужчина ни в чем не признается против нее". — *Письма* Кингстона, стр. 458.

[315] Kingston's *Letters*, стр. 458.

[316] "Тщетная надежда этого изменчивого мира". — *История Анны де Болейн*, автор Креспен, стр. 140.

[317] 'Avecque Dieu lors plus se fortifie.' — *Ibid.* p. 190.

[318] "Разговариваю как любовница с этими лордами".

[319] Копия этого письма была найдена среди бумаг Кромвеля, в то время главного министра короля. "Оно общеизвестно, — говорит сэр Генри Эллис, - как одно из лучших произведений на английском языке". - *Оригинальные письма*, ii. стр. 53.

[320] Бернет, *Отчеты*, книга III. № 49. Оригинал находится в библиотеке Коттона.

[321] Фруд.

[322] Секретный пакет, мешочек 8.

[323] Meteren, *Histoire des Pays-Bas*.

[324] Godwin's *Annals*, стр. 139.—Королева Елизавета возвела его сына в ранг пэра, и четверо его внуков были одними из величайших капитанов Англии во время правления дочери Анны Болейн.

[325] Бернет, *Дополнения*, том первый

[326] Там же. Секретный пакет, мешочек 8.

[327]

'On vit la reine au jugement venir,

Qui ne se veut que de Dieu souvenir;

Ne faisant cas de chose qui la touche;

Mais plus se tient constante qu'une souche,

Qui ne craint grêle ou vent impétueux.'

История Анны Болейн, королевы Англии, автор Креспен, стр. 200. Последние строки этого повествования датированы 2 июня 1536 года, всего через семнадцать дней после суда над королевой и вынесения ей приговора. Похоже, что автор, Креспин, лорд Милверн, был очевидцем этой сцены.

[328]"Обладая превосходной сообразительностью и будучи готовым оратором, она отвечала на все возражения". —*Харлеевская рукопись*.

[329]

'Peu parlait, mais qui la regardait,

Coulpe de crime en elle n'attendait.'

История Анны Болейн, королевы Англии, автор Креспен, стр. 201.

[330] Католический историк Лингард делает это замечание. Том iii. гл. v.

[331] *История Анны Болейн, королевы Англии*, автор Креспен, стр. 202.

[332] Meteren, *Histoire des Pays-Bas*, p. 21.

[333] Meteren, *Histoire des Pays-Bas*, p. 21.

[334] *История Анны Болейн, королевы Англии*, автор Креспен, стр. 196, 198, 199, 205.

[335] Там же. стр. 205, 206.— К острому топору, который разрубил его одним ударом.

[336]"Сегодня за обедом королева сказала, что ей следует отправиться в Антверпен". — Кингстон, *Письма*, стр. 460.

[337]"Я желаю знать, будет ли угодно королю подготовить эшафот". —Там же.

[338] 'Inter horas ix et xi ante meridiem, in quodam basso sacello.'—Wilkins, p. 803. Это ошибка переписчика или печатника, которая заставляет Уилкинса утверждать, что акт имеет отношение к Анне Клевской (Аннам Кливенсем).

[339]"Прошло десять дней с тех пор, как я пошел к папе и сообщил ему эту новость". —*Рукопись Коттона*. Вителлий, Б. xiv. фол. 215, 27 мая 1536 г.

[340] Бернет, i. стр. 185.

[341] Бернет, i. стр. 185.

[342] *Рукопись Коттона*., Вителлий, В. xiv. с. 216; Тернер, ii. с. 457.

[343] *Рукопись Коттона*., Вителлий, В. xiv. с. 216; Тернер, ii. с. 457.

[344]"Намереваясь сделать ее мученической смертью святой на небесах". —Strype, стр. 437.

[345] Кингстон, *Письма*, стр. 461.

[346] 'Oncque n'avoit été vue si belle.'

[347] *Histoire d'Anne Boleyn, royne d'Angleterre*, by Crespin.

[348] Последние слова Анны Болейн приведены Холлом, стр. 819; Бернетом, i, стр. 373; Тернером, ii, стр. 455; Уайаттом, стр. 214. Смотрите также *Мемориал* Константина, который присутствовал при этом (*Archeologia*, vol. xxiii.), и письмо португальского джентльмена, цитируемое Лингардом, том iii. ч. v.

[349] *Histoire d'Anne Boleyn, royne d'Angleterre*, by Crespin.

[350] Там же.

[351] *Histoire d'Anne Boleyn, royne d'Angleterre*, by Crespin.

[352] Уайатт, стр. 449.

[353] *Histoire d'Anne Boleyn, royne d'Angleterre*.

[354] *Histoire d'Anne Boleyn, royne d'Angleterre*. Спелман, Холл, Бернет.

[355] Андерсон, *Анналы английской Библии*, i, стр. 476; Тайтлер, *Жизнь короля Генриха VIII.*, стр. 383; Нотт и др.

[356] Юм, который, безусловно, является беспристрастным судьей, описал эти вещи справедливо и лучше, чем самые современные историки. Смотрите его *Историю Англии*, Дом Тюдоров, гл. viii.; а также Бернета, Тернера и др.

[357] Тевет: *Вселенская космография*, стр. 656. Этот автор был современником францисканского монаха и, следовательно, беспристрастным свидетелем. Метерен, *История платежеспособности*, стр. 21; Бернет, iii, стр. 120; Тернер, ii, стр. 459.

[358] 'Posterior regina, magis accusata quam convicta adulterii, ultimo supplicio affecta est; magna conciliorum mutatio secuta est.'—*Corpus Reformatorum*, iii. p. 89.

[359] Мемуары Анны Болейн, Г. Уайатт, стр. 445.

ГЛАВА XI.

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ Анны; КАТОЛИЧЕСКАЯ И СХОЛАСТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ.

(Лето 1536 года.)

=ПОЗИЦИЯ ДВУХ СТОРОН.=

После смерти королевы Анны обе партии были возбуждены в противоположных направлениях. Друзья Реформации хотели показать, что позор этой принцессы не повлек за собой позора дела, которое они имели в виду, и, следовательно, считали, что они должны ускорить реформаторское движение. Друзья Рима и его доктрин, воображая, со своей стороны, что

смерть царицы привела их дела в хорошее русло, думали, что им достаточно удвоить свою активность, чтобы одержать полную победу. У последнего, похоже, действительно были некоторые причины для поощрения. Если смерть Екатерины примирила Генриха VIII. и император как раз тогда, когда последний угрожал Англии вторжением, смерть Анны Болейн выглядела так, как будто это могло примирить короля с Павлом III, который был готов издать свою ужасную буллу. Жены Генриха сыграли большую роль в его личной истории, но они также имели определенное значение в его отношениях с европейскими державами, особенно с папой римским. Как только понтифик увидел, что Карл V и Франциск I готовятся к войне, он поручил своему сыну намекнуть Да Казале, что римский двор очень желает возродить древнюю дружбу, которая объединяла его с Англией. [360] Эти желания быстро возрастали.

20 мая, когда в Рим прибыло известие о судебном преследовании королевы, и папа, и кардиналы были вне себя от радости. Ужасная клевета, жертвой которой стала эта принцесса, слишком хорошо служила делу папства, чтобы не быть принятой за правду, и все были убеждены, что, если Анна свергнет с престола, действия, совершенные в Лондоне против итальянского первенства, падут вместе с ней. Когда Да Казале сообщил папе римскому, что королева отправлена в тюрьму, Павел с восторгом воскликнул: "Я всегда думал, когда видел Генриха, наделенного *столькими добродетелями*, что небеса не оставят его. Если он пожелает объединиться со мной, - добавил он, - у меня будет достаточно власти, чтобы заставить императора и короля Франции заключить мир; а король Англии, примирившийся с Церковью, будет управлять державами Европы". В то же время Павел III признал, что совершил ошибку, возведя Фишера в кардиналы, и завершил это папское излияние в самых добрых выражениях. Да Казале, очень обрадованный со своей стороны, спросил, должен ли он повторить все это королю. "Скажите ему, - ответил папа, - что его величество может без колебаний ожидать от меня всего". [361] Поэтому да Казале отправил свой доклад в Лондон и намекнул, что, если Генрих сделает хоть малейший знак примирения, папа немедленно пришлет к нему нунция. Таким образом, Павел не оставил камня на камне, чтобы привлечь на свою сторону короля Англии. Он превозносил его добродетели, обещал ему первое место в Европе, льстил его тщеславию как писателя и не боялся — он был непогрешим — признать, что совершил ошибку. Все при римском дворе были убеждены, что Англия вот-вот вернется в лоно Церкви; кардинал Кампеджи даже отправил своего брата в Лондон, чтобы возобновить владение епископством Солсберийским, которого он был лишен в 1534 году. [362] До конца июня папа и кардиналы стали добрее и уважительнее к англичанам и возлагали самые лестные надежды относительно возвращения Англии.

=ДВА ГЕНРИ.=

Оправдаются ли эти ожидания? Генрих VIII. был не одним человеком, а двумя: его семейные страсти и публичные поступки составляли две совершенно разные стороны. Руководствуясь страстью как личность, он, как король, иногда руководствовался справедливыми взглядами. Он считал, что ни папа, ни иностранный монарх не имеют права осуществлять самую малую юрисдикцию в Англии. Поэтому он решил — и это спасло Великобританию — сохранить разрыв с Римом. Одно обстоятельство могло бы научить его, что во всех отношениях это было лучшее, что он мог сделать.

У Рима есть два способа вернуть принцев под свое иго — лесть и оскорбления. Папа принял первое: за второе взялся человек, в то время не имевший влияния, Реджинальд Поул,

англичанин, а также родственник и *протеже* Генриха. В 1535 году он был на севере Италии; пылая любовью к папству и ненавистью к королю, своему благодетелю, он написал *ab irato* обращенную к Генриху VIII защиту единства Церкви, изобилующую насилием. Мудрый и благочестивый Контарини, которому он это показал, умолял его смягчить тон, который мог причинить много вреда. Поскольку Поул отказался, Контарини умолял его, по крайней мере, передать свою рукопись папе римскому; но молодой англичанин, опасаясь, что Павел потребует от него запретить эту неподобающую публикацию, отказался удовлетворить просьбу своего друга. Его целью было не обратить короля в свою веру, а настроить англичан против их законного принца и побудить их снова пасть ниц перед римским первосвященником. Трактат, законченный зимой 1536 года, до суда над Анной, прибыл в Лондон в первую неделю июня. Тонстолл, епископ Даремский и друг Поула, прочитал книгу, в которой содержалось несколько истин, перемешанных с большими ошибками, а затем передал ее королю. Никогда еще надменный монарх не получал столь грубого урока.

=ОБРАЩЕНИЕ ПОУЛА К КОРОЛЮ.=

"Должен ли я написать тебе, о принц, - сказал молодой англичанин, - или нет? Наблюдая у вас определенные симптомы самой опасной болезни и будучи уверенным, что у меня есть средства, подходящие для вашего излечения, как я могу удержаться от произнесения слова, которое одно может сохранить вам жизнь? Я люблю вас, сир, как сын никогда не любил своего отца, и Бог, возможно, сделает так, чтобы мой голос был подобен голосу его собственного Сына, *чей голос слышат даже мертвые*. О принц, ты наносишь Церкви самый смертельный удар, который она только может получить, ты лишаешь ее вождя, которым она обладает на земле. Почему король, который является верховным главой государства, должен занимать подобное место в Церкви? Если мы можем доверять доводам ваших врачей, мы должны заключить, что Нерон был главой Церкви. [363] Мы должны были бы смеяться, если бы за смехом не последовали слезы. Между церковной и гражданской властью существует такое же большое расстояние, как между небом и землей. В человеческом обществе есть три сословия: во-первых, народ; затем король, который является сыном народа; и, наконец, священник, который, будучи *супругом народа*, следовательно, является *отцом короля*. [364] Но ты, подражая гордыне Люцифера, ставишь себя выше наместника Иисуса Христа.

-Что?! вы разграбили Церковь, как никогда прежде не разграбляли на этом острове, вы разграбили и жестоко истязали ее, и вы утверждаете, что в силу таких заслуг называетесь ее верховным главой. Есть две Церкви: если вы стоите во главе одной, то это не Церковь Христа; если вы стоите, то это подобно сатане, который является князем мира, который он угнетает своей тиранией.... Ты правишь, но по турецкому обычаю. Простой кивок твоей головы имеет больше силы, чем древние законы и права. С мечом в руке ты решаешь религиозные споры. Разве это не насквозь по-турецки и варварски? [365]

"О Англия! если вы не забыли свою древнюю свободу, то какое негодование должно овладеть вами, когда вы видите, как ваш король грабит, осуждает, убивает, растрчивает все ваши богатства и не оставляет вам ничего, кроме слез. Берегись, ибо, если ты позволишь своим жалобам быть услышанными, тебя поразят еще более глубокие раны. О моя страна! в твоей власти превратить свою великую печаль в еще большую радость. Ни Нерон, ни Домициан, ни — смею утверждать — сам Лютер, будь он королем Англии, [366] не пожелали бы отомстить за себя, предав смерти таких людей, как Фишер и сэр Томас Мор!

Какой король когда—либо оказывал более многочисленные знаки уважения верховному понтифику, чем Франциск I. Который говорил о тебе, о Генрих, словами, встреченными аплодисментами всего христианского мира: "твой друг — до алтаря", *Amicus-usque ad aras*.— Император Карл только что покорил пиратов; но есть ли на свете пират хуже тебя? Разве вы не разграбили богатства Церкви, не бросили тела святых в тюрьму и не обратили души людей в рабство? Если бы я услышал, что император со всем своим флотом плывет в Константинополь, я бы упал к его ногам и сказал — будь это даже в Геллеспонт—ском проливе: "О император, о чем ты думаешь? Разве вы не видите, что христианской республике угрожает гораздо большая опасность, чем турки? Измените свой маршрут. Какой смысл изгонять турок из Европы, когда среди нас появляются новые турки?" Конечно, англичане по более скромным причинам вынудили своих королей отложить свои короны". [367]

После апострофа, адресованного Карлу V. Реджинальд Поул возвращается к Генриху VIII. и, воображая себя пророком Илией перед царем Ахавом, он говорит с большой смелостью: "О король, Господь повелел мне проклясть тебя; но если ты будешь терпеливо слушать меня, он воздаст тебе добром за зло. Зачем медлить с признанием своего греха? Не говорите, что вы сделали все в соответствии с правилами Священного Писания. Разве Церковь, которая дает ей власть, не знает, что должно быть принято, а что отвергнуто? Ты оставил источник мудрости. Возвращайся в Церковь, о принц! и все, что вы потеряли, вы обретете с еще большим блеском и славой.

"Но если кто услышит звук трубы и не обратит на него внимания, меч будет извлечен из ножен, виновный будет наказан, и кровь его падет на его собственную голову".

=ЭТО ПОДЕЙСТВОВАЛО НА ГЕНРИ.=

Мы едва ли описали цвет этой длинной тирады, написанной в стиле XVI века, которая, разделенная на четыре книги, занимает сто девяносто две страницы-фолианта. Это дошло до Англии в момент вынесения приговора невинной Анне, против которого Поул бессознательно протестовал как против несправедливого, даже более несправедливого, чем приговоры Фишеру и многим другим. Генрих сначала не дочитал филиппику своего "ученика" до конца. Однако он увидел достаточно, чтобы расценить это как оскорбление, развод, который послала ему Италия. Он приказал Поулу возвращаться в Англию, но тот слишком хорошо помнил судьбу Фишера и сэра Томаса Мора, чтобы пойти на такой риск. Епископ Тонстолл, один из врагов Реформации, однако, написал Поулу, что, поскольку Христос был главой Церкви, отделить ее от папы не означало отделиться от ее главы. Это опровержение было коротким, но полным.

Король был полон решимости сохранить свою независимость от папы. Некоторые приписывают эту решимость трактату Поула, а другие - влиянию Джейн Сеймур. Оба эти обстоятельства, возможно, имели некоторый вес в сознании Генриха; но главная причина, повторяем, заключается в том, что он не потерпел бы в Англии никакого хозяина, кроме себя. Гардинер ответил Поулу в трактате, который он озаглавил: *Об истинном послушании*, [368], к которому Боннер написал предисловие.

Павел III. была не единственной, кто усмотрел в смерти Анны сигнал триумфа: принцесса Мария верила, что теперь она станет наследницей - предполагаемой наследницей короны. Леди Кингстон, выполнив христианское поручение Анны Болейн, дочери Екатерины, но слегка тронутая таким трогательным поведением, воспользовалась этим в своих собственных

интересах и отправила этой леди письмо, адресованное Кромвелю, в котором она умоляла его ходатайствовать за нее перед королем, чтобы принадлежавший ей сан был восстановлен. Генрих согласился отдать свою дочь в милость, но не без условий: "Мадам, - сказал Норфолк, присланный к ней королем, - вот документы, которые требуют вашей подписи".

Дочь гордой Екатерины Арагонской должна была признать четыре пункта: верховенство короля, самозванство папы римского, кровосмешение своей собственной матери и свою собственную незаконнорожденность. Она отказалась, но так как Норфолк было не поколебать, она подписала две первые статьи; [369] затем, отложив перо, она воскликнула: "Что касается моего собственного позора и позора моей матери — никогда!" Кромвель угрожал ей, называл упрямой и неестественной и сказал, что отец бросит ее: несчастная принцесса подписала все. К ней вернулось благоволение, и с тех пор она ежегодно получала три тысячи фунтов стерлингов; но она обманулась, думая, что несчастье ее младшей сестры Елизаветы заменит ее на ступенях трона.

=БЛАГОДАРНОСТЬ ПАРЛАМЕНТА.=

Парламент собрался 8 июня, когда канцлер объявил им, что король, несмотря на свои неудачи в супружестве, *уступил скромным просьбам знатии* заключил новый союз. Два дома подтвердили свершившиеся факты. Ни один человек не желал ворошить пепел, из которого могли вылететь искры и разжечь большой пожар. Они ни за что не скомпрометировали бы самых высокопоставленных людей в королевстве, и особенно короля. Все обвинения, даже самые абсурдные, были приняты: парламент хотел покончить с этим делом. Дело зашло даже дальше: короля поблагодарили *завеличайшую доброту*, которая побудила его жениться на даме, чья блестящая молодость, поразительная красота и чистота крови были верными залогом счастливого исхода, который брак с ней не мог не произвести; и его самые почтительные подданные, решившие похоронить недостатки своего принца под цветами, сравнивали его по красоте с Авессаломом, по силе - с Самсоном, а по мудрости - с Соломоном. Парламент добавил, что, поскольку дочери Екатерины и Анны обе были незаконнорожденными, право наследования перешло к детям Джейн Сеймур. Поскольку, однако, было возможно, что у нее не возникнет никаких проблем, парламент предоставил ему привилегию назвать своего преемника в его завещании: огромная прерогатива, предоставляемая самому капризному из монархов. Те, кто отказывался принести присягу, требуемую статутом, должны были быть объявлены виновными в государственной измене.

Парламент, уладив таким образом дела короля, приступил к делам страны. "Милорды, - заявили министры 4 июля верхней палате, - епископ Рима, которого некоторые люди называют *папой*, желая иметь средства для удовлетворения своей любви к роскоши и тирании, затемнил Слово Божье, изгнал Иисуса Христа из души, изгнал принцев из их королевств, монополизировал разум, тело и имущество всех христиан и, в частности, вымогал огромные суммы денег из Англии своими мечтами и суевериями". Парламент постановил, что наказание *попремунуре* должно быть применено ко всем, кто признает авторитет церкви. римский понтифик и что каждый студент, церковный деятель и гражданский чиновник должны быть обязаны отречься от папы в клятве, данной во имя Бога и всех его святых. [370]

Этот законопроект вызвал огромную радость в Англии; протестантский дух был взбудоражен; раздался взрыв сарказма, и можно было видеть, что граждане столицы, естественно, не были друзьями папства. Человек склонен смеяться над тем, что он уважал, когда обнаруживает, что

его обманули, а затем с готовностью причисляет к человеческим глупостям то, что он когда-то принимал за мудрость Небес. В Лондоне началось состязание в эпиграммах, подобное тому, которое так часто проводилось в Риме между Паскином и Марфорио; возможно, однако, что шутки иногда были немного тяжеловесными. "Вы видите епитрахиль на шее священника?" — сказал один острослов. "Это не что иное, как веревка римского епископа". [371]— "Заутреня, мессы и вечернее пение - это не что иное, как рев, завывание, свист, бормотание, звон и жонглирование". [372]— "Крестить ребенка в кадке с водой дома или в канаве у дороги так же законно, как в купели в церкви". - Постепенно этот шутливый настрой пробился наружу. для низших классов общества. "Святая вода очень полезна, — сказал один из тех, кто посещал лондонские таверны, — поскольку она уже подсолена, вам нужно только положить в нее луковицу, чтобы приготовить соус для баранины". - "Что вы говорите, - ответил какой-то кузнец, - это очень хорошее лекарство для лошади с натертой спиной". [373] Но в то время как легкомыслие и желание блеснуть своим остроумием, каким бы грубым оно ни было, порождали глупые шутки, просто вызывающие смех, любовь к истине вдохновляла евангельских христиан. Христиане говорили серьезные слова, которые раздражали священников больше, чем насмешки шутов. "Церковь, - говорили они, - это не духовенство, Церковь - это собрание только хороших людей. Все церемонии, принятые в Церкви и неясно выраженные в Писании, должны быть отменены. Когда грешник обращается, все грехи, над которыми он проливает слезы, даром отпускаются Отцом небесным". [374]

После слов профанов и благочестивых последовали слова священников. В соборе Святого Павла было созвано собрание духовенства. Пришли епископы и заняли свои места, и любой мог подсчитать голоса, которыми обладали Рим и Реформация на епископской скамье. За последнее проголосовали: архиепископ Кранмер; Гудрич, епископ Эли; Шэкстон, епископ Солсберийский; Фокс, епископ Херефордский; Латимер, епископ Вустерский; Хилси, епископ Рочестерский; Барлоу, епископ Сент—Дэвидс; Уортон, епископ Сент-Асаф; и Сэмпсон, епископ Чичестерский - всего девять голосов. За Рим выступали: Ли, архиепископ Йоркский; Стоксли, епископ Лондонский; Тонстолл, епископ Даремский; Лонгленд, епископ Линкольнский; Веси, епископ Эксетерский; Клерк, епископ Бат; Ли, епископ Личфилдский; Сэлкот, епископ Бангорский; и Ругге, епископ Норвичский — девять против девяти. Если бы Гардинера не было во Франции, большинство было бы против Реформации. Сорок приоров и настоятелей в митрах, членов верхней палаты, казалось, обеспечили победу приверженцам традиций. Духовенство, собравшееся под своими знаменами, было разделено не по оттенкам, а по ярким цветам, и люди спрашивали, глядя на эту клетчатую группу, какой из цветов будет символизировать день. Кранмер принял меры предосторожности, чтобы они не покидали церковь, не будучи просвещенными на этот счет.

=ПРОПОВЕДЬ ЛАТИМЕРА.=

Епископ Лондонский отслужил мессу Святого Духа, и Латимер, избранный примасом для назидания собравшимся, поднялся на кафедру. Будучи человеком смелого и независимого характера и проницательного практического ума, который мог обнаружить и указать на любую уловку, он хотел Реформы даже более полной, чем того желал Кранмер. Он взял для своего текста притчу о несправедливом управляющем. [375] "Дорогие братья, - сказал он, - вы пришли сюда сегодня, чтобы услышать о великих и весомых делах. Я уверен, вы с нетерпением ждете услышать от меня то, что будет уместно для этого собрания. Затем, представив свою тему, Латимер продолжил: "Верный управляющий не чеканит новых денег, а берет их готовыми,

отчеканенными у хорошего хозяина дома. Итак, какие толпы наших епископов, аббатов, прелатов и викариев, презирая деньги Господни как медь, а не ток, учат, что ныне действительно искупление, купленное за деньги и изобретенное людьми, а не искупление, купленное Христом".

Вся проповедь Латимера проходила в таком напряжении. На этом он не остановился; во второй половине дня он проповедовал снова. "Вы знаете пословицу, — сказал он, — "Злая ворона - злое яйцо". [376] Дьявол породил мир, а у мира, в свою очередь, много детей. Есть моя Госпожа Гордость, Госпожа Чревоугодие, Госпожа Алчность, Госпожа Распутство и другие, которые теперь с трудом и скудоумием могут найти любой уголок, любой образ жизни, где не было бы многих из его детей. При дворе, в рясах, в монастырях, да, где вы их не найдете? Однако светские люди не являются детьми мира, равно как и те, кого называют духовными, из духовенства. Нет, нет; как среди мирян вы найдете много детей света, так и среди духовенства вы найдете много детей мира. Они проклинаят и ненавидят мир (будучи, тем не менее, их отцом) на словах и внешними знаками; но сердцем и делами они обнимают и целуют его. [377] Они показывают себя такими же трезвыми, каким был римлянин Курий, [378] и живут каждый день так, как будто вся их жизнь - это масленица (карнавал). Я вижу много таких среди епископов, аббатов, priоров, архидиаконов, деканов и других в том же роде, которые собрались вместе на этом собрании, чтобы принять во внимание все, что касается славы Христа и богатства народа Англии. Мир прислал нам нескольких своих детенышей. [379] Чем вы занимались эти семь и более лет? Покажите нам, чего добились англичане благодаря вашим долгим и великим собраниям. Стали ли они хоть на волосок лучше? Во имя Бога, что вы сделали? — так много великих отцов, так долго, так часто собирались вместе — что вы сделали? Две вещи: во-первых, вы сожгли мертвеца (Уильяма Трейси); во-вторых, вы собирались сжечь одно существо заживо. [380] Вы часто совещались, но что вы сделали? Вы обсуждали многое, но что из этого выдвинуто, благодаря чему либо Христос более прославлен, либо народ Христа стал более святым? Я взываю к вашей собственной совести.

Здесь Латимер начал, как это сделал Лютер в своем *Обращении к немецкой знати*, с рассмотрения злоупотреблений и ошибок духовенства — Суда Арок, епископальных консисторий, дней святых, изображений, обетов, паломничеств, определенных бдений, которые он называл "вакханалиями", брака, крещения, мессы и реликвий.

После этого сурового перечисления епископ воскликнул: "Давайте отправимся домой такими же хорошими, какими мы пришли сюда, законнорожденные дети мира. Будем бить наших товарищей, будем есть и пить с пьяницами. Но Бог придет, Бог придет, да, и он не будет медлить. Он придет в такой день, когда мы перестанем его ждать. Он придет и разорвет нас на куски, и пусть это будет концом нашей трагедии. [381] Это изысканные блюда, приготовленные для самых любимых детей во всем мире. Это облатки и угощения, приготовленные для мирских прелатов, — стенания и скрежет зубов.

"Если вы не хотите умирать вечно, живите не по-мирски. Истинно проповедуйте Слово Божье. Нежно пасите стадо Христово. Любите свет. Ходите во свете и, таким образом, будьте детьми света, пока вы находитесь в этом мире, чтобы вы могли сиять в грядущем мире ярко, как солнце, с Отцом, Сыном и Святым Духом. Аминь".

Решительные и смелые слова Реформатора сопровождались действием, полным простоты и теплоты. Преподобные члены конвокации нашли своего человека, и его проповедь показалась

им горьче полыни. Однако они не осмеливались выказать свой гнев, потому что за спиной Латимера стоял Кранмер, и они боялись, что за спиной Кранмера обнаружат короля.

Вскоре духовенство подверглось еще одному унижению, на которое не осмеливалось жаловаться. Распространился слух, что Кромвель будет представителем Генриха VIII. в ассамблее. "Как! - закричали они. - непрофессионал, человек, который никогда не получал ученой степени ни в одном университете!" Но каково же было изумление прелатов, когда они увидели вошедшего не Кромвеля, а его секретаря, доктора Петре, одного из посетителей монастыря, которого примас усадил рядом с собой — делегата делегатов! 21 июня Кромвель сошел с престола и занял свое место над всеми прелатами. Непрофессиональный элемент смелым шагом занял позицию, с которой его так долго изгоняли.

=ОСУЖДЕННАЯ ДОГМАТИКА МАЛА.=

Следовало ожидать, что чемпионы средневековья не подчинились бы таким оскорблениям, и особенно такому ужасному огню, как у Латимера, не сняв в ответ маски со своих батарей и не попытавшись уничтожить батареи противника. Они видели, что не могут поддерживать верховенство папы и нападать на верховенство короля; но они знали, что Генрих придерживался пресуществления и других суеверных доктрин темных веков; и соответственно они решили атаковать этим нарушением не только Латимера, но и всех сторонников Реформации. Римско-католицизм не собирался погибать без борьбы; он решил — для того чтобы закрепиться в Англии — предпринять энергичное наступление. Нижняя палата выбрала своим сторонником некоего Ричарда Гвента, архидиакона епископа Стоксли и ревностного ультрамонтаниста, клика приступила к работе, и слова Уиклиффа, Лоллардов, реформаторов и даже насмешливых горожан были тщательно записаны, Гвент предложил, чтобы нижняя палата представила верхней палате шестьдесят семь порочных доктрин (*mala dogmata*). Ничто не было забыто, даже *лошадь с израненной спиной*. Напрасно им напоминали, что в этом каталоге порицаются всего лишь "нескромные выражения неграмотных людей" и что только грубость их воображения заставила их произносить эти едкие сарказмы. Напрасно им напоминали, что даже на скачках всадники, чтобы быть уверенными в достижении своей цели, обходят ее стороной. Было приведено перечисление *малых догматов*, не пропуская ни одной статьи.

23 июня выдвигенец предстал со своим длинным списком перед верхней палатой парламента. "Есть определенные ошибки, - сказал он, - которые вызывают беспорядки в королевстве", - а затем он прочитал шестьдесят семь *малых догм*. "Они утверждают, - продолжал он, - что ни в одно учение нельзя верить, если оно не доказано Священным Писанием; что Христос, пролив свою кровь, полностью искупил нас, так что теперь нам остается только сказать: "О Боже, я умоляю Твое Величество изгладить мое беззаконие". [382] Они говорят, что жертва во время мессы - это не что иное, как кусок хлеба; что исповедь через ухо была изобретена священниками, чтобы узнать тайны сердца и положить деньги в свой кошелек; что чистилище - это обман; что то, что обычно называют Церковью, - это просто старая синагога, а истинная Церковь - это собрание праведных; что молитва на открытом воздухе так же эффективна, как и в храме; что священники могут жениться. И эти ереси не только проповедуются, но и печатаются в книгах с грифом *cum privilegio*, с привилегиями, и невежды воображают, что эти слова указывают на одобрение короля". [383]

Две армии стояли лицом к лицу, и не успела схоластическая партия зачитать свой пространный манифест, как началось сражение. "О, какое напряжение было здесь между этими

противоположными сторонами", - говорит честный Фуллер. [384] Они расстались, не придя ни к какому решению. Люди начали обсуждать, чью сторону им следует принять: "Ни ту, ни другую", - говорили те, кто мнил себя самыми умными. "Когда встречаются два крепких путешественника, и оба желают найти дорогу, но ни один из них не желает сражаться за нее, по пути они так толкают друг друга, что делят дорогу между собой, и все же ни один не получает того же. [385] Обе партии в созыве должны делать то же самое: не должно быть ни победителей, ни побежденных". Таким образом, от Церкви, *столпа истины*, требовалось признавать как черное, так и белое - говорить "Да" и "Нет". "Смешанная религия, - восклицает историк, - чтобы успокоить (если не совесть), то, по крайней мере, доверие обеих сторон". [386]

=АЛЕЗИУС В СОЗЫВЕ.=

Кранмер и Кромвель решили воспользоваться случаем, чтобы склонить чашу весов в сторону евангелистов. Они перешли к созыву. Проходя по улице, Кромвель заметил незнакомца — некоего Алезиуса, шотландца, который был вынужден искать убежища в Германии за то, что исповедовал чистое Евангелие, и там у него сложились тесные отношения с Меланхтоном. Кранмер, так же как и Кромвель, желая иметь такого евангелиста в Англии — человека, который был в совершенной гармонии с протестантами Германии и чьим родным языком был английский, — пригласили его в Лондон. [387] Меланхтон передал ему письмо для короля, вместе с которым тот отправил копию своего комментария к Посланию к римлянам. Генрих был так очарован шотландцем, что дал ему титул "Королевского ученого". Алезиус жил во дворце архиепископа в Ламбете. Кромвель, наблюдавший за ним так пристально, позвонил ему и пригласил сопровождать их в Вестминстер. Он думал, что человек с такой властью может быть ему полезен; и даже возможно, что эта встреча была организована заранее. Англичанин и шотландец вместе вошли в зал, в котором епископы сидели вокруг стола, а за ними стояло несколько священников. Когда появились главный викарий и Алезиус, который был неизвестен большинству из них, все они встали и поклонились представителю короля. Кромвель ответил на приветствие и, усадив изгнанника на самое высокое место напротив двух архиепископов, обратился к ним со следующими словами: "Его величество не успокоится до тех пор, пока в согласии с собранием и парламентом он не положит конец разногласиям, которые имели место не только в этом королевстве, но и во всех странах. Поэтому обсуждайте эти вопросы с милосердием, без ссор и брани, и решайте все дела по Слову Божьему. [388] Установите божественную и совершенную истину, как она изложена в Священном Писании".

=СЛОВО БОЖЬЕ - ИСТОЧНИК ЖИЗНИ.=

Кромвель хотел подчинения *всех* божественным откровениям: традиционная партия ответила ему, выдвинув человеческие доктрины и человеческие авторитеты. Стоксли, епископ Лондонский, пытался доказать некоторыми оговорками и отрывками, что существует семь таинств: архиепископ Йоркский и другие поддерживали его своей софистикой и выкриками. "Подобные споры о словах и подобные вопли, - сказал Кранмер, - не подобают серьезным людям. Давайте искать славы Христа, мира в Церкви и средств, с помощью которых прощаются грехи. Давайте зададимся вопросом, как мы можем принести утешение встревоженным душам; как мы можем дать уверенность в Божьей любви совести, обеспокоенной воспоминанием об их грехах. Давайте признаем, что не внешнее использование таинств оправдывает человека, и что наше оправдание исходит исключительно из веры в Спасителя". [389] Прелат говорил превосходно и в соответствии с Писанием: необходимо было подкрепить это благородное

признание. Кромвель, державший своего шотландца в резерве, теперь представил его духовенству как "королевского ученого" и спросил, что он думает об этой дискуссии. Алесий, выступая в собрании епископов, показал, что существует только два таинства — Крещение и Вечеря Господня, и что никакая церемония не должна быть поставлена в один ряд с ними. Епископ Лондона заерзал от гнева на своем месте. Неужели простой шотландец, изгнанный из своей страны и принимаемый немецкими протестантами, осмеливается учить английских прелатов? Он возмущенно закричал: "Все это ложь!" Алезиус заявил, что готов доказать то, что он сказал, на основании Священного Писания и древних отцов. Тогда Фокс, епископ Херефордский, только что вернувшийся из Виттемберга, куда он был послан королем и где он получил просвещение, беседуя с Лютером и Меланхтоном, поднялся и высказал такие благородные чувства: "Христос так осветил мир в это время, - сказал он, - что свет Евангелия рассеял всю туманную тьму; и мир больше не потерпит, чтобы его сбивал с пути весь тот фантастический вздор, которым священники некогда наполняли свое воображение и свои проповеди". На это указывали епископу Стокли и его друзьям: "Тщетно сопротивляться Господу; Его рука разгоняет облака. Миряне теперь знают Священное Писание лучше, чем многие из нас. [390] Немцы так упростили текст Библии с помощью иврита и греческого языка, что даже женщины и дети удивляются слепоте и лжи, которые были до сих пор. Подумайте, что вы не позволяете осмеивать себя всему миру. Если вы будете сопротивляться голосу Божьему, вы дадите повод полагать, что в вас нет ни искры учености или благочестия. Все дело не в раскрашенном красноречии и силе авторитета. Ибо истина обладает такой великой силой, что ее нельзя ни защитить словами, ни победить какой-либо силой; но после того, как она долго скрывалась, в конце концов она поднимает голову и появляется". Таков был красноречивый и христианский язык, с помощью которого даже епископы пытались добиться триумфа той английской реформации, которую некоторым доставляло удовольствие представлять как "продукт любовного каприза". [391] Тронутый такими христианскими замечаниями, Алезиус воскликнул: "Да, именно Слово Божье приносит успех английской реформации". Жизнь; Слово Божье - это сама субстанция и тело Таинства. Это вселяет в нас уверенность в воле Божьей спасти наши души: внешняя церемония - всего лишь знак того живого воодушевления, которое мы получаем через веру в Слово и обетование Господа". При этих словах епископ Лондонский не смог сдержаться. "Слово Божье! - воскликнул он. - Да, даровано! Но вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что нет другого Слова Божьего, кроме того, которое каждый сутенер и сапожник может прочитать на своем родном языке. "Стокли верил в другое Слово Божье, кроме Библии; он думал, как и Тридентский собор немного позже, "Что мы должны принимать с *таким же уважением и равным благочестием Священное Писание и Традицию*". [392] Когда наступил полдень, Кромвель разогнал собрание.

Дебаты были острыми. Жреческая, sacramентальная, ритуалистическая партия потерпела поражение; евангелисты желали закрепить свою победу.

Алезиус, вернувшись в Ламбет, начал сочинять трактат; Стокли, с другой стороны, готовился организовать заговор против Алезиуса. На следующий день епископы, которые первыми прибыли в Вестминстер, вступили в разговор о последнем заседании и были очень возмущены тем, что незнакомцу, шотландцу, разрешили сидеть и говорить среди них. Стокли призвал Кранмера противостоять такой неправильности. Архиепископ, который всегда был довольно слаб, согласился, и вскоре после этого вошел Кромвель со своим протезом, архидьякон подошел к последнему и сказал ему, что его присутствие неприятно епископам. "Лучше уступить дорогу, - сказал Кромвель Алезиусу. - Я не хочу навлекать на тебя ненависть прелатов.

Стоит им однажды невзлюбить мужчину, и они никогда не успокоятся, пока не уберут его с дороги. Они уже предали смерти многих христиан, к которым король испытывал большое уважение". Алезиусудалился, и начались прения. "Существует семь таинств или только два?" - таков был вопрос. Прийти к взаимопониманию было невозможно.

Собрание, старинный клерикальный орган, в котором были собраны самые решительные приверженцы злоупотреблений, суеверий и доктрин средневековья, было настоящим оплотом Рима в Англии. Взяться за то, чтобы привнести в него свет и жизнь Евангелия, было опрометчивым и неосуществимым предприятием. Сам божественный Глава Церкви провозгласил, что *"никто не надевает новую ткань на старую одежду, как и люди не наливают молодое вино в старые мехи"*. Оставалось сделать только одно. Распустить ассамблею и сформировать новую, состоящую из членов и служителей Церкви, которые не признают никакого другого основания, никакого другого правила, кроме Слова Божьего. *"Новое вино должно быть разлито в новые бутылки"*. Такой шаг, как этот, сильно помог бы по-настоящему и полностью реформировать Англиканскую церковь. Но оно не было принято.

[360] "Приштина восстанавливает дружеские отношения". —Да Казале Кромвелю. *Государственные документы*, vii. стр. 643.

[361] "Proculdubio vestra Majestas omnia de ipso sibi polliceri possit". Это письмо от 27 мая, которое находится среди рукописей по хлопку. (Вителлий, В. xiv.), пострадал от пожара, но почти полностью приведен Тернером в примечании ко второму тому его истории, стр. 483-5.

[362] Письмо Кампеджи герцогу Саффолку от 5 июня 1536 г. —*Государственные документы*, vii. стр. 657.

[363] 'Quid aliud quam Neronem fuisse caput ecclesiæ.'—R. Poli, *Pro Ecclesiasticæ Unitatis defensione*. Четвертое издание, 1555, без места, фол. 7, verso.

[364] 'Sacerdos ergo tanquam vir populi erga regem patris personam gerit.'—*Ibid.* fol. 17, verso 18-20.

[365] 'Atque hoc Turcicum plane et barbarum.'—R. Polus, fol. 71, verso. Поул забыл, что это рассуждение еще лучше применимо к папам римским, чем к Генриху VIII.

[366] 'Audeo autem jurare ne Lutherum quidem ipsum, si rex Angliæ fuisset, &c.'—R. Полюс, фол. 75.

[367] 'Corona se et sceptro abdicare coegerunt.'—*Ibid.* fol. 79, verso.

[368] *De Vera Obedientia*.

[369] *Государственные документы*, i. стр. 459.

[370] "Да помогут мне Бог, все святые и Святой Евангелист". —Collyers, ii. стр. 119.

[371] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 805.

[372] Там же. стр. 806.

[373] Там же. стр. 807.

[374] Там же. стр. 806.

[375] Святого Луки хі. 1-8.

[376] *Проповеди Латимера*, стр. 42.

[377] Уилкинс, *Консилиум*, стр. 43.

[378] Curius Dentatus.— "Incomptis Curium capillis". Гораций.

[379] *Проповеди Латимера*, стр. 44.

[380] Имея в виду самого себя.

[381] *Проповеди Латимера*, стр. 57.

[382] 'Deprecor Majestatem tuam, ut tu Deus deleas iniquitatem meam.'—Wilkins, *Concilia*, p. 806.

[383] Список *малых догматов* приведен Коллиером.

[384] Фуллер, стр. 213.

[385] Там же.

[386] Там же.

[387] Предисловие к трактату Алезия "*Об авторитете Слова Божьего*". См. также Андерсон, *Библейские анналы*, і. стр. 451.

В "Истории реформации в Шотландии" мы обрисуем наиболее примечательные черты жизни Алезия.

[388] "Вы будете завершать все дела Словом Божьим, без всякой ссоры или брани". — Андерсон, *Библейские анналы*, і. стр. 499.

[389] "Оправдывает ли человека их внешняя ценность, или мы получаем свое оправдание через веру". — Андерсон, *Анналы Библии*, і. стр. 499. *Жизнь Кранмера Тодда*, і. стр. 163.

[390] Бернет, і. стр. 205. Андерсон, *Библейские анналы*, і. стр. 502.

[391] Audin, *Histoire de Henri VIII*. Предисловие.

[392] Тридентский собор, 4-е заседание, 8 апреля 1546 года.

ГЛАВА XII.

ДВИЖЕНИЕ СХОЛАСТИЧЕСКОГО КАТОЛИЦИЗМА, НАЧАТОЕ КОРОЛЕМ. РЕАКЦИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ.

(Осень 1536 г.)

После смерти Анны Болейн люди Реформации взяли инициативу в свои руки, и Кранмер, Кромвель, Латимер и Алезиус, казалось, были близки к тому, чтобы выиграть приз в этом состязании. Вмешательство более важной персоны вот-вот могло перевернуть медаль.

=ГЕНРИ ИГРАЕТ ПАПУ римского.=

Опала Анны и свадьба с Джейн Сеймур занимали короля совсем другими вопросами, помимо теологии. У Кранмера было свободное поле для продвижения Реформации. Генри имел в виду совсем не это; и как только он это заметил, то востроился, словно ото сна, и поспешил навести порядок. Отвергая авторитет папы, он оставался верен своим доктринам. Он продолжал действовать в соответствии со своим характером главы Церкви и решил разослать буллу, как это сделали понтифики. Реджинальд Поул в книге, которую он ему адресовал, заметил, что в вопросах, касающихся папы римского, мы не должны считаться ни с его характером, ни с его жизнью, а только с его авторитетом; и что моральные проступки папы римского нисколько не умаляют его непогрешимости в вере. Генрих очень ясно понимал это различие и во всех отношениях показал себя папой римским. Он не верил, что существует какая-либо несовместимость между правом, на которое он претендовал, брать новую жену, когда ему заблагорассудится, посредством развода или эшафота, и правом провозглашать Божьи изречения о раскаянии, оправдании, и церковных обрядах и церемониях. Разрыв переговоров с протестантами дал ему больше свободы и даже вызвал у него небольшую досаду. Его огорчение не было лишено примеси гнева, и он не горевал из-за того, что показал этим упрямым немцам, чего они добились, не приняв его. В этом отношении Генрих был подобен женщине, которая, раздосадованная тем, что ее отвергает мужчина, которого она предпочитает, бравадно протягивает руку его сопернице. Поэтому он вернулся к своим богословским трудам. Доктора схоластической школы избавили его от необходимости самому составлять необходимые статьи; но он пересмотрел их и был в восторге от важности своей работы. "Мы лично перенесли огромную боль, изучение, труды и мучения, - сказал он, - над определенными статьями, которые установят согласие в нашей Церкви". [393] Кромвель, всегда покорный своему хозяину и хорошо знающий цену сопротивления, представил этот королевский труд на рассмотрение верхней палаты Парламента. В религиозных вопросах Генрих никогда не делал ничего столь важного. Доктрина власти принца над догмами Церкви теперь стала *фактом*. Догматический документ короля, озаглавленный "*Статьи о религии, разработанные Собором и опубликованные королевской властью*", имеет сильное сходство с "*Изложением и типом веры*", опубликованным в седьмом веке, во время монофелитских споров, императорами Константинополя Ираклием и Константином II. Этот принц, который в политическом смысле придал Англии новый импульс, искал свои образцы в качестве церковного правителя в Нижней империи. Всем не терпелось узнать, какие доктрины собирается провозгласить новый глава Церкви. Сторонники Рима, несомненно, были удивлены не меньше реформаторов, но их удивление было радостным; удивление евангелистов было страхом. Главный викарий зачитал королевские оракулы вслух: "Все слова, содержащиеся во всем каноне Библии". он сказал: "и в трех символах веры - Апостольском, Никейском и

афанасианском — согласно толкованию, которое защищают святые признанные доктора Церкви, [394] должны приниматься и соблюдаться как непогрешимые слова Бога, так что всякий, кто отвергает их, является не членом Христа, а членом дьявола и навеки проклят".

=РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ.=

Такова была римская доктрина, и Боссюэ, изучая королевский документ, кажется, очень доволен этой статьей. [395]

"Таинство крещения должно совершаться над младенцами, чтобы они могли получить Святого Духа и очиститься от греха благодаря его тайной силе и действию. Если человек падает после крещения, таинство покаяния необходимо для его спасения; он должен пойти на исповедь, попросить отпущения грехов у священника и смотреть на слова, произносимые исповедником, как наглас Божий, говорящий с небес". [396]

- "В этом вся суть католической доктрины", - могли бы настаивать сторонники Рима. [397]

"Под видом хлеба и вина истинно, существенно и реально содержатся тело и сама кровь Спасителя, рожденные от Девы".

- "Это наиболее точно указывает на реальное присутствие тела", - говорят римские врачи. [398]

"Заслуги страстей Спасителя - единственная и достойная причина нашего оправдания; но, прежде чем даровать его нам, Бог требует от нас внутреннего раскаяния, совершенной веры, надежды и милосердия, а также всех других духовных движений, которые обязательно должны сопровождать отпущение наших грехов".

- Вскоре после этого Тридентский собор провозгласил ту же доктрину. [399]

- Изображения должны храниться в церквях. Только пусть те, кто преклоняет перед ними колени и поклоняется им, знают, что такая честь воздается не изображениям, а Богу".

- "Использовать такой язык, - говорили римско-католики, - значит до крайности одобрять поклонение образам". [400]

"Похвально, - продолжал Кромвель, - обращаться с молитвами к Пресвятой Богородице, святому Иоанну Крестителю, каждому из апостолов или любому другому святому, чтобы они молились за нас и вместе с нами; но без веры в то, что в них больше милосердия, чем во Христе".

- "Если король смотрит на это как на своего рода Реформацию, - сказал один римский врач, - то он всего лишь разыгрывает мир; ибо ни один католик не обращается к святым иначе, как для того, чтобы получить их молитвы". [401]

"Что касается церемоний, таких как окропление святой водой, раздача освященного хлеба, преклонение перед крестом и целование его, изгнание нечистой силы и т. Д., То эти и другие обряды, не менее похвальные, должны соблюдаться как напоминающие нам о духовных вещах".

- "Именно в этом заключается наша идея", - сказали приверженцы римской традиции. [402]

"Наконец, что касается чистилища, то люди должны быть научены тому, что христиане должны молиться за души умерших и раздавать милостыню, чтобы другие могли молиться за них, чтобы их души могли быть освобождены от какой-то части их боли". [403]

- "Все, чему мы учим, здесь одобряется", - сказал великий противник протестантизма. [404]

Такова была религия, которую принц, которого некоторые авторы называют отцом Реформации, желал установить в Англии. Если Англия и стала протестантской, то, безусловно, вопреки ему.

=СТАТЬИ ПРИНЯТЫ.=

В конгрессе и в других местах последовали длительные дебаты. Убежденные евангелисты не могли видеть в этих статьях ничего, кроме отказа от Священного Писания, "политической мазни", целью которой было только угодить определенным людям и достичь определенных целей. С другой стороны, представители умеренной партии сказали: "Разве мы не должны радоваться тому, что Священное Писание и древние символы веры восстановлены в качестве правил веры, не принимая во внимание папу Римского?" Но над этими противоположными мнениями вознесся грозный голос короля: *Таково воло, таково джубео*: Таково мое желание, таковы мои приказы. Если бы примас и его друзья оказали сопротивление, они были бы отстранены, а Реформация проиграна.

Не похоже, что Кранмер принимал какое-либо участие в составлении этих статей, но он их подписал. В его оправдание было сказано, что ни он, ни многие из его коллег в то время не обладали четкими знаниями в подобных вопросах и что они намеревались внести поправки в статьи; но этих утверждений недостаточно. Только два факта объясняют уступки этого благочестивого человека: деспотическая воля короля и характерная слабость архиепископа. Он всегда склонял голову; но, мы также должны признать, это было сделано для того, чтобы снова поднять ее. Архиепископ Ли, шестнадцать епископов, сорок аббатов или приоров и пятьдесят архидиаконов или прокторов подписали после Кромвеля и примаса. Статьи прошли через Созыв, потому что — как и осуждение Анны — *это была воля короля*. Ничто не может лучше объяснить уступки Кранмера, Кромвеля и других в деле Анны Болейн, чем их поддержка этих статей, которые были полной противоположностью доктрине Священного Писания, торжество которой они принимали близко к сердцу. В обоих случаях они рабски подчинились этим волшебным словам: *Le roi le veut*, такова воля короля. Этих четырех слов было достаточно: этот человек был верен тому, кто пожертвовал своей собственной волей ради суверена. Лишь постепенно свободные принципы протестантизма должны были проникнуть в народ и дать Англии свободу вместе с порядком. И все же этого оправдания недостаточно: Кранмер оставил бы после себя более славное имя, если бы принял мученическую смерть при Генрихе VIII, а не дожидался воцарения Марии.

Когда стали известны статьи короля, в противоположных партиях вспыхнуло недовольство. "Замолчите, вы, склочные проповедники и схоласты, - говорили политики. - Вы скорее нарушите мир во всем мире, чем откажетесь хоть от одной частицы!" [405] Статьи были разосланы по всей Англии с приказом, чтобы каждый соблюдал их на свой страх и риск.

Кранмер не считал игру проигранной. Согнуться перед ударом, а затем снова подняться и довести Реформу до хорошего конца - такова была его система. Сначала он попытался предотвратить зло, предложив меры, рассчитанные на его устранение. Собрание постановило, что королю следует направить петицию с просьбой разрешить его подданным-мирянам читать

Библию на *английском* языке и заказать ее новый перевод; [406] более того, было отменено большое количество праздничных дней как способствующих "лени, безделью, воров, излишества, бродягам и беспорядкам"; [407] и, наконец, в последний день сессии (20 июля) Собрание заявило — чтобы ясно показать, что о возвращении к папству не может быть и речи — что нет необходимости возвращаться к папству. нет ничего более пагубного, чем генеральный собор; [408] и что, следовательно, они должны отказаться присутствовать на том, что папа намеревался провести в городе Мантуя. После этого парламент и Конвокация были распущены, и король обходился без них в течение трех лет.

=ИНСТРУКЦИИ КРОМВЕЛЯ.=

Генрих VIII. был доволен своим министром. Кромвель был назначен лордом тайной печати 2 июля 1536 года, бароном, а несколькими днями позже наместником в церковных делах (*in rebus ecclesiasticis*). Желая смягчить то, что в статьях короля слишком сильно отдавало школярством, он распространил среди всех священников несколько наставлений, которые были сносно евангелическими. "Я повелеваю вам, - сказал он, - дать понять вашим прихожанам, что они скорее посвящают себя соблюдению Божьих заповедей, совершению его дел милосердия и обеспечению своих семей, чем если бы они отправлялись в паломничество. [409] Посоветуйте родителям и хозяевам учить своих детей и слуг Молитве Господней, Апостольскому символу веры и Десяти заповедям на их родном языке". Он даже предпринял реформу духовенства. "Деканам, приходским священникам, викариям, викариаткам и священникам, - сказал он, - запрещается посещать таверны, пить или устраивать драки после обеда или ужина, играть в карты днем или ночью. Если у них есть хоть немного свободного времени, они должны почитать Священные Писания или заняться каким-нибудь честным занятием".

Кранмер и Кромвель пошли дальше. Они хотели распространить Священное Писание. Версия Тиндейла, по мнению Кромвеля, была слишком скомпрометирована, чтобы ее можно было официально распространить; поэтому он покровительствовал другому переводу. Ковердейл, родившийся в 1488 году в местечке с таким названием в Йоркшире, взялся (как мы видели) за перевод Библии и обратился к Кромвелю с просьбой достать ему необходимые книги. [410] Тиндейл был более независимым, человеком с более твердым и смелым характером, чем Ковердейл. Он не искал помощи людей и закончил свою работу (так сказать) наедине с Богом. Ковердейл, без сомнения, набожный, как и его соперник, чувствовал потребность в поддержке и в своем письме Кромвелю сказал, что умоляет его о помощи, "падая ниц от всего сердца".

Ковердейл знал греческий и иврит. Он приступил к своей работе в 1530 году; 4 октября 1535 года книга появилась, вероятно, в Цюрихе, под названием "Библия", *Библия, то есть Священные Писания Ветхого и Нового Завета*; и достигла Англии в начале 1536 года. В начале тома было посвящение Генриху VIII., которое заканчивалось просьбой о ниспослании божественного благословения королю и его "дражайшей, справедливой жене и добродетельнейшей принцессе королеве Анне". Кромвель должен был представить этот перевод королю и распространить его по всей стране; но эта *дражайшая жена*, эта *добродетельнейшая принцесса* только что была обвинена Генрихом, предстала перед трибуналом и обезглавлена. Невозможно было распространить ни одного экземпляра этой версии, не вызвав гнева монарха. Те, кто желал, чтобы корабль, проделавший такой долгий путь, не потерпел крушения в гавани, прибегли к нескольким средствам. Обезглавленную королеву звали *Анна*, королеву-регентшу звали *Жанна*: между ними было сходство. В некоторых

копиях, исправленных ручкой, вместо *королевы Анны*, — *королева Джейн*; в других имя королевы просто зачеркнуто. [411] Этих мер оказалось недостаточно: был напечатан новый титульный лист с датой 1536 текущего года. Но все это было бесполезно: получить королевскую санкцию было невозможно.

Тем не менее, хотя Библия Ковердейла не была допущена в Англию, Реформация, проповедуемая благочестивыми священниками, распространялась все больше и больше. Священники напрасно роптали: "Не так давно, - говорили они, - Лолларды были преданы смерти за чтение Евангелия по-английски, а теперь нам приказано преподавать его на этом языке. Нас лишают наших привилегий, и наши труды умножаются".

=РЕАКЦИЯ ЕВАНГЕЛИСТОВ.=

Король провозгласил и изложил свои десять статей без особой пользы: вера придавала благочестивым служителям и христианам мужество, которым не обладали великие мира сего. Джон Гейл, пастор Туэйта в Саффолке, человек быстрый, решительный, но довольно неосмотрительный, атаковал королевские уставы со своей кафедры. Но на этом он не остановился. Его церковь была украшена изображениями Богородицы и Святых, перед которыми набожные люди обычно подносили свечи. "Остин, — сказал он однажды прихожанину, — следуй за мной"; и двое мужчин, приложив огромные усилия, убрали железные стержни, на которые верующие обычно вешали свечи, и повернули изображения к стене. — "Послушайте, - сказал доктор Баррет своим прихожанам, - поднятие хризантемы просто означает, что Отец послал своего Сына на смерть за людей, а поднятие чаши - что *Сын пролил свою кровь за наше спасение*." - "Христос", - сказал доктор Баррет своим прихожанам. Бейл, приор Дорчестера, "обитает не в каменных церквях, а на небесах вверх и в сердцах людей на земле". [412]- Священник Хотфилда заявил, что: "Богоматерь не царица небесная, и у нее не больше власти, чем у другой женщины". "Уберите его с кафедры", - сказал раздраженный бейлиф викарию. "Я не смею", - ответил тот. На самом деле, прихожане были в восторге, услышав, как их служитель сказал об Иисусе, как это сделал Петр: *Ни в ком другом нет спасения*, и в тот же день более сотни человек приняли доктрины своего пастора. [413] Джером, викарий Степни, стремился внедрить в сознание чистую истину о Христе, [414] и искоренить все суетные традиции, мечты и фантазии. Будучи приглашенным проповедовать на Кресте Святого Павла в четвертое воскресенье Великого поста, он сказал: "Среди вас есть два типа людей: свободные, которые добровольно оправданы без покаяния по закону и без достойных дел; и рабы, которые все еще находятся под игом закона". — Даже епископ Барлоу из Сент-Дэвидса сказал в величественном соборе: "Если два или три сапожника или ткача, избранные Богом, встречаются во имя Господа, они образуют истинную Церковь Божью". [415]

Это зашло слишком далеко: было возбуждено судебное разбирательство против тех, кто таким образом пренебрег королевскими уставами. Джером предстал перед Генрихом VIII. в Вестминстере. Бедняга, запуганный королевским величием, с трепетом признал, что таинства необходимы для спасения; но пять лет спустя он был сожжен за Евангелие. Гейл и другие были обвинены в ереси и государственной измене перед уголовным судом. Книги не пощадили. Некоторые из них действительно выходили за все рамки. Одна из них, озаглавленная "*Маленький сад души*", [416] содержала отрывок, в котором обезглавливание Иоанна Крестителя и Анны Болейн приписывалось одному и тому же мотиву — упреку в преступной любви, высказанному двум принцам: одному Анной, а другому Джоном. Генриха

сравнивают с Иродом! Анну Болейн со святым Иоанном Крестителем! Тонстолл донес Кромвелю на эту дерзкую публикацию.

Королевские чиновники должны были следить за тем, чтобы доктринам папы преподавали повсюду; но без папы и его авторитета эта система не имеет прочного фундамента. Священное Писание, к которому апеллируют евангельские христиане, является прочной основой. Авторитет папы римского - порочный принцип — по крайней мере, дает тем, кто признает это, возможность знать, во что они верят. Но католицизм с римской доктриной и без папы, не имеет почвы для опоры. У не-римского католицизма есть лишь ненадежная поддержка. Другая система уже в шестнадцатом веке провозгласила разум высшим правилом; но она представляет тысячу различных мнений и не содержит абсолютной истины. Есть только одно реальное основание: *слово Твое есть истина*, говорит Иисус Христос.

[393] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 817.

[394] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 818.

[395] Bossuet, *Histoire des Variations*, liv. vii. § 30.

[396] Уилкинс, *Анналы*, iii. стр. 819.

[397] Bossuet, *Histoire des Variations*, liv. vii. § 26.

[398] *Там же*. § 25.

[399] Тридентский собор, шестая сессия, каноны 9 и 11.

[400] Боссюэ, *Вариации*, лив. vii. § 26.

[401] *Там же*.

[402] *Там же*. § 27.

[403] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 822.

[404] Боссюэ, *Вариации*, лив. vii. § 28.

[405] Лорд Герберт Шерберский, стр. 470.

[406] Хейлин, *Ecclesia vindicata*, стр. 15. Андерсон, *"Анналы английской Библии"*, i. стр. 507.

[407] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 823, 827.

[408] 'Nullius Synodi finem vidi bonum.'—*Ibid.* p. 808.

[409] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 814.

[410] *Государственные документы*, i. стр. 383. *Останки* Ковердейла, стр. 490. Письмо датировано 1 мая, но без указания года: мне кажется, это 1530 год.

[411] Такие копии можно найти в Британском музее, а также в библиотеках Ламбета и Сион-колледжа.

[412] Strype, i. стр. 442.

[413] Там же. i. стр. 443.

[414] Фокс, *Деяния*, т. 429.

[415] "Два сапожника и ткачиха в компании, избранные во имя Бога, составляли истинную Церковь Божью". —Strype, *Записи*, i. стр. 443.

[416] *Hortulus animæ*.—Strype, i. стр. 444.

ГЛАВА XIII.

ВОССТАНИЕ НА СЕВЕРЕ АНГЛИИ

С ЦЕЛЮ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАПСТВА И УНИЧТОЖЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ.

(Октябрь 1536 г.)

Ублюдочная система католицизма без папы, выдвинутая королем, не пользовалась большой популярностью, и евангелическая реформа каждый день приобретала новых приверженцев. Более последовательная папистская система пыталась противостоять этому. Среди аристократии и населения Севера все еще было много сторонников Рима. Предстояло предпринять могучие усилия, чтобы изгнать как протестантизм Кранмера, так и католицизм короля и восстановить папство в его привилегиях. Великая революция редко совершается без того, чтобы друзья старого порядка вещей не объединились, чтобы противостоять ей.

=ВЛИЯНИЕ ПАЛАТЫ ОБЩИН.=

Многие члены Палаты лордов с тревогой наблюдали, как Палата общин приобретает влияние, которым она никогда раньше не обладала, и берет на себя инициативу в проведении реформ, которые не входили (как они думали) в ее сферу. Воспитанные в ненависти к ереси, эти благородные лорды были возмущены тем, что еретики были облечены епископским саном, а мирянин Кромвель осмелился руководить созывом духовенства. Некоторые из них сформировали лигу, и лорд Дарси, стоявший во главе ее, провел совещание по этому вопросу с послом Карла V. Этот принц заверил его, что его следует поддержать. [417] Английских сторонников папы римского при поддержке империалистов, по их мнению, было бы вполне достаточно, чтобы восстановить власть римского понтифика.

Было большое волнение, особенно среди жителей городов и деревень Севера. Жители графств Йорк и Линкольн, слишком удаленных от Лондона, чтобы ощущать его влияние, помимо того, что были невежественны и суеверны, были покорны священникам как самим представителям Бога. Имена реформаторов Лютера, Меланхтона, Колампадия и Тиндейла были известны священникам, которые внушали своей пастве отвращение к ним. Все, что они видели, приводило их в отчаяние. Если они отправлялись в путешествие, монастырей, которые были их обычными гостиницами, больше не существовало. Если они работали в поле, то видели приближающегося к ним какого-нибудь оборванного монаха со спутанными волосами и бородой, с изможденным взглядом, без хлеба, чтобы прокормиться, или крыши, чтобы приютить его, которому ненависть все еще давала силы жаловаться и проклинать. Эти несчастные бродили взад и вперед по стране, стучались во все двери; крестьяне принимали их

как святых, сажали за свой стол и морили себя голодом, чтобы прокормить. "Смотрите, - говорили монахи, показывая свои лохмотья окружающим их людям, - смотрите, до какого состояния доведены члены Иисуса Христа! Раскольнический и еретический князь изгнал нас из домов Господних. Но Святой Отец отлучил его от церкви и сверг с престола: отныне никто не должен ему повиноваться". Такие слова произвели свое действие.

Когда наступила осень 1536 года, брожение усилилось среди жителей сельских округов, у которых больше не было отвлекающих их полевых работ. Они в большом количестве собрались вокруг монастырей, чтобы посмотреть, что король намерен с ними сделать. Они смотрели издали и сердитыми глазами наблюдали за комиссарами, которые временами вели себя жестоко, прибегали к поборам или крушили один за другим камни здания, к которому так долго относились с почтением. В другой раз они видели, как представитель какого-то лорда поселился в монастыре со своей женой, детьми и слугами; они слышали смех и болтовню этих нечестивых мирян, когда они входили в священные врата, на пороге которых до сих пор ступали только сандалии безмолвных монахов. За границей распространился слух, что все еще уцелевшие монастыри также вот-вот будут уничтожены. Доктор Макерел, бывший приор Барлингса, переодетый рабочим, и монах (некоторые авторы говорят, что сапожник) по имени Мелтон, получивший имя "капитан Сапожник", [418] пытались воспламенить умы людей и подтолкнуть их к восстанию. Повсюду народ прислушивался к агитаторам, и вскоре на поле боя появилось высшее духовенство. "Ни королевское высочество, ни какой-либо другой мирской человек, - говорили они, - не может быть верховным главой Церкви. Папа Римский - наместник Христа, и только он должен быть признан верховным главой христианского мира". [419]

=ВОССТАНИЕ В ЛИНКОЛЬНШИРЕ.=

В понедельник, 2 октября 1536 года, церковная комиссия должна была посетить приход Лаут в Линкольншире, [420] и духовенству округа было приказано присутствовать. Всего за несколько дней до этого был закрыт соседний монастырь, и двое агентов Кромвеля разместили в нем, чтобы проследить за закрытием. Вечером накануне проверки (это было воскресенье) несколько горожан вынесли большой серебряный крест, принадлежавший приходу, и кричали: "Следуйте за крестом! Все следуйте за крестом! Бог знает, долго ли мы сможем это делать", - прошеествовали процессией по городу во главе с Мелтоном. Некоторые пошли в церковь, завладели освященными драгоценностями и всю ночь оставались с оружием в руках охранять их, опасаясь, что королевские уполномоченные могут их унести. В понедельник утром один из уполномоченных, у которого не было никаких подозрений, спокойно въехал в город в сопровождении единственного слуги. Внезапно прозвенел сигнал тревоги, и толпа вооруженных людей заполнила улицы. Перепуганный комиссар вбежал в церковь, надеясь найти в ней неприкосновенное убежище; но толпа схватила его, выволокла на рыночную площадь и, приставив к его груди меч, сказала ему: "Поклянись в верности Палате общин, или ты покойник". Весь город принес клятву быть верным королю, палате общин и Святой Церкви. Во вторник утром снова прозвенел тревожный звонок; сапожник и портной по имени Большой Джек вышли маршем, сопровождаемые толпой мужчин, кто пешком, кто верхом. Целые приходы во главе со своими священниками присоединялись к ним и маршировали вместе с остальными. Монахи громко молились за папу и кричали, что, если дворянство не присоединится к ним, они все будут повешены; но джентльмены и даже шерифы объединились с мятежными войсками. Двадцать тысяч человек из Линкольншира были вооружены. В Англии,

как и в Германии, было свое крестьянское восстание; [421] но в то время как Лютер был против этого, архиепископ Йоркский со многими аббатами и священниками поощрял это в Англии.

Повстанцы не замедлили заявить о своем недовольстве. Они заявили, что, если монастыри будут восстановлены, люди низкого происхождения будут изгнаны из Совета, [422] и епископы-еретики лишатся своих прав, они признают короля главой Церкви. [423] Движение было инициировано монахами больше, чем папой римским. Были совершены большие беспорядки.

Этот мятеж поверг двор в ужас. Король, у которого не было постоянной армии, почувствовал свою слабость, и его гнев не знал границ. "Что? - обратился он к *предателям* (так он назвал их), - что! неужели вы, грубые жители одного графства, и притом одного из самых *грубых и подлых* людей во всем королевстве, осмеливаетесь придирааться к своему королю? Возвращайтесь по домам, сдайте нашим помощникам сотню ваших вождей и приготовьтесь подвергнуться такому снисходительному наказанию, какого мы сочтем вас достойными; в противном случае вы подвергнете себя, своих жен и детей, свои земли и имущество не только гневу Божьему, но и полному уничтожению силой и неистовством меча".

Подобные угрозы только усиливали переполох. "Христианство будет упразднено, - говорили священники. - вы скоро окажетесь под мечом *турок*! Но тот, кто прольет свою кровь вместе с нами, унаследует вечную славу". Люди стекались к ним со всех сторон. Лорд Шрусбери, посланный королем против восстания, будучи не в состоянии собрать более 3000 человек и вынужденный сражаться с в десять раз большим числом, остановился в Ноттингеме. Лондон уже вообразил, что мятежники у его ворот, и предпринял могучие усилия. Сэр Джон Рассел и герцог Саффолк были отправлены вперед с силами, спешно снаряженными.

Повстанцы насчитывали 60 000 человек, но у них не было ни эффективного лидера, ни запасов провизии. Среди них возникли два мнения: джентльмены и фермеры кричали: "Домой, домой!" священники и народ кричали: "К оружию!" Партия друзей порядка продолжала увеличиваться и, наконец, одержала верх. Герцог Саффолк вступил в Линкольншир 13 октября, и повстанцы рассеялись. [424]

=ПАЛОМНИЧЕСТВО БЛАГОДАТИ.=

Установившемуся порядку вещей угрожала еще большая опасность. Люди Севера были более ультрамонтанами, чем жители Линкольна. 8 октября в Беверли, графство Йоркшир, произошли беспорядки. Вестминстерский юрист Роберт Аске, проводивший свой отпуск за спортивными занятиями, возвращался в Лондон, когда его остановили повстанцы и провозгласили своим лидером. 15 октября он выступил маршем в Йорк и заменил монахов во владении их монастырями. Лорд Дарси, старый солдат Фердинанда Испанского и Людовика XII, горячий сторонник папства, покинул свой замок Помфрет, чтобы присоединиться к восстанию. Священники взбудоражили народ, [425] и вскоре армия, насчитывавшая 40 000 человек, образовала длинную процессию "*Паломничество благодати*", которая прошла через графство Йорк. Каждый приход проходил парадом под командованием капитана, священники несли церковный крест впереди вместо флага. Большое знамя, развевавшееся посреди этой толпы, изображало на одной стороне Христа с пятью ранами на кресте, а на другой - плуг, чашу, пиксу и охотничий рог. У каждого паломника на рукаве были вышиты пять ран Христа с именем Иисуса посередине. У повстанцев была тысяча луков и столько же клювов, не считая другого оружия,

[426] но едва ли один плохой экземпляр "Завета Христа". "Ах! - сказал Латимер, проповедуя в Линкольншире. - Я расскажу вам, в чем заключается паломничество истинного христианина. Спаситель говорит нам, что путь длится восемь дней. "Затем он описал восемь заповедей блаженства в самой евангельской манере: нищие духом, те, кто скорбит, те, кто кроток, те, кто алчет и жаждет праведности, и остальные. [427]

Паломничество Аске было другого рода. Обращаясь к жителям тех краев, он сказал им: "Лорды, рыцари, мастера и друзья, злонамеренные личности наполнили разум короля новыми выдумками: святое тело Церкви было осквернено. Поэтому мы предприняли это *паломничество* для исправления того, что неправильно, и наказания еретиков. [428] Если ты не пойдешь с нами, мы будем сражаться и умрем против тебя". На всех холмах были зажжены большие костры, чтобы призвать людей к оружию. Где бы ни появлялись эти новые крестоносцы, монахов заменяли в их монастырях, а крестьян принуждали присоединиться к паломничеству под страхом увидеть, как их дома будут разрушены, имущество конфисковано, а тела переданы на милость капитанов.

Между восстанием в Германии и восстанием на Севере Англии была заметная разница. В Германии несколько дворян только присоединились к народу и были вынуждены это сделать. В Англии почти вся знать Севера сплотилась вокруг этого по собственной воле. Графы Уэстморленд, Ратленд и Хантингдон, лорды Латимер, Ламли, Скроуп, Коньерс и представители нескольких других знатных семейств последовали примеру старого лорда Дарси. Единственный дворянин, Перси, граф Нортумберленд, остался верен королю. Он был болен после несправедливого приговора, вынесенного верной жене Генриха VIII, — приговора, в котором он отказался участвовать, — и теперь находился в своем замке, лежа на ложе боли, которому вскоре предстояло стать ложем смерти. Мятежники окружили его жилище и призвали присоединиться к восстанию. Теперь он мог бы отомстить за преступление, совершенное Генрихом VIII. против Анны Болейн, но он отказался. Дикие голоса кричали: "Отрубите ему голову и сделайте сэра Томаса Перси графом вместо него". Но благородный и отважный человек спокойно сказал окружающим его: "Я могу умереть только один раз; пусть они убьют меня и так положат конец моим горестям". [429]

Король, более встревоженный этим восстанием, чем предыдущим, с ужасом спросил, желает ли его народ заставить его подставить свою шею под ненавистное ярмо папы. В этот кризис он проявил большую активность. Находясь в Виндзоре, он писал Кромвелю письмо за письмом. [430] "Я продам всю свою тарелку", - сказал он. "Иди в Тауэр, возьми столько посуды, сколько захочешь, и разменяй ее на деньги". [431] Генрих проявил не меньше ума, чем решительности. Командующим своей маленькой армией он назначил преданного слугу, который также был главой ультрамонтанской партии при дворе, — герцога Норфолка. Однажды уже, для осуждения протестантки Анны Болейн, Генрих выбрал этого главу римской партии. Эта умная политика одинаково хорошо удалась королю в обоих делах.

Лондон, Виндзор и весь юг Англии были в большом волнении. Люди воображали, что папство, несомое на крепких руках северян, вот-вот с триумфом вернется в столицу; что, возможно, католический король Шотландии, племянник Генриха, войдет вместе с ним и снова поставит Англию под папский скипетр. Друзья Евангелия были глубоко взволнованы. "У этого великого капитана дьявола, - сказал Латимер с лондонских кафедр, - есть все виды оружия, чтобы стрелять в христиан. Эти люди Севера, которые носят крест и раны спереди и сзади, [432] идут

против Того, кто носит крест и перенес эти раны. Они восстали (они говорят), чтобы поддержать короля, и они сражаются против него. Они выступают от имени Церкви и борются против Церкви, которая является собранием верующих людей. Давайте сражаться мечом духа, который есть Слово Божье".

Повстанцы, отнюдь не успокоившиеся, показали — по крайней мере, часть из них, — что ими движут самые низменные чувства. Отряд повстанцев захватил замок Скиптон, единственное место в графстве Йорк, которое все еще принадлежало королю. Жена и дочери лорда Клиффорда и другие леди, населявшие его, случайно оказались в аббатстве неподалеку, как раз когда замок подвергся осаде. Повстанцы сообщили лорду Клиффорду, что, если он не сдастся, его жену и дочерей на следующий день приведут к подножию стен и передадут сторонникам лагеря. Посреди ночи Кристофер Аске, брат Роберта, который остался верен ему, прокрался через лагерь осаждающих и малолюдными дорогами сумел доставить в замок всех этих дам, которых он таким образом спас от самых позорных бесчинств. [433]

= "ЛАНКАСТЕР ГЕРАЛЬД".=

Роберт Аск, лорд Дарси, архиепископ Йоркский и несколько других лидеров располагали своими штаб-квартирами в замке Помфрет, куда 21 октября прибыл посланный королем ланкастерский герольд. Пройдя через множество отрядов вооруженных людей — "очень жестоких парней", - говорит он [434], — он, наконец, был представлен великому полководцу. Увидев перед собой лорда Дарси и архиепископа — персон более важных, чем вестминстерский юрист, — герольд обратился к ним с речью. Аске был оскорблен и, поднявшись со своего места, надменно сказал ему, что именно к нему следует обратиться. Посыльный выполнил свою миссию. Он представил лидерам восстания, что они были всего лишь горсткой перед великой властью его Величества, [435] и что король ничего не сделал в отношении религии, кроме того, что духовенство Йорка и Кентербери признало соответствующим Слову Божьему. Когда речь закончилась, Аске, как будто ему были безразличны слова герольда, грубо сказал ему: "Покажи мне свое воззвание". "Он вел себя, - писал посланник, - как будто он был каким-то великим князем, с большой строгостью и как тиран". "Герольд, - сказал Аске, - это воззвание не должно быть зачитано ни на базарном перекрестке, ни где-либо еще среди моего народа. Мы хотим удовлетворения наших претензий, и мы умрем, сражаясь, чтобы получить их". Герольд спросил, каковы были их претензии. "Я и мои последователи, - ответил вождь, - совершим паломничество в Лондон, к его Величеству, чтобы изгнать из совета всю порочную кровь в нем и снова водворить всю благородную кровь; [436] а также добиться полного восстановления Церкви Христа". "Вы передадите мне это в письменном виде?" - спросил герольд. Аске принес ему клятву, которую приносили мятежники, и в то же время, положив руку на бумагу, громко произнес: "Это мой поступок; я умру, защищая его, и все мои последователи умрут вместе со мной". Герольд, напуганный властным тоном вождя, преклонил колена перед капитаном мятежников, за что был привлечен к суду и казнен в следующем году. - Выделите ему охрану из сорока человек и проводите его из города, - сказал Аске.

=ПОВСТАНЦЫ МАРШИРУЮТ НА ЛОНДОН.=

Тотчас же тридцать тысяч хорошо вооруженных людей, из которых двенадцать тысяч были верховыми, выступили в путь по приказу Аска, лорда Дарси и других знатных людей страны. У Норфолка были лишь небольшие силы, которым он не мог доверять; соответственно, повстанцы

были убеждены, что, когда они появятся, к ним присоединятся солдаты короля и, возможно, сам герцог. Римско-католическая армия прибыла на берега Дона, на другом берегу которого (в Донкастере) были расквартированы королевские войска. Эти пылкие люди, которых было шестеро против одного, подстрекаемые монахами, которым не терпелось вернуться в свои гнезда, предлагали перейти Дон, свергнуть Норфолк, войти в Лондон, продиктовать королю казнь всех сторонников Реформации и восстановить папскую власть в Англии. Подъем воды, усиленный проливными дождями, не позволил им пересечь реку. Каждый час промедления приносил пользу королевскому делу; повстанцы, не захватив с собой провизии, были вынуждены разойтись и отправиться на ее поиски в другое место. Норфолк воспользовался этим, чтобы распространить обращение среди повстанцев. "Несчастные люди! - говорилось в нем. - Какая глупость побудила вас поднять этот позорнейший мятеж против нашего праведнейшего короля, который сохранил вас в мире против всех ваших врагов? Да, от стыда! Как ты можешь так поступать с тем, кто любит тебя больше, чем всех своих подданных? Если вы не вернетесь, каждый в свой дом, мы окажем вам самую суровую любезность, которую когда-либо проявляли к мужчинам, которые любили вас так сильно, как любили мы. Но если вы разойдетесь по домам, мы будем самыми скромными поклонниками его высочества для вас". [437] Это воззвание подписали лорды Норфолк, Шрусбери, Эксетер, Ратленд и Хантингдон, все католики и величайшие имена Англии.

Таким образом, повстанцы оказались в наиболее трудном положении. Они должны атаковать сторонников своего собственного дела. Если бы лорды, подписавшие прокламацию, были убиты, Англия потеряла бы своих лучших советников и величайших полководцев, а Церковь лишилась бы самых ревностных католиков. Сила Англии была бы принесена в жертву, и страна открылась бы для ее врагов. Старый лорд Дарси был за нападение; молодой Роберт Аске - за переговоры. В субботу, 28 октября, представители обеих партий встретились на мосту, ведущем в Донкастер. Комиссары мятежников согласились сложить оружие при условии, что ереси Лютера, Уиклиффа, Гуса, Меланхтона, Колампадия и труды Тиндейла будут уничтожены и сведены на нет; что Римскому престолу будет восстановлено верховенство; что упраздненные аббатства будут восстановлены; что еретические епископы и лорды будут наказаны огнем или иным способом; и что парламент будет немедленно созван в Ноттингеме или Йорке. [438]

Больше не могло быть никаких сомнений в том, что целью восстания было сокрушение Реформации. В статьях упоминались имена большинства реформаторов, и огнем или мечом предстояло воздать должное самым прославленным из их приверженцев. В тот же вечер они вручили письмо, адресованное: *Королевскому Высочеству короля. Из Донкастера, в эту субботу, в одиннадцать часов вечера. Скорее, отправляй, скорее, скорее, скорее!* [439] Сами повстанцы так спешили, что больше не ждали. На следующий день (29 октября) в час дня королевский наместник объявил, что повстанцы разошлись и возвращаются в свои дома. [440] Двое лидеров повстанцев должны были передать оговоренные условия королю, и Норфолк должен был сопровождать их. Этот ревностный католик, возможно, не терял надежды, что петиция побудит Генриха примириться с папой. Он был сильно обманут.

Таким образом, Бог рассеял силы тех, кто восстал против Уиклиффа, Гуса и Лютера. В королевстве воцарилось обычное спокойствие. Немного позже люди Севера, возбужденные интригами папы римского и Реджинальда Поула, в то время кардинала, снова взяли за оружие; но они потерпели поражение; семьдесят из них были повешены на стенах Карлайла, а лорды Дарси и Хасси со многими баронами, аббатами, приорами и большим количеством

священников были казнены в разных местах. Коварный архиепископ Йоркский в одиночку спасся, неизвестно как. Коттеджи, приходские дома и замки Севера были наполнены тоской и ужасом. Генрих, отрубивший головы своим самым близким друзьям и своей королеве, и не думал щадить мятежников. Это был ужасный урок, но не очень действенный. Священники не утратили мужества; они по-прежнему продолжали требовать восстановления папы римского, смерти лютеран и отмены Реформы. Событие, произошедшее в это время, казалось вероятным, благоприятствовало их желаниям. Реформации вот-вот должен был быть нанесен серьезный удар. Но пути Божьи не похожи на наши пути, и то, что, по-видимому, обречено на компромисс с Его делом, Он часто приводит к Своему триумфу.

[417] "Чтобы он ни в чем не нуждался в помощи". — *Государственные документы*, i. стр. 558.

[418] *Государственные документы*, i. стр. 462, примечание.

[419] Уилкинс, *Консилиум*, iii. стр. 812.

[420] *Государственные документы*, i. стр. 462.

[421] В *государственных бумагах* содержится несколько документов, относящихся к этому восстанию (т. i, стр. 462-534). Остальные находятся в *Здании Капитула*.

[422] "Советники низкого происхождения" — особенно Кромвель. Герберт, стр. 474.

[423] "Они могли бы принять его светлость как Верховного главу Церкви". — *Там же*.

[424] *Государственные документы*, i. стр. 462, 471.

[425] "Некоторые аббаты подняли восстание". — Ковердейл, *Останки*, стр. 329.

[426] Бейл, *Работы*, стр. 327. Бейл был архиепископом Йоркским в 1553 году.

[427] Латимер, *Проповеди*, i. стр. 476.

[428] *Государственные документы*, i. стр. 467. Доктор Лингард говорит, что эта экспедиция была названа в шутку "Паломничеством благодати". Он ошибается: сами повстанцы серьезно называют это название шесть раз в своем воззвании.

[429] *Экзамен*.

[430] 17 и 18 октября 1536 г. Письма liv. к lviii. стр. 475-478, из *Государственных документов*, том i.

[431] *Государственные документы*, i. стр. 478, 482.

[432] Латимер, *Проповеди*, стр. 29.

[433] Этот факт упоминается в одном из показаний на судебном процессе, последовавшем за восстанием. Посмотрите обследование Кристофера Аска.

[434] Отчет "Ланкастер Геральд". — *Государственные документы*, i. стр. 485.

[435] "Вестник" добавил: "В следующем году они будут вынуждены есть собственные пальцы". — *Государственные документы*, i. стр. 476.

[436] "Чтобы изгнать из него всю вайловую кровь его советника и восстановить всю благородную кровь". — *Отчет "Ланкастер Геральд"*, стр. 486.

[437] *Государственные документы*, i. стр. 495.

[438] Этих статей более или менее много в зависимости от источников, из которых они взяты.

[439] *Государственные документы*, i. стр. 496.

[440] *Там же*. стр. 497.

ГЛАВА XIV.

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА АНГЛИИ.

(С 1535 по октябрь 1536 г.)

Большинство реформаторов, таких как Лютер, Зингл, Кальвин, Нокс и другие, получили это имя благодаря своим проповедям, своим трудам, своей борьбе и своим действиям. Иначе обстоит дело с главным реформатором Англии: вся его деятельность была сосредоточена на Священном Писании. Тиндейл был менее заметен, чем другие инструменты Бога, которые были пробуждены для возвышения Церкви. Мы могли бы сказать, что, зная слабость человека, он удалился и спрятался, чтобы позволить Слову с Небес действовать само по себе. Он изучил ее, перевел и отправил за море: теперь она должна выполнять свою собственную работу. Разве не написано: *поле - это мир, а семя - это Слово*? Но есть еще одна характеристика, или, скорее, другой факт, который отличает его от них, и это мы должны описать.

=ХАРАКТЕРИСТИКА ТИНДЕЙЛА.=

В то время как новые противники Генриха VIII, Поул и папистская партия, вели агитацию на континенте, Тиндейл, человек, которого король так долго преследовал и не мог поймать, находился в тюрьме в Вильворде, недалеко от Брюсселя. Напрасно он был окружен толстыми стенами этой огромной крепости. Тиндейл был свободен. "Вот плен и неволя, - мог бы сказать он, - от которых Христос избавил нас, искупил и освободил. [441] Его кровь, его смерть, его терпение в перенесении упреков и несправедливостей, его молитвы и посты, его кротость и исполнение высшей точки закона разорвали узы сатаны, которыми мы были так крепко связаны." Таким образом, Тиндейл был так же по-настоящему свободен в Вильворде, как Пол в Риме. Он чувствовал себя обязанным выполнить обет, данный много лет назад. "Если Бог сохранит мне жизнь, - сказал он, - я сделаю так, что мальчик, управляющий плугом, будет знать о Священном Писании больше, чем папа Римский". Истинное христианство проявляется во внимании, которое оно уделяет малышам Христа. Пришло время Тиндейлу сдержать свое обещание. В тюрьме он готовил для скромных жителей деревень Глостершира и прилегающих графств издание Библии, в котором использовал язык и орфографию, используемые в этой части Англии. [442] Приближаясь к концу, он с любовью вернулся к знакомой речи своего детства; он писал на крестьянском диалекте, чтобы спасти души крестьян, и впервые дал главам Священного Писания названия, чтобы облегчить их понимание своим более скромным соотечественникам. Два других издания Нового Завета появились в течение первого года его

пленения. Он сделал больше: он перевел Ветхий Завет в соответствии с еврейским текстом и собирался проследить за его печатанием как раз в тот момент, когда Филипп предал его. Страх, что этот труд пропадет даром, огорчал его даже больше, чем тюремное заключение: друг взялся за работу, которую он больше не мог выполнять сам.

=РОДЖЕРС И ТИНДЕЙЛ.=

В то время в Антверпене в качестве капеллана английских купцов в этом городе жил молодой человек из графства Уорик по имени Роджерс, получивший образование в Кембридже, и ему было немногим больше тридцати лет. Роджерс был образованным человеком, но покорным римским традициям. Познакомившись с ним, Тиндейл попросил его помочь в переводе Священного Писания, и Роджерс с радостью ухватился за возможность использовать свой греческий и иврит. Тесный и постоянный контакт со Словом Божиим постепенно произвел в нем то великоепреображение, то полное обновление человека, которое является целью искупления. "Я нашел истинный свет в Евангелии, - сказал он однажды Тиндейлу. - Теперь я вижу грязь Рима и сбрасываю со своих плеч тяжелое иго, которое оно возложило на меня". [443] С того часа Тиндейл получил от Роджерса помощь, которую ранее получил от Джона Фрита, того благочестивого мученика, примеру которого Роджерс должен был последовать, претерпев первым при Марии наказание огнем. Священное Писание было написано на английском языке кровью мучеников — если можно так выразиться — кровью Фрита, Тиндейла и Роджерса: этот перевод является венцом славы. К моменту вероломного ареста Тиндейла Роджерс, к счастью, спас рукопись Ветхого Завета, и теперь решил больше не откладывать печатание. Когда весть об этом дошла до Реформатора в его камере в Вильворде, она пролила свет на его последние дни и наполнила его сердце радостью. *Вся Библия*— вот наследие, которое умирающий Тиндейл хотел оставить своим соотечественникам. В своей мрачной темнице он получал удовольствие, следуя мысленным взором за божественным Писанием из города в город и из коттеджа в коттедж; его воображение рисовало ему борьбу, через которую ему придется пройти, а также его победы. "Слово Божье, - сказал он, — никогда не было без преследований - не больше, чем солнце может быть без своего света. По какому праву папа запрещает Богу говорить на английском языке? Почему бы проповедям Апостолов, произносимым, без сомнения, на родном языке тех, кто их слышал, не быть теперь написанными на родном языке тех, кто их читает?" Тиндейлу и в голову не приходило доказывать божественность Библии учеными диссертациями. "Авторитет Священного Писания исходит от Того, кто его послал", - сказал он. "Знаете ли вы причину, по которой люди верят в Священное Писание?— Это *Священное Писание*.— Это сам по себе инструмент, который внешне приводит людей к вере, в то время как внутренне Сам дух Божий, говорящий через Священное Писание, дает веру Своим детям". [444] Мы не знаем наверняка, в каком городе Роджерс напечатал Библию в большом английском фолианте. Были названы Гамбург, Антверпен, Марбург, Любек и даже Париж. Требовались чрезвычайные меры предосторожности, чтобы помешать преследователям войти в дом, где люди имели смелость печатать Слово Божье, и сломать печатные станки. Тиндейл испытывал огромное утешение, зная, что вся Библия будет опубликована и что пророки, апостолы и сам Христос будут говорить по ней после его смерти. [445]

=ТИНДЕЙЛ В ТЮРЬМЕ.=

Этот человек, такой деятельный, такой образованный и такой поистине великий, чьи труды распространялись повсюду с такой силой, в то же время имел внутри себя чистый и благотворный свет - любовь к Богу и человеку, — который проливал свои мягкие лучи на все вокруг него. Глубина его веры, очарование его беседы, прямота его поведения трогали тех, кто подходил к нему. [446] Тюремщик любил приносить ему еду, чтобы поговорить с ним, и его маленькая дочь часто сопровождала его и жадно прислушивалась к словам благочестивого англичанина. Тиндейл говорил об Иисусе Христе; ему казалось, что богатство божественного Духа вот-вот преобразит христианский мир; что дети Божьи вот-вот проявятся и что Господь вот-вот *соберет вместе своих избранных*. "Благодать на дворе, лето близко, - обычно говорил он, - деревья цветут". [447] По правде говоря, молодые побеги и даже старые деревья, долгое время остававшиеся бесплодными, расцвели у самых стен замка. Тюремщик, его дочь и другие члены их семьи были обращены к Евангелию жизнью и учением Тиндейла. [448] Какими бы темными ни были козни его врагов, они не могли затмить божественный свет, зажженный в его сердце и *сиявший перед людьми*. В этом христианине была непобедимая сила. Полный надежды на окончательную победу Иисуса Христа, он мужественно попирали ногами невзгоды, испытания и саму смерть. Он верил в победу Слова. "Я связан, как преступник, - сказал он, - но Слово Божье не связано". Горечь его последних дней сменилась великим покоем и божественной сладостью.

=УСИЛИЯ ПО СПАСЕНИЮ ТИНДЕЙЛА.=

Его друзья не забыли его. Среди английских купцов в Антверпене был один, чья привязанность часто напоминала ему, что "дружба - это совокупность всех добродетелей", как выразился мудрец древности. [449] Томас Пойнтц, один из предков которого прибыл из Нормандии вместе с Вильгельмом Завоевателем, возможно, знал реформатора в доме леди Уолш, которая также принадлежала к этому древнему роду. Почти год торговец принимал переводчика Священных Писаний под своей крышей, и между ними установилось взаимное и безграничное доверие. Когда Пойнтц увидел своего друга в тюрьме, он решил сделать все, чтобы спасти его. Старший брат Пойнтца Джон, удалившийся в свое поместье Норт-Окендон в Эссексе, сопровождал короля в 1520 году на Поле Золотой роги, и хотя он больше не был при дворе, он все еще пользовался благосклонностью Генриха VIII. Томас решил написать Джону. "Истинно возлюбленный брат, - сказал он, - Уильям Тиндейл в тюрьме и, вероятно, умрет, если король не окажет ему свою милостивую помощь. Он прожил в моем доме три четверти года, и я знаю, что у короля никогда не было более преданного подданного. [450] Когда папа присвоил его Величеству титул Защитника Веры, он пророчествовал подобно Каиафе. Паписты думали, что наш принц должен быть великим сторонником их мерзостей; но Бог ввел свою милость в правильную битву. Король должен знать, что смерть этого человека станет одним из величайших удовольствий для врагов Евангелия. Если его Величеству будет угодно послать за этим человеком, можно было бы таким образом довести до сведения двора и совета этой страны (Брабанта), что в ближайшее время они будут в другом месте с римским епископом".

Джон не терял времени даром: ему удалось заинтересовать Кромвеля в деле реформаторов, и 10 сентября 1535 года в Антверпен прибыл гонец с двумя письмами от генерального викария — одно для маркиза Берген-оп-зома, а другое для Каронделе, архиепископа Палермо и президента совета Брабанта. Увы! маркиз за два дня до этого отбыл в Германию, куда он сопровождал принцессу Датскую. Томас Пойнтц вскочил на коня и догнал эскорт примерно в пятнадцати милях от Местрихта. Маркиз поспешно пробежал глазами депешу Кромвеля. "У меня нет времени писать, - сказал он. - принцесса готовится к отъезду". "Я последую за вами к

следующему месту наживки", - ответил неутомимый друг Тиндейла. - Да будет так, - ответил Берген-оп-зом.

По прибытии в Мейстрихт маркиз написал Флегге, Кромвелю и своему другу архиепископу, президенту совета Брабанта, и передал три письма Пойнцу. Последний представил президенту письма Кромвеля и маркиза, но архиепископ и совет Брабанта выступили против Тиндейла. Пойнтц немедленно отправился в Лондон и изложил ответ совета Кромвелю, умоляя его настоять на том, чтобы Тиндейл был немедленно освобожден, поскольку опасность была велика. Ответ был отложен на месяц. [451] Пойнтц передал его в канцелярию Брабанта, и каждый день этот верный и великодушный друг ходил в офис, чтобы узнать результат. "Ваша просьба будет удовлетворена", - сказал один из клерков на четвертый день. Пойнтц был вне себя от радости. Тиндейл был спасен. [452]

Однако предатель Филипп, выдавший его врагам, находился тогда в Лувене. Он сбежал из Антверпена, зная, что английские торговцы рассердились на него, и продал свои книги с намерением сбежать в Париж. Но лувенские священники, которые все еще нуждались в нем, успокоили его, и, оставаясь в этом оплоте романизма, он начал переводить на латынь те отрывки из сочинений Тиндейла, которые, по его мнению, лучше всего рассчитаны на то, чтобы оскорбить католиков. Он был занят этим, когда известие о приближающемся освобождении Тиндейла наполнило тревогой его и его друзей. Что же было делать? Он считал, что единственное средство помешать освобождению заключенного - это заставить замолчать самого освободителя. [453] Филипп отправился напрямик к генеральному прокурору. "Этот человек, Пойнтц, - сказал он, - такой же еретик, как и Тиндейл". Двух вооруженных сержантов послали присматривать за Пойнтцем в его доме, и в течение шести дней подряд его допрашивали по сотне различных статей. В начале февраля 1536 года он узнал, что его вот-вот отправят в тюрьму, и, зная, что за этим последует, быстро принял решение. Однажды ночью, когда стражники спали, он сбежал и покинул город рано, как только открылись ворота. На его поиски были отправлены всадники, но поскольку Пойнтц хорошо знал местность, он ускользнул от них, сел на корабль и целым и невредимым прибыл в дом своего брата в Северном Окендоне.

=ТВЕРДОСТЬ ТИНДЕЙЛА.=

Когда Тиндейл услышал об этом побеге, он понял, что это означает; но он не был ошеломлен и почти у подножия эшафота храбро сражался во многих тяжелых битвах. Лувенские врачи взялись заставить его отречься от своей веры и заявили ему, что он осужден Церковью. "Власть Иисуса Христа, - ответил Тиндейл, - независима от власти Церкви". Они призвали его подчиниться преемнику апостола Петра. "Священное Писание, - сказал он, - является первым из Апостолов и *правителем* в царстве Христовом". [454] Римские врачи безуспешно атаковали его в его тюрьме: он показал им, что они опутаны тщетными традициями и жалкими суевериями, и опроверг все их претензии.

В это время Пойнтц изо всех сил работал в Англии, чтобы отразить удар, который вот-вот должен был нанести его другу. Джон помогал Томасу, но все было бесполезно. Генрих как раз в это время прилагал огромные усилия, чтобы арестовать некоторых своих подданных, которых их преданность папе выгнала из Англии. "Обложите все дороги шпионами, чтобы поймать их", - писал он немецким магистратам; [455] но о Тиндейле не было ни слова. Король очень мало заботился об этих евангелистах. Его религия состояла в том, чтобы отвергнуть римского

понтифика и провозгласить себя папой; что же касается этих реформаторов, то пусть они будут сожжены в Брабанте, это избавит его от хлопот.

Однако не вся надежда была потеряна. Они доверяли наместнику, *молоту* монахов. 13 апреля Воан написал Кромвелю из Антверпена: "Если вы пришлете мне письмо для тайного совета, я все еще могу спасти Тиндейла от костра; только поторопитесь, потому что, если вы будете медлить с этим, будет слишком поздно". [456] Но были случаи, когда Кромвель ничего не мог сделать без короля, а Генрих был глух. В то время у него были особые мотивы пожертвовать Тиндейлом: недовольство, вспыхнувшее на Севере Англии, заставило его желать примирения с Нидерландами. Карл V. также, подвергшийся яростным нападкам со стороны Франциска I., умолял своего очень хорошего брата (Генриха VIII) объединиться с ним для общественного блага христианского мира. [457] Королева Мария, регентша Нидерландов, написала из Брюсселя своему дяде, умоляя его уступить этой просьбе, и король был вполне готов оставить Тиндейла таким могущественным союзникам. Мэри, женщина с честным сердцем, но слабохарактерная, легко поддавалась внешним впечатлениям, и в то время у нее были плохие советчики. "Эти животные (монахи) всемогущи при Брюссельском дворе", - сказал Эразм. "Мария - всего лишь марионетка, поставленная туда нашей нацией; Монтиньи - игрушка францисканцев; кардинал-архиепископ Льежа - властный человек, полный насилия; а что касается архиепископа Палермо, то он просто произносит слова и ничего больше". [458]

Среди таких личностей и под их влиянием был сформирован суд, и начался судебный процесс над английским реформатором. Тиндейл отказался быть представленным адвокатом. "Я сам отвечу своим обвинителям", - сказал он. Доктрина, за которую его судили, заключалась в следующем: "Человек, который отбрасывает мирское существование, в котором он жил вдали от Бога, и получает живой верой полное отпущение своих грехов, которое приобрела для него смерть Христа, вводится славным усыновлением в саму семью Божью". Это, безусловно, было преступлением, за которое реформатор мог бы с радостью пострадать. В августе 1536 года Тиндейл предстал перед церковным судом. "Вы обвиняетесь, - сказали его судьи, - в нарушении императорского указа, который запрещает кому бы то ни было учить тому, что оправдывает только вера". [459] Обвинение было не лишено истины. "Несправедливая маммона" Тиндейла только что вышла в Лондоне под названием "*Трактат об оправдании только верой*". Каждый человек мог прочесть в нем преступление, в котором его обвиняли.

У Тиндейла были свои причины, когда он заявил, что будет защищаться. Он взялся защищать не свое собственное дело, а дело Библии; брабантский юрист поддержал бы его очень слабо. В его сердце было желание торжественно провозгласить перед смертью, что, в то время как все человеческие религии считают, что спасение проистекает из дел человека, божественная религия считает, что оно проистекает из дела Бога. "Человек, которого смутило сознание своих грехов, - сказал Тиндейл, - теряет всякую уверенность и радость. Поэтому первое, что нужно сделать, чтобы спасти его, - это облегчить его от тяжелого бремени, под которым склонилась его совесть. Он должен верить в совершенную работу Христа, которая полностью примиряет его с Богом; тогда он обретет мир, и Христос дарует ему своим Духом святое возрождение.— Да, - воскликнул он, - мы верим, и наша совесть спокойна, потому что этот Бог, который не может лгать, обещал простить нас ради Христа. Как ребенок, когда его отец угрожает ему за его проступок, никогда не успокоится, пока снова не услышит слова милосердия и прощения из уст своего отца; но как только он услышит, что его отец говорит: "Иди своей дорогой, не делай мне больше так; я прощаю тебе этот проступок!", тогда его сердце успокоится; тогда он ни к кому не

побежит ходатайствовать за него; и даже если придет какой-нибудь лживый торговец и скажет: "Что ты мне дашь, и я добьюсь прощения у твоего отца для тебя", он не позволит себя обмануть. Нет, он не купит у *хитрой лисы* того, что его отец дал ему даром". [460]

=ТИНДЕЙЛ ДЕГРАДИРОВАЛ.=

Тиндейл обращался к совести своих слушателей, и некоторые из них начинали верить, что его дело - это дело Евангелия. "Воистину, - воскликнул генеральный прокуратор, как прежде сотник у креста, - воистину это был хороший, образованный и благочестивый человек". [461] Но священники не позволили отнять у них столь дорогую добычу. Тиндейл был признан виновным в ошибочных, придирчивых, опрометчивых, дурно звучащих, опасных, скандальных и еретических высказываниях и был приговорен к торжественному низложению, а затем передан светской власти. [462] Они стремились заставить его пройти церемониал, даже все ряженные, используемые в таких случаях: это был слишком веский случай, чтобы допускать какие-либо ограничения. Реформатора облачили в священнические одежды, вложили ему в руки священные сосуды и Библию, и он предстал перед епископом. Последний, узнав *опреступлении* обвиняемого, снял с него орденские украшения, отобрал Библию у переводчика Библии; и после того, как цирюльник полностью обрил ему голову, епископ объявил его лишенным короны священства и изгнанным, как непослушное дитя, из наследия Господа.

Одного дня было бы достаточно, чтобы изгнать из этого мира человека, который был его украшением, и те, кто ходил во тьме фанатизма, нетерпеливо ждали рокового часа; но светская власть некоторое время колебалась, и реформатор пробыл в тюрьме еще почти два месяца, всегда полный веры, мира и радости. "Что ж, - говорили те, кто подходил к нему в замке Вильворд, - если этот человек не является добрым христианином, то мы не знаем ни одного такого на земле". Религиозное мужество было олицетворено в Тиндейле. Он никогда не позволял останавливать себя каким-либо трудностям, лишениям или страданиям; он решительно следовал полученному им призыву, который заключался в том, чтобы дать Англии Слово Божье. Ничто не пугало его, ничто не приводило в уныние; с завидным упорством он продолжал свою работу, и теперь он собирался отдать за нее свою жизнь. Твердый в своих убеждениях, он никогда не приносил ни малейшей правды в жертву благоразумию или страху; твердый в своей надежде, он никогда не сомневался, что труд всей его жизни принесет плоды, ибо этот труд был обетован Богом. Этот благочестивый и бесстрашный человек - один из самых благородных примеров христианского героизма.

=ПРЕДСМЕРТНАЯ МОЛИТВА ТИНДЕЙЛА.=

Слабая надежда, которую питали некоторые друзья Тиндейла, видя задержку отправления правосудия, вскоре рухнула. Имперское правительство, наконец, подготовилось выполнить пожелания священников. Пятница, 6 октября 1536 года, стала днем, положившим конец несчастной, но славной жизни реформатора. Ворота тюрьмы распахнулись, процессия пересекла ров и мост, под которым спали воды Сенны, [463] миновала внешние стены и остановилась у укреплений. Перед тем как покинуть замок, Тиндейл, благодарный друг, доверил тюремщику письмо, предназначенное Пойнцу; вскоре тюремщик сам отвез его в Антверпен, но до нас оно не дошло. Прибыв на место казни, реформатор обнаружил собравшуюся

многочисленную толпу. Правительство хотело показать народу наказание еретика, но они стали свидетелями только триумфа мученика. Тиндейл был спокоен. "Я призываю Бога записать, - мог бы сказать он, - что я никогда не изменял, вопреки голосу моей совести, ни одного слога Его Слова. И не сделал бы этого сегодня, если бы мне были даны все удовольствия, почести и богатства земли". [464] Радость надежды наполнила его сердце: и все же одна мучительная мысль овладела им. Умирая вдали от своей страны, покинутый своим королем, он испытывал печаль при мысли об этом принце, который уже преследовал столько Божьих слуг и который оставался упрямо непокорным против того божественного света, который повсюду сиял вокруг него. Тиндейл не допустил бы, чтобы эта душа погибла из-за неосторожности. Его милосердие похоронило все недостатки монарха: он молился, чтобы эти грехи были изглажены перед лицом Бога; он спас бы Генриха VIII любой ценой. любой ценой. Пока палач привязывал его к столбу, реформатор воскликнул громким и умоляющим голосом: "Господи, открой глаза королю Англии!" [465] Это были его последние слова. Сразу же после этого он был задушен, и пламя поглотило тело мученика. Его последний крик донесся до британских островов и повторялся в каждом собрании христиан. Великая смерть увенчала великую жизнь. "Такова, - говорит старый хронист Джон Фокс, - такова история этого истинного слуги и мученика Божьего Уильяма Тиндейла, которого за его выдающиеся страдания вполне можно назвать *Апостолом Англии в наш поздний век*". [466]

Труд всей его жизни принес пользу его соотечественникам. Уже в 1526 году по королевству было распространено более двадцати изданий Нового Завета Тиндейла, и за ними последовали другие. Это было подобно могучей реке, постоянно несущей новые воды в море. Неужели смерть реформатора внезапно иссушила их? Нет. Предстояло совершить еще более великую работу: вся Библия была готова. Но можно ли было распространить ее? Король отказался дать свое согласие на распространение Библии Ковердейла; не сделает ли он то же самое с этой Библией, и с большим основанием? Только могущественный покровитель мог обеспечить свободное распространение Священного Писания. Ричард Графтон, печатник, отправился в Лондон, чтобы попросить разрешения продать драгоценный том и с намерением обратиться к Кранмеру.

Защитит ли это Кранмер? Король и Кромвель выступили против Тиндейла, и примас посмотрел на это: это было слишком в его привычках. Его по существу благоразумный ум, убежденность, которую он испытывал, что не сможет принести Церкви ничего хорошего, если не сохранит место, которое он занимал, и, возможно, его любовь к жизни склонили его подчиниться деспотической воле своего хозяина. Пока Генрих VIII. находился на троне Англии, Кранмер был (говоря по-человечески) единственным возможным реформатором. Иоанн Креститель, Нокс, был бы разорван на куски при первом же ударе. Тогда скипетром был топор; чтобы спасти голову, ее необходимо было согнуть. Поэтому предстоятель часто склонял голову. Он прятался во время царского гнева, но когда буря утихла, появился снова. Примас стал жертвой ошибки. Он сказал, что король должен командовать Церковью, и каждый раз, когда раздавался приказ тирана, он, казалось, верил, что сам Бог повелевает ему повиноваться. Кранмер был образом своей Церкви, которая, несмотря на свое величие и множество слабостей, скрытых под ее одеждами, несмотря ни на что, всегда сохраняла в себе могущественный принцип истины и жизни.

Печатник Графтон получил аудиенцию у архиепископа в Форде, в Кенте: он подарил Библию мученика и попросил его обеспечить ее бесплатное распространение. Архиепископ взял книгу,

изучил ее и пришел в восторг. Точность, ясность, сила, простота, соборность — все соединилось в этом замечательном переводе. Кранмер с большим рвением предлагал то, что считал полезным. Он отправил том Кромвелю, умоляя его представить его его величеству и получить разрешение на продажу "до тех пор, пока мы (епископы), — добавил он, - не представим лучший перевод, который, я думаю, будет сделан не раньше, чем через день после судебного дня". [467]

=ПРОДАЖА БИБЛИИ РАЗРЕШЕНА.=

Генри пробежал глазами книгу: имени Тиндейла в ней не было, а посвящение его Величеству было написано очень хорошо. Король в отношении (и не без оснований) Считая Священное Писание самым мощным средством разрушения папской системы и веря, что этот перевод поможет ему освободить Англию от римского господства, он пришел к неожиданному решению: он разрешил продажу и чтение Библии по всему королевству. Непоследовательный и капризный принц! в одно и то же время он опубликовал и распространил по всему своему королевству доктрины романизма и беспрепятственно распространил Божественное Слово, которое их опровергло! Мы вполне можем сказать, что кровь мученика, драгоценная в глазах Верховного короля, открыла ворота Англии для Священного Писания. Кромвель сообщил архиепископу о королевском решении, и последний воскликнул: "То, что вы только что сделали, доставляет мне больше удовольствия, чем если бы вы дали мне тысячу фунтов. Я не сомневаюсь, что за этим последует такой плод хорошего познания, что впоследствии будет хорошо видно, какую высокую и достойную службу вы оказали Богу и королю, что настолько повысит вашу честь, что (помимо Божьей награды) вы получите вечную память о том же самом". [468]

=ВОСПРИЯТИЕ БИБЛИИ.=

На протяжении веков английский народ ждал такого разрешения, еще до Уиклиффа; и, соответственно, Библия быстро распространялась. Стремительность, с которой живые воды устремились вперед, унося с собой все, что встречали на своем пути, была подобна внезапному открытию огромных шлюзовых ворот. Этим великим событием, более важным, чем разводы, договоры и войны, было завоевание Англии Реформацией. "Это было чудесное зрелище", - говорит старый историк. [469] Тот, у кого были средства, покупал книгу и читал ее или просил, чтобы ему читали другие. Пожилые люди учили грамоте, чтобы изучать Священное Писание Бога. Во многих местах проводились собрания для чтения; бедняки складывали свои сбережения и покупали Библию, а затем в каком-нибудь отдаленном уголке церкви, [470] они скромно образовывали кружок и читали Священную Книгу между собой. Толпа мужчин, женщин и молодежи, испытывающих отвращение к бесплодному великолепию алтарей и поклонению немым изображениям, собиралась вокруг них, чтобы вкушать драгоценные обетования Евангелия. Сам Бог говорил под сводчатыми крышами этих старых часовен или обветшалых от времени соборов, где на протяжении поколений не было слышно ничего, кроме месс и литаний. Люди желали вместо шумных песнопений священников услышать голос Иисуса Христа, Павла и Иоанна, Петра и Иакова. Апостольское христианство вновь появилось в Церкви.

Но вместе с этим пришло преследование, согласно словам Учителя: *Брат предаст брата на смерть, а отец - ребенка*. Отец, разгневанный тем, что его сын, всего лишь мальчик, принимал участие в этих священных чтениях, схватил его за волосы и накинуд веревку ему на шею, чтобы повесить. [471] Во всех городах и деревнях страны Тиндейла были открыты священные

страницы, и восхищенные читатели находили в них те сокровища мира и радости, которые знал мученик. Многие восклицали вместе с ним: "Мы знаем, что это Слово от Бога, как мы знаем, что огонь горит; не потому, что кто-то сказал нам, но потому, что Божественный огонь пожирает наши сердца. О сияние лица Моисея! О великолепие славы Иисуса Христа, которого не скрывает никакая завеса! О внутренняя сила Божественного слова, которое с такой нежностью побуждает нас любить и делать! О храм Божий внутри нас, в котором обитает Сын Божий!" [472] Тиндейл желал увидеть мир в огне по Слово своего Учителя, и этот огонь был зажжен.

Всеобщее распространение Священного Писания составляет важную эпоху в Реформации Англии. Оно подобно одному из тех столпов, которые отделяют одну территорию от другой. Здесь, на данный момент, мы приостанавливаем наш курс и ненадолго отдыхаем, прежде чем направим наши шаги в другие страны.

[441] Тиндейл, *Доктринальные трактаты*, стр. 18.

[442] "Новый Завет, тщательно исправленный и сравненный с Греческим, Виллиамом Тиндейлом, и законченный в книге "Йере Господа Бога нашего" М.D. anno xxv.". ВКембриджской библиотеке есть его копия. В этом издании Тиндейл написал: "фаэтер, мейстер, сайед" и т. Д. Вместо "отец, мастер, сказал".

[443] Фокс, *Деяния*, vi. стр. 591.

[444] Tyndale's *Works*, т. i. стр. 131, 161, 148; т. iii. стр. 136, 139.

[445] Мистер Кристофер Андерсон, который продемонстрировал такое сочетание образованности и проницательности в своей работе, озаглавленной "*Анналы английской Библии*", не приходит к решению относительно места впечатления. Он только замечает, что если мы внимательно изучим заглавные буквы, инициалы и т. Д., То, возможно, теперь сможем назвать типографию, из которой вышел этот том.

[446] Фокс, *Деяния*, v. стр. 127.

[447] Тиндейл, *Доктринальные трактаты*, стр. 83.

[448] Фокс, *Деяния*, v. стр. 127.

[449] Пифагор в "*Энциклике Эпиктета*". стр. 334.

[450] Андерсон, "*Анналы английской Библии*", i. стр. 427.

[451] "Пусть не утруждает себя потерей времени в своих делах". —Фокс, *Деяния*, v. стр. 124.

[452] "Мастера Тиндейла следовало доставить к нему". —Там же.

[453] "Он не знал другого средства, кроме как обвинить Пойнца". —Фохе, *Деяния*, v. стр. 430.

[454] Тиндейл, *Работы*, ii. стр. 195, 251.

[455] Тиндейл, *Работы*, ii. стр. 195, 251.

[456] *Государственные документы*, vii. стр. 662, 663, 665.

[457] Там же. ix. стр. 662-664.

- [458] Письмо Холеру. Эразм умер вскоре после этого, 12 июля 1536 года.
- [459] Фокс, *Деяния*, ст. 127. *Urkunden des Augsburg Reichstages*, ii. p. 719.
- [460] Тиндейл, *Работы*, i. стр. 294.
- [461] 'Homo doctus, pius, et bonus.' —Фокс, *Деяния*, ст. 127.
- [462] Джон Хаттон (английский агент) лорду Кромвелю, 12 августа 1536 г.—*Государственные документы*, vii. стр. 665.
- [463] Нынешняя тюрьма построена на другом берегу реки.
- [464] Фокс, *Деяния*, ст. 134.
- [465] *Там же*. стр. 129.
- [466] Фокс, *Деяния*, v. стр. 114.
- [467] Кранмер, *Письма и останки* (4 августа 1537 г.), стр. 344.
- [468] Кранмер, *Письма и останки*, стр. 346.
- [469] Страйп, *Воспоминания Кранмера*. стр. 91.
- [470] "Несколько бедняков... в воскресенье сидели и читали в нижнем конце церкви". —*Там же*.
- [471] Страйп, *Воспоминания Кранмера.*, стр. 92.
- [472] *Tyndale's Works*, том i. стр. 27, 317, 373, 463; том ii. стр. 210, 260; том iii. стр. 26.

КНИГА IX.

РЕФОРМАЦИЯ ЖЕНЕВЫ СЛУЖЕНИЕМ ФАРЕЛЯ И ПРИБЫТИЕ КАЛЬВИНА В ЭТОТ ГОРОД ПОСЛЕ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ИТАЛИИ.

ГЛАВА I.

ПРОГРЕСС, БОРЬБА И МУЧЕНИКИ РЕФОРМАЦИИ В ЖЕНЕВЕ.

(Январь -июнь 1535 г.)

Женевская реформация, подготовленная восстановлением гражданской свободы и начатая чтением Слова Божьего и учением различных евангелистов, должна была быть окончательно осуществлена благочестивым служением Фромана, Вире и особенно Фареля. Впоследствии Кальвин, в согласии с Советами, которые никогда не отказывались от своего права на вмешательство, укрепит фундамент, организует и увенчает здание. Гражданские и церковные власти (особенно со времен Гильдебранда) постоянно боролись друг с другом в разных странах христианского мира и разжигали ненависть, разделения и войны. Лучшее положение вещей заключалось в том, чтобы прийти на смену этим вечным неприятностям. Церковь и государство

не всегда были едины даже в Женеве; но они проявляли бы большую умеренность в своих отношениях, чаще придерживались бы одних и тех же мыслей и рука об руку продвигались бы к взаимной независимости, которая, однако, не отдалила бы их друг от друга.

=ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СВОБОДА БЛАГОСЛОВЕНИЕМ?..=

В начале 1535 года оппозиция реформе все еще была сильна в этом городе, жители которого обсуждали важный вопрос: является ли свобода добром или злом? Сторонники папы римского и Савойи пытались продемонстрировать тем гражданам, которые, как было известно, выступали за гражданскую свободу и религиозную реформу, что их положение будет ухудшаться, если они не примут суверенитет своего епископа, протекторат соседнего князя и верховенство папы римского — трех господ на одного. Плодами этой независимости, которой они были так очарованы, были бы (по их словам) волнения, беспорядки, насилие и нищета. Феодалная партия была искренне убеждена, что путь свободы тернист и опасен; что тот, кто следует по нему, спотыкается, падает и разоряется; и что независимо от того, велика нация или мала, она нуждается в абсолютной и энергичной власти, чтобы поддерживать в ней порядок. Они посоветовали женевцам отложить в сторону свои прекрасные теории, свои старые пергаменты и свои древние привилегии и нанять мастера, если они хотят, чтобы в их стенах царили мир, богатство, удовольствия и процветание.

Граждане отвергли этот совет. Они считали, что, поскольку свободы, которыми они обладали, достались им от отцов, они не должны отнимать их у своих детей. Они знали, что независимость сопряжена с опасностями, лишениями и неприятностями, которым они должны подчиниться. Но сама жизнь не обходится без них, и мы не должны думать, что это причина для отказа от нее. Если Бог обогатил человека благородными способностями, то это не для того, чтобы он мог искалечить или подавить их, а для того, чтобы развивать, регулировать и приумножать их. Ни один человек, достойный этого имени, добровольно не принимает законы, в создании которых он не принимал участия. Цезаризм, насилие и тайные общества не могут заменить в стране независимость, справедливость и гласность. Деспотизм делает человека карликом, свобода укрепляет его. Отнять ее, чтобы предотвратить злоупотребления, - значит изменить работу и план Творца.

И все же все, казалось, указывало на то, что свобода и реформы в Женеве вот-вот будут уничтожены. Собрание швейцарских кантонов, состоявшееся, как мы видели, в Люцерне 1 января 1535 года, было оккупировано около Женевы; и Берн, единственный кантон, желавший добра женевцам, согласился, чтобы епископу и герцогу были восстановлены права, на которые они претендовали, при условии сохранения свободы вероисповедания; ибо, добавили бернцы, "вера - это дар Божий". Но послы Савойи потребовали полного и безоговорочного признания абсолютной власти герцога и епископа, которая одна (по их утверждению) могла поставить под сомнение их права. конец всякой ненависти и кровопролития. [473] Сейм принял такое решение, так что реформация и независимость Женевы были вот-вот уничтожены самими швейцарцами.

=ИЗБРАНЫ МАГИСТРАТЫ-ГУГЕНОТЫ.=

Но помощь оказывается ближе всего, когда мужчины отступают. Если за пределами Женевы все были полны решимости разрушить ее Реформацию, то небольшая группа граждан в ее стенах была не менее полна решимости поддержать ее. К этому одинаково призывали три партии.

Старые гугеноты хотели, чтобы это было немедленным, насильственным, даже если это необходимо; магистраты хотели, чтобы это было законно, медленно и дипломатично; а евангелисты хотели, чтобы это было духовно и мирно совершено Словом Божиим. В домах людей Марка, а также в неизвестных жилищах было много благочестивых душ, которые день и ночь взывали к Богу о торжестве правого дела. Этот маленький город с населением в 12 000 человек решил противостоять силам, которые хотели его сокрушить. Без колебаний, без страха Женева поверила в Бога и двинулась вперед. Наступил период (7 февраля), когда ежегодно избирались магистраты, женевацы решительно проголосовали за избрание на первые государственные должности друзей независимости и реформ. [474] Среди советников были также некоторые из самых решительных гугенотов. [475] С такими людьми — с Фарелем, Вире и Фромантом в ее стенах и под Божественной защитой - преобразование Женевы казалось неизбежным, несмотря на усилия Швейцарии, Пьемонта, императора и папы римского.

Правительственная партия не желала ничего ускорять; они намеревались примирить противоположные мнения и искать некий средний путь, который удовлетворил бы всех; но дело Реформации и свободы всколыхнуло многие сердца. Те воды, которые магистраты желали бы видеть неподвижными, были сильно взволнованы, и римский корабль, уже лишенный мачт, мог быть внезапно затоплен. Почти каждый день какой-нибудь горожанин, какая-нибудь женщина или дажекакой-нибудь монах покидал Церковь папы Римского и входил в Церковь Евангелия; или же какой-нибудь иностранный христианин, отрекшийся от всего, чтобы повиноваться своей совести, входил в свободный город, главным образом через ворота Франции. Этих благочестивых беженцев приняли как братьев. Люди собрались вокруг них, смотрели на них и задавали вопросы. Чужеземцы рассказали, как они вели ожесточенную войну, терпели гнусные упреки, много плакали и стонали; но неприятности, которые они перенесли (добавили они), казались легкими теперь, когда они обрели избавление и свободу. Христиане Женевы были укреплены верой этих благородных исповедников Иисуса Христа. Поток реформаторов усилился, было видно, как он устремляется к ослабевшим барьерам. Римско-католики как извне, так и изнутри тщетно пытались остановить это; оно было готово смести изъеденные червями остатки папизма. [476] Совет, однако, казался неподвижным. Пылкий бандьер рвался вперед, католик Филипп сдерживался; но половинчатое мнение главного синдика и Дю Молара в конце концов возобладало.

Умеренная партия согласилась с тем, что евангелической партии следует пойти на некоторые уступки, если они хотят остаться у власти. Представилась хорошая возможность реализовать этот план. Они обнаружили серого монаха, который предложил проповедовать Слово Божье, надев капюшон святого Франциска. Проповедовать смягченное Евангелие в римской форме - это план, который обычно выбирают те, кто ставит мир превыше истины. Через один или два дня после избрания синдиков кордельер, поддержанный советом, попросил у Капитула место для проповеди. Каноники, которые были немного недоверчивы, осмотрели его: на нем было коричневое одеяние святого Франциска, а шнурок служил ему поясом. И все же они опасались, что под ним что-то есть. "Иди к викарию-епископу, который живет в Гексе", - сказали они. "Монах-евангелист" так и сделал; но викарий тоже посмотрел на него с беспокойством. "Милорд епископ, - ответил он, - скоро приедет в Женеву; он привезет с собой любого проповедника, который ему понравится". Бедный францисканец вернулся и сказал совету, что они повсюду ему кланялись. Теперь два члена совета ожидали от Капитула поддержки ходатайства монаха; когда некоторые из них, жившие по канонам, настолько праздно, насколько это можно себе представить, внезапно обнаружили, что у них полно дел. "Мы должны отслужить службу, -

ответили они, - и она такая длинная! а потом предстоит другая работа; есть крестный ход, в котором мы должны пройти по порядку. У нас нет времени думать о проповеди! Организуйте все как можно лучше". Совет был возмущен. Произносить литании - это было неотложным делом; но проповедовать Слово Божье было сверхзадачей. "Ну что ж, - сказали оскорбленные синдики монаху, - мы сами выделим вам место", - и они назначили ему церковь Сен-Жермен, расположенную в районе, посвященном католицизму. Это была суббота, 12 февраля, канун первого воскресенья Великого поста. [477]

Сообщение об этом решении привело католиков прихода в замешательство, и во многих домах произошли сцены насилия. Женщины были вне себя; они оскорбляли своих мужей, называли их трусами и требовали, чтобы они воспротивились проповеди монаха. Одна из них, по имени Пернетт, отличилась в этом противостоянии. Маленькая, толстая, коротконогая, с втянутой в плечи головой, она была так похожа на мяч, что в городе ее прозвали *Тутерондой*. [478] Но беспокойный дух взволновал ее маленькое тело, и из него вырвался громкий голос. Пернетта засуетилась, строила козни в дверях, кричала на улицах и, наконец, отправилась навестить приходского священника.

Священником Сен-Жермена и епископским фискалом был Томас Вандель, брат Роберта, Пьера и Хьюза. Он был нерешительным человеком, склонным, как и его братья, идти по пути независимости, но тесные узы связывали его с епископом, и он колебался. Разделенный сердцем, он постоянно двигался взад и вперед из-за противоположных чувств.

На данный момент, благодаря усилиям некоторых каноников и благородных дам, ветер в доме священника был благоприятным для папства. Некоторые гугеноты, однако, как раз в этот момент громко выступали; и Вандель, не желая выступать ни за одну из сторон, переложил бремя ответственности на главных прихожан своего прихода, попросив их подать петицию в совет.

=БЕСПОРЯДКИ В ЦЕРКВИ.=

В воскресенье утром, незадолго до часа, в который монах должен был проповедовать, депутация направилась в отель-де-виль. Прихожане действительно говорили от имени своих жен. О ереси не могло быть и речи. "Мы опасаемся, что могут возникнуть беспорядки, - сказали они, - и поэтому просим о нашей обычной службе". Синдики ответили: "Вы услышите проповедника. Если он будет хорошо проповедовать, он останется; но если он будет проповедовать что-либо новое, что-либо противоречащее Священному Писанию, он будет изгнан". Соответственно, священник объявил в церкви, что монах будет проповедовать *по приказу собора*. Женщины и несколько мужчин вернулись по домам в сильном раздражении. Сразу же было организовано восстание; сторонник священнослужителя собрал вокруг себя на улице несколько прихожан и крикнул: "Закройте двери церкви перед серым монахом". Пернетт, которая была там, пошла домой, схватила большой деревянный пестик, которым она обычно растирала соль, [479] и, размахивая им, как дубинкой, яростно ринулась на битву. Множество женщин, среди которых были люди довольно сомнительной морали, окружили ее, крича: "Лютеране хотят дать нам проповедника. О, собаки, собаки!" - Пернетт подняла пестик и заявила, что размозжит голову первому еретику, который осмелится приблизиться к кафедре. Ее воинственные спутники последовали за ней, вошли в церковь, построились в боевой порядок и стали ждать врага. Как только появился кордельер, они подняли большой шум, [480] и бросились перед ним, крича и размахивая руками. Пернетт забралась на стул и помахала

пестиком у них над головами. Вошедшие в двери реформаты собрались вокруг проповедника, крича: "Вперед, мужество!" - и уступили дорогу монаху, который мало-помалу добрался до подножия кафедры. "Затем, - рассказывает сестра Жанна де Жюсси, - этот отступник от святого Франциска, который все еще носил одеяние святого ордена, начал проповедовать еретически". [481] Но как только францисканец открыл рот, Пернетт подала сигнал, подняв пестик, и фанатики обоих полов немедленно подняли такой шум, что кордельер был вынужден замолчать.

Совет, не желая, чтобы их приказы нарушались, возбудил дело против бунтовщиков. Друг священников, поднявших восстание, лишился гражданства; Пернетт была приговорена к нескольким дням тюремного заключения на хлебе и воде; а две другие женщины распутного поведения были изгнаны из города. С тех пор кордельер проповедовал спокойно, икюре, видя, в какую сторону дует ветер, милостиво принял его в свой дом. Вскоре ему стало нравиться мнение монаха, и он, казалось, стал на сторону Евангелия. [482]

Эта победа, что было естественно, ускорила движение Реформации в Женеве. Друзья Евангелия с большим рвением встретили день Пасхи. Они в большом количестве направлялись к Господнему столу, который был накрыт в монастыре Рив. Мужья сопровождали своих жен; молодые вели старых. Некоторые гугеноты, которых, вероятно, не было среди причастившихся, желая доказать католикам, что, хотя они были в последние дни Страстной недели, колокола не добрались до Рима, как заставляли верить суеверных людей священники, громко звонили в них в четверг, пятницу и субботу, говорит сестра Жанна. [483] Фанатичные противники Реформации, раздраженные этим прогрессом, были готовы жестоко отомстить.

=БЛАГОЧЕСТИВЫЙ РЫЦАРЬ РОДОСА.=

Годе из Сен-Клу, близ Парижа, благочестивый человек и бывший рыцарь Родоса, [484] с радостью наблюдал это активное реформаторское движение. Соответственно, он оставил своего дядю, командующего Родосом, сира Луиса Бруни де Компезьера, человека, искренне преданного папе, и уехал, поселившись в Женеве со своей женой и домочадцами. Город гугенотов был специально приспособлен для того, чтобы служить убежищем изгнанникам. Тогда, по крайней мере, не было исключительной аристократии; у каждой индивидуальности было свое место. Любой человек мог бы благодаря своему уму и энергии занять свое место среди знати. Годе, тронутый этими либеральными манерами и воодушевленный рвением, с которым Фарель и другие служители распространяли истинное учение о Сыне Божьем среди больших трудностей, [485] счастливо жил в Женеве, слушал проповеди и даже проповедовал сам, что казалось необычным для рыцаря Родоса. Однажды женевский католик, посетивший командира Компезьера, рассказал ему, чем занимается его племянник. Когда сир Луис услышал, что рыцарь Родоса становится еретиком и проповедником, он решил вывезти его из столь опасного города и с этой целью передал своему посетителю письмо, в котором Годе приглашали отправиться в Гекс, где он мог узнать важные новости из Парижа. Годе отправился в путь. В то время совершить это путешествие было нелегко. Женевские мамелюки, савойские рыцари и другие разбойники заполнили замок Пеней. Взгромоздившись на стены, они наблюдали за всей окрестной местностью, и как только замечали путника, набрасывались на свою добычу и уносили ее в свое гнездо. Их разбой был главной темой разговоров по всей стране. "9 февраля этого года, - говорили люди в Женеве, - три кордельера и два печатника, все ученики Евангелия, прибывшие из Франции и направлявшиеся сюда, были унесены из

гостиницы, в которой они остановились, двенадцатью аркебузирами из Пеней. Чуть позже был схвачен, подвергнут пыткам и повешен другой француз. В период с 1 по 5 апреля несколько женеццев были доставлены в замок со связанными за спиной руками, как преступники. Гугенот, бездоказательно осужденный за то, что помог изгнать епископа из Женевы, был разорван на части лошадьми во дворе Пеней. Гарнизон этого замка создает постоянную тревогу днем и ночью; и угоняет скот, товары и даже мужчин, женщин и детей". [486] Такие дикие действия были по своей природе направлены на то, чтобы помешать Годе действовать по приглашению своего дяди; но рыцарь Родоса не знает страха. Он беспрепятственно добрался до Гекса 22 июня и отбыл на следующее утро. Он путешествовал, ничего не подозревая, когда несколько вооруженных людей набросились на него и увезли в замок Пеней.

=РЫЦАРЬ, ПОДВЕРГНУТЫЙ ЖЕСТОКИМ ПЫТКАМ.=

Обосновавшиеся там фанатики пытались вернуть Годе к римскому учению; но так как их усилия были бесполезны, они прибегли к другим средствам, которых, несомненно, не было в инструкциях его дяди. Они продержали его около пяти дней в страшных мучениях. [487] "Если ты отречешься, - сказали они, - твоя жизнь будет сохранена". Но бывший рыцарь знал, что мы должны постоянно сражаться, и учение о спасении слишком глубоко запечатлелось в его сердце, чтобы забыть о нем. "Он оставался неизменным, - говорят хронисты, - поддерживая дело Евангелия". Жители Пеней этого не ожидали. В их глазах твердость Годе была преступным упрямством, и они решили "предать его самой жестокой смерти, о которой когда-либо слышали в этой стране". [488] Они постановили, что он должен быть "сожжен заживо на медленном огне за то, что поселился в Женеве, посещал проповеди, слышал Евангелие и проповедовал его". В этом было его преступление. Желая дать своим соседям насладиться зрелищем, столь достойным того, чтобы их увидели, джентльмены пригласили присутствовать окрестных крестьян, мужчин, женщин и детей. Годе вывели из его темницы, отвели во двор замка, который был заполнен зрителями, и там привязали к столбу. Один из пенейсанцев принес несколько тлеющих углей и "аккуратно" положил их ему под ноги; когда подошвы его ног прогорели, огонь убрали и последовательно провели по различным частям тела. Но рыцарь-христианин оставался непоколебимым. Он знал, что когда Бог вкладывает в человека свой Святой Дух, тот не может потерпеть неудачу, даже если небеса обрушатся. Его жестокие мучители проявили такую же решимость, как и он. Они сказали, что Годе был членом знаменитого ордена Святого Иоанна Иерусалимского, основанного в Святой Земле, находящегося под покровительством святого престола и который с такой славой защитил Крест от Полумесяца. Известие о том, что один из его рыцарей присоединился к еретикам, что он даже стал проповедником, привело их в ярость. Видя, что их горящие угли ничего не дают, они привязали ученика Евангелия к столбу, обхватили его руками и, более жестокие, чем краснокожие индейцы, начали колоть его со всех сторон своими копьями и алебардами. [489] Годе, прощая, благословил своих врагов. "Вы обрекаете меня на смерть, - сказал он, - потому что я проповедовал Слово Божье. Я взываю к Богу милосердия и молюсь, чтобы Он простил страдания, которые ты причиняешь мне". [490]

Мученик заметно слабел, но не переставал призывать имя Христа; и "это обращение, - говорит хронист, - принесло ему облегчение в его горьких муках". Он возлагал свои надежды на верность невидимого Бога. Наказание и радость мученика произвели на зрителей совсем иной эффект, чем ожидалось. Их охватил ужас; они испустили глубокие вздохи и "разошлись по домам, плача и стеная, опечаленные таким безобразием". [491] Наконец Годе, измученный,

отдал свою душу Богу через два дня после того, как его привязали к столбу. У Женевы, у которой были свои мученики свободы, теперь были свои мученики веры. [492]

=НАПАДЕНИЕ На ПЕНЕЙ.=

Столь жестокий поступок возмутил каждое сердце. Священники сказали: "Это принесет нам больше вреда, чем двадцать проповедей Фарела". Гугеноты воскликнули, что разбойничье гнездо должно быть уничтожено. Родственники заключенных в нем граждан опасались, что их постигнет участь Годе, и призвали к их освобождению. Совет собрался однажды вечером после ужина, ворота города были уже закрыты, и было предложено атаковать Пеней. Напрасно им напоминали, "что в нем живут старые солдаты, люди, испытанные на войне, и что замок крепок и хорошо снабжен артиллерией". Жестокое наказание Годе возымело действие: предложение о нападении было проголосовано. Герольд прошел по темным улицам с приказом, чтобы каждый мужчина с оружием в руках без промедления отправился на место сбора. Отряд численностью почти в пятьсот человек и два артиллерийских орудия покинули город. Примерно через час после полуночи маленькая армия была под стенами крепости. Все было тихо: все спали. К сожалению, лестницы еще не прибыли, и женевцы, опасаясь, что их заметят, если штурм будет отложен, навели свои пушки и произвели выстрел. Латники в замке были встревожены: сначала они вообразили, что их взяли в плен, говорит хронист; но вскоре пришли в себя. Одни звонили в набатный колокол, чтобы позвать своих друзей снаружи, другие бежали к крепостному валу. Отказавшись от идеи взобраться на стены, женевцы нацелили свои пушки на ворота и разрушили их; пенейсанцы немедленно установили другие. Пули и пушечные ядра дождем сыпались на осаждающих, стены, казалось, были объаты пламенем. Некоторые женевцы упали там, где стояли; другие, раненые, отошли подальше от ружейных выстрелов и скорбно сели на обочине дороги. В этот момент пришло сообщение, что г-н де Люгрэн, командовавший в Гексе, приближается со своими войсками. Поскольку женевцы были близки к тому, чтобы оказаться между двух огней, командиры приказали отступить.

Все столпились у ворот, чтобы встретить поверженный отряд. Какое несчастье! женщины ищут своих мужей, матери - своих сыновей! "Какое средство можно найти от бед, которые сейчас угнетают нас?" - раздался крик. Голоса реформаторов оживили их упавший дух и сказали: "Бог совершит другие и более великие дела. Он избавит вас от ваших врагов, но другими средствами, которых вы не понимаете, чтобы честь была полностью воздана Ему, а не вашим человеческим предприятиям и артиллерии". [493] Женевцы ничем не пренебрегали для своей обороны. Они сняли колокола с монастырей и превратили их в пушки; они снесли стены предместий, которые все еще существовали; они создали постоянные силы для защиты открытой местности и поиска провизии; и, наконец, прогнали предателей, которых нашли в городе. Они верили в Бога, но хотели быть готовыми к битве.

[473] *Archives générales du royaume d'Italie à Turin.*—Genève, paquet 14.

[474] Четырьмя синдиками были А. Шикан, бесстрашная гугенотка Ами Бандьер, Худриод дю Молар и Жан Филиппен: только последний, кто был выбран из чувства справедливости, склонялся к католической стороне.

[475] А. Поррал, Ж. Филипп, Ф. Фавр, С. Коке, д'Адда, Кл. Савойя, Ж. Луллин и Др. де Шапоруж.

[476] *Registres du Conseil des 7 et 8 Février 1525.*—Froment, *Gestes le Genève*, p. 131

- [477] Registres du Conseil du 12 Février 1535.
- [478] Кольцевая развязка.
- [479]"Unum pictonem nemoreum". (адвокатская лат.) Registres du Conseil du 14 Février 1535.
- [480] Registres du Conseil du 14 Février 1535.
- [481] *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 105.
- [482] Registres du Conseil des 13, 14, 21 Février et 6 Mars.
- [483] *Начало истории Хереси*, стр. 106 и 108.
- [484]См. Том IV. книга vii. глава 10.
- [485] Crespin, *Actes des Martyrs*, art. P. Gaudet, p. 114.
- [486] Froment, *Gestes de Genève*, p. 172.
- [487] Креспин, *Мартиролог*, стр. 114.
- [488] 'Dont onques on ouyt parler en ce pays.'
- [489] Froment, *Gestes de Genève*, p. 173.
- [490]Письмо Женевского совета Порралу, послу в Берне, 29 июня 1535 г.
- [491] 'S'en alloynt, pleurant et gémissant en leurs maysons, estant marrys d'ung tel oultraige.'
- [492] Registres du Conseil du 29 Juin 1525.—Crespin,*Actes des Martyrs*, p. 114.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 173.
- [493] Registres du Conseil des 4, 7, 10, 17, 18, Mai 1535.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 177, 178.—Jeanne de Jussie,*Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 114, 115.

ГЛАВА II.

ОТРАВЛЕНИЕ РЕФОРМАТОРОВ— ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ ФРАНЦИСКАНЦЕВ. (Весна 1535 г.)

=УЛЬТРАГОРНЫЕ УЧАСТКИ.=

Ультрамонтаны были более ревностны, чем когда-либо. Многие пользовались только законным оружием; но были и такие, кто ни в коей мере не был щепетилен в отношении средств, используемых для победы над врагами Рима. Фанатики создают для себя ложную совесть, а затем рассматривают преступные действия как благие. Империя ускользала из рук Церкви; она должна быть возвращена ей любой ценой, думали экстравагантные римско-католики Женевы. Каноник Грюэ, в частности, его *фамулюс*, священник Гардэ и Барбье, состоявшие на службе у

епископа Морьенского, считали, что, поскольку ни герцог, ни епископ, ни мамелюки ничего не могли поделать, необходимо придумать другие средства, чтобы остановить этот яростный поток, который угрожал смести папство, храмы, священников и изображения. Фанатики, которых единодушно осуждают мудрецы католицизма, строили тайные заговоры и тихо бормотали, что, поскольку Фарель, Вирет и Фромант живут в одном доме, от них можно легко избавиться одним ударом. Некоторые намеки на эти преступные замыслы распространились по всему миру, и реформаторов предупредили, чтобы они были настороже; но подобные заговоры их не беспокоили. "Если бы мы все трое были мертвы, - сказал Фромант, - Бог вскоре воскресил бы других. Не может ли Он воздвигнуть детей Аврааму из камней?" - Началась работа тьмы. [494]

В то время в Женеве жила замужняя женщина и мать семейства по имени Антония Вакс; она обладала острым умом, меланхолическим темпераментом, восторженным воображением, скорее слабой, чем порочной. В те дни широко использовались яды; Бонивар часто рассказывал, "как папа Александр VI, желая заполучить деньги и бенефиции двух или трех кардиналов, по ошибке выпил из кувшина, в котором стояло отравленное вино, и попался в свою собственную ловушку". Антония видела, как применяли яд. Когда девять лет назад она служила в Лионе, она заметила, что один из ее товарищей всегда носил с собой маленькую коробочку, благочестиво украшенную *Agnus Dei*: "В ней сублимат", - сказал он ей. Не раз после этого, когда несчастная женщина с мрачным и мечтательным темпераментом чувствовала, как пар поднимается к ее мозгу, она восклицала: "Какая я несчастная! как бы мне хотелось уйти из этого мира! Если бы у меня только было немного сублимата!" В Бурге она видела, как ее хозяйка в сговоре с испанским врачом дала своему мужу яд; а войдя впоследствии в дом знатного семейства, сеньора де Шалле, племянника епископа Морьенского, она увидела, как ее хозяин отравил мужа своей матери. После этого Антония приехала в Женеву со своим мужем и детьми. [495]

=АНТОНИЯ И СВЯЩЕННИКИ.=

Барбье, один из главных зачинщиков заговора, был знаком с Антонией, когда она находилась на службе у месье де Шалле. Вернувшись с совещания, состоявшегося в Тононе, он обратил на нее свой взор, чтобы привести в исполнение преступные замыслы, вынашиваемые им и его сообщниками. В Женеве, как и в Англии, введенные в заблуждение священники выбрали именно женщину для нанесения удара, который, как они надеялись, уничтожит Реформацию. Ни одна из этих несчастных женщин не была лишена всякого морального чувства; но горячее воображение кентской девы и Антонии и их нездоровая чувствительность заставили их с энтузиазмом принять замыслы злых и коварных мужчин. Барбье обратился к женщине Вакс, заговорил с ней о проповедниках и о бедствиях, угрожающих Святой Церкви; и когда он решил, что достаточно подготовил почву, он объяснил ей, какую великую услугу она окажет религии, если освободит Женеву от еретиков. "Если возникнут какие-либо подозрения, - добавил он, - вам нужно будет только обратиться к канонику Грюэ, секретарю монсеньора Морьенского". Антония заколебалась. Несколько монахов аббатства Амбурне в Брессе, которых она знала и которые тогда находились в Женеве, окружили ее и попытались убедить, что такой поступок заслужит славу небес. Она, казалось, поддавалась их уговорам, и все же этот поступок был ей отвратителен. Чтобы принять решение, Барбье отвел ее к Д'Орсьеру, канонику,

пользовавшемуся большим уважением. "Действуйте, действуйте смело, - сказал каноник, - вам не о чем беспокоиться". Несчастливая женщина уступила. [496]

Следующим шагом было подготовить средства: представив ее как бедную женщину, бежавшую в Женеву за Евангелием, они добились, чтобы ее впустили в дом Клода Бернара, где жили Фарель, Вире и Фроман. Сердце Бернарда было тронут, и он нанял Антонию прислуживать трем своим гостям, которые разобрали свои блюда по отдельности. Она так хорошо знала, как играть свою роль, что фактически считалась одной из самых ревностных искательниц Евангелия. Раздобыть яд было несложно: она некоторое время жила у Майкла Валло, аптекаря, и продолжала туда ходить. Однажды она нанесла ему визит и в подходящий момент схватила в коробочке немного яда и убежала.

Когда яд оказался у нее в руках, она все еще испытывала (как могло показаться) некоторое беспокойство; но негодяи, орудием которых она была, настаивали на том, чтобы она избавила Женеву от ереси. Соответственно, 8 марта Антония, набравшись смелости, приготовила немного шпинатного супа, который она сделала очень густым, опасаясь, что яд будет замечен, добавила сублимат и, войдя в комнату, где Фарель, Вирет и Фроман сидели за столом, поставила перед ними смертоносный бульон. Фарел посмотрел на него, нашел, что оно, на его вкус, слишком густое, и, хотя у него не было никаких подозрений, попросил немного домашнего супа. Фромант, менее изящный, чем Фарель, взял ложку и уже собирался поднести ее ко рту, когда кто-то вошел и сообщил ему, что его жена и дети только что прибыли в Женеву. Он поспешно поднялся, "бросив все", и побежал им навстречу. Вирет остался, все еще бледный и страдающий от пореза, нанесенного мечом священнику недалеко от Пайерна. Вероломная Антония сказала ему, что приготовит ему суп, "полезный для его желудка", и поэтому он спокойно съел еду, которую она "приготовила, чтобы убить его". [497]

Преступление было совершено. Если благое провидение Божье чудесным образом спасло двоих евангелистов, то третий, по всей видимости, был потерян. В этот момент несчастная женщина внезапно пришла в волнение; ее совесть упрекнула ее в совершенном преступлении; и, разразившись слезами, она поспешно убежала на кухню, где начала стонать. "Что с тобой?" - спросили ее спутники, но она ничего не ответила. Не в силах побороть угрызения совести и веря, что чистая вода является хорошим противоядием от яда, она приняла решение спасти свою жертву, налила немного воды в стакан, поспешила наверх и попросила Вирета выпить ее. Последний был поражен и хотел, по крайней мере, узнать причину такой просьбы. Она отказалась сказать ему, но не переставала умолять его, пока он не выпил. Фромант, сильно раздраженный этой женщиной, расценил ее волнение как "просто крокодильи слезы"; он говорит так в своей Хронике. Мы склонны верить в их искренность.

=БЕГСТВО АНТОНИИ.=

Вирет заболел, и у его друзей было разбито сердце. "Увы! - сказал Фромант. - Мы ожидаем от него смерти, а не жизни". Люди спрашивали о причине этой внезапной болезни, и Антонию, подозреваемую в том, что она что-то знает об этом, охватил ужас. Она чувствовала, что ее уже поймали и приговорили. "Я очень хорошо знаю, что это *неспорт*", - воскликнула она. Воображение ее разгорячилось; она пошла к дому, где жили ее дети, и, взяв на руки младшего, ведя второго за руку, остальные последовали за ней, она в тревоге побежала к берегу озера, желая спастись, и ее малыши вместе с ней. "Увезите меня из города", - сказала она лодочникам. Они довели ее до Коппета, примерно в трех лигах отсюда. Клод Бернар и один или двое его

друзей, у которых были причины не доверять этой женщине, прыгнули в лодку и, найдя ее, привезли обратно. Они, однако, ни в чем ее не обвиняли, но ее обвиняла совесть: во время плавания ее волнение все возрастало, и ее измученные глаза были устремлены на ее старого хозяина, его друзей и лодочников. "Ты предаешь меня, - сказала она, - ты разыгрываешь со мной злую шутку". Наконец они прибыли. Антония выбралась из лодки первой, и пока Бернар и его друзья высаживали детей, она легко ускользнула, нырнула в темный переулок между Моларом и Фустери, поспешила через него, поднялась по улице Пелиссери и добралась до дома каноника Д'Орсьера, который сказал ей: "Действуй, действуй смело, тебе не о чем беспокоиться". — "Спаси меня!" - воскликнула она. Каноник спрятал ее в своем подвале. Но некоторые люди видели, как мимо торопливо проходила женщина: служители правосудия обыскали дом каноника, нашли Антонию, скорчившуюся в темном подземелье, и отвели ее в тюрьму, где она во всем призналась.

Тем временем Вире был при смерти, и, поскольку у Бернара не было женщины, которая могла бы ухаживать за ним, дама Пернетт, благочестивая христианка и жена члена городского совета Майкла Бальтазара, попросила, чтобы его перевели в ее дом, что и было сделано. Фроман, который часто навещал его, сказал: "На самом деле, дама Пернетт оказывает ему большую услугу и проявляет к нему огромную доброту". Один врач сказал, что он был отравлен, другой отрицал это. Весь город был полон событий: мужчины и женщины собрались и выразили свою скорбь. "Неужели такое жалкое создание должно лишить Церковь такой жемчужины, - говорили они, -?... Бедный Вирет! Бедные реформаторы!... Удары мечом сзади, яд спереди.... Такова награда тех, кто проповедует Евангелие!" Вирет был спасен, но всю свою жизнь ощущал действие яда. [498]

Расследование началось 13 апреля. Антония была не из тех, кто скрывает свое преступление: *венецианка*, как они называли отравительницу, открыто заявила, что ее втянули в это "круглые колпаки (духовенство)". [499] Священники и даже каноник, погубивший ее, были арестованы и посажены в тюрьму. Каноник, арестованный мирянами! Все духовенство было в смятении: Эме де Жинген, генеральный викарий епископа, заявил синдикам, что каноник не должен быть заключен в тюрьму никем, поскольку он не является подданным государства, а только капитула. Магистраты заявили, что расследование уголовных дел принадлежит им, и священники были вынуждены предстать перед судом по общему праву — великое новшество шестнадцатого века.

=КАЗНЬ АНТОНИИ.=

Антонию приговорили к отсечению головы, тело повесили на виселице в Шампеле, а голову насадили на гвоздь. Поначалу она оставалась непреклонной. "Позаботьтесь, милорды, - сказала она, - чтобы ваши слуги не отравили вас, потому что многие практикуют это". Но когда она вернулась в тюрьму, то впала в полную прострацию. Бледная и безмолвная, она обвела вокруг себя измученными глазами. Еще хуже было, когда ее вели к месту казни. Ее мысли блуждали: она была похожа на одну из тех героинь, о которых говорили в древности, которых, как говорили, преследовали Фурии. Хотя она была окружена огромной толпой, она не замечала этого: ее глаза, казалось, были прикованы к каким-то таинственным существам. Ей казалось, что она видит священников Женевы и монахов Амбурне, стоящих вокруг нее. "Уведите их, уведите их!" - воскликнула она, размахивая рукой; и поскольку изумленные взгляды охранников показали, что они не поняли, что она имела в виду, "Уведите их", - продолжила она, указывая пальцем на то, что, как ей показалось, она видела. "Во имя всего святого, уведите этих

круглокожих, которые передо мной; ... это они - причина моей смерти!" Взойдя на эшафот, она снова закричала в великой муке: "Уберите их!" - и ее голова упала. [500] Она дорого заплатила за свое преступление — преступление, слишком частое в те дни, когда фанатики считали своим долгом насилием служить делу, которое, по их словам, было делом Божиим. Противники Реформации в странах, которых она достигла, слишком часто применяли против нее оружие беззакония.

Провинившийся проект избавиться сразу от трех реформаторов имел последствия, противоположные тем, на которые надеялись его авторы. Жестокость покушения усилила любовь народа к Реформе и сильно подорвала репутацию священников. О них ходили самые зловеющие слухи. Говорили, что они пытались отравить хлеб и вино на Вечере Господней, чтобы одним ударом уничтожить всех исправившихся. Люди шарахались от них на улицах, когда они проходили мимо, как будто их простое приближение могло привести к смерти. [501]

Вся Женева была в смятении: преобразование этого маленького государства стало неизбежным. В то время амбициозные папы и деспотические князья обладали абсолютной властью. Христианскому миру были необходимы два вида избирательных прав: права нации и права Церкви. Женевцы стремились к обоим: одни сплотились под знаменем веры, другие - под знаменем свободы; но более просвещенные умы видели, что эти два святыя дела никогда не следует разделять и что политическое пробуждение нации может быть успешным только в той мере, в какой пробуждение совести способствует предотвращению беспорядков. [502] Пожалуй, ни в одной стране эти два движения не происходили так одновременно, как в Женеве. Определенные природные явления изучаются на примере микроскопических животных: моральный феномен может быть проиллюстрирован историей этого маленького города, который можно выразить следующими словами: "Тот, кто хочет быть свободным, должен верить". [503]

Однако Евангелие еще не восторжествовало. В то время как у римско-католиков всегда были свои приходы, свои церкви и множество священников, у реформаторов было только одно место поклонения и три служителя. Такое положение вещей не могло продолжаться долго. Произошло важное событие, ускорившее победу Евангелия и свободы.

=ЖАК БЕРНАР ОБРАТИЛСЯ В ХРИСТИАНСТВО.=

В тот самый момент, когда благочестивый реформатор приближался к вратам смерти, глава францисканцев Женевы вступал на новый путь, "ведущий к жизни". Три брата Бернар — Клод старший, в доме которого реформаторы получили христианское гостеприимство; Луи, священник Сен-Пьера; и Жак, хранитель или настоятель францисканского монастыря — были одними из самых известных граждан Женевы. Двое старших какое-то время поддерживали Реформу; но третий, монах, оставался фанатиком папства. Вскоре он сам был потрясен. Близко познакомившись с тремя священниками у своего брата Клода, он на примере их жизни научился ценить их учение, и их добродетели поразили его тем больше, что он сам прожил в папстве отнюдь не обычную жизнь. Он серьезно задумался, не лучше ли ему будет отречься от монашества. [504] Свет Евангелия начал проникать в его сердце. Ничто не поражало его так сильно, как мысль о том, что Христос в своей великой любви своей смертью обеспечил своим последователям совершенное примирение с Богом. Характер, который папство приписывало мессе, казался ему наносящим ущерб бесконечной цене страстей Спасителя. "Я убежден", - сказал он Фарелу в конце одной из их бесед. "Я один из вас!" — "Хорошо!" - ответил реформатор,

- "но если в вашем сердце зажглась вера, необходимо, чтобы свет распространился повсюду. Исповедуй свою веру публично перед людьми". Жак был полон решимости не щадить себя и не только проповедовать Евангелие, но, более того, стараться донести его до своих сограждан. 19 февраля он разослал счета о том, что во время Великого поста будет каждый день проповедовать в монастырской церкви.

Это было что-то новенькое: место заполнила многочисленная толпа. "Мужчины и женщины, католики и лютеране, столпились там", - говорит монахиня из Ste. Клэр: "и это в течение всей первой недели". Некоторым показалось, что *guardian* собирается разразиться гром против Реформы; но вскоре все сомнения рассеялись. Он заговорил, и всеобщее изумление было всеобщим. Реформированные были удивлены, увидев того, кто раньше так грубо отвергал благодать Христа, а теперь бросается, как простой солдат, в гущу битвы и защищает ее. Католики были поражены еще больше. "Это их так шокировало, - добавляет сестра, - что они больше туда не ходили". [505] Казалось невозможным прийти к взаимопониманию, и путаница продолжала нарастать.

Как они могли выйти из борьбы, которая, казалось, никогда не закончится? Появилось одно очень естественное средство, делающее честь эпохе, в которую люди прибегли к нему. Магистраты шестнадцатого века, будь то в Швейцарии или где-либо еще, изучали свои уставы, когда вставал вопрос об установлении того, что было правильным, и усваивали принципы, которые ими диктовались. Но их любовь к праву не была платонической любовью, как у обесиленных юристов. Эти выдающиеся люди хотели реализовать в управлении народом то, что было заложено в его конституции. Итак, если книга о *свободах, привилегиях, иммунитетах, использовании и обычаях* Женевы была хартией государства, то *Священное Писание* было хартией Церкви: Библия была великим достоянием их духовных привилегий. Следовательно, ничто не должно решаться иначе, как в соответствии с этим суверенным правилом. [506] В то время как такие мысли занимали синдиков, то же самое желание воодушевляло реформаторов. "Мы поплатимся жизнью, - говорили они, - если не докажем Священным Писанием, что то, что мы проповедуем, истинно". Конференция, на которой, имея перед глазами божественную хартию, должны были быть установлены вера, обязанности и права христиан, казалась самым мудрым способом выйти из затруднения.

=ТРЕБОВАЛОСЬ ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ.=

Членов совета остановило одно: они не хотели, чтобы иностранцы - два француза и водау - возглавляли спор. Фарель уважал такое чувство и желал, чтобы имя старого женева было внесено первым в список Реформации в Женеве. Он пошел к Жаку Бернару: "Брат, - сказал он, - необходимо, чтобы перемена в твоей жизни привела к назиданию людей. [507] Запишите несколько предложений; объявите, что вы готовы ответить всем в публичном диспуте и защищать свои тезисы ясными и очевидными доводами. Они отказали бы нам в этой услуге, потому что мы иностранцы; но вы гражданин Женевы, [508] и начальник важного ордена. Они удовлетворят вашу просьбу. "Недавний период обращения Бернарда, отсутствие у него христианского опыта, неприятности и опасности, которым он подвергался, могли побудить его отклонить это требование. Но он знал, что в новой жизни, в которую он вступил, правилом было то, что каждый, забывая о себе, должен трудиться на благо других; и что в отношении его недостаточности Бог позаботится. Глава Кордельеров попросил разрешения совета публично отстаивать евангелическое учение на конференции, на которую должны быть приглашены все

ученые в городе и за рубежом. Синдики, желавшие, чтобы Реформация была совершена разумом, а не силой, удовлетворили его молитву, и все было подготовлено для этого важного действия. Долгое время Женева видела стороны, вооруженные с головы до ног, скрещивающие свои мечи и алебарды: теперь умы должны были выстроиться в боевой порядок, и духовная битва, по всей видимости, решала будущее Реформации.

[494] Froment, *Gestes de Genève*, p. 94.

[495] Froment, *Gestes de Genève*, p. 95.—Le Curé Besson, *Mémoires du Diocèse de Genève et de Maurienne*, p. 303.—Sommaire des aveux d'Antoina (Archives de Berne). Gaberel, i., Pièces, p. 80.

[496] Sommaire de ce que la poisonnière a confessé entre les mains de la justice. (Archives de Berne.)—Gaberel, Pièces, p. 80.

[497] Sommaire de ce que la poisonnière a confessé entre les mains de la justice. (Archives de Berne.)—Gaberel, Pièces, p. 80.

[498] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 104, 105.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 21.

[499] Хроника магистра де Розет.

[500] Registres du Conseil du 14 Juillet 1535.—Archives de Berne.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 95.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 21.

[501] Registres du Conseil des 20 Avril, 7 Mai, 30 Août 1535.

[502] 'Nullum libertati publicæ, nisi in civibus evangelicis, præsidium.'—*Geneva Restituta*, p. 77.

[503] M. de Tocqueville.

[504] 'Bernardus cogitabat de exuenda cuculla.'—Farel to Calvin, *Epp. Кальв.* стр. 77.

[505] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 106.—Lettre de Farel à Calvin.

[506] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 131, 135.

[507] 'Parum est nisi cum ædificatione majori id faceret.'—Farellus Calvino.

[508] 'Bernardus civis erat.'—*Ibid.*

ГЛАВА III.

ПОДГОТОВКА К ПУБЛИЧНОМУ ДИСПУТУ В ЖЕНЕВЕ.

(С апреля по Троицу 1535 г.)

=ДЕСЯТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.=

Жак Бернар и реформаторы провели встречу с целью выработки своих предложений. Оправдывающая сила веры должна была занимать первое место, ибо, согласно Евангелию, человек должен прежде всего осудить эгоистичное существование, которым он жил до момента

своего пробуждения, и полностью довериться искуплению, совершенному одним Иисусом Христом. Тезисы, выработанные реформаторами, были следующими: —

- I. *Человек должен искать оправдания своим грехам ТОЛЬКО в Иисусе Христе.* [509]
- II. *Религиозное поклонение должно быть обращено только к Богу.*
- III. *Устройство Церкви должно регулироваться ТОЛЬКО Словом Божиим.*
- IV. *Искупление грехов должно быть приписано жертве Христа, принесенной ЕДИНОЖДЫ, и которая обеспечивает полное отпущение.*
- V. *Мы должны признать ОДНОГО—ЕДИНСТВЕННОГО посредника между Богом и человеком - Иисуса Христа.*

Вина Рима заключалась в том, что он добавил к Евангелию множество странных догм и церемоний и разместил их над примитивным зданием, этап за этапом, штабель за штабелем, разрушая его таким образом: это действительно правильное значение, передаваемое словом "суеверие". Реформаторы стремились разрушить эти рамки и освободить христианскую истину от всех басен, которыми она была искажена. Следовательно, как мы видим, в этом споре большую роль играет *только* слово. Его целью было исключить все человеческие дополнения и превозносить только Бога, только Христа, только Евангелие. Эти предложения, однако, не полностью удовлетворили Фарела. По его мнению, после установления истин необходимо было указать на ошибки. Таким образом, к пяти положительным тезисам были добавлены пять отрицательных тезисов:—

- VI. *Неправильно полагаться на добрые дела и искать в них свое оправдание.*
- VII. *Поклоняться святым и изображениям - значит быть виновным в идолопоклонстве.*
- VIII. *Следовательно, наши традиции и церковные (или, скорее, римские) конституции не только бесполезны, но и пагубны.*
- IX. *Жертвоприношение во время мессы и молитвы к умершим или за них самих являются грехом против Слова Божьего, и люди неправы, ожидая от них спасения.*
- X. *заступничество святых было введено в Церкви властью людей, а не Бога.*

Эти положения кажутся нам сейчас просто теологическими формулами: они были чем-то большим. В них был истинный дух. "Есть разные способы говорить, - сказал друг [510], которому Фарел написал отчет об этом диспуте, - рычание льва отличается от рева осла". В этих тезисах, призванных опровергнуть целый мир ошибок, действительно присутствовал грозный "рык льва".

23 апреля Жак Бернар отправился в отель-де-Виль и представил свои предложения совету, который уполномочил его защищать их и пожелал, чтобы он проинформировал членов капитула Святого Пьера и других священников, монахов и врачей. [511] В Констанце свобода дискуссий была подавлена; и поэтому это собрание не дало никакого другого света, кроме пламени эшафота. Реформация должна была продвигаться не так. "Пусть истина явится и восторжествует!"

Тезисы были немедленно распространены во всех церквях и монастырях города. Ни один верующий не переступал порога святилища, не получив ни одной из напечатанных рекламных листовок. Настоятель францисканцев лично прислуживал каноникам и вручил каждому из них копию положений. Он раздал их каждому члену правительства, мирянину и священнослужителю: не было ни одной лавки или трапезной, в которой эти десять положений не были бы прочитаны и прокомментированы. Их вывешивали на дверях церквей и в общественных местах не только в Женеве, но и в союзных и соседних городах. Их даже рассылали джентльменам в их замках. В самом зачаточном состоянии Реформация провозгласила и практиковала самую широкую гласность. Во всех кварталах города зазвучали трубы, и герольд объявил, что 30 мая в большом зале Кордельеров Рива состоится дискуссия и что ученые всех сословий, женевцы или иностранцы, клерки или миряне, приглашаются с полной свободой слова и предложением охранной грамоты. "Ах! - сказал Фромант, один из защитников. - Если бы такое разрешение было дано каждым князем, дело было бы скоро улажено, без сожжения стольких бедных христиан. Но папа и его кардиналы запрещают всякое обсуждение того или иного вопроса, за исключением того, что оно ведется огнем и мечом: способ, которому они, без сомнения, научились у Великого сеньора". [512]

=ТРЕВОГА ПАПИСТОВ.=

Замечание было слишком верным. Не успела новость о дискуссии дойти до епископа, как его охватило чувство ужаса. "Как! - воскликнул он. - Созвать совет в моем собственном городе! никто не имеет права делать это, кроме меня". И он немедленно опубликовал по всей своей епархии прокламацию, "запрещающую верующим присутствовать на собрании под страхом отлучения от церкви". Герцог Савойский также запретил своим подданным присутствовать на нем, и францисканцы, собравшиеся в то время в генеральной капитуле в Гренобле, получив приглашение, заявили, что не придут. [513] Среди них, без сомнения, были способные люди, но обсуждать истины, которым учила Церковь, в их глазах означало нанести удар по ее авторитету. Результатом стало всеобщее молчание со стороны священников. Они были очень умны в том, чтобы максимально использовать чудесные явления, оживление мертвых детей; но о дискуссии - ни слова. Один или два ревностных католика, однако, охотно преломили бы копье с Фарелом, но приказы их вождей удержали их. Армия папы, призванная по звуку трубы, в день сражения испытывала недостаток.

И все же римско-католицизм что-то сделал. Монсеньор де Бонмон отправился в совет 25 мая и умолял синдиков принять участие в факельном шествии и других церемониях, которые должны были состояться 27 числа того же месяца, в праздник Тела Христова. Эта процессия, какой бы блестящей она ни была, была очень неприятна ревностным реформаторам: им не нравилось, что Слово Божье было вытеснено модными украшениями, кружевами и всем тем пустым блеском, который ослепляет глаз в священнических костюмах. Ответ совета был рассудительным: "Мы назначили обсуждение, - сказал премьер-синдик викариатско-епископальному собранию, - которое решит, является ли процессия священной или нет. Тогда подождите немного; если конференция поддержит шествие, это будет провозглашено звуком трубы". [514]

В то же время собор постановил разослать депутацию по всем монастырям с приглашением монахов, которые ответили: "Среди нас нет ученых мужей; мы не можем участвовать в обсуждении". [515]

Однако один монастырь проявил решительность: это был монастырь монахинь Сент-Клер. Клэр. Мать-викария, мадемуазель де Монлюэ де Шатофор, женщина горячего темперамента, откликнулась на приглашение: "Уходите! вы злые люди, которые хотят досадить слугам Божиим". Депутаты ответили: "Говорят, мадам, что некоторые из ваших монахинь остаются под вашим руководством только силой и хотели бы услышать голос Доброго Пастыря".... При этих словах мать-викария взорвалась. "Сатане нет места среди нас", - воскликнула она и, повернувшись к монахиням, добавила: "Сестры мои, говорите, говорите!" - почти все воскликнули во весь голос. "Мы будем жить и умрем в нашем святом призвании". Шум был настолько велик, что депутаты не могли заставить себя говорить. "Не бойтесь, джентльмены, - сказала мать, - это ерунда. Вы услышите что-то совсем другое, если отведете нас в свою *синагогу*. Когда мы будем там, мы поднимем такой шум, что останемся хозяйками этого места. " "Госпожа викария, - сказал депутат, - вы очень самонадеянны". После этого джентльмены удалились, признав, однако, что они не видели подобной храбрости в монастырях монахов. [516]

Фарель, который был огорчен тем, что женевские священники отказались участвовать в дискуссии, заменил бы их выдающимися спортсменами, принадлежащими к той или иной партии. Он написал Лефевру из Этапля, знаменитому доктору Сорбонны, и пригласил его принять участие в битве, в которой свобода и истина собирались вступить в Женеве. [517] Пожилой и почтенный доктор прослезился и возблагодарил Бога за то, что услышал. [518] Но он был слишком стар, чтобы принимать участие в диспуте; возможно, также, что его вера была недостаточно смелой; он отклонил приглашение. Фарел перевел взгляд в другую сторону. В то время в Лионе заседал капитул ордена Святого Франциска, президентом которого был Пьер де Корн, или *де Корнибус*, самый бесстрашный противник еретиков, предмет шуток Рабле и некоторых неверующих мирян, но высоко превозносимый набожными людьми, и особенно другом Лойолы, Франциском Ксавьером. Фарель настаивал на том, чтобы Де Корнибус приехал в Женеву; реформатор не мог привести более ясного доказательства серьезности своих намерений и беспристрастности дискуссии. "Я вполне готов сломать копье в Женеве", - писал Де Корнибус. Совет был в восторге от этого ответа и приготовился принять воинственного доктора с большим почетом. Но внезапно Де Корнибус сообщил им, что не сможет прийти.

Если сражающихся было не очень много, то зрители, по крайней мере, толпились со всех сторон — мужчины и женщины, большие и маленькие. Все хотели увидеть и услышать, но никто не желал говорить. Реформаторы были в отчаянии, опасаясь, что диалог превратится в монолог и вместо грандиозного сражения на поле боя появится только одна армия. [519]

=КАРОЛИ В ЖЕНЕВЕ.=

Теперь появилась неожиданная помощь. Доктор Сорбонны по имени Кароли прибыл в Женеву и заявил, что готов к диспуту. Обладая невыносимым тщеславием, вскидывая голову, когда шел по улице, принимая со всеми надменный и дерзкий вид, парижский доктор производил большое впечатление, без умолку болтал, подражал джентльмену и громко хвастался. Очень занятый собой, он искал знаков отличия и, чтобы добиться их, прибегал к хитрости, уловкам и интригам. Он выдавал себя за *епископа* или позволял другим называть его так. "Вы слышали, - спросили горожане, - что из Франции прибыл епископ?" [520] Все думали, что Фарель наконец нашел своего человека. Но реформатор, который знал его давно, покачал головой. Глупое восхищение, которое Кароли испытывал по отношению к собственной персоне, навлекло на

него презрение тех, кого не могло обмануть его бахвальство. Реформатор знал, что свободно владеет языком, но не обладает твердыми принципами, прямой или твердым характером, и что его единственным желанием было сделать себе имя - неважно, в римском или в евангелическом лагере, для него это мало что значило. Было известно, что он объединял и ссорился со всеми по очереди. Он не был ни католиком, ни реформатором, а просто Кароли. Столь же искусный в софистических уловках, как знаменитый Беда, он спорил в Париже с этим прославленным защитником; и после того, как Сорбонна запретила ему, Маргарита Валуа смотрела на него как на жертву Евангелия и дала ему Алансонское пропитание. Он приехал из этого города в Женеву, где его никто не ожидал и не хотел видеть. [521] За границей ходили слухи, что в городе будет большой переполох; и Кароли, обладавший "острым нюхом" (по словам современника), думал, что Женева станет театром, где он сможет продемонстрировать свою глубокую образованность и прекрасный голос, а также собрать свежие лавры, чтобы украсить свое чело. Был только один момент, по которому он все еще колебался: принять ли ему сторону Рима или Реформации?

=ФАРЕЛ УПРЕКАЕТ КАРОЛИ.=

Фарелу не нравились те неоднозначные персонажи, которые поднимают тот или иной флаг в зависимости от места, где они могут находиться. Католик в Париже, сторонник Эразма в Алансоне, Кароли вероятно, стал бы реформатором в Женеве. Фарель отправился в его гостиницу, где застал его за завтраком. Немедленно приступив к делу, реформатор откровенно сказал ему: "Вы говорите, что вас изгнали из Франции за веры; конечно, вы этого не заслужили, ибо вы не сделали ничего недостойного папы или Иисуса Христа". [522] Доктор Сорбонны, оскорбленный такими словами, придержал язык и продолжил трапезу. "Песня, которую я спел ему, пока он завтракал, - сказал Фарел, - похоже, не очень понравилась ему". [523] "Готовы ли вы теперь, - продолжил Фарел, - открыто исповедать правду, как того требует Бог, и исправить зло, которое вы причинили своим лицемерием?" Парижский врач ловко перевел разговор и начал демонстрировать большое рвение к бедным. "Я собираюсь отправить своего слугу обратно во Францию, - сказал он, - чтобы он получил деньги из моих благотворительных фондов, и я распределю их среди ваших бедных беженцев". Фарель вспомнил, как некие монахи в Париже устроили грандиозную демонстрацию сбора пожертвований в пользу бедных, ни пенни из которых последние никогда не видели. "Бог, - сказал он, - никогда не подведет ни бедных, ни нас. Давайте теперь раздадим хлеб Слова душам людей", - и покинул его. Прошло несколько дней. Кароли компенсировал себе унижение, нанесенное ему Фарелем, тем, что повсюду представлял себя одним из величайших ораторов Франции; и, соответственно, все женеvцы хотели его услышать. "Давайте проверим его", - сказал Фарел, который попросил его прочитать проповедь. Но Кароли, без сомнения, опасаясь доказательств, придумал тысячу предлогов, чтобы уйти. "Ваши проповеди очаровывают меня, - сказал он Фарелу, - и я не могу убедить себя не слушать их". [524]

Этот хвастливый священник, который делал вид, что поддерживает беженцев, жил за их счет, вымогая у них деньги, вино и другие вещи. "Наш хозяин, - сказал один из них Фарелу, - ведет себя очень теологично: он употребляет вино по-магистерски и даже сорбонически". На этом основании была создана репутация некоторых докторов Сорбонны. "У него есть женщины, которые заправляют ему постель, - добавляли они, - снимают с него чулки и даже для других

фамильярностей". [525] Несчастный вообразил, что, приехав в страну, отвергающую закон папы римского, он может пренебречь законом Божиим. Фарел, уверенный в правдивости этих сообщений, посетил этого тщеславного и нечистого священника, рассказал ему о его распутной жизни, напомнил ему о суде Господнем и умолял его изменить свое поведение. Фарель говорил с такой властью, что все присутствующие были поражены этим. Доктор Сорбонны был сбит с толку: он закрыл лицо руками и не открывал рта. С этого времени он вел себя более осмотрительно и не делал ничего (по крайней мере, открыто), в чем его можно было бы обвинить. У него были свои причины не ссориться с реформаторами.

Жак Бернар, который совсем недавно сбросил капюшон, был не так зорек, как Фарель; поэтому Кароли пытался пустить ему пыль в глаза. Он намекнул, что как доктор парижской Сорбонны, прославленный прежними схватками с самыми выдающимися врачами, он обладает достаточной квалификацией, чтобы быть назначенным арбитром в споре и приглашенным авторитетно вынести окончательное решение. [526] Таким образом, став арбитром между Женевой и Римом, он уже воображал себя самой важной персоной христианского мира. Простодушный Бернар, обманутый уловками коварного француза, согласился сделать Фарелю странное предложение. "Нет, - сразу же ответил реформатор. - Мы должны воздавать высшие почести Богу и Священному Писанию. Мы не хотим, чтобы люди были судьями в нашем споре: Господь - единственный судья, который будет принимать авторитетные решения на основании Священных Писаний. Этот самонадеянный человек стремился бы только к собственному прославлению в споре." Мировые судьи поддержали это мнение.

=ДЕБАТЫ БЫЛИ ОБЪЯВЛЕНЫ.=

Фактически, совет, оказавшийся между двумя конфессиями — одной приходящей и другой уходящей, — считал себя посредником и хотел выяснить, какая из них правильная, а какая нет; затем, если бы была причина, поступить так, как поступили некоторые добрые цари Израиля и Иудеи — "искоренить идолопоклонство своего народа". [527] Поставленный во главе республики, магистрат не понимал, что религиозные вопросы, столь важные в тот период, не входили в его юрисдикцию; и даже когда вопрос был решен несколько позже, когда была создана твердая Кальвинская в Женеве государство продолжало держать под своей юрисдикцией все вопросы, которые в наши дни считаются принадлежащими Церкви. Поэтому совет назначил восемь комиссаров, уполномоченных регулировать дискуссию, и выбрал их из числа наиболее уважаемых лидеров народа: четверо принадлежали к католической партии, [528] и четверо к реформатским взглядам; [529] все они были синдиками. Более того, совет назначил четырех секретарей, принадлежащих к двум партиям, и поручил им составить протокол. Дискуссия была объявлена звуком трубы, и повсюду было опубликовано, что диспут будет совершенно свободным. Затем, опасаясь, что враг воспользуется возможностью атаковать Женеву, синдикаты приказали главнокомандующему "внимательно следить за воротами, башнями и крепостными валами и предотвращать любые беспорядки в городе". [530]

[509] 'Justificationem a peccatis in solo Christo quærendam.'—Theses Genev.

[510] Кэлвин.

[511] Registres du Conseil du 23 Avril 1535.—Chron. MSC. de Roset.

[512] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 137, 138.

- [513] Froment, *Gestes de Genève*, p. 138. Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 112.
- [514] Registres du Conseil des 25 et 26 Mai 1535.
- [515] Registres du Conseil du 29 Mai 1535.
- [516] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 117, &c.
- [517] 'Cupiebam habere pium Stapulensem.'—Farel's Letter to Calvin, *Epist. Кальв.*, стр. 76.
- [518] "Non sine lacrymis audiebat". —Письмо Фареля Кальвину, *Epist. Кальв.*, стр. 76.
- [519] Froment, *Gestes de Genève*, p. 140.—Registres du Conseil des 26 et 29 Mai 1535.
- [520] 'Dicebant omnes episcopum Gallicum venisse.'—Farel's Letter to Calvin, *Epist. Кальв.*, стр. 76.
- [521] 'Venit Genevam neque expectatus neque expetitus.'—*Ibid.*
- [522] 'Cum nihil egisset pontifice indignum nec Christo dignum.'—Farel to Calvin, *Epist. Кальв.*
- [523] 'Non fuit satis grata Carolo hæc cantio quæ in prandio canebatur.'—*Ibid.*
- [524] 'Se rapi concionibus nostris.'—*Ibid.*
- [525] 'Habere quæ lectum ejus sternerent, tibialia exuerent, ac familiarius dormituro adessent.'—Farel to Calvin.
- [526] 'Satagebat per Bernardum Carolus ut præsideret in disputatione, et omnia resolveret.'—*Ibid.*
- [527] Froment, *Gestes de Genève*, p. 134.
- [528] Girardin de la Rive, J. Balard, Cl. Richardet, and Cl. de Châteauneuf.
- [529] Мишель Септ, кл. Савойя, Ами де Шапоруж и Эме Куртэ.
- [530] Registres du Conseil du 29 Mai 1535.

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕБАТЫ ОБ ОСНОВАХ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ВЕРЫ.

(Июнь 1535 г.)

Наконец наступило воскресенье, 30 мая, и праздник Пятидесятницы, день, когда должна была начаться дискуссия. Прошел год с тех пор, как Реформация публично вступила в Женеву; теперь она собиралась сделать еще один шаг, который обеспечил бы ей триумф. День Пятидесятницы, столь важный для утверждения христианства, должен был стать важным и для Реформации. Тот же Дух, который положил начало Церкви, является также тем, который обновит ее, когда она падет. Друзья и враги собрались в тот день в монастыре Рив, обуреваемые самыми живыми и противоположными чувствами. Не было сделано ничего, чтобы дебаты прошли торжественно. В

большом зале был воздвигнут "театр", то есть помост. Восемь членов комиссии заняли свои места, и огромная толпа женеццев и иностранцев заполнила обширную аудиторию. На арене для сражающихся был накрыт стол. Первым появился Жак Бернар, за ним последовали Фарель, Вире и Фроман; но места, отведенные для защитников Римской церкви, оставались незанятыми, и люди начали спрашивать, не появится ли Рим. Наконец выступили два священнослужителя: один был Шапюи, настоятель доминиканского монастыря, самый образованный человек в то время в Женеве; другим был Кароли, доктор Сорбонны.

=БЕРНАР И ШАПЮИ.=

Бернард заговорил первым. Он взялся доказать, что в Римской церкви люди не искали у Христа оправдания от своих грехов, и с этой целью ввел правила своего ордена и показал, как монахи утверждали, что спаслись благодаря своим суетным занятиям, и предавались гордыне, скупости и даже большой нечистоте. Он говорил, исходя из личного опыта. Человек честного сердца, быстрый, даже немного вспыльчивый, он энергично противодействовал беспорядкам, в которых когда-то принимал участие. Стоя в большом зале своего собственного монастыря, хранитель разрушил то, чему он поклонялся, и поклонялся тому, что он разрушил. Это сделало отца-исповедника Св. Клэр восклицает: "Как этот проклятый Жак Бернар презирает платье, которое он когда-то носил". Доминиканец Шапюи решительно выступил в защиту монашеских орденов и сурово отчитал хранителя. Фарель встал на защиту Бернара, но Шапюи, который боялся такого противника, утверждал, что никто, кроме Бернара, не должен ему отвечать. [531] На следующий день Бернар и Шапюи, главы двух великих монастырей Женевы, встретились снова; но Шапюи получил приказ от своего провинциала немедленно покинуть город.

Это чрезвычайно раздосадовало магистратов: они вспомнили Фербитиша и чрезмерное рвение, из-за которого его заключили в тюрьму; они не сомневались, что он с радостью воспользуется случаем защитить веру Рима. Послав за женой тюремщика, они приказали ей передать спорные предметы в руки преподобного отца. Поскольку она была ревностной католичкой и находилась в хороших отношениях с Фербити, они думали, что он охотнее примет их от нее, чем от ее мужа, который горячо выступал за реформу. Женщина, робкая душа, боялась всех: своего мужа, которому она не хотела вызывать неудовольствия, пренебрегая поручением, и преподобного отца, которого она боялась оскорбить, сообщив ему еретические положения; поэтому она отправила их с одним из посыльных. - Увы! - воскликнул Фербити. - Даже моя бедная хозяйка пытается соблазнить меня. - Он выбросил газету из своей камеры. Тюремщица вернула его ему через свою маленькую девочку; но последняя, подвергшаяся суровому приему, вернула его своей матери, которая, испугавшись возможности вызвать неудовольствие своих почитателей, сунула тезисы в камеру у окна. Преподобный отец, увидев, что бумага, которую он проклинал, падает к его ногам, поднял ее, разорвал на куски и растоптал ногами. [532] От всякой надежды увидеть, как он защищает папство, пришлось отказаться.

Диспут снова начался без него. Бернард и Фарель, имея Кароли в качестве ответчика, показали на основании Священного Писания, что только Иисус Христос спасает людей от греха. Кароли был очень слаб, но намекнул своим сторонникам, что прибережет самые сильные удары до последнего, а затем сотрет своих противников в порошок. Он не вступался ни за одну из сторон. Честный Вире, возмущенный таким обманом, атаковал его так искусно, что тот был вынужден высказаться за правду или против нее. Сорбоннист встал на сторону реформаторов. "Все усилия человека напрасны", - сказал он. "Без благодати Христа он не может ни начать доброе дело, ни

стремиться к нему, ни упорствовать". [533] "Очень хорошо", - воскликнул Фарел. - "Спасибо, доктор. Слава Божья и назидание народу - вот все, чего мы желаем". Кароли была очень горда тем, что так хорошо выступила.

=ФЕРБИТЫ ПРИГЛАШЕНЫ К ДЕБАТАМ.=

У реформаторов снова не было противников, и Кароли, по-видимому, был с ними согласен. Магистраты вернулись к своему представлению о Фербитиуме, и поскольку Кароли был его теологическим наставником в Париже, Совет попросил его пригласить своего старого ученика приехать и защитить свое учение или дезавуировать его ошибки, как это сделал он сам. - Охотно, - сказал тщеславный доктор. После ужина четверо синдиков, великий парижский врач, этот *сатана* Уильям Фарель (как называет его сестра Жанна), Пьер Вире и несколько их друзей отправились в тюрьму. Появился доминиканец: он был худым, слабым, истощенным, и ноги у него подкашивались, так что, когда он увидел доктора Сорбонны в компании всех этих еретиков, он упал в обморок на землю". [534] Они подняли его, и когда он пришел в себя, Кароли, обращаясь к нему докторским тоном, сказал: "Как же так, брат Гай; неужели ты умрешь в своем упрямстве, в своих ошибках теперь, когда мы докопались до истины? Признайте, что вас обманули, и вернитесь к Богу". Фербити, разрывавшийся между уважением к своему старому учителю и верностью папе римскому, воскликнул: "Боже упаси меня ссориться с моим учителем.... Я желаю умереть в истине, какой я узнал ее от тебя". — "Тогда приди и защити ее", - сказали они. Но Фербити выдвинул странное условие: он потребовал, чтобы борода Фарела была отрезана. Мы знаем, что фанатики верили в существование дьявола в каждом волоске бороды реформатора. "Если я должен спорить с этим идиотом, - воскликнул он, - пусть сначала уберут жилище его хозяина дьявола и побреют всю его кожу". [535] Они напрасно уговаривали доктора: ничто не могло поколебать его. Ни борода, ни дискуссия.

Дебаты начались снова, и в тот день Кароли был католиком с головы до ног. Бернард утверждал, что Христос был единственным посредником; Кароли утверждал, что это была Мария. "Поскольку Дева осталась на земле после смерти Спасителя, - сказал он, - мать, естественно, унаследовала Сына". [536] — Мария, преемница своего Сына! - воскликнул Фарель. "Давайте покончим с этими глупыми вопросами: давайте выберемся из этого лабиринта придинок, который люди называют *римской теологией*". Было решено, что обсуждение на следующий день должно перейти к мессе.

Кароли, решив полностью вооружиться, чтобы защитить этот палладиум папства, провел часть ночи, просматривая огромные фолианты, [537] и записывая причины, которые могли быть приведены в пользу этой жертвы. *Mysteria Missæ* Иннокентия III, *Сумма теологии* Фомы Аквинского, *Предложения Бонавентуры* были, в свою очередь, рассмотрены им. На следующий день он начал излагать наспех собранные аргументы. "Во-первых, - сказал он, - во-вторых".... Но он потерял нить и резко остановился, продолжая повторять те же слова. Ученый забыл свой урок. Чтобы завершить комедию, Фарелу оставалось только привести аргументы, которые он забыл. "Вы хотите сказать то или это", — предположил реформатор. "Да, да, - сказал бедный доктор, - "это именно то, что я хотел сказать". [538]

Кароли, задетый этим триумфом Фарела, сделал над собой усилие и, снова вскочив в седло, принялся храбро скакать по кругу. "В самом деле, - сказал Фроман, который слышал его, - теперь он спорит тонко и очень серьезно". Католики, не дожидаясь ответа реформатора, побежали к каноникам: "Парижский доктор говорит превосходно", - сказали они. Каноники

приказали принести ему немного своего лучшего вина. Кароли был в этот момент счастливейшим человеком в мире; папство и Реформация одновременно осыпали его своими милостями.

На следующий день аудитория была более многочисленной, чем обычно: о красноречии доктора много говорили, и католики приходили толпами. Заклятые враги реформы [539] говорили друг другу: "Пойдем и станем свидетелями торжества божественных тайн папства". В тот день требовалось отстаивать пресуществление, жертвоприношение во время мессы, поклонение хлебу, вынос чаши, обращение к святым, использование иностранного языка и другие обряды и обычаи. Кароли, гордый тем, что занял выгодное положение, вскинул голову и громким голосом бросил вызов своим противникам: "Дайте мне человека, который покажет себя мужчиной, - сказал он, - и мы будем сражаться вместе". Затем выступил вперед, чтобы ответить ему простым мальчишкой. Когда врач-ветеран увидел этого новичка, такого тщедушного телом, [540] он презирал его, как Голиаф презирал Давида. "Конечно, - сказал он, - вы же не собираетесь выдавать его за одного из ваших пасторов!" Этим молодым человеком был Пьер Вире, которому тогда было двадцать четыре года, здоровье которого все еще было ослаблено ядом, и у которого было такое бледное лицо и слабый взгляд, что он, казалось, был готов упасть в обморок. "Увы! - сказал он о себе, - я всего лишь мешок с костями". В его речи было мало цвета или элегантности, но у него был логичный стиль, совершенно ясный, мастерство оратора, и все это сопровождалось неопишуемой мягкостью и очарованием.

=ТРИУМФ РЕФОРМ.=

Два чемпиона сошлись в поединке; и Вирет опроверг утверждения Кароли так ясно и исчерпывающе, что все зрители встали на его сторону. [541] Кароли, не зная, что сказать, начала издавать протяжное "Бах!" бах! бах!" [542] Вире было бесполезно приводить самые веские доводы, доктор Сорбонны не смог найти другого аргумента, кроме этого глупого междометия. "Что я слышу?" - воскликнул Фарель. "Мы должны краснеть, отвечая таким образом". Кароли придержал язык, и некоторые католики начали задаваться вопросом, не являются ли доктрины, которые они считали священными, просто мнением людей. [543]

Оставив эту часть темы, доктор перешел к защите форм папства. "Насколько величественнее богослужение, - сказал он, - если оно совершается на латыни! Какое величие в римских церемониях! Пострижение в священники — это венец для них". - "Таково желание Христа, - сказал Фарел, - чтобы, выйдя из тени, мы поклонялись Отцу в духе и истине. Если мы нагружаем Церковь церемониями, знаками и украшениями, мы лишаем ее присутствия Иисуса Христа. Если царь Езекия сокрушил медного змея, что должно быть сделано со всеми этими суевериями, которые по скандальности превосходят иудейское идолопоклонство?"

Это было уже слишком. Епископ, проинформированный о ходе дискуссии, издал из Арбуа 13 июня, в самый разгар дебатов, приказ, "запрещающий людям любого положения с этого дня быть настолько смелыми, чтобы говорить или торговать с синдиками, проповедниками и гражданами Женевы, под страхом отлучения от церкви и штрафа в двадцать пять ливров". [544]

Таким образом, епископ установил карантин, чтобы отделить Женеву от христианского мира; но именно в эту эпоху малоизвестный город Аллоброгов вступил в общение с миром и распространил за его пределами свет, который он получил. В то время как папство перестало произносить там свои оракулы и не имело на службе никого, кроме немых, Слово Божье

сделало свой громкий и могущественный голос слышным устами Реформаторов. Таков был результат обсуждения. "В этом споре, - говорит современный историк, не принадлежащий к реформаторам, - католики потерпели поражение от реформаторов". [545]

[531] 'Nollet alium respondere quam Bernardum.'—Farel to Calvin, p. 77.—Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 125.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 139, 140.

[532] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 80.

[533] 'Frustra hominem conari sine gratia, nec ordiri, nec prosequi, nec perseverare posse.'—Farel to Calvin, *Epist. Кальв.*, стр. 77.

[534] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 80.

[535] Там же. стр. 80, 81.

[536] "Преемница матери Филио". —Фарель Кальвину.

[537] 'Partem noctis impendit in annotandis rationibus quibus posset missa ferri.'—*Ibid.*

[538] 'Hominem, memoria labantem, adjuvabamus, ut sua formaret argumenta.'—Farel to Calvin, *Epist. Кальв.*

[539] "Juratissimi hostes".—Фарель к Кальвину, *Послание. Кальв.*

[540] 'Cum juvenem quem ut tironem Carolus reputat.'—*Ibid.*

[541] 'Cum Viretus tam aperte dissolveret omnia.'—*Ibid.*

[542] "Cœpit, insani more, vociferari longum ба, ба, ба". — Фарел Кальвину, *Послание. Кальв.*

[543] 'Humana et impia esse quæ divina sanctissimaque arbitrabantur.'—*Ibid.*

[544] Archives de Genève.—Pièces historiques, No. 1125.

[545] Mignet, *Réforme à Genève*, p. 66.

ГЛАВА V.

ТОРЖЕСТВО СЛОВА БОЖЬЕГО, КАК ПИСЬМЕННОГО, ТАК И УСТНОГО.

(Июнь -август 1535 г.)

Рим установил рядом с Библией и даже выше нее слово и традиции человеческие. Реформация требовала, чтобы Священное Писание читалось всеми и проповедовалось с кафедр.

Письменное Слово и устное учение должны были заменить этот мнимый непогрешимый престол, который единственный был уполномочен (по их словам) излагать волю Божию.

=НАПЕЧАТАННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ БИБЛИЯ.=

В это время совершался один факт огромной важности. Спор, который вели в Женеве Фарель, Бернар, Шапюи и Кароли, был всего лишь мушкетерской перестрелкой; но недалеко от этого города, в Невшателе, благодаря трудам Кальвина и Оливетана, торговец, такой же пикард, как и они, готовил ту мощную артиллерию, грозным залпам которой предстояло разрушить стены заблуждения, на руинах которых божественная рука должна была утвердить истину об Иисусе Христе.

Пьер Робер из Нуайона, по имени Оливетан, завершил работу, которую ему доверила Церковь. 4 июня 1535 года появилась первая французская Библия Реформации. [546] "Обладая острым и проницательным умом, - сказал один из ее читателей, который был вполне способен оценить работу, - переводчик не испытывает недостатка в образованности; он не жалеет ни труда, ни исследований, ни забот и умело выполняет обязанности переводчика Библии". [547] "Я сделал все, что мог, - сказал сам переводчик, представляя книгу своим братьям; "Я трудился и исследовал так глубоко, как только мог, живую сокровищницу чистой истины; но я не претендую на то, чтобы понять, что я сделал". полностью исчерпал ее". [548] Некоторые люди утверждали, что Библия Оливетана была всего лишь копией Библии Ле Февра из Этапля. Перевод Ветхого Завета, вероятно, начатый до путешествия Оливетана в Долины, является лучшей частью его работы, и его можно назвать оригинальным. [549] Двоюродный брат Кальвина, без сомнения, имел перед собой перевод своего предшественника; но последний не содержит трех последовательных стихов, в которых Оливетан что-либо не изменил. Его Новый Завет больше похож на Завет Ле Февра; тем не менее, в него были внесены многочисленные изменения. Было подсчитано, что новый переводчик исправил библейский текст доктора Сорбонны в двадцати трех тысячах пятистах местах и более чем в шестидесяти тысячах, если принять во внимание все тонкости стиля. [550] Доля Кальвина имеет отношение, в частности, к более поздним изданиям этой Библии. Что касается механической части, то два кузена нашли выдающегося помощника.

Пьер де Вингль (также известный как Перот Пикар) был одним из хороших печатников шестнадцатого века. Епископальный суд Лиона, где он жил, привлек его к ответственности за печатание "некоторых произведений, привезенных из Германии"; затем он нашел убежище в Женеве, но впечатление от Нового Завета и различных брошюр вынудило его в 1532 году бежать в Невшатель — реформированный город с 1530 года, — где вели себя более гостеприимно и вскоре после этого сделали его гражданином. Примерно в полудне ходьбы от Невшателя находится маленькая деревушка Серьер; здесь Вингл установил свои типографии, и этому скромному, но счастливому местечку, которое впервые услышало Евангелие, проповедуемое Фарелем, было суждено также стать первым свидетелем рождения Библии Оливетана. Последнее было датировано его посвящением,

Des Alpes, ce XIIe de feburier 1535,

как будто он хотел смешать долины Водуа Коттийских Альп, где зародилась эта идея, с теми районами Швейцарии, где она была реализована. Водуа собрали для этой публикации пятьсот золотых крон, сумму, эквивалентную примерно 2400 *фунтам* стерлингов.

=ОЛИВЕТАН - ЦЕРКВИ.=

Едва книга вышла из печати, как Вингл и его друзья разослали ее повсюду, где говорили на французском языке. "Разве Царь царей не провозгласил, - думали они, - что Его Слово должно

дойти до концов света?" "Люди, которые преподносят тебе этот подарок, - сказал Оливетан Церкви, - истинные люди терпения, которые в молчании и надежде преодолели все напасти. Долгое время они видели, как с тобой плохо обращались, ты казалась скорее бедной рабыней, чем дочерью и наследницей вселенского Правителя. Но теперь, когда ты начинаешь осознавать свое происхождение, эти люди, твои братья, выходят вперед и с любовью предлагают тебе все, что у них есть. Тогда не унывай, бедная маленькая Церковь! пойд и очисти свои запачканные лохмотья; пойд и омой свои запачканные руки. Желает ли ты всегда подчиняться хозяевам? Не пора ли подумать о Женихе? Вот драгоценный камень, который Он посылает тебе в качестве свадебного подарка и залога верного брака. [551] Боишься ли ты, что однажды Он оставит тебя вдовой, Тот, кто живет вечно? Мужайся! попрощайся с этой вероломной ведьмой, которую ты так долго называла матерью. Это правда, что ты не можешь принести своему мужу ничего ценного; но приходи, приходи смело со всей знатью и титулованными особами твоего двора, с твоими оскорбленными, отлученными, заключенными в тюрьму, изгнанными и ограбленными! Приходи со своими замученными, заклеяменными, обрезанными ушами, расчлененными! [552] Таковы те, кого Христос призывает восторжествовать вместе с ним в его небесном суде". [553]

Если результаты Библии, опубликованной в Невшателе, были более многочисленными, то результаты обсуждения в Женеве были более оперативными. Самые искренние католики были поражены, увидев, что люди, стоявшие на стороне Реформы, рассказывали о своей вере, в то время как те, кто был на другой стороне, хранили молчание. В этом контрасте было красноречие. Соответственно, священники, миряне и женщины, избавленные от своих предрассудков, заявили, что истина Божья, высказанная в ходедискуссии, открыла им глаза. Без сомнения, многие просто отказались от форм папства ради форм протестантизма. Отбросить суеверия, разрушить образы и отвергнуть авторитет папы римского было в их глазах Реформой: их главой был Ами Перрен. Но у большого числа женецев внутреннее движение, обращение сердца соответствовало внешнему движению. В этом городе были реки текущей воды, которые ни один человек не мог остановить и в которых многие утоляли свою жажду.

=ЗАДЕРЖКИ В РАБОТЕ СОВЕТА.=

Однако магистраты, далекие от реформирования римского богослужения, оставались неподвижными и безмолвными. Друзья Евангелия взяли инициативу в свои руки. Клод Бернар, брат Жака, одного из капитанов города, человек, полный рвения к истине, предстал перед советом 28 июня в сопровождении министров и нескольких знатных людей и заявил, что месса, изображения и другие выдумки и идолопоклонство, [554] противоречащие Священному Писанию, как показал диспут, пора их пресечь. Закон совести должен стать также законом государства. Бернард сказал: "Должен ли отец позволять детям, чью опеку Бог доверил ему, привязываться к заблуждениям, противоречащим истине Божьей?" Судьи, действуйте как отцы. Это будет во славу Божью и для спасения людей". [555]

Синдики и советы не могли прийти к решению. Шаг, который их попросили сделать, был шагом гиганта. Они боялись побудить католиков взяться за оружие, а герцога Савойского окружить Женеву своей артиллерией. Окончательно перейти черту, отделявшую старые времена от новых, было для них непосильным испытанием. Святой Павел и апостолы делали это в свое время, и реформаторы делали это сейчас; но женецкие синдики не были ни Павлами, ни Фарелями. Они боялись гражданской войны и эскалаций; они предпочитали ждать, пока

Реформа будет завершена без них, когда все изменится незаметно для кого-либо. Таким образом, совет медлил и ничего не предпринимал. [556] "Составление протокола обсуждения требует много времени, - ответил премьер-синдик Клоду Бернару. - Как только они будут составлены, мы посмотрим, что можно сделать". Великая эволюция Реформации была превращена этими достойными эдлами в вопрос составления протокола. Чтобы показать свою любовь к *существующему положению вещей*, они приговорили к трем дням тюремного заключения на хлебе, воде и страппадо гугенота, который уничтожил изображения, размещенные перед часовней Нотр-Дам.

Друзья Фарела решили подождать, но никаких изменений не последовало, хотя они ждали в десять раз дольше, чем требовалось для изучения протокола. Гугеноты считали, что совет укрывается в "извилистых убежищах", тогда как ему следовало бы действовать смело при свете дня. Евангелисты считали, что "поскольку Бог дает нам все открыто, тайны наших сердец также должны быть открыты и выставлены напоказ".

Никогда еще мужество и твердость не были так необходимы. Начинались великие страдания. Со времени диспута в город не поступило ни мешка пшеницы, ни воза дров, в то время как раньше они входили в большом количестве два раза в неделю. Не было ни яиц, ни масла, ни сыра, ни скота. Однако однажды мужчина из соседней деревни привел корову - какой запас для целого города! Но едва этот человек выбрался из города, как враг грубо схватил его и заставил заплатить втрое больше той цены, которую он получил. Если друзья хотели привезти какие-нибудь пустяковые припасы с ближайших ферм, они не осмеливались делать это при дневном свете. [557] Оказавшись доведенными до таких крайностей, несколько горожан один или два раза выходили из города за хлебом: их оскорбляли и избивали. "Увы! - говорили бедняги. - нам стоит только пошевелить кончиками пальцев или отойти на расстояние ногтя от города, как наши враги закричат, что мы опрокидываем небо и землю". [558]

Видя, что никакого прогресса достигнуто не было, евангелисты решили отстаивать свободную публикацию Слова Божьего. Им было недостаточно, чтобы это было напечатано, они хотели, чтобы это проповедовалось — не только в их собственных домах или в большом зале Рива, но и в церквях. В их стенах жил один из самых могущественных проповедников того времени — Фарел: они верили, что их долг по отношению к Богу и своим согражданам призывает их сделать так, чтобы его красноречивый голос был услышан толпой.

=ФАРЕЛ В "МАДЛЕН".=

22 июля был праздник Марии Магдалины. Торжественно зазвонили колокола, созывая верующих в церковь с таким названием, и в ее стенах уже собралось большое количество католиков и даже евангелистов. Должна ли была быть совершена латинская месса в память о той Магдалине, которой Иисус сказал: *Вера твоя спасла тебя?* Разве не следовало проповедовать те слова, с которыми Иисус обратился к ней, а не ту дрянь, с которой священники усыпляли свою паству? Именно об этом спрашивали друг друга реформаторы. Более того, они заметили, что у католиков, менее многочисленных, чем у протестантов, было шесть церквей, в то время как у последних едва ли было одно или два места отправления культа. Они добавили, что для завершения чудесной работы, начатой в Женеве, в храмах должны проводиться великие собрания. Кто—то крикнул: "Фарел". - "Да, Фарел", - повторили многие. - "Пойдем и приведем его"; и все они побежали в монастырь Рив. Реформатор только взошел за кафедру, когда ему передали послание. Фарел всегда был готов и верил, что имеет право

говорить в церкви. "Друзья мои, - обратился он к своей пастве, - сегодня мы должны проповедовать благую весть под сводчатым сводом церкви Мадлен и искоренить там идолопоклонство". Затем он спустился с кафедры и направился к огромной старой готической церкви с башней эпохи Карловингов, основание которой датируется одиннадцатым веком. Толпа его слушателей последовала за ним. Он вошел; его друзья изобразили радость: священник, стоявший перед алтарем, где он служил мессу, в тревоге остановился и убежал; его помощники последовали за ним, и все молящиеся хотели сделать то же самое. Но гугеноты, думая, что Слово Божье особенно необходимо им, закрыли двери. Это разбудило католиков, испуганные женщины завизжали, и все подняли такой шум, что реформаторы открыли двери и впустили тех, кто пожелал уйти. Оставалось, однако, некоторое количество нерешительных людей; и Фарель начал проповедовать с силой Спасителя, который простил Магдалину и который до сих пор прощает грешников.

Тем временем те, кто бежал, рассеявшись по улицам и домам, протестовали против скандала, а приходской священник, убежав в отель-де-виль, пожаловался в городской совет. Фарелу запретили снова проповедовать в этой церкви. Когда проповедь закончилась, католики вернулись, и священники отслужили мессу с еще большим рвением, чем когда-либо. Гугеноты не возражали, но они также утверждали, что никто не должен препятствовать их собраниям. Оба богослужения должны были быть свободными. Фактически, в тот же день на вечерне "эти негодяи (*каналы*), - говорит сестра Жанна, - снова завладели святой церковью, и после этого каждый день в ней по обычаю читали проповеди". [559]

Раздраженный совет вызвал Фарела к себе 30 июля. "Господа, - сказал реформатор, - вы сами признали, что все, что не может быть доказано Священным Писанием, должно быть замалчиваемо; почему же тогда вы медлите с этим? Разве защитники папства не были побеждены в наших дебатах? И разве почти весь город не распознал перст Божий в этом знаменательном поражении папства? Дайте нам приказы, которым мы можем повиноваться, опасаясь, что мы будем вынуждены ответить вам на основании Священного Писания о том, что *лучше повиноваться Богу, а не людям*. Соберите Совет двухсот, и пусть они решают". Синдики, зная, что "друзья реформы" имеют большинство в этом собрании, отклонили требование и повторили свой запрет Фарелу, добавив: *По веским причинам*.

Фарел считал их доводы плохими. В таком вопросе он знал только одно по-настоящему хорошее: *проповедуйте Евангелие всей твари*, сказал Господь. Он не ставил границ ни своему желанию торжества истины, ни своему ожиданию помощи от Бога, которая даровала бы ему победу. Святое честолюбие, которое нельзя было сдерживать, воодушевляло его, и, согласно словам Елисея, он *наносил удары пять или шесть раз*, пока враг не был побежден. Фарел был одним из тех людей, которых Бог поднимает для великих и спасительных революций: противодействие только разжигало его мужество.

=ФАРЕЛЬ В СЕН-ЖЕРВЕ.=

1 августа он отправился в Сен-Жерве, где было много сторонников Реформы. Встревоженные синдики послали охрану из пятидесяти человек; но Фарел взойшел на кафедру и проповедовал в старой церкви вечно новое Евангелие Иисуса Христа. 5 августа он стал еще смелее и провозгласил антиримскую доктрину в церкви, посвященной святому Доминику, отцу инквизиции. Этот евангелист исполнял свое служение не только в свое время и согласно собственному удобству: он никогда не щадил себя, какие бы неприятности ни доставляли ему

свои труды. Он призывал усталые души отдохнуть у ног Христа; он следовал за упрямыми; он спорил, порицал, умолял, увещевал. Он умножал стимулы к тому, чтобы медлить с вступлением на жизненный путь, и "его горячность всегда умерялась кротостью". Настал час, когда божественная истина должна была восторжествовать над человеческими ошибками; поэтому он умножил свои нападки. Оставалось нанести величайший удар. Раскат грома должен был вот-вот обрушить обильный дождь на измученную жаждой землю и излияние Святого Духа, сходящего с небес. [560]

Собор Сен-Пьер, три старые башни которого возвышаются над городом, сыграл огромную роль в его истории, и каждый женевец был привязан к его камням, хотя сейчас они были (так сказать) разбиты и разбросаны, а богослужение осквернено скорбными профанациями. Но чем больше было запустения, тем больше благочестивые люди желали увидеть этот величественный храм очищенным и благуя весть провозглашенной под его сводчатой крышей. Четырнадцать каноников все еще принадлежали ему, созданные для его защиты; но эти несчастные клерки, изолированные, напуганные и побежденные еще до того, как был нанесен удар, с трепетом ждали, пока волна Реформ, которая все еще продолжала нарастать, не вторгнется в их святилище. Им не пришлось долго ждать. В воскресенье утром, 8 августа, толпа женец-реформатов поднялась по улицам, ведущим к церкви, и приблизилась к ней с твердым намерением погасить свечу. "Когда ржавчина запятнала железо, - сказал один реформатор, - мы стараемся вернуть ему былой блеск: не должны ли мы в таком случае очистить Церковь Христову от толстого слоя ржавчины, накопившегося на ней за века тьмы?" [561] Войдя в благородное здание, реформаторы начали звонить в большой колокол, призывая людей услышать Евангелие. *Клеменс* звонила в последний час средневековья, в *De Defunctis* изображений, "этих богов священников", как называли их гугеноты. Часовня, в которой хранилась рука святого Антония, на которой люди обычно клялись в серьезных случаях, должна была быть снесена; вся эта масса восковых рук, предложенных верующими, и тысячи других реликвий, столь же нелепых, должны были исчезнуть. В этом храме, теперь "переполненном идолами", отныне должны были царствовать только Бог и его Слово.

=ФАРЕЛ ЗА КАФЕДРОЙ.=

Прибыл Фарел и поднялся за кафедру. Богослужение, которое они собирались совершить, не должно было быть обычным богослужением: вот-вот должна была свершиться религиозная революция. Церемонии были сутью папства. Теперь Фарел был полон идеи, что в христианстве нет церемониальных законов; что акт богослужения, совершаемый в соответствии с правилами Церкви, по этой причине не угоден Богу и не заслуживает похвалы; что перегружать верующих празднествами, преклонением головы, крестами, коленопреклонением перед изображениями и церемониями противоречит богослужению в духе; что наполнять церкви изображениями, приношениями, реликвиями и свечами - значит наносить удар по оправданию верой и заслуге смерти Христа, которая единственная спасает грешника. Он всем сердцем верил, что богослужение, согласно Новому Завету, не состоит из процессий, возвышений, приветствий, поклонов, преклонения колен перед воинством и других суеверных обычаев; что его суть - вера в Евангелие, проистекающее из него милосердие, терпение в несении креста, публичное исповедание Иисуса Христа и живая молитва сердца. При виде окружавших его статуй, картин, жертвоприношений по обету — при воспоминании о суеверных церемониях, которые веками оскверняли этот собор, Фарел в сильном волнении был готов на все, даже с риском для жизни, чтобы утвердить ту религию, которая есть *дух и жизнь*. "Эти идолы, - сказал он, указывая с

кафедры на изображения вокруг себя, - месса и все папство осуждены Святым Духом. Судьи, назначенные Богом, должны сносить все, что восстает против Божьей славы.' Изображения, если бы они сохранились, были бы в его глазах знаком победы католицизма; но если бы они пали, их падение провозгласило бы победу Реформации. Этот момент часто обсуждался: священники и набожные люди всеми силами противодействовали намерениям Фарела и утверждали, что для таких изменений требуется согласие генерального совета. Встревоженные политики возразили, что если они уберут изображения, то на одного врага в Женеве придется сотня — герцог Савойский, король Франции, император, папа римский, кардиналы и все епископы мира.

В то время в городе существовали две силы и две системы: реформаторы, чьи идеальные теории еще не были изменены реальностью, говорили, что государство, так же как и отдельные люди, должны стать новым творением; что Евангелие завершит эту работу преобразования; что Церковь изменит людей и превратит государство в царство Божье на земле.... Увы! эта задача все еще далека от выполнения, и возможно ли это когда-нибудь? С другой стороны, политики, не желая отвергать влияние Евангелия, считали, что государство занимает первое место в человеческом обществе и что без него невозможен порядок. Они верили, что магистраты, не будучи хозяевами веры, должны быть источником упорядоченности в Церкви, и, соответственно, государство обязалось сдерживать евангелистов. Это было предпринято позже, во времена Кальвина; теперь это было сделано во времена Фареля. Совет послал за ним после проповеди в церкви Сен-Пьер и спросил его, почему он проповедовал в соборе. "Я удивлен, - сказал реформатор, - что вы делаете преступлением то, что соответствует Писанию". Если, однако, он воздавал Богу то, что принадлежало Богу, он был готов воздать цезарю то, что принадлежало цезарю. Поэтому он выразил желание, чтобы законная власть вызвала реформаторов, и повторил свое требование о созыве Совета Двухсот.

Синдикат приказал ему прекратить свои проповеди в церкви Сен-Пьер до дальнейшего уведомления. [562]

[546] Annales de Boyne, ad annum.

[547] Кальвин, Письмо, стоящее во главе Библии 1535 года.

[548] Предисловие к Библии 1535 года.

[549] Оливетан воспользовался всеми еврейскими комментариями и парафразами, содержащимися в Библии Бомберга. (Венеция, 1518-1526.) Смотрите статьи М. Ройсса в "Revue de Strasbourg".

[550] Э. Петавель, *Библия во Франции*, стр. 106, 107.

[551] Согласно Оливетану, Библия — это "corbeille de mariage" - шкатулка с драгоценностями и подарками, которые жених посылает невесте.

[552] 'Viens avec tes tenaillés (torn with red-hot pincers), tes flétris, tes oreillés, tes démembrés.'

[553] Кальвин поместил два сочинения во главу тома: "Об истории наших императоров, королевских особ, принцев и народа Сумского в империи Христа" и "Предварительные рассуждения", которые долгое время стояли во главе древних женеvских Библий.

[554] 'Idolotramenta.' Registres du Conseil du 28 Juin 1535.—Farellus Calvino.

[555] 'Magistratus fungeretur officio patris . . . officium faceret pro gloria Dei et plebis salute.' Farel to Calvin, *Epist. Кальв.*—Хроника магистра де Розе, iii. стр. 37.

[556] 'Le conseil donc, délayant, ne faisait rien.'—Chronique MSC. de Roset, iii. p. 37.

[557] Коллекция Galiffe.

[558] Dépêches des Syndics, du 18 Juillet, aux Cantons Suisses.

[559] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 127.—Registres du Conseil du 23 Juillet.

[560] Registres du Conseil du 30 Juillet.

[561] Кельвин.

[562] Registres du Conseil du 8 Août 1535.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 142, 144.

ГЛАВА VI.

ИЗОБРАЖЕНИЯ И МЕССА ОТМЕНЕНЫ.

(с 8 по 11 августа 1535 г.)

Реформация протестовала против ритуального и достойного уважения богослужения; против множества праздников, освящений, церковных обычаев; против любого поклонения, какое бы оно ни оказывалось существам, изображениям и реликвиям; против привлечения посредников, узурпировавших функции Сына Божьего; наконец, и это главное, против мнимой искупительной жертвы, совершаемой священниками, которая заменяла единственную жертву, принесенную Иисусом Христом.

=ПЕСНОПЕНИЯ СВЯЩЕННИКОВ.=

Все это человеческое тщеславие вот-вот должно было исчезнуть. Фарель и его друзья ждали постановления о реформации, но пылкие гугеноты, среди которых Ами Перрен была самой активной, стали проявлять нетерпение из-за постоянных колебаний совета. Случайное событие вызвало энергичную демонстрацию с их стороны. В то же воскресенье (8 августа) во второй половине дня, на вечерне, каноники, снова собравшись в своей церкви, пропели псалом *In exitu Israël*, "Когда Израиль вышел из Египта", [563] и с предельной простотой повторили по-латыни то, что Фарель сказал утром по-французски:

Simulacra gentium argentum et aurum,

Opera manuum hominum.

Os habent et non loquentur.

Oculos habent et non videbunt.

Similes illis fiant qui faciunt ea

Et omnes qui confidunt in illis. [564]

Каноны не могли бы выбрать более подходящего текста. Некоторые гугеноты, знавшие латынь, возможно, лучше, чем они сами, улыбнулись и крикнули: "Эй, вы, священники, вы проклинаете в своих песнопениях тех, кто создал изображения и верил в них, и все же вы позволяете им оставаться". Однако на данный момент они сдержались. Магистраты продолжали повторять: "Нет необходимости отменять мессу и изображения; иначе очень грозные князья будут для вас подобны хищным волкам, бросающимся на овец". [565]

В этот момент произошла очень необычная вещь. Никто не хотел начинать работу, и все же она была выполнена. "Бог, - говорили реформаторы, - который держит мир в своих руках, любит выбирать презренное, а не то, что является великим и очевидным." На самом деле, это была озорная шутка каких-то детей, которая нанесла первый удар. "Для этой работы, - говорит Фромант, - Бог пробудил множество маленьких мальчиков". Эти дети часто слышали, как священники рассказывали об их ошибках и злоупотреблениях; а их родители добавляли, что с ними пора покончить. Они проскользнули в церковь Сен-Пьер, остановились, прислушались и были поражены странными интонациями каноников. Пробравшись в часть церкви, удаленную от той, где пели преподобные отцы, они начали играть, как мальчики своего возраста, "пока никто ничего не думал об этом", - говорит летописец. Они начали петь и кричать, подражая голосам каноников. Вскоре они подняли сиденья низких скамеек, на которых обычно сидели преподобные отцы, когда не были заняты службой, и с шумом уронили их. Всем известно, с какой любовью маленькие мальчики относятся к развлечениям такого рода. Они резвились, но в их играх было определенное противодействие богослужению, которое осуждали их отцы. Раздражительность их возраста увлекла их прочь. Они увидели в углу некие предметы, напоминавшие кукол; они не могли устоять перед желанием взять их; и, схватив "манекены священников", [566], как называет их Фромант, они начали перебрасывать друг другу маленькие гротескные фигурки, которыми были украшены часовни.

=ИЗОБРАЖЕНИЯ РАЗБИТЫ.=

В этот момент Перрен, Гуле и их друзья, привлеченные, возможно, шумом, вошли в собор. Они увидели, что великая казнь началась; дети были с ними заранее. Страсть и порыв увлекли их. Они знали, что в компетенции правительства была только разработка реформы; но когда правительство уклоняется от выполнения своего долга, что же делать? "Мы обратились к совету с просьбой снести идолов, - сказали они, - но он не сделал этого из-за недостатка мужества. Давайте же придем ему на помощь и сделаем то, что повелевает Бог". Тотчас же отважные горожане, зайдя дальше детей, проникли в хор, где пели священники, и последние в тревоге спросили, что собираются делать эти миряне. "Внезапно, - говорит хронист, - Перрин и его спутники повалили идолов на землю и разбили их". Дети, увидев это, начали бегать вокруг и "прыгать на этих маленьких божков". Подобрав осколки, они с ликованием подбежали к двери и крикнули людям, собравшимся перед церковью: "Вот боги священников, хотите кусочек?" В то

же время они бросили осколки в толпу. Наступило большое замешательство. Более мудрые головы безуспешно доказывали, что эту реформаторскую работу следует оставить совету; у этих гугенотов не было никаких сомнений относительно своего долга. Если магистраты не желали уничтожать изображения, то Библия предписывает это. "Солнце сейчас восходит, - говорили они, - и рассеивает по всему христианскому миру густые тучи, которые затемняют религию Иисуса Христа".

Порядок вещей в средние века действительно был несовместим с новыми потребностями общества. Позже, во времена Кальвина, после того, как была одержана первая победа, было важно утвердить христианскую доктрину и создать христианское общество; но теперь настало время Фарела. Необходимо было апеллировать к духу свободы и энергичному развитию воли — это признал один консервативный писатель [567] — необходимость в первые века, во время утверждения христианства; это было не меньшей необходимостью и в шестнадцатом веке. Силы, вторгшиеся в Церковь, были настолько живучи, что работа, необходимая для их свержения, была делом революции и войны. Моральный факт был одним и тем же в эпоху этих двух великих устроений. Тот, кто аплодирует топору, разбившему колоссальную статую Сераписа в Александрии, [568] не может винить того, кто разрушил изображения порочного культа в храмах Женева.

Велика была скорбь, которую испытывали верующие во время этой казни; казалось, они смотрели на падение самого папства. Некоторые, оставшиеся в церкви, издали наблюдали за душераздирающим зрелищем. Глупые женщины города, говорит Фроман, начали плакать истонать. "Увы! наши добрые святые, наши священные изображения (говорили они), перед которыми мы преклоняли колени!... Кого нам теперь боготворить?" — и они "проклинали этих собак (кань)".

Новый и еще более поразительный поступок усилил гнев священников и их сторонников. Из всех римских догм не было ни одной, которая вызывала бы у гугенотов большее отвращение, чем пресуществление. Утверждать это (они утверждали) означало предполагать, что Иисус Христос, человек и Бог, превратился в маленький пирог. И вот французский беженец Мегрэ по прозвищу Великолепный, человек без жалости к римским заблуждениям, найдя в церкви несколько облаток, бросил их на землю; его собака, следовавшая за ним по пятам, набросилась на них и съела. "Если бы эти маленькие пирожные были настоящими богами, - сказал безжалостный Мегрэ, - они бы не позволили съесть себя этому чудовищу". [569] Никто не боролся с доктриной пресуществления более энергично, чем Кальвин, но он не одобрил бы такой грубый способ действий; позже он категорически осудил его. "Давайте не будем слишком вольничать", - сказал он.

=ОТКРЫТИЯ ГУГЕНОТОВ.=

Ужасу священников не было предела; они выбежали из церкви, поспешили в отель-де-виль и рассказали совету о только что произошедших сценах насилия. Синдикаты, раздраженные тем, что гугеноты пренебрегли их приказами, послали в собор двоих из своих — Антуана Чикана и Ами Бандьер. Они были "очень взволнованы", кричали и угрожали "тем, кто это сделал". Но реформированные не были склонны уступать. Они сделали странные открытия. Некоторые из тех, кто начал искать знаменитую руку святого Антония, на которой в важных случаях обычно приносились клятвы со звоном колоколов и большой помпой, нашли не руку святого, а конечность оленя. Другие, открыв драгоценную раку, в которой находилась голова святого

Петра, извлекли оттуда кусок пемзы вместо черепа. "Смотрите, - восклицали они, показывая эти предметы окружающей толпе, - смотрите, чему жрецы заставляли нас поклоняться". Это дало другое направление негодованию делегатов совета, и один из них, возмущенный таким подлым мошенничеством, сказал другому: "Если боги жрецов - истинные боги, пусть они защищают себя сами. Что касается нас, мы больше ничего не можем сделать". Гугеноты, желая, чтобы об этих скандалах стало известно народу, поместили пемзу и оленью кость под великолепные навесы и приготовились пронести эти драгоценные реликвии апостола и святого по всему городу. Новое шествие привлекло огромную толпу, и отвратительная ложь, доказательством которой оно было, открыла глаза самым упрямым. "Теперь мы знаем, - сказали они, - цену словам священников! Они заставили нас заплатить пять флоринов за церемонию; они сделали вид, что если кто-нибудь даст ложную клятву, святой отсохнет у него на руке. Все это было сделано только для того, чтобы напугать и ограбить нас". Все начали презирать духовенство, которое на протяжении стольких веков таким образом играло на доброй вере народа. Один старый писатель сказал: "*Справедливость есть справедливость*". [570] "Горе книжникам и фарисеям, лицемерам!" [571]

Вечером некоторое количество горожан собрались вместе после ужина, когда более взволнованные "предложили обойти другие церкви и повсюду разбрасывать идолов". — "Нет, - ответили более мудрые, - не сейчас; если бы мы сделали это в столь поздний час, люди сказали бы, как в древности на Пятидесятницу, что мы *напились молодого вина*. Давайте подождем до завтрашнего утра". [572] Таково было общее мнение.

На следующий день, в понедельник, 9 августа, ранним утром на улицах забили барабаны. Некоторые люди спросили, "Была ли какая—нибудь тревога из-за врага". - "Успокойтесь, - ответили они, - это всего лишь борьба против Рима и его идолов". Все проходило в строгом порядке: граждане были выстроены в свои роты. Бодишон де ла Мезоннев, Пьер Вандель и Ами Перрен, которые были тремя капитанами города, встали во главе их, а затем все они под бой барабанов направились к церкви Сен-Жерве. Это была не буйная банда, но большинство людей наступало по приказу своих обычных капитанов. Ни у кого из этих граждан не было ни малейших сомнений относительно законности его действий. Новый крестовый поход, как и поход Петра Отшельника, был завершен под крик: "*Такова воля Божья!*"

=СКАНДАЛЫ В СЕНТ-ЖЕРВЕ.=

В Сент-Жерве были скандалы еще более громкие, чем в Сент-Пьере. Священники, чтобы раздобыть денег, сделали вид, что святой Назер, святой Цельс и святой Панталеон похоронены под главным алтарем. Когда бедная женщина приблизилась, она услышала смущенный шум. [573] "Это голоса святых тел, - сказали священники, - молящихся о том, чтобы их подняли и причислили к лику святых; но для этого требуется большая сумма денег". Другие рассказывали, как глубокой ночью по кладбищу часто видели маленьких светящихся существ. "Это души из чистилища, — объяснили священнослужители. - Они бродят тут и там, прося мессы за свое освобождение". Некоторые люди, желая узнать правду, однажды ночью пробрались на кладбище, поймали несколько этих бедных душ и обнаружили, что они были крабами с зажженными маленькими восковыми свечками, прикрепленными к их спинам. [574] Легкомысленные люди смеялись, но серьезные люди, видя, на какие преступные маневры были доведены священники жаждой наживы, были охвачены ужасом. "Алчность настолько возбуждает их, — сказал однажды Кальвин, — что нет ничего, чего бы они не испробовали,

каким бы ужасным это ни было - предательства, бесчисленные махинации, ненависть, отравления, - как только блеск серебра или золота ослепит их глаза".

Три капитана и их роты, добравшись до церкви, начали с исследования склепа, где стонали три святых, и обнаружили хитрость. Они нашли под алтарем два глиняных сосуда, соединенных трубкой и пронизанных отверстиями, как в органной трубе, так что малейший шум над сосудами производил эффект органных мехов и производил звук, похожий на невнятное бормотание разговаривающих людей. [575] "Бедные паписты не могли в это поверить". — "Нет! - сказали они. - Это Святой Назер, святой Цельс и святой Панталеон". — "Тогда приходите и посмотрите", - ответили реформаторы. Они пришли и увидели, и "с того часа некоторые из них отказались больше верить в подобные злоупотребления". [576]

=ЧУДЕСА В СОБОРЕ СВЯТОГО ДОМИНИКА.=

Когда суд в Сен-Жерве свершился, три капитана направились к церкви Святого Доминика, одному из главных святилищ папства между Юрой и Альпами. Там творились великие чудеса: гугеноты называли их "великим мошенничеством". Прекрасное изображение, украшенное дорогими украшениями и представляющее Богоматерь, стояло в церкви и обладало силой (как говорили) возвращать к жизни детей, умерших без крещения. Бедняки съезжались в Женеву со всей округи со своими безжизненными маленькими детьми и клали их на алтарь перед образом. Тогда перо, приложенное ко рту младенца, взлетало в воздух, или же щеки его заливались румянцем: иногда ребенок потел. Зрители закричали: "Чудо!" "Ребенок воскрес" (*ревикулле*), - сказали монахи. Тут же зазвонили колокола, ребенка окрестили, а затем похоронили. "Ребенок так и не был возвращен живым своему отцу или матери, - говорили гугеноты, - и все же им пришлось дорого заплатить за это". Горожане подняли алтарь и обнаружили под ним две машины: с одной стороны были определенные инструменты, на которые они дули, чтобы заставить ребенка дышать, а с другой - несколько камней, которые нагревались, чтобы заставить ребенка покраснеть или вспотеть. Мазь, которой они намазали его, стала мягкой и придавала определенный оттенок его мягкости. "В самом деле, — воскликнули женевцы, - тех, кто верит в подобную неуклюжую нелепость, следовало превратить в чурбаны!" С тех пор Пресвятая Богородица перестала творить чудеса. [577]

Группа реформаторов, пройдя в трапезную, обнаружила там резьбу, изображающую большую толстую женщину за столом, разрезающую большой пирог, а вокруг нее сидят монахи. Ниже были эти слова из псалма sxxxiii. *Смотрите, как хорошо и как приятно братьям пребывать вместе в единстве!* В этот момент подошел Фарел: "Так ли, отцы мои, - сказал он, - вы истолковываете Священное Писание? Разве вы недостаточно глумились над людьми, но вы должны глумиться также и над Словом Божьим? По какому праву вы приспособляете это к своему обжорству?" "Увы! - воскликнули монахи, - простите нас; вы пришли слишком поздно, чтобы заставить нас отказаться от наших добрых обычаев". [578]

Тем временем несколько гугенотов остановились перед другой скульптурой, которая их весьма поразила. Наверху они увидели дьявола с семью головами: от дьявола произошел папа с его тройной короной; от папы произошли кардиналы; от кардиналов - епископы, монахи и священники... а под ними была раскаленная печь, олицетворяющая ад. Реформатские женевцы были поражены, обнаружив в монастыре св. Доминик - сатира на папство, более резкая, чем все, что они когда-либо могли себе представить. [579]

Три капитана и их отряды прибыли, наконец, к Арве, где стояла церковь Нотр-Дам; но синдик, узнав о происходящем, прибыл в то же время и, желая спасти знаменитое изображение Пресвятой Богородицы, приказал отнести его раньше них в отель-де-виль. Недостатка в насмешках не было; люди спрашивали, собираются ли они творить чудеса с этой картиной? и они были вынуждены сжечь его в большом зале, чтобы избежать шуток, которыми их осыпали.

Кампания закончилась; граждане вернулись в свои дома; христианское сознание одобрило их работу. Пресечение стольких постыдных мошенничеств — разве это не было предписано Небесами? С того дня месса больше не служилась ни в одной церкви. [580] Акция граждан была больше, чем народным движением: она укрепила Реформу. Никто не осудил бы мерзкие выходы священников больше, чем честный и храбрый Лютер. И все же Лютер, выдвигая на первый план великое учение об оправдании человека верой, громыхал против индульгенций и других мнимых добрых дел, но терпимо относился к изображениям; в то время как Цвингле, Фарель и Кальвин, уделяя особое внимание Богу, Его славе и Его благодати, протестовали против всякого апофеоза творения, против всего язычества и особенно против всех изображений в храме Господнем. В этом-то и заключалась характерная разница между лютеранством и реформой.

Велики были скорбь и гнев священников. Собравшись вокруг руин того, что они обожали, одни хранили молчание, в то время как другие издавали крики ужаса. Угрозы духовенства были таковы, что встревоженный совет в тот же день вызвал к себе трех капитанов и спросил, намерены ли они подчиняться приказам. "Конечно, - ответили они, - мы уничтожили изображения, потому что они были установлены вопреки Слову Божьему". Синдики, пораженные твердостью этих людей, созвали совет Двухсот на следующий день. [581]

На следующий день было 10 августа, памятный день, который должен был решить судьбу Женевы. По всему городу царил сильное волнение. Некоторые из друзей Рима все еще надеялись, полагаясь на древность своих форм и традиций; но реформаты верили, что дело Реформации победило, поскольку на ее стороне были Бог, Его Слово и большинство граждан и советов. Когда двести сенаторов заняли свои места, а рядом с ними сидело множество других известных людей, появился Фарель в сопровождении Пьера Вире, Жака Бернара и нескольких мирян. В его худощавой внешности, загорелом лице и рыжей бороде, которых так боялись священники, не было ничего внушительного; но в этом человеке было сердце, горящее любовью к Евангелию Христа, и с его толстых губ лились потоки мужского красноречия, которые увлекали всех слушателей. Он продвигался твердо и уверенный в победе Реформации. Написано: *Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир. Не бойся*. В собрании было много разговоров и волнения: люди, составлявшие его, предчувствовали великие события; они чувствовали важность кризиса и, полные тревоги о том, что произойдет, устремили свои взоры на Фарела.

=ФАРЕЛ ПЕРЕД СОВЕТОМ.=

Когда было объявлено молчание, реформатор, держа в руке протокол диспута, начал говорить и выбрал в качестве основных пунктов дискуссии поклонение изображениям и жертвоприношение во время мессы. Он напомнил им, "что большинство из тех, кто требовал их содержания, воздержались от явки; что другие не смогли защитить их, и что многие отвергли их. "Почему, - воскликнул он, - всем не следует принять Евангелие? Мы готовы, мои коллеги и я, не только публично исповедаться, но (при необходимости) окропить это своей кровью". Затем,

обратившись непосредственно к собору и возвысив свой "громовой глас", как говорит римско-католический автор, он призвал ассамблею вынести решение, которое должно воздать славу Богу. "Что?" - сказал он. "Власть папства падает, и вы подняли бы руки, чтобы поддержать то, что низвергает Бог? Вы всегда будете колебаться между двумя мнениями? Если папа действительно изрекает пророчества, слушайте его; но если голос, который мы слышим в Священном Писании, - это голос Бога, делайте то, что он предписывает". — Здесь Фарел остановился: он почувствовал важность решения, которое вот-вот должно было быть принято, и его охватило глубокое волнение. Подняв руки к небу, он воскликнул: "О Боже! просвети этот совет, дай ему понять, что речь идет о Твоей славе и спасении всего этого народа; умерь громкое хвастовство священников, [582] и сделай так, чтобы Твое дело восторжествовало". Эта "искренняя молитва", как она называется в рукописи, произвела глубокое впечатление на всех, кто ее слышал.

Началось обсуждение: оно было спокойным, серьезным, вдумчивым и отмечено всем достоинством, которого требовало такое важное дело. Самые ревностные реформаторы хотели бы немедленного прекращения папства в Женеве, но совет счел разумнее действовать медленно. Поскольку Фарел бросил новый вызов священникам, премьер-синдик предложил призвать их защитить мессу и поклонение изображениям, если они смогут. Тем временем было приказано (чтобы не оскорблять католиков) прекратить снос изображений и (чтобы не оскорблять реформаторов) прекратить проведение мессы. Эти резолюции были приняты почти единогласно. [583]

Но Рим уже был побежден, и друзья реформаторов горели желанием доказать это. Мирянин встал и сказал: "Вы зовете священников, но я очень боюсь, что в городе не осталось ни одного. Все они думают о том, чтобы сбежать и унести церковные сокровища. Почему мы всегда должны тянуть время? Реформа злоупотреблений, которые изуродовали религию, отнюдь не повредит ее существованию, а вернет ее к самой себе, подобно тому, как мытье замызанной картины возвращает ее в первобытное состояние. Этот епископ, эти священники, те граждане, которые убегают, - это не Церковь, это всего лишь дезертиры." Собор единогласно постановил, что бежавшие римские священники не уносили с собой Женевскую церковь, и приказал провести инвентаризацию всего церковного имущества. На этом заседание закончилось. [584]

=КОНФИСКАЦИЯ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА.=

Месса была подавлена: это был огромный шаг. Отмена мессы означала отмену папства. Реформа была немедленно приведена в исполнение. На следующий день (11 августа) был издан официальный приказ "не петь и не служить мессу" в Женеве. Испуганные жрецы повиновались: они втянули свои рога, спрятались и тщательно следили за тем, чтобы не было слышно ни малейшего песнопения. Вскоре случилась новая беда. Они видели, как члены совета входили в церкви и составляли опись мебели, драгоценностей и церковного имущества. С опущенными глазами и безмолвными губами римские министры наблюдали за исчезновением прекрасных портретов, пиксисов, чаш и других драгоценных произведений искусства, которые были перенесены в безопасное место, недоступное для ветхости. Они были оценены более чем в десять тысяч крон. С того дня в городе не проводились римские богослужения. Среди духовенства нельзя было найти ни одной из тех восторженных душ, которые бросаются в самую гущу опасностей, чтобы поддержать и провозгласить свою веру.

Однако эти смелые действия не прошли без ропота. Население в целом поддерживало римское богослужение, и были слышны некоторые возгласы протеста. "Если мессу больше не будут петь,

- сказали синдикам некоторые робкие души, - народ может восстать". [585] "Ах! - сказали некоторые благоразумные люди, - если мессу будут петь снова, это вызовет еще большее волнение". Поэтому совет сохранил этот запрет. Нескольких католиков, верных вековым суевериям, можно было увидеть входящими в канонические часы в безмолвные церкви, бродящими, как призраки, по пустынным проходам и проливающимися слезы. Увы! больше не было ни песнопений, ни молитв, ни месс, ни литаний, ни воскурения ладана! Священники и орган — все молчали.

В те тревожные дни лишь немногие женщины проявили хоть какое-то мужество. "Мы не будем поднимать знамя", - заявили сестры Сент-Клер. И действительно, они слушали мессу, но при закрытых дверях и на низких тонах в середине хора, а иногда, для большей безопасности, в трапезной. Ревностные католики украдкой стучались в ворота монастыря и шепотом умоляли допустить их на мессу, совершаемую без пения и помпы. Они приступали к службе с трепетом: наостряли уши и пугались малейшего шума. Эта верность длилась недолго. Пять дней спустя, 5 августа, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, состоялось последнее причастие. Отец-исповедник и его спутники, робко отслужив мессу, выскользнули из города. [586]

=ХРИСТОС, А НЕ ЦЕРЕМОНИИ.=

В то время как ночь постепенно опускала свое покрывало на папство и его последователей, солнце поднималось все выше над друзьями Святого Писания. Не было больше латинских песнопений, театральных поз, священнических одежд, картин и благовоний; ничего из тех приятных глазу, уху или обонянию обрядов, которые так долго царили в Церкви; но на их месте был Иисус Христос; — Христос в прошлом, искупающий на кресте грехи Своего народа; — Христос в настоящем, всегда среди Своих последователей, оживляющий, освящающий и утешающий их сердца. Эти христиане вступили в новую эру истины и милосердия, к которой их пригласили реформаторы. В то время как соборы были заняты главным образом поддержанием спокойствия; в то время как большая часть общества стремилась только к независимости и свободе — драгоценным благам, которых, однако, не может быть достаточно, — небольшая группа истинно благочестивых душ, признающих Сына Божьего автором новой жизни, решила следовать за ним, куда бы Он их ни повел.

Окончание мессы, которое приходится на 10 августа, было расценено реформатами как знак победы, и Женевская церковь, приняв эту идею, каждое столетие в августе месяце (считая с 1535 года) отмечает юбилей своей реформации. После трех лет борьбы была одержана первая победа; но четвертый год должен был пройти до окончательного утверждения Реформы. Поэтому давайте продолжим наш поход до мая 1536 года и даже до прибытия Кальвина.

[563] Псалмы cxiv. и cxv. В Вульгате cxiii.

[564]"Их идолы - серебро и золото, дело рук человеческих. У них есть уста, но они не говорят; у них есть глаза, но они не видят. Те, кто их создает, подобны им, таков и каждый, кто уповает на них".

[565] Froment, *Gestes de Genève*, p. 144.

[566] 'Les marmousets des prêtres.'

[567]М. Гизо.

[568] Созомен, vii. 15.

[569] Froment, *Gestes de Genève*, p. 146.

[570] Вергилий, *Энеида*, x. 716.

Но в остальном войска, вдохновленные ненавистью

И справедливая месть, против уволенного тирана.—Драйден.

[571] Матфея, xxiii. 14.

[572] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 144-146.—Registres du Conseil du 8 Août 1535.

[573] 'Bonæ vetulæ mulieres solebant suos chapelettos, in eas quas credebant ibidem esse sanctas reliquias, demergere.'—Registres du Conseil du 8 Décembre 1535.

[574] Froment, *Gestes de Genève*, p. 149.

[575] 'Duo vasta terrea habebant vaginam seu conductum terreum de uno ad alium; adeo ut vasa, sic sibi respondentia, resonarent ad modum murmuris hominis.'—Registres du Conseil du 8 Août 1535.

[576] Froment, *Gestes de Genève*, p. 150.

[577] Froment, *Gestes de Genève*, p. 152.

[578] Там же. стр. 151.

[579] Froment, *Gestes de Genève*, p. 153. Гравюра с этой картины приведена в издании Froment, опубликованном М. Ревиллиодом.

[580] Registres du Conseil du 9 Août 1535.

[581] Registres du Conseil du 9 Août 1535.

[582] 'Rabats le haut caquet des prêtres.'

[583] Registres du Conseil du 10 Août 1535.—MSC. Шыэ.

[584] Там же.—Хроника Розета, iii. глава xxxvii.

[585] Registres du Conseil, ad annum.

[586] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 144, 145.—Registres du Conseil des 10 et 12 Août.—Chron. MSC. de Roset.

ГЛАВА VII.

СВЯЩЕННИКИ, МОНАХИ, МОНАХИНИ И ГЛАВНЫЙ ВИКАРИЙ УХОДЯТ.

(Август -декабрь 1535 г.)

Реформация протестовала против иерархии. Она отрицала, что Христос дал Церкви или ее главам право издавать законы, исполнением которых христиане будут оправданы перед Богом. Реформация протестовала против монашества. Оно отрицало, что уединенная жизнь может заслужить спасение и дать благочестие, превосходящее то, чего Слово Божье требует от всех христиан; оно упрекало монашескую дисциплину в принижении божественных институтов брака, управления и труда; и было поводом для отступничества и неслыханного скандала.

=МОНАХИ НЕМЫ.=

Священники были готовы покинуть Женеву и унести с собой эти злоупотребления; но собор, который всегда стремился действовать справедливыми путями, не осудил бы их, не выслушав. Монахи из разных монастырей, деморализованные и дрожащие, как преступники, действительно, в большом количестве бежали. Тем не менее, некоторые остались, и они получили приказ предстать перед Великим Советом, чтобы защитить свою веру. Они были очень встревожены, но приказ был безапелляционным. Утром 12 августа эти члены ордена Святого Доминика, Святого Августина, Святого Франциска и несовершеннолетние из Ste. Клэр, которая все еще была в Женеве, прибыла в отель-де-виль. Их было двенадцать человек, жалкие остатки тех могущественных организаций, которые долгое время обладали такой огромной властью в городе. Двенадцать человек, стоя со склоненными головами перед советом, выслушали краткое изложение диспута, и это усилило их тревогу. Премьер-синдик спросил их, могут ли они что-нибудь сказать в пользу мессы и изображений, но все промолчали. Святой Доминик, святой Франциск и даже святой Августин были немые до Реформы. Синдики, желая любой ценой добиться от них звука, приказали вызывать монахов одного за другим. Первым был вызван Шапелен, брат святого Доминика. "Мы простые люди, - сказал он, - которые не могут ответить из-за недостатка знаний. Мы привыкли жить так, как жили наши отцы, и верить так, как верит Церковь. Не спрашивайте нас о вещах, находящихся вне нашей досягаемости". Другие монахи были единодушны в просьбе разрешить им не задавать подобных вопросов. Монашество пало в Женеве на фоне всеобщего изумления и негодования.

Но вслед за монахами пришли священники. Монсеньор де Бонмон, викарий-епископ, по просьбе совета собрал каноников и светское духовенство в своем доме. В тот же день (12 августа) во второй половине дня почтенная депутация синдигов и советников, желая почтить церковь, отправилась к великому викарию, вместо того чтобы заставить его прийти в отель-де-виль, как монахов. Мудрый и благочестивый Савойя, избранный представителем, сообщил священникам, что краткое изложение великого диспута составлено и его скоро зачитают им, "чтобы они могли прийти к лучшему решению". Последние проявляли меньше слабости, чем монахи. Возмущенные тем, что миряне осмеливаются катехизировать священство, они надменно ответили: "Мы не хотим слушать ваши дебаты, и нам все равно, что сказал Фарел. Мы хотим жить так, как жили до сих пор, и просим вас оставить нас в покое". Поскольку священники отказались от предоставленной им возможности обосновать свои доктрины, представители государства запретили им служить мессу до дальнейших распоряжений. Несколько дней спустя собор приказал им "поклоняться Богу согласно Евангелию" и запретил им совершать "любой акт папистского идолопоклонства". [587]

Таким образом, была совершена великая и спасительная революция. Римские священники, видя, что их огромные храмы теперь безмолвствуют, их богатые аббатства опустели, а сами они погружены в молчание, решили покинуть Женеву. Страх быть задержанными заставил их прибегнуть к различным средствам. Вечером или ранним утром они крались из города, или же, прячась днем в каком-нибудь уголке, убегали ночью. Священники, миряне, женщины, держащие за руки своих детей, прощались с жизнерадостным городом, с берегами прекрасного озера и его улыбающимися холмами. Они любили Рим, и Рима им было достаточно. 13 августа в совете раздался крик тревоги: "Женева, - было сказано, - потеряв часть своего населения, потеряет свое значение". Но произошло обратное. Исповедники Евангелия, вынужденные покинуть свою страну во имя веры, и особенно французы, должны были заполнить пустоту, образовавшуюся из-за приверженцев папы римского.

Массовый исход продолжался днем и ночью, но не без трудностей. Жан Режис, священник, и двое его коллег однажды темной ночью прокрались на задворки монастыря Святого Виктора, проникли в конюшню и вывели трех лошадей. Они готовились взобраться на них, когда были арестованы. Совет собрался через два часа после полуночи и отправил в тюрьму священников, которые убегали на украденных лошадях. [588] Собор запретил духовенству возлагать руки на то, что им не принадлежало, но не на то, чтобы ходить туда, куда им заблагорассудится.

Однако большому числу духовных лиц и мирян удалось завоевать владения герцога Савойского, и куда бы они ни приезжали, они возбуждали гнев католиков против Женевы. Надвигающаяся буря становилась все более угрожающей. Женевцам было недостаточно увидеть, как опустошаются их поля, они узнали от Савойи, что сам город будет разрушен. Горожане трепетали от гнева: "Поскольку нападение должно быть совершено в пользу папства, - сказали они, - это правильно, что папство должно платить за оборону". Поэтому совет постановил, что церковные драгоценности должны быть направлены на нужды государства. Священники Сен-Жермена, Сен-Жерве и других приходов принесли свои реликвии и сосуды; но прокторы церкви Мадлен явились в ратушу с пустыми руками и спросили: "По какому праву вы требуете наши сокровища?" В то же время бывший синдик Жан Бальяр и другие католики, воспользовавшись случаем, воскликнули: "Почему вы лишаете нас наших месс?" Но совет был тверд, и священники Мадлен, совершенно убитые горем, были вынуждены принести свои чаши и другие сосуды, чтобы помочь в борьбе с защитниками их веры. Поскольку стоимость этих украшений не превышала трехсот крон, к ним были добавлены украшения Сен-Пьера. [589]

=ПАВЕЛ III. ПРОИНФОРМИРОВАН.=

Женеве пора было быть настороже. В начале сентября 1535 года посол герцога Савойского, принца Пьемонтского, проинформировал папу римского (от имени своего господина) о том, что произошло, и потребовал немедленных репрессий. Он сказал понтифику, что "10 августа несчастные лютеране отменили религию; что они вошли в церкви, выбросили реликвии и изображения, объявили мессу надругательством и заставили священников проповедовать". Павел III. был как громом поражен; но, верный своим молчаливым привычкам, он выразил свое удивление только знаками. Он пожал плечами, сказал посол, как будто дрожь ужаса пробежала по его телу. Затем, склонив голову, он тихо вздохнул и произнес: "Святая Дева! Святая Дева!" - и погрузился в глубокое молчание. Но если его губы были немые, а тело неподвижно, то его ум, полный активности, был взволнован и искал какой-нибудь способ вызвать зло. Наконец, нарушив молчание, он повернулся к послу: "Скажите герцогу, что он вел себя как хороший

служитель Церкви. Он сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить эту катастрофу. Пусть он упорно следует тем же курсом". [590] Герцог понял его и, заручившись поддержкой папы римского и своего шурина императора, продолжил приготовления против Женевы.

=ФАРЕЛ ПРОПОВЕДУЕТ МОНАХИНЯМ.=

В это время дома священников, оставшихся в городе, и проходы почти опустевших монастырей оглашались воплями. Особенно это было в монастыре Святой Клары.

. . . Penitusque cavæ plangoribus ædes

Femineis ululant. [591]

Этот монастырь был единственным, заслуживающим какого-либо интереса: реформаторы хотели попытаться внести в него немного света. В воскресенье Октавы, после Посещения Пресвятой Девы, синдики вместе с Фарелем, Виретом, одним из монахов, принявших реформу, и примерно дюжиной знатных людей города появились там около десяти часов. Когда сестры собрались, Фарел взял для своего текста Евангелие того времени: "*Maria abiit cum festinatione in civitatem Judæ*": "Мария поспешила в город Иудейский", [592] и попытался просветить монахинь. "Видите ли, - сказал он, - Дева Мария не вела уединенной жизни; она усердно помогала другим и отправилась в город, где жила ее двоюродная сестра, которая была старше ее, чтобы оказать ей услугу. Бог сказал в дни Сотворения Мира: *нехорошо, что человек должен быть один*. Почему же тогда человек должен противоречить этому закону Божьему? Господь не желает, чтобы совесть подвергалась каким-либо ограничениям, поскольку он дал ей свободу. Следовательно, служение Богу в монастырях является дьявольской тиранией". При этих словах мать-викария, вспыхивая женщина, поспешно встала, покинула свое место, подошла и встала между сестрами и *еретиками* резко сказала последним: "Убирайся, здесь ты ничего не добьешься!" — "Возвращайся на свое место", - сказали синдики; но мать ответила: "Я ничего подобного делать не буду". В результате они выгнали ее.

Фарел продолжил: "Что это за монашеская жизнь, которая заменяет священный брак и свободу? Это жизнь, полная великих злоупотреблений, чудовищных ошибок и плотского разврата". При этих словах сестры начали кричать: "Это ложь", - и в гневе плюнули в реформатора. [593] Но Фарел, который пережил вещи похуже этого, сказал исповеднику: "Мы знаем, что многие из этих бедных молодых женщин охотно пришли бы к истине и свободе, если бы вы и старики не держали их так близко". Произнося эти слова, он был остановлен громкими ударами, которые помешали ему быть услышанным. Это была мать-викария, которая слушала его; она ударила кулаками по перегородке и закричала: "Ха! ты несчастный, проклятый человек! Ты зря тратишь слова на уговоры. Ба! ты ничего из них не добьешься! - Затем она подкрепила свои слова ужасной барабанной дробью по панелям. [594] Некоторые сестры заткнули себе уши воском, чтобы не слышать проповеди Фарела. Последний, вспомнив поговорку "*Не отдавай того, что свято, собакам*", удалился, и делегация спустилась по лестнице. Монах, принявший Реформу, был последним в ряду; одна из сестер шла позади него, колотя его кулаками по плечу и приговаривая: "Несчастный отступник, прочь с моих глаз!" "Но этот славный малый, казалось, не замечал их, - говорит Жанна, присутствовавшая при этом. - он не сказал ни слова, у него парализовало язык". [595] Чего нельзя было сказать о матери-викарии и некоторых других, которые продолжали кричать и колотить кулаками. Фарел больше не вернулся в монастырь.

Однако одна монахиня открыла свое сердце Евангелию. Клодин Леве, у которой в монастыре жила сестра по имени Блезин Варемберт, часто навещала ее, подарила ей Новый Завет и день и ночь молила Бога, чтобы Блезин обрела просветление. Последняя была тронута любовью Спасителя, о которой говорила ей Клодин, и в праздник Тела Христова отказалась поклониться святому причастию. Три сестры набросились на нее и "избили ее всю". Они посадили ее в тюрьму и связали по рукам и ногам. "Ах! - воскликнула Блезина. - вы держите меня в тюрьме, потому что я упрекаю вас в том, что вы веселитесь и живете в борьбе друг с другом день и ночь". [596]

Клодин Леве и несколько других женевских дам вместе с Бодишон де ла Мезоннев и Пьером Ванделем отправились в монастырь с намерением освободить бедную девушку. Мать-викария "выпрямилась на ногах" и сказала: "Джентльмены, хорошенько обдумайте, что вы собираетесь делать, потому что, если кто-нибудь приблизится, либо он, либо я умрем на месте". [597] После этого мужчины, оставшиеся на заднем плане, и две или три дамы подошли к заключенному. Последняя, стоя рядом со своей сестрой, заявила, что желает служить Богу чисто, согласно Священному Писанию, и добавила, что ее удерживали в монастыре против ее воли. - В таком случае вы свободны, - сказал Де ла Мезоннев. Напрасно мать-викарий порывисто бросилась вперед, желая удержать ее силой, и несколько монахинь сделали то же самое; Блезина, не сказав ни слова, покинула монастырь, вошла в соседний дом, сняла свое религиозное одеяние и в простом пошла к сестре. [598]

Однако Клодин и Блезин не могли решиться бросить бедных затворниц. Обладая Словом Божьим и спасением, которое оно возвещает, они пожелали поделиться с ними своими благами. Женевские дамы, привязанные к Евангелию, отличались большой верой и активностью. Итак, две сестры вернулись в монастырь в субботу, 28-го, и в воскресенье, 29 августа, и дама Клод начала говорить; но монахини вскинули головы и воскликнули: "О великая рассказчица! О воплощенный дьявол!" И мать-викария, повернувшись к синдику, который сопровождал Клодин вместе с другими "уважаемыми людьми", сказала: "Уведите отсюда эту ведьму". "Берегитесь, как бы вы не злоупотребляли ею, - ответил магистрат, - ибо она святое создание, просвещенное истинным Богом, и приносит великие плоды своими божественными доктринами, обращая бедных невежественных людей и постоянно прилагая огромные усилия для спасения душ". "Обращенный", - воскликнула настоятельница, - "вы скорее должны сказать "извращенка"". в то же время сестры плюнули ей в лицо, согласно отчету одной из них. [599]

=ОТЪЕЗД МОНАХИНЬ.=

Когда синдик увидел это, он потерял всякую надежду. Герцог Савойский предложил сестрам укрыться в его штатах, дав им прекрасные обещания. "Прекрасные дамы, — сказал судья, - назовите день, в который вы желаете отбыть". - "Завтра, - сказала мать—настоятельница, - завтра, на рассвете". - "Прекрасные дамы, - продолжил синдик, - упакуйте свои вещи". [600]

Рано утром следующего дня прибыли синдики, когда сестры, пропев *De Profundis*, сунули свои требники под мышку и выстроились в две шеренги. Мать-викарий поместила молодых сестер, у которых могло возникнуть желание снять вуаль, рядом с несколькими крепкими монахинями, которые могли бы их удержать. Перед монастырем и на улицах собралась огромная толпа. Увидев это, многие монахини "отшатнулись от страха", но мужественная настоятельница с

воодушевлением сказала: "Ободритесь, сестры мои, осените себя крестным знамением и храните нашего Господа в своих сердцах". Они выступили вперед. Эта процессия молчаливых женщин в вуалях олицетворяла римско-католическую веру, покидающую Женеву. То тут, то там слышались рыдания. Триста лучников маршировали впереди, позади и по бокам монахинь, защищая их. "Если кто-нибудь пошевелится, - сказал синдик зрителям, - он лишится головы". Толпа молча смотрела, как сестры проходили мимо. [601]

Когда процессия прибыла к мосту Арве, где заканчивалась территория города, монахини, которые воображали, что найдут герцога и его двор, ожидающих на границах своих государств, чтобы принять их с большим почетом, никого не увидели. Появился одинокий бедный монах с убогой повозкой, чтобы перевозить стариков и больных. [602]

Дождь и раскисшие дороги задержали их продвижение. Бедные монахини, которые не знали ничего, кроме своего монастыря, были поражены всем. Увидев несколько овец, пасущихся на лугу, они громко закричали, приняв их (говорит одна из сестер) *захищных волков*. Чуть дальше несколько коров, пасущихся в полях, привлеченные этим проходящим отрядом, вытянули головы в сторону дороги и замычали. Монахини вообразили, что они *голодные медведи*, и у них не было сил даже убежать. С наступлением темноты они достигли Сен-Жюльена, преодолев за пятнадцать часов небольшое расстояние. На следующий день они въехали в Анси, где герцог предоставил им монастырь Святого Креста. При их прибытии зазвонили все колокола города. Здесь бедные монахини обрели некоторый покой, но они не забыли Божьего суда, изгнавшего их из Женевы, и не скрывали причины своих несчастий. "Ах! - сказала сестра Жанна де Жюсси. - В то время прелаты и церковники не соблюдали своих обетов, но беспутно растрачивали церковное имущество, удерживая женщин в прелюбодеянии и распутстве и *пробуждая гнев Божий*, который навлек на них божественное наказание". [603]

Если истина вынудила такое признание у монахини, честной, но фанатичной последовательницы папства, мы можем понять, что думала и говорила реформатка. Из их сердец вырвался крик против безнравственности и лицемерия тех, кто должен был быть их проводниками. Поэтому среди священников поднялось большое волнение; они в смятении прибежали к монсеньору де Бонмону и спросили его: "Что же делать? нам оставаться или уходить?"

=БЕГСТВО ВЕЛИКОГО ВИКАРИЯ.=

Главный викарий счел необходимым поехать. Общественное мнение было однозначно настроено против него: он был одним из тех священников, которые вызывали порицание сестры Жанны. "Монсеньор держит в своем доме нескольких любовниц и развратниц", - говорили люди. - Азартные игры, *боевые действия*, танцы, банкеты, бесстыдство и любой другой распутный образ жизни доставляют ему удовольствие. Обычно за его столом сидят пять мерзких проституток, рассаженных в соответствии с их рангом, две справа от него и две слева, в то время как самая старшая прислуживает остальным. Он улыбается, когда говорит о дерзости, и говорит: "Это простое отступничество, и оно не считается". "Видя, что буря становится все сильнее, несчастный священник испугался своей совести и решил поступить подобно своему епископу и покинуть город, где он больше не мог жить так, как жил всегда. Реформация была восстановлением как морали, так и веры. Монсеньор бежал в горы, в уединение в аббатстве Бонмон, недалеко от Ньюна, на отроге Юры, откуда открывается вид на озеро Леман и его богатую долину. Вскоре другой ужас должен был изгнать его оттуда. [604]

Гнев Божий (о котором говорила Жанна) продолжал вершить свои суды: на тех священниках, которые считали себя царями земли, накапливалось поношение. 18 сентября несколько горожан, поймав одного из них на нечистоплотности, посадили его на осла и провезли таким образом по городу, заставив его любовницу, переодетую лакейкой, идти за ним. Серьезные люди не одобряли такого шутовства. "Ах! — сказали они. - Болезнь, следствие их расстройств, так наказала их, что, когда мы видим, как они проходят в своих процессиях, мы можем представить их солдатами, возвращающимися с войны, они так покрыты шрамами - настоящие мученики папы!" [605] Магистраты хотели бы не наказывать их, не изгонять, а исправлять. "Откажитесь, - говорили они, - от своих танцев, обжорства и распутной жизни и живите в нашем городе по закону Божьему, как граждане и добрые друзья". Но священникам это показалось слишком трудным: они предпочли покинуть Женеву.

Однако самые активные остались. Дюпан и некоторые из его коллег ходили от дома к дому, укрепляя слабых. Их можно было увидеть проходящими по улицам в своих священнических облачениях. Если рождался ребенок, его спешили окрестить в соответствии с римским ритуалом; если ревностные католики желали причастия, они тайно собирались в какой-нибудь комнате, преклоняли колени перед наспех сооруженным алтарем, крестились и служили мессу. Они даже зашли в своем рвении так далеко, что посетили некоторых реформированных, чтобы вернуть их в лоно Церкви. В тот самый момент, когда здание рушилось со всех сторон, их природная непреклонность и энтузиазм по отношению к папству заставили их остаться, как будто их слабых рук было достаточно, чтобы поддержать его. Такое мужество вызывает наше восхищение, но реформированные рассматривали его скорее как повод для серьезной тревоги. Они чувствовали необходимость согласия и сплоченности в этот критический момент. "Посмотрите, до чего доводит нас ваша снисходительность", - сказали они магистратам. "Как раз в тот момент, когда враг идет на город, эти священники собираются разжечь гражданскую войну у наших ворот". [606]

=ОСНОВАНЫ БОЛЬНИЦА И ШКОЛА.=

Синдикаты, знавшие опасность и нужды города, считали, что лучшим средством обеспечить Женеве ее независимость и ее веру было бы привести все в надлежащий порядок. Реформация - доброе дерево; поэтому пусть оно принесет свои плоды! Христиане должны заботиться о своих больных и неимущих. Соответственно, в Сент-Луисе была основана больница общего профиля. Клэр, наделенная доходами от старых больниц и имуществом, ставшим бесхозным из-за ухода духовенства. Клод Саломон, один из самых ревностных евангелистов, посвятил себя, свою жену и свое состояние служению церкви.

Христиане должны заботиться о своих детях. Это правда, что в 1429 году Ф. де Версонекс, синдик, основал школу, где преподавались грамматика, логика и свободные искусства; но директор этого учреждения уехал из города, и школа была закрыта. Его необходимо восстановить и усовершенствовать. Фарел и его друзья требовали, чтобы обучение было универсальным — для всех детей. Школа была основана на месте, которое до сих пор называется Rue du Vieux Collège, и руководство ею было поручено Сонье, способному человеку. [607]

После искоренения невежества наступило подавление нищенства. 29 октября "звуком трубы" был опубликован приказ, "чтобы никто не просил милостыню, а искал убежища в богадельне". [608]

Впоследствии эти институты претерпели важные изменения. Только в период, когда Кальвин основал колледж и академию, в Женеве началось преподавание, которое подняло интеллектуальную культуру в этом городе на такую высоту. Но отправной точкой был колледж Сонье, где начальное обучение было смешано с религией. Реформация запустила Женеву подобно кораблю, который сначала плывет вдоль ближайших берегов, но в конце концов достигает самых отдаленных морей. Это был не просто вопрос теологической догмы, как полагают некоторые; это развивало совесть, понимание и сердце, а также регулировало волю. Она сформировала не просто горстку христиан; она дала этому городу новых людей, школу, церковь, литературу, науку и благотворительность; она придала новую ценность великим интересам человека и вызвала к жизни источник полезных исследований и возвышенных мыслей. Реформация смогла сказать:

Humani nihil a me alienum puto. [609]

=РОМАНИЗМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ В ЖЕНЕВЕ.=

В то время как совет осуществлял эти благотворные меры, определенное количество взволнованных и беспокойных священников продолжало ходить из дома в дом, советуясь друг с другом и исповедуя мнения, склонные к бунту. Вместо того, чтобы принимать против них суровые меры, магистраты были полны решимости предоставить им новую возможность защитить свою веру. 29 ноября тридцать священников во главе с Дюпаном предстали перед советом. В Женеве все еще оставалось тридцать священников и только три служителя! Следовательно, Реформация была основана не числом и не силой человека, а силой Бога. Главный синдик попросил их взять на себя защиту папства. "У нас нет ни способностей, ни знаний", - ответил Дюпан и добавил: "Скорее, чем подвергать нашу религию новому обсуждению, мы откажемся от всех пастырских функций". Священнослужители отреклись от престола. 6 декабря собор снова призвал священников к себе и предоставил им такую возможность: "Если ваше учение хорошее, защищайте его; если плохое, откажитесь от него". Затем начался распад. "Долгое время, - сказала Делорм, - я неохотно служила мессе", - и он вместе с другими перешел на сторону Реформы. Некоторые покинули город, и совет потребовал, чтобы те, кто остался, "носили другие шляпы" и жили как остальные горожане. Наконец, желая показать, что в Женеве больше нет ни епископа, ни принца, совет проголосовал за то, чтобы епископский дворец был преобразован в тюрьму. [610] Это не изменило его назначения, по мнению некоторых саркастичных гугенотов, поскольку епископ и его престол никогда не приносили никакой пользы, кроме как удерживать свободу в плену. Так закончилось существование римского духовенства в Женеве. Магистраты, далекие от преследования католицизма, несколько раз давали священникам возможность защищать его: это была религия пап, которые бежали и уступали место религии Священного Писания. Полная религиозная свобода, завоевание нового времени, конечно, не руководила в то время в советах республики; но, как сказал женевский историк, который не является протестантом, "Мы не должны требовать от века идей, теорий и действий, которые не могли бы существовать до тех пор, пока не закончатся события и революции, которые еще впереди". [611]

Видя, что священники уходят, что их песнопения больше не отдаются эхом в высоких готических проходах, что свечи на великолепных алтарях больше не горят, а разнообразный церемониал исчез, Фарель, Вирет и Фромант вышли вперед и сказали: "Мы готовы проповедовать, не щадя ни усталости, ни труда, и использовать всю силу Слова, чтобы наставить паству на прямой путь с

мудростью и кротостью". И действительно, с того часа Слово, которое пробуждает и учит, звучало ежедневно в церквях, и особенно в тех, кто проповедует. в Сен-Пьере и Сен-Жерве. Слушатели сказали, что эти истинные служители Евангелия "не вели себя как люди в старой одежде (*мстителю*), которые привыкли полировать свои товары и наводить лоск на свои старые лохмотья, чтобы получить за них больше денег; но они предлагали чистое и простое учение Иисуса Христа". Многие чувствовали, что Слово Божье было мечом, который проникает в сердце и убивает старого человека таким образом, что новый человек занимает место того, кто был убит.

Фарел собрал людей в соборе, чтобы все они помолились о мире Богу, который дарует его. [612] Эти молитвы вознеслись к небесам. В Женеве должен был установиться мир, но после новых испытаний.

[587] Registres du Conseil du 12 Août.—Chronique MSC. de Roset.

[588] Registres du Conseil du 12 Août.

[589] Registres du Conseil des 16 et 17 Août 1535.

[590] Архивы Турина. Mémoire sur les droits de la maison de Savoye.

[591] Вергилий, *Энеида*, ii. 487. "Женские крики раздирают сводчатые небеса". —Драйден.

[592] Лука, i. 39.

[593] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 131.

[594] Там же.

[595] 'Ce brave homme n'en faisait aucun semblant, ni oncques dit mot; il avait la langue amortie.'

[596] 'Vous faites bonne chère et vivez en noise.'—Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 170-173.

[597] Там же. стр. 141-148.

[598] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 150-152. Registres du Conseil du 25 Août 1535.

[599] 'Décrachaient.'—Jeanne de Jussie.

[600] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 175, 189, 197.

[601] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 192, 197.

[602] Там же. стр. 199-201.

[603] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 34, 201-223.

[604] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, p. 34.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 157.

[605] Jeanne de Jussie, *Commencement de l'Hérésie dans Genève*, pp. 154-160.—Roset, Chron. MSC. liv. iii. ch. xxxvii.

[606] Registres des Conseils des 15 Octobre, 12 et 29 Novembre 1535.

[607] Вероятно, он был автором трактата, озаглавленного *Порядок и манеры руководителя в женевской деревне в колледже*, недавно переизданного профессором Бетаном.

[608] Registres du Conseil des 27 Août, 7 et 17 Septembre, 29 Octobre, 12, 14 et 15 Novembre 1535.—Des Hôpitaux de Genève.—*Mémoires d'Archéologie*, iii. pp. 155-366.

[609] "Ничто из того, что касается человечества, не безразлично для меня".

[610] Registres du Conseil des 12, 23, 24 et 29 Novembre, 6 Décembre 1535.

[611] Thourel, *Histoire de Genève*, ii. p. 163.

[612] Кирхгофер, *Фарель*, стр. 193.

ГЛАВА VIII.

ЭНЕРГИЧНЫЙ ГРАЖДАНИН ПРИЗЫВАЕТ ШВЕЙЦАРИЮ ПОМОЧЬ ЖЕНЕВЕ И РЕФОРМАЦИИ.

(Сентябрь и октябрь 1535 г.)

=НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ.=

Радости, которая тогда наполнила Женеву, не суждено было продлиться долго. Небо было ясным, и все же некоторые признаки указывали на то, что буря не за горами. Завершившаяся Реформация вызвала самое серьезное беспокойство в Турине, в Риме и вокруг могущественного Карла V. До сих пор на город было совершено несколько беспорядочных нападений: его территория была опустошена, провизия перехвачена, а к стенам приставлены лестницы; но теперь вот-вот должна была начаться регулярная кампания, и враги решили не складывать оружия, пока не возьмут его и не превратят в папский и савойский город. Сторонники Рима чувствовали опасность; они видели, что, поскольку Женева находилась у ворот Франции, Италии и Германии, если Реформация обосновалась там, это могло поставить под угрозу существование самого папства. [613] Соответственно, все их мысли были направлены на подавление *восстания*, хотя и ценой большого кровопролития, и на обращение с Женевой так, как раньше обращались с Альби, "святой и прославленной памяти". Павел III, друг мира и изящных искусств, хотел, однако, на первых порах прибегнуть к более мягким средствам — опустошить город голодом. "Эти лютеране, просуществовавшие четыре дня, - сказал он, - скоро почувствуют отвращение к своей ереси". Он был обманут, но герцог Савойский не разделил его ошибки. Этот принц, который проявлял определенную доброту по отношению к своей партии, был жестким, вспыльчивым и беспощадным, когда дело касалось Женевы. Он должен был стать Симоном де Монфором в новом крестовом походе. "Невозможно, - говорили люди, - чтобы женевцы смогли выстоять перед лицом альянсов герцога. С одной стороны, есть его шурин император, его племянник король Франции, его тесть король Португалии и его союзники швейцарцы; а затем все его собственные подданные, которые окружают Женеву на двести лье в окружности, как волки стадо беспомощных овец. С другой стороны, есть папа, кардиналы,

епископы и священники, благосклонностью и поддержкой которых пользуется епископ Женевы". [614] Поэтому туринский кабинет решил приступить к работе. 30 августа герцог публично объявил Женеву зараженной чумой, запретил своим подданным под страхом смерти иметь какое-либо общение с ее жителями и пообещал гостеприимство в своих государствах всем, кто пожелает спастись от чумы. В Пьемонте думали, что останется всего несколько озорников и что один смелый удар сделает герцогскую армию хозяином города. Все было подготовлено в штатах Карла IV. нанести решающий удар. [615]

=ПРОЕКТЫ ИМПЕРАТОРА.=

28 августа и 24 сентября многочисленные компании подошли к воротам Женевы, но горожане отогнали их обратно. Это были всего лишь перестрелки между аванпостами: готовились более грозные атаки. Карл V, одержав победу над Барбароссой, призвал Швейцарскую лигу, собравшуюся в Бадене близ Цюриха, оказать материальную помощь герцогу Савойскому. Во многих кругах поговаривали, что план этого амбициозного монарха состоял в том, чтобы разрушить четыре города — Алжир, Женеву, Виттемберг и Константинополь — два города Корана и два города Евангелия. Разве в древнем пророчестве не говорилось об императоре, который должен был завоевать весь мир, повелеть "поклониться кресту под страхом смерти, а затем быть коронованным в Иерусалиме *ангелом Божьим*"? — "Этот император, - говорили многие, - Карл V." [616]

Тревога начала охватывать женевцев; советы обсуждали, но тщетно, что можно сделать для спасения города. Отцы и матери сидели у своих каминов с опущенными глазами, безмолвными губами и отягощенными заботами лбами; а тут и там на улицах собирались группы, искренне рассказывая о своих несчастьях! "По всему городу нет ничего, кроме боев, блокады провизии, грабежей и пожаров. Внутри города ведется широкомасштабная переписка с врагом. Как может горстка людей противостоять такому множеству?" Затем проповедники Слова указали на славные избавления, записанные в Священных Писаниях. "Бог сделает то же самое для вас сегодня, - сказали они, - при условии, что вы всецело доверитесь Ему". И, воодушевленные этим могущественным словом, те люди, против которых князья совещались вместе, воскликнули: "Мы возложим нашу надежду и наше прибежище только на Бога". [617]

Карл III, ободренный поддержкой императора, отправил своих послов в швейцарские кантоны и потребовал, чтобы герцог и епископ "в сопровождении милордов Бернских были доставлены обратно в Женеву, чтобы восстановить там все свое превосходство; и чтобы никто не вносил новшеств". К счастью, депутаты от Женевы — Луллен, Де Клеф и Клод Савойя были там и оставались тверды, как скала, в отстаивании прав своей страны. Швейцарцы, обнаружив, что обе стороны одинаково непреклонны, отступили, сказав: "Это женевское дело утомляет нас до смерти; выпутывайтесь из него наилучшим способом!" Луллен и Де Клеф вернулись в Женеву; но Клод Савойя, полный решимости получить помощь, остался на территории Лиги. [618]

Надежды этого энергичного реформатора были небезосновательны. Когда бернский совет услышал об отмене мессы в Женеве, он обрадовался и 28 августа написал магистратам поздравительное письмо: "Поскольку вы узнали правду, - сказали они, - будьте бдительны и твердо стойте на своем. Поступая таким образом, не бойтесь, что Бог в конце концов допустит, чтобы вы были уничтожены". Клод Савойя отбыл в Берн, а по прибытии туда обошел дом за домом и предстал перед главами государства. "Что? - сказал он. - Вы послали к нам своего министра Фареля, и теперь, когда мы повиновались Слову, которое он нам проповедовал, вы

предаете нас в жестокие руки наших врагов". Этот благородный реформатор, Бертольд Галлер, поддерживал его изо всех сил и призывал Берн "не покидать Женеву малодушно". Тем временем депутаты от Турина опрашивали лордов совета с противоположной стороны. Среди патрициев преобладал личный интерес. "Соберите войска для вашей собственной защиты, - сказали они Клоду Савоие, - при условии, что это будет не на нашей территории; все, что мы можем для вас сделать, это вверить вас Божьей милости". И они закончили этой выразительной, но знакомой фразой: "Рубашка нам ближе, чем сюртук". [619]

=ЖЕНЕВА ВЕРИТ В БОГА.=

Когда женевцы слышали об отказе Берна, они были поражены как громом. Берн, реформированный, как и они сами, бросил их! Вера, столь необходимая народам, начала колебаться во многих сердцах; но Фарел старался укрепить тех, кто был поколеблен. "Конечно, - сказал он им, - мои лорды Берна послали нас к великому и сильному хозяину — к Богу. Именно ему достанется вся честь нашего освобождения, а не людям. Он совершал более могущественные поступки, чем это. Он всегда демонстрирует свою силу в том, что находится в отчаянии; и когда кажется, что все потеряно, именно тогда все выигрывается". [620]

Туринский двор мыслил иначе, чем Фарель, и, видя, что швейцарцы покидают Женеву, не сомневался, что город, которого так долго добивались, скоро попадет в его руки. Было желательно воспользоваться унынием горожан, и, соответственно, пьемонтский кабинет поспешно отправил послов, чтобы призвать "милордов Женевы" от имени своих хозяев изгнать ересь и ересиархов, восстановить епископа и духовенство в их правах и снова установить изображения. Но женевцы, еще более гордые несчастьем, чем процветанием, ответили послам: "Благородные лорды, мы пожертвуем нашим состоянием, нашими интересами, нашими детьми, нашей кровью и нашими жизнями в защиту Слова Божьего. И скорее, чем предадим это святое доверие, мы подожжем четыре угла нашего города, как когда-то поступили наши предки-гельветы". [621] Послы доставили этот героический ответ своему повелителю, и герцог приступил к приготовлениям.

Женеве угрожала не менее серьезная — а возможно, и более серьезная — опасность: раздор. Непримируемая ненависть, "подобная той, что в старые времена существовала между цезарем и Помпеем", - говорит Фроман, - разделяла генерал-капитана Филиппа и синдика Майкла Септа; роковая ненависть, из-за которой произошли великие несчастья, с потерей имущества, чести и людей, изгнанием и смертью. Некоторые принимали участие с Филиппом, другие - с Майклом Септом. "Когда старший сын капитан-генерала, - сказал первый, - был взят в плен жителями Пеней, которые предложили обменять его на нескольких своих товарищей, заключенных в Женевской тюрьме, Майкл Септ ответил: "Нет, это противоречило бы интересам государства". " — "Это правда, - ответили друзья синдика, - но разве он не добавил: "Давайте выкупим сына Филиппа; я дам триста крон в качестве своей доли. Если бы это касалось моего собственного ребенка, мой совет был бы таким же ". "Поскольку совет отказался от обмена вследствие этого совета, капитан-генерал, либеральный и храбрый, но надменный, беспокойный и вспыльчивый человек, выказал смертельную неприязнь к Майклу Септу. Он повсюду сеял огонь против этого почтенного магистрата и, принеся интересы своей страны в жертву своему негодованию, с ворчанием удалился в свою палатку. "Я болен, - ответил он, - я больше не буду генерал-капитаном". Крайняя восприимчивость может погубить человека, а иногда и государство.

Отставка генерал-капитана при том серьезном положении, в котором теперь находилась Женева, а также сопровождавшие ее дивизии значительно увеличили опасность, грозившую городу. Более того, они не знали, кого назначить преемником Филиппа. Многие называли Бодишона де ла Мезоннева; но он был таким же поспешным и порывистым, как и тот, другой, и совету хотелось бы иметь более уравновешенную, более проникательную, более благоразумную личность; они опасались рвения и недостатка осмотрительности этого отважного гражданина. Но его друзья показали, что никто не был более предан делу независимости и Евангелию; и что сейчас им нужен был вождь, полный мужества и рвения. Де ла Мезоннев был назначен генерал-капитаном.

Новый командир немедленно созвал всех людей, готовых выступить с ним против врага. Всего их было всего четыреста. Это не имело значения. Де ла Мезоннев схватил знамя, на котором он приказал изобразить несколько огненных слез. Большая простота, возможно, была бы более к лицу в такой момент; и все же именно глубокое и истинное ощущение трагического положения, в которое была поставлена Женева, воодушевляло капитан-генерала. Он размахивал своим знаменем перед четырьмя сотнями своих солдат и воскликнул: "Пусть каждый будет готов умереть. Мы должны проливать не обычные слезы, а кровавые!"

=ЖЕНЕВЦЫ МОЛЯТ О БОЖЕСТВЕННОЙ ПОМОЩИ.=

Вернувшись в город, маленькая армия отправилась в церкви. Фарел молился с таким же рвением, с каким Бодишон сражался. Каждый день звучали проповеди и молитвы Господу. "О Боже, - сказал реформатор, - будь рад защищать свое дело!" [622]

По правде говоря, под угрозой оказалась не только независимость Женевы, но и Реформация. Женевцы перечисляли свои страдания, бесчинства, нищету, голод, холод, потерю имущества, мебели и скота, украденных бандами грабителей; маленьких детей и даже мужчин и женщин, похищенных, подвергнутых жестокому обращению и преданных смерти; нападения совершались в любое время суток и с такой яростью, что едва ли было возможно дольше продержаться. Но еще большие несчастья были впереди. Карл Савойский, поддерживаемый императором, вербовал старых итальянских и испанских солдат и выбрал для командования ими одного из самых жестоких военачальников того времени, которого несколько позже Карл V использовал против протестантов Германии. Главы государств, убежденные в опасности, сделали это заявление 3 октября: "Наши враги каждый день готовятся напасть на нас; так что, если Бог не поможет нам, мы не сможем избежать их окровавленных рук". [623]

В течение этого времени Клод Савойя, обратившийся за помощью к Берну, не получал ничего, кроме отказов. Он был печален и убит горем; вокруг него становилось все темнее; он не знал, откуда могла прийти помощь. Внезапно луч света ободрил его. Фарель провозгласил в Невшателе Евангелие, которое он проповедовал в Женеве. Города, деревни и долины этой страны были ареной многих побед реформатора. Он также проповедовал горцам Базельского престола, которые воображали, что "слушают ангела, сошедшего с небес". Клод Савойя, отвергнутый лордами Берна, обратил свой взор в сторону Юры, где, поскольку используется французский язык, ему будет легко отстаивать интересы своей страны. Он отряхнул пыль со своих ног от Берна и удалился.

В тех краях жил человек, известный своим евангелическим рвением, друг Фареля, на которого, как считал Савойя, он мог положиться. Якоб Вилдермут, или Вильдермет, [624] принадлежал к

семье, члены которой занимали высшие должности в Бьенне, мэрами которой они были по наследству; но они также обладали гражданством Невшателя, и тот, о ком мы говорим, по-видимому, часто проживал в последней стране. Его отец отличился в знаменитых битвах при Морате и Внуке, а сам он участвовал в походах по Италии с 1512 по 1515 год. *Уайлдермут* означает *дикую храбрость*, имя, очень подходящее бесстрашному воину. Несмотря на преклонные годы, [625] в нем был весь огонь молодости, и он мог выдержать большую усталость. Примерно в конце 1529 года, когда Фарель приехал в Невшатель, Вильдермут приветствовал его; и когда магистраты запретили реформатору проповедовать в церквях: "Останься, - сказал ему солдат, - я заставлю тебя проповедовать в домах". На него немедленно посыпались угрозы: "Я легко могу противостоять им, - сказал он, - ибо я знаю, что Бог сильнее человека или дьявола". [626]

Таков был человек, которому Клод Савойя рассказал об опасности, грозящей Женеве. Он сразу же задумал план освобождения этого города. Уайлдермут был не только полон веры в Евангелие и отвращения к ультрамонтанским суевериям, но и умен, искусен и отважен; и, уже побывав в походах в Италии, он лучше других знал, как организовать отряд добровольцев и повести за собой. "Бернский гражданин, — сказал ему женевец, - дал мне шестьсот крон, на которые я могу собрать войско для борьбы с герцогом и папой". - "Очень хорошо, - сказал швейцарский воин. - Я берусь с помощью моего решительного кузена, Эрарда Нидауского, [627] завербовать несколько крепких парней и тайно и быстро провести их в Женеву".

=ГЕРОИНЯ НИДАУ.=

В полулиге от Бьенна, на берегу одноименного озера, в Зееланде, входящей в состав кантона Берн, стоит прелестный маленький городок Нидау. Эррар Буржуа был одним из граждан, наиболее преданных Евангелию и свободе; и, более того, он был одним из тех сильных, практичных людей, которые знают, как воздействовать на других, и которые, однажды принявшись за дело, никогда не бросают его, пока оно не восторжествует. Он сразу же сообщил о критическом положении Женевы в Нидау и его окрестностях. Если у него была сильная рука, то у него был не менее сильный голос; те, кто любил Евангелие и ненавидел деспотизм, откликнулись на его призыв. В скромном жилище по соседству жила женщина со своим мужем и тремя сыновьями, чье имя до нас не дошло. Исполненная горячего рвения к Евангелию, она решила внести свой вклад в освобождение своих братьев из Женевы. Религиозный дух часто наделял женщин силой, которая, по-видимому, не присуща их полу. Героиня Нидау встала: схватив двуручный меч и обратившись к своему мужу и трем сыновьям, она вдохновила их всех на мужество. Она горела желанием выступить со своим народом навстречу солдатам Савойи, которые, по наущению папы римского, наступали на Женеву. Их количество и сила не остановили ее. "Если бы я была одна, - сказала она своему мужу и детям, - я бы сражалась этим мечом против всех этих савояров. [628] Отец и сыновья были доблестными воинами и ревностными последователями Евангелия; и все пятеро предстали перед Эрардом, чтобы отправиться на спасение Женевы. Это великий знак, когда женщины стараются сохранить свои права и подбадривают своих сыновей и мужей, вместо того чтобы отговаривать их от битвы: когда это происходит, враг уже побежден. Мы видели это и в древности, и в наше время. Огонь, воодушевлявший эту героиню, распространился повсюду вокруг нее, и

множество отважных парней поспешили из Зеланда, Бьенна и долин Юры, чтобы записаться под знамена Эрарда.

В это время Клод Савойя и Вильдермут взывали к людям доброй воли в Невшателе и его долинах. Повсюду Савойя жаловался на бедный город Женеву: "Помогите нам во имя Бога", - просил он. "Окажите помощь вашим братьям-христианам, которые придерживаются той же веры и повинуются тому же закону, что и вы, и которые, поскольку проповедуют Евангелие и защищают свои свободы и привилегии, подвергаются нападкам врагов веры". Эти слова не возымели действия. Многие великодушные умы отбросили от себя эгоистичные мысли, которые могли бы их сдерживать. "Неужели мы не проникнемся жалостью к нашим братьям в Господе?" - говорили друг другу жители Невшателя. - Разве милосердие, которым мы обязаны нашему ближнему, не побудит нас к этому? Одним из самых ревностных был Жак Байо, известный также как Баннерет, чья семья, одна из старейших в Валь-де-Травер, занимала высшие государственные должности. Он был, как могло показаться, уродлив телом, невысокого роста, [629] и немного горбатый, не очень похожий на Эзопа (говорили некоторые); но он был умелым и доблестным капитаном. Многие мужчины из Валь-де-Травер и других мест прислушались к его призыву. Даже в Невшателе бывший член городского совета отличался своим рвением; это был Андре по прозвищу Мазелье, или "мясник", [630] один из тех твердых людей, которые, взявшись за плуг, никогда не оглядываются назад. "За короткое время, - говорит современный хронист, - была собрана тысяча отборных людей, отличных воинов, верных и с отважным сердцем — если только такие есть во всей Швейцарии — и готовых немедленно выступить на помощь Женеве за свой счет". [631] По другим данным, только восемьсот или девятьсот человек взяли за оружие.

=ОППОЗИЦИЯ ДЕ ПРАНЖ.=

Тем временем слух об этих приготовлениях достиг Невшательского замка. Сир де Рив де Пранж, губернатор графства принцессы де Лонгвиль, "папист и савояр", - говорит хронист Розе; "великий враг Слова", - говорит Фроман; сделал все, что мог, чтобы предотвратить распространение Реформации в графстве, и теперь невшательцы хотели отправиться на поддержку Женевы. Пораженный такой дерзостью, он запретил этим храбрецам двигаться под страхом своего серьезного негодования. Среди тех, кто откликнулся на призыв Савойи, были и такие, кто теперь колебался. У определенного числа этих храбрецов не было твердой веры или сильной воли, которые могли бы поддержать их. Полные уважения к принцессе и ее лейтенанту, они легко склонились перед властью, которая позволяла себе ограничивать их. Их жены пытались возродить их рвение. В глазах последних это была не обычная война; это была борьба за Слово Божье. Будучи ревностными евангелистами, они, как и Фарел, всем сердцем стремились поддерживать веру и сочетали с чистой доктриной ту острую чувствительность, ту импульсивность сердца, которые присущи их полу. "Иди, - сказали они, - если ты не пойдешь, мы пойдем сами". Некоторые действительно пошли, как героиня "Нидау". Другие, выступая от имени религии, внушали благоговейный страх своим мужьям и решали их: "Мы не оставим наших женевских братьев-христиан на жалкую гибель, - говорили невшательцы тем, кто хотел их задержать. - На них нападают только для того, чтобы уничтожить Евангелие и их свободы. *В такой ссоре мы все погибнем.*"

Необходимо было немедленно отправляться в путь. Люди, которые поднялись в городах, долинах и на равнине, чтобы защитить, не имея официального статуса, город, которого они никогда не видели, не были вооружены *доспехами*, как блестящие рыцари Савойи, с которыми

они собирались сразиться. У некоторых были мушкеты, у всех были мечи, но на них не было ни шлемов, ни кирас. Справедливость их дела заключалась в их нагрудных доспехах. Вечером 7 октября наиболее удаленные корпуса — из Бьенна, епископства Базель, Нидау и Зеланда — начали свой марш. Вероятно, они пересекли Невшатальское озеро, чтобы избежать города. Прибыв ко входу в Валь-де-Травер, они остановились, поскольку это было место встречи. Вскоре прибыли гости из Невшателя, Валанжена и других мест, и теперь все собрались в той живописной местности, где Ареуз вытекает из долины. Бесстрашный Уайлдермут принял командование. [632]

=БОРЬБА НЕВШАТЕЛЬЦЕВ.=

Маленькая армия готовилась к отправлению, когда увидела кавалькаду, приближающуюся со стороны Невшателя: это были правительственные офицеры, посланные помешать кому-либо из подданных мадам выступить на помощь Женеве. Прибыв в отряд, эти делегаты от сира Прангинса обратились к людям, находящимся под их юрисдикцией, и приказали им вернуться каждому домой. Отправиться воевать против герцога Савойского означало поднять восстание против своего государя, который обращался с ними как с мятежниками. "Они были запрещены, причем в более жестких выражениях, чем раньше, и с яростными угрозами, так что многие пали духом". Эти невшатальцы поначалу не задумывались о том, что их правительство было решительно настроено против Реформации. Теперь их уважение к установленным властям уравнивало чувства, которые побудили их обратиться за помощью к Евангелию. Они опасались неприятных последствий, которые их неповиновение могло повлечь за собой для них самих и их семей. Они были взволнованы и разделены. Уайлдермут и другие достойные люди, видя, что некоторые из них уступают, были опечалены этим; но им не нужны были люди с ослабевшими сердцами. В их глазах было правильно защищать невинных от нечестивых; но они не стали бы навязывать свои убеждения своим братьям. Уайлдермут крикнул: "Товарищи, если у вас не хватает мужества умереть за Женеву и убить столько лжесвященников, сколько принесут себя в жертву, занимайтесь своим делом! Для нас лучше быть немногочисленными, но мужественными, как во времена Гидеона, чем тащить за собой нерешительных".

Борьба среди невшатальцев становилась все более ожесточенной. Должны ли они идти вперед или им следует вернуться? Уайлдермут назвал имя Гидеона: они помнили, как этот израильский вождь советовался с Богом, чтобы узнать, должен ли он выступить против Мадиянитян. Эти честные люди, взявшие в руки оружие во имя Божьего дела, верили в Бога и в Его помощь. Поэтому все преклонили колени на месте, чтобы спросить у своего Владыки, какой дорогой им следует идти; и этот отряд, еще недавно такой беспокойный, несколько минут оставался в глубоком молчании. Сам Бог должен был выбрать, кого Он выберет для битвы. Когда молитва закончилась, все встали, и энергичный капитан громко и с большой серьезностью воскликнул: "Теперь пусть возвращаются домой те, кого встревожили угрозы; но вы, кому Бог дал сердца сражаться за своих братьев, не опасаясь за свои жизни, — вперед!" Триста или четыреста человек вернулись домой. [633] Нет сомнения, что они действовали таким образом из чувства повиновения вышестоящему начальству.

Другие, принадлежавшие, в частности, к кантону Берн и Юра, не получили аналогичного запрета, и, хотя их число уменьшилось, они не колебались. Небольшой отряд сократился

наполовину и состоял из четырехсот пятнадцати человек; но те, кто остался, были преисполнены веры и мужества. Они ушли, призывая имя Бога и моля Его быть им помощником.

[613] Froment, *Gestes de Genève*, p. 169.

[614] Froment, *Gestes de Genève*, p. 169.

[615] Хроника магистра де Розе, лив. iii. глава xxxvii.

[616] Stettler, *Chronik*, p. 68.—Ranke, *Deutsche Geschichte*, vol. iv. p. 118.

[617] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 168, 169.

[618] Registres du Conseil du 26 Septembre 1535.—Stettler, *Chronik*, p. 69.—Chron. MSC. de Roset.

[619] Registres du Conseil du 26 Septembre 1535.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 170.—Letters of Haller to Bullinger.

[620] Froment, *Gestes de Genève*, p. 171.

[621] Это относится к двенадцати городам, разрушенным гельветами, когда они отправились в Галлию около 58 года до н.э.

[622] Froment, *Gestes de Genève*, p. 172.

[623] Регистрируется MSC. du Conseil du 3 Octobre.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 168, 172, 184, 185, &c.

[624] Dictionnaire de Len.

[625] 'Den wohlbetagten Hauptman Jacob Wildermuth.'—Stettler, *Chronik*, p. 70.

[626] Письмо Якоба Вильдермута Бернскому совету, датированное Невшателем 3 декабря 1529 года. Archives de Berne.—Herminjard, *Correspondance des Réformateurs dans les pays de Langue française*, ii. p. 212.

[627] 'Seines handvesten Vetters.'—Stettler, *Chronik*.

[628] Froment, *Gestes de Genève*, p. 195.

[629] *Abrégé chronologique de l'Histoire de Neuchâtel*, par un ancien Justicier, p. 161.

[630] Анналы де Бойна, жизнь. ii. стр. 293.

[631] Froment, *Gestes de Genève*, p. 192.

[632] Документы на французском языке, *Gestes de Genève* из Froment, официальное письмо в Государственном архиве в Женеве (*Исторический порт*, № 1152), называют главнокомандующего Джейкобом Верье. Верьеры, или стеклодувы, как правило, были богатыми и влиятельными людьми в стране. Уайлдермут принадлежал к этому классу. See Herminjard's *Correspondance des Réformateurs dans les pays de Langue française*, ii. p. 211.

[633] Фроман говорит о трехстах.—*Gestes de Genève*, p. 194. Бернские послы говорят, что четыреста пятьдесят.—Registres du Conseil de Genève *ad annum*.

ГЛАВА IX.

ВОЙНА И БИТВА ПРИ ДЖИНДЖИНЕ.

(11 и 12 октября 1535 г.)

=ТАЙНЫЙ МАРШ.=

По какой дороге должна идти эта маленькая армия? Казалось, что другой дороги, кроме как через Пэй-де-Во, нет. Но эта страна была занята военачальниками герцога Савойского, которые отделили отряд Вильдермута от Женевы и могли легко противостоять ему с четырьмя или пятью тысячами человек. Кроме того, если бы швейцарские вспомогательные войска последовали по этой дороге, им пришлось бы пройти мимо Ивердуна и других сильных городов, способных остановить их. "Я обещаю, - сказал Уайлдермут, - тайно и быстро повести моих спутников в Женеву". Но как он мог тайно повести четыреста-пятьсот человек? С этим намерением он разработал смелый странный план, с помощью которого надеялся преодолеть расстояние между Невшателем и Женевой так, чтобы никто не знал, что он делает, и предстать перед женевцами, попавшими в беду, и перед савоярами, их врагами, в тот момент, когда ни один из них его не ожидал. Старый капитан намеревался повернуть Юру и с этой целью пересечь Валь-де-Травер, войти во Франш-Конте, добраться до Сент-Клода, а оттуда, через перевал Фосиль, спуститься прямо к Женеве.

Его войска выступили в поход: они прошли через Куве, Мотье и другие деревни в долине; но едва они пересекли последние луга, как обнаружили, что гористые и крутые дороги, отделявшие их от Ле-Верьера и Понтарлье, полностью перекрыты савоярами. [634] Уайлдермут, посоветовавшись с другими вождями, решил, вместо того чтобы поворачивать за Юру, идти верхними долинами. Некоторые возражали против времени года, пропастей, отсутствия проторенных дорог; но лидеры не видели другого способа спастись от вооруженных отрядов, которые хотели их остановить. Отряд был настолько мал, что, если бы он провел два или три сражения, прежде чем добраться до Женевы, едва ли горстка людей вошла бы в осажденный город.

=ТРУДНЫЙ МАРШ.=

Поэтому, повернув налево, в южном направлении, и миновав деревню Бют, добровольцы с трудом поднялись по крутой тропинке, которая, петляя между Мон-Шассероном и Кот-о-Фе, ведет в Сент-Круа. Они прошли через эту деревню, спустились в сторону Валлорба, а затем снова поднялись в высокогорные долины Жу.

Эти героические искатели приключений провели два дня (пятницу и субботу) на этих холодных и пустынных высотах. Все уже было покрыто снегом, который доходил до колен, и заставлял их расчищать дорогу с неслыханным трудом. Мы не должны забывать, что среди них были женщины. По словам Фроменты, это был самый холодный период года, зима была ранней и суровой. Падали толстые хлопья снега, которые покрывали этих храбрых людей белой мантией и вынуждали их двигаться медленно. Но Уайлдермут, несмотря на свой возраст, Байлод, несмотря на свой маленький рост, и Савой, несмотря на свою усталость, были бесстрашны.

Один из них всегда маршировал впереди; и когда им приходилось преодолевать трудные проходы, они с пламенным рвением бросались вперед на эти ледяные бастионы, словно готовясь к штурму.

В то время в долине проживало всего двадцать семей и несколько монахов ордена Премонстрантов, которые поселились в двенадцатом веке в месте, до сих пор называемом *Аббатством*. При приближении этого неожиданного отряда "людей в белом" жители высот в ужасе бежали, прихватив с собой все ценности, какие могли унести; а эти благородные поборники независимости и Евангелия нигде не могли найти ни людей, ни провизии, так что голод "жестоко мучил их". Они отправились в бедные сады, но не смогли собрать ничего, чтобы утолить свой голод, кроме "нескольких кочерыжек капусты и немного репы — и того очень мало", добавляет хронист. Однако они не теряли мужества: они собирались помочь Женеве, и каждый шаг приближал их к этому. Эта идея воодушевила их: занесенный снегом, который часто загораживал дорогу, они преодолевали с удвоенной смелостью.

В субботу днем эти воины достигли дикого озера Ле-Руссе, где повернули налево и направились к долине Леман, медленно продвигаясь под длинными рядами сосен. Наконец, измученный отряд прибыл в Сен-Серг, на высоты Юры, возвышающиеся над Ньюном, на высоте 2800 футов над озером. Отважные люди, ведомые Уайлдермутом, ожидали найти провизию в этой деревне, но там не было ни жителей, ни съестных припасов. Однако, поскольку там тоже были дома и постели, вожди решили провести там ночь и расставили повсюду часовых. [635]

Что им было делать на следующий день? Они могли бы, действительно, продолжить свой мучительный путь через гору до Ла-Фосиля, откуда они могли бы спуститься через Жекс в Женеву: таков, по-видимому, был первый план Клода Савойя; но большинство его товарищей, измученных голодом, измученных снегом и трудными дорогами Юры, предложили немедленно спуститься в прекрасную долину Леман. Было бесполезно объяснять им, что они непременно встретятся с герцогскими войсками близ Ньюна; они ответили, что два дня ничего не ели; как могла армия, ослабленная голодом, освободить Женеву? Еще ничего не было решено, когда передовые часовые привели троих молодых людей, которых они захватили недалеко от деревни. Уайлдермут и другие вожди расспросили их: они были первыми людьми, которые приблизились к ним с тех пор, как они погрузились в Юру. - Мы посланы жителями Женевы, - сказал один из троих, - служить вам проводниками. Герцогские войска собраны недалеко от горы численностью от четырех до пяти тысяч конных и пеших и готовятся окружить вас, взять в плен и повесить. [636] Следуйте за нами, и мы доставим вас в Женеву в целостности и сохранности". Клод Савойя не знал этих людей, что было плохим предзнаменованием; но у Уайлдермута и его последователей были те честные сердца, которым нелегко заподозрить предательство в других. Слишком довольные тем, что нашли проводников, они решили последовать за молодыми людьми на следующее утро. Была ночь, и отряд приготовился к необходимому отдыху.

Однако в этом доблестном отряде был один человек, которому не суждено было отдохнуть. *Женевец*, как его обычно называют в этом повествовании, полагая, что судьба его страны вот-вот решится, не мог уснуть. Как раз в этот момент уроженец этого района таинственным образом появился на заставе и пожелал его видеть. Савойя немедленно отправился поговорить с ним. Гонец сказал ему, что он прибыл от сеньора д'Аллинжа, одного из дворян, собравшихся тогда вокруг монсеньора де Луллена, губернатора Во. Д'Аллинж покинул замок своей семьи, расположенный на крутом холме недалеко от Тонона, чьи прекрасные руины до сих пор

вызывают восхищение путешественников, и присоединился к савойским джентльменам. Будучи личным другом Савойя, он послал сообщить ему, что Луи де Дисбах и Родольф Нагуэли, посланники Берна, прибыли в замок Коппе, чтобы выступить посредниками в этом деле. Эта новость обеспокоила Савойю; хотела ли бернская дипломатия нейтрализовать его усилия? Он мог бы подождать до утра, но его характер всегда вел его вперед. Он решил уехать один и немедленно. Д'Аллинг прислал ему бумагу, подписанную его собственной рукой, которая должна была служить охранной грамотой. Посовещавшись с Уайлдермутом, Савойя покинул Сен-Серг в тот момент, когда остальные собирались отправиться на ночной покой. Он спустился с горы поспешно, хотя и не без труда, и, перебираясь через скалы и пробираясь сквозь заросли, наконец достиг подножия Юры. Там он нашел прекрасного испанского скакуна, которого Д'Аллинг прислал за ним. Савойя вскочил в седло и галопом поскакал в Коппет. [637]

= "САВОЙЯ" ПЕРЕХОДИТ К КОППЕТУ. =

С другой стороны, швейцарцы, ночевавшие в Сен-Серге, не теряли времени даром. Проснувшись рано утром в воскресенье, они отправились в путь под руководством трех молодых проводников. Женева находилась в неминуемой опасности; необходимо было поспешить ей на помощь. Оркестр проехал мимо замка, откуда внезапно взорам тех, кто долгое время был заперт в ущельях Юры, открывается сверкающий красотой мир: озеро, его богатая долина, населенная улыбающимися деревушками; величественные Альпы, в недрах которых Монблан воздевает свою царственную голову; Женева и башни ее старинного собора. Обрадованные видом города, к которому они спешили на помощь, эти великодушные люди приветствовали его с радостью. Они спустились и двинулись маршем в лиге от Ньона, к Гингену, замок которого в то время занимал сеньор де Гинген, брат генерального викария Женевы. Последователи Уайлдермута, усталые и голодные, надеялись (согласно тому, что говорили их проводники) найти там в изобилии провизию, в которой они так нуждались.

За рощицей между деревней и горой был овраг, размытый водами, которые стекают с холмов во время сильных дождей; в нем едва могли поместиться два человека в ряд, по дну протекал ручеек, а с обеих сторон его окаймлял густой подлесок. Проводники этих доблестных людей сказали, что они должны быть осторожны и не приближаться к деревне, опасаясь, что враг услышит об их прибытии, и посоветовали им спрятаться в овраге и дожидаться их возвращения. "Мы сбегает в Джинжин, - сказали они, - и привезем вам прохладительных напитков, а потом все отправимся в Женеву". "Идите, - сказали солдаты. - Мы честно заплатим за все, что вы сможете нам привезти". Швейцарцы бесшумно подъехали к холлоу-уэй, и их проводники покинули их.

= БИТВА ПРИ ГИНГИНЕ. =

У Жингена находился отряд противника, состоявший из итальянцев, савояров, дворян и латников из бейлификов Ньон, Ла Кот, Жекс, Ла Сарраз и других населенных пунктов. Священники проповедовали крестовый поход в этих приходах. [638] Они сделали больше: они вооружились [639] и прошли маршем во главе своих деревень, заявив, что не сложат оружия, пока ересь не будет искоренена из долины Леман. Все они ждали швейцарцев, им не терпелось напасть на тот маленький отряд из четырехсот-пятисот плохо вооруженных солдат, который они видели спускающимся с горы. Герцог Савойский, согласно официальному отчету, имел в пешем строю, чтобы остановить их, от трех до четырех тысяч человек. Фроман, который часто

преувеличивает цифры, говорит о четырех-пяти тысячах и причисляет к ним испанцев. Эти силы были разделены на корпуса, один из которых находился тогда в Джинджине.

Этим первым подразделением, состоявшим из полутора тысяч человек, командовал сьер де Лугрин, начальник контингента Гекс, и, согласно хронисту, итальянец. Преданный Римской церкви и своему хозяину герцогу, Лугрин ненавидел Женеvu и Реформу. Навстречу ему направились три проводника; и, будучи приняты в замке, они сообщили ему о результатах хитрости, к которой они прибегли, и сказали ему, что швейцарцы заперты в узком месте, где им будет невозможно двигаться и где будет легко убить их всех. Лугрин немедленно выступил во главе своих людей, уверенный в том, что сокрушит с первого удара этих измученных голодом и усталостью авантюристов и обогатит кровью еретиков глубокое горное ущелье.

Швейцарские добровольцы, ничего не подозревая, молча ждали обещанной им провизии. Вскоре им показалось, что они слышали какой-то шум: капитан Эрхард и еще один или двое других подняли головы. Велико было их удивление, когда вместо трех мнимых друзей, приносящих им еду, они увидели многочисленный и хорошо вооруженный отряд кавалерии и пехоты, наступающий и готовящий для них совсем другой пир. Вильдермут без колебаний выступил из ущелья; в то же время вперед выступил сьер де Лугрен, и два вождя, каждый в сопровождении офицера, встретились между двумя войсками. "Каковы ваши намерения?" — спросил Лугрин. "Отправиться в Женеvu", — ответил Уайлдермут. — "Мы не позволим вам пройти". — "Очень хорошо, тогда мы воспользуемся этим". При этих словах офицер, сопровождавший Лугрина, нанес Уайлдермуту удар прикладом своей аркебузы и сбил его с ног. Но Невшатель, который был с ним, снова нанес савоярду ответный удар и убил его. [640] Уайлдермут немедленно вскочил и нетерпеливо подбежал к своим последователям, чтобы отдать им приказ атаковать.

Солдаты, составлявшие отряд герцога Савойского, были храбрыми людьми, горящими энтузиазмом во имя дела Рима. Они заняли холм, расположенный между оврагом и замком; они пришли в движение и, подойдя на расстояние ружейного выстрела, разрядили свои мушкеты; но так как швейцарцы все еще были в овраге, пули прошли над их головами. — Вперед! — крикнул в этот момент Уайлдермут. В одно мгновение его последователи, взбешенные тем, что их одурачили и предали, выскочили из лощины, прорвались через изгородь, смело остановились перед врагом и дали залп, который уложил нескольких человек на землю. Возбужденные яростью и голодом, доблестные швейцарцы не дали себе времени перезарядить оружие, а стремительно бросились на савояров. Они были похожи на медведей или волков, которых голод гонит с гор искать пищу на равнине. Те, у кого были шпаги, сражались вместе с ними; те, у кого были мушкеты, использовали их как дубинки; это была борьба один на один, и конфликт был ужасен. В самом разгаре битвы была героиня Нидау со своим мужем и тремя сыновьями, "все ревностные в Евангелии". Размахивая двуручным мечом, она противостояла савоярам. "Эта семья из пяти человек, — говорит Фромант, — отец, мать и дети, произвели большое смятение". Муж был убит, сыновья ранены, но мать не пострадала, что было удивительно видеть, говорит хронист, ибо никто не атаковал врага с большей отвагой. Другая женщина, по словам Стеттлера, соперничала с ней в храбрости, и четверо савояров уже пали в прах, когда она упала, сраженная смертельным ударом. [641]

=ЖРЕЦЫ УБИТЫ.=

Мужчины не остались в стороне. Охваченные боевой яростью, они вонзали свои мечи в тела врагов, или размозживали им головы своими аркебузами, или же, быстро перезарядив ружья, сбивали их с ног на расстоянии. [642] Будучи искусными стрелками, они выбирали себе жертвы; сорок дворян, большинство из которых были рыцарями Ложки, [643] пали в прах; а священники отдали смерти большую дань уважения. Фанатичный гнев духовенства, храбро шедшего на битву, был встречен мстительным гневом швейцарцев, которые были раздражены, увидев мирных людей на поле брани. Уайлдермут указал своим людям на "лжесвященников". "Вот они, теперь мы должны принести их в жертву, как это сделал Илия в древности". Кюре, не ожидавшие такого сопротивления, оказались поверженными этими ужасными гильветами, которым два дня страданий и вероломство их врагов доставили своего рода утешение. Возможно, только возбужденное воображение могло обеспечить победу швейцарцам. Один из них особенно походил на ангела смерти. Негодование, которое он испытал, увидев слуг Божьих, размахивающих мечом, увлекло его прочь, и двадцать из них пали под его ударами — ужасное исполнение слов Христа, обращенных к Петру: *Взявшие меч от меча и погибнут*. Сотня из этих министров мира, ставших министрами войны, остались мертвыми или ранеными на поле боя. [644] Шум был ужасный и был слышен издалека. "Во время битвы, - говорит Фромант, - в воздухе сверкнула яростная молния и раздался громкий раскат грома". Была ли гроза или эти слова только фигуральны? Возможно, люди, находившиеся на расстоянии, приняли вспышки выстрелов и шум битвы за гром и молнию.

=ПЕСНЯ БЕРНСКОГО СОЛДАТА.=

Поражение казалось полным и решительным. Уайлдермут и его последователи думали, что им больше ничего не останется, как двинуться маршем на Женеву, когда неожиданное обстоятельство вынудило их начать все сначала. Другой *армейский* корпус Савойи, тот, что был ближе всех, привлеченный шумом битвы, поспешил на помощь Лугрину. Командовал им (как представляется) Майкл Мангеро, барон Ла Сарраз; он действительно единственный глава своего отряда, упоминаемый некоторыми историками. [645] Мангеро, француз по происхождению и владелец баронства Ла Сарраз, после смерти съера де Понверре был самым грозным из Рыцарей Ложки. Несмотря на его усилия, никто из его людей не мог устоять перед пылом швейцарцев, и бесстрашие восторжествовало над численностью. Эти "высокие иностранцы", [646] как называет савояров немецкий хронист, были встревожены и обескуражены; они бросали оружие, повернулись спиной и позорно обратились в бегство, [647] оставив поле битвы покрытым мушкетами, нагрудниками, пиками, мертвыми лошадьми и людьми, среди которых (говорит католик Пьер-Флер) было много *хороших личностей*. Потери савоярдов по-разному оценивались от пятисот до двух тысяч. В первом ряду жертв боя швейцарцы признали своих вероломных проводников. Последние потеряли всего семерых мужчин и одну женщину. Холм, на котором были нанесены эти ужасные удары, до сих пор называется в память об этой битве *Молардом* или *курганом мертвых*. Доблестный отряд юра при виде жертв того дня остановился на поле ужасной битвы и, благочестиво преклонив колени среди разбросанного оружия и окровавленных трупов своих врагов, возблагодарил Бога за великую и неожиданную победу, которую Он даровал им. Чувства, которые их одушевляли, были выражены швейцарским поэтом того времени в *Песне бернского солдата после битвы при Гингене*, из которой мы приводим несколько стихов:

Радуйся, о Берн, радуйся! [648]

Правильно ли ты должен быть рад,
Ибо тогда наше горе было самым тяжелым
Бог послал нам победу.
Весь мир нас ненавидит,
Потому что должная слава
Мы воздаем только Его имени.

Да здравствует Медведь, храбрый старый Медведь, [\[649\]](#)
Кто, чтобы отстоять наше право,
Вооружил своих сыновей и укрыл их
Со своим широким щитом в бою.
Они поспешно двинулись на помощь
Женева, вокруг стены которой
Яростно бесновались верующие,
Все жаждут его падения.
Но голод их не остановил,
И горы не преграждают им путь,
Ни вид внезапных врагов
Это могло бы повергнуть их в смятение.
Мы выстояли один против семи человек,
С оружием грубым и немногочисленным;
Но "Бог будет нашим копьем", - сказали мы,
Перепрыгнул через изгородь и не растерялся
На их закованных в сталь рядах мы летели.
Да! Господь был на нашей стороне в тот день,
В наших сердцах мы чувствовали Его могущество,
И изящные чемпионы Велиала
Были рассеяны в бою.
Посмотрите, как учили их медвежата

Танцевать веселый танец!

А священники, как хорошо мы их обрядили

С уколом копья!

Победа за нами! Тогда вперед!

О помощи призывает Женева,

Спешите на помощь тем, чей позор

Значит любить Слово Божье и дорогое имя Христа —

Скорее! вон ее стены!

Тем временем весть о сражении распространилась по всей округе; все соседние деревни были в смятении; посланные Лугрином курьеры спешно отдавали приказы различным корпусам, расположенным через определенные промежутки времени, прийти на помощь своему несчастному командиру. Эти войска мчались вперед на предельной скорости. Когда швейцарцы закончили свое благодарение, они посмотрели перед собой и увидели, что вражеские вожди были заняты пополнением их поредевших рядов и что к савойской армии присоединяются свежие отряды. Сир де Лугрен и барон де Ла Сарраз во главе этих свежих войск, поддержанных старыми, собирались атаковать батальон "ужасный", размещенный на Моларе. Савояры значительно превосходили их числом, и их лидеры были полны решимости сделать все, чтобы восстановить свою честь и сокрушить свободу в Женеве. Швейцарцы не колебались; они двинулись вперед и спустились с холма, чтобы еще раз рассеять своих врагов. Борьба была близка к возобновлению. Могли ли эти изголодавшиеся и измученные люди выдержать шок солдат, горящих желанием отомстить за смерть своих товарищей?

Таков был вопрос: вероятно, несколько часов дали бы на него ответ; но произошло неожиданное обстоятельство, придавшее делу новый оборот.

[634] 'Die Strasse von ihren Feinden der Savoyern verhaget war.'—Stettler, *Chronik*, p. 70.

[635] Froment, *Gestes de Genève*, p. 194.—Stettler, *Chronik*, p. 70.

[636] 'Zu ümgeben, fahen under hencken.'—Stettler, *Chronik*, p. 70.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 41.

[637] 'Den Berg herab, willens mit den Bernern zu conferiren.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[638] Stettler, *Chronik*, p. 70.

[639] 'Mit guten Brægedinen angethan.'—*Ibid.* p. 71.

[640] Бернский г-н приписывается Бонивару.

[641] Из летописей следует, что это два разных случая. Фроман ("Жесты Женевы", стр. 195) положительно утверждает, что женщина, о которой он говорит, *никогда не была помолвлена*; Стеттлер ("Хроник", стр. 71), напротив, говорит о той, кого он упоминает, что у нее был *брак с вером Манном эрлегтом*. Мог ли кто-то из этих авторов ошибиться?

[642] 'Stachen, schlossen, und schlugen se männlich.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[643] *Выше*, Том II. стр. 377.

[644] 'Bei hundert priestlichen Personen . . . auf den Platz gelassen.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[645] Verdeil, *Histoire du Canton de Vaud*.

[646] Grands Welches.

[647] 'Den Rucken kehrten,' &c.—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[648] 'O Bern! du magst wohl frölich seyn!' etc. Recueil de Werner Sterner. Вероятно, эта песня принадлежит известному современному поэту Мануэлю.

[649] Медведь, то есть Берн, на щите которого изображен медведь.

ГЛАВА X.

ДИПЛОМАТИЯ, ИЛИ ЗАМОК КОППЕТ.

(12 октября 1535 г.)

=ДИПЛОМАТИЯ И ВОЙНА.=

Дипломатия и война - это два средства, используемые для разрешения международных разногласий. Принято пренебрежительно отзываться об обоих, и не без причины. Все, кто заботится о своих собратях и желает материального и морального процветания наций, рассматривают войну как преступление против человечности; и все же народ, захваченный несправедливым и амбициозным завоевателем, который желает лишить его независимости и национальности, имеет такое же право на самозащиту, как человек, на которого напал на большой дороге грабитель, вознамерившийся лишить его кошелька или жизни.

У дипломатии, как и у войны, есть свои недостатки. Его цель состоит в том, чтобы примирить противоречащие интересы, он легко впадает в узость и эгоистичность взглядов, в то время как он должен обладать той широкой мудростью, которая примиряет разногласия с беспристрастностью. Полностью признавая тактичность, с которой в обычное время оно придерживается пути, которому должно следовать, мы думаем, что оно запутывается и сбивается с пути в переходные периоды, когда общество переходит из одной фазы в другую. Моряки, совершавшие дальние плавания, замечали, что в определенных широтах и в определенные дни стрелка компаса так раскачивается, что рулевой не может использовать ее для определения своего курса: она, возможно, поворачивается вправо, когда должна указывать налево. Именно так обстоит дело с дипломатией в те великие эпохи, когда, как и в шестнадцатом веке, общество поворачивается на своих петлях и вступает в новую сферу. В таком случае дипломатия сначала действует в направлении, противоположном импульсам, которые готовят будущее: она посвящает все свои усилия сохранению того, что было, в то время как нормальный характер новой эпохи заключается именно в том, что то, что было, должно уступить место тому, что должно быть. Правительства, что вполне естественно, всегда начинают с противодействия новым веяниям социальной, политической и религиозной жизни. Именно это поначалу сделала могущественная аристократия Берна в отношении Женевы: мы видели

это однажды и увидим снова. Но если есть плохая дипломатия, есть и хорошая. Не будет ли здесь неуместным отметить, что если замок Коппе, где произошли некоторые факты нашей истории, был в 1535 году центром плохой политики, то впоследствии он стал центром либеральной государственной мудрости? [650]

Бернский совет был тщательно информирован о действиях Клода Савойя. Они узнали, что около четырехсот пятидесяти человек, "среди которых было несколько подданных милордов", переправляются через Юру, чтобы прийти на помощь Женеве, "не без опасности из-за малочисленности". Совет знал, что этим людям придется сражаться с дворянами и другими жителями страны, собранными со всех концов в деревнях и на дорогах, числом более трех или четырех тысяч. Кроме того, бернские магистраты хотели избежать войны. Поэтому они направили Луи Дизбаха и Родольфа Нагуэли в Пэйс-де-Во с инструкциями приказать добровольцам вернуться домой. Два бернских посла направились в замок Коппе, расположенный между Женевой и Джинженом. [651]

Как раз в это время в этой феодальной резиденции, которая с тех пор была заменена современным замком, собралась огромная толпа. Это место, которое когда-то было приютом литературы и свободы, теперь, по странному контрасту, стало резиденцией грубого и невежественного дворянства, желавшего любой ценой сохранить феодализм и уничтожить в Женеве свет, независимость и веру. Монсеньор де Луллен, губернатор Пэй-де-Во от имени герцога, поселился там со своими офицерами и несколькими дворянами из округа.

=КОНФЕРЕНЦИЯ В КОППЕТЕ.=

В субботу, 29 октября, в день, когда Вильдермут и его отряд достигли деревни Сен-Серг, послы из Берна прибыли в замок Коппе с намерением прийти к некоторому соглашению с губернатором Во о средствах предотвращения неминуемой битвы. Здесь они узнали, что это было ближе, чем они предполагали, и что швейцарцев ожидали на следующее утро. Вожди савойи и Берна немедленно вступили в совещание по этим серьезным вопросам, и они все еще обсуждали их, когда Клод Савойя, которому оставалось проехать всего две или три лиги, подъехал на своем запыхавшемся скакуне. Отважный женевец прекрасно сознавал, что было очень неосторожно показываться в замке, занятом главнокомандующим врагами Женевы; но для него это не имело значения; он хотел добиться от Дизбаха, во что бы то ни стало, обещания, что тот не остановит войска, которые Клод приводил на помощь своим согражданам.

Сир де Луллен, узнав о его прибытии, был удивлен и разгневан: на совещании разыгралась бурная сцена, и этот умный, но поспешный и страстный администратор приказал схватить еретичку и мятежницу Женеву. Последний в сопровождении вооруженных людей вскоре предстал перед ним в главном зале замка. Для савояров, окружавших губернатора, женевский гугенот был своего рода чудовищем, которое вызывало у них одновременно любопытство и ужас. Савойя, оказавшийся в пасти льва, предъявил документ, который прислал ему Д'Аллинж. Это стало кульминацией страсти губернатора. "По какому праву, - спросил он этого начальника, - вы даете охранную грамоту?" [652] Луллин, вообразив, что благородный савояр может быть предателем, состоящим в переписке с врагами его высочества, приказал заключить под стражу и предъявителя, и того, кто выдал паспорт. Послы Берна не считали своим долгом оказывать какое-либо сопротивление: главным для них было получить обещание от губернатора сделать

все, что в его силах, чтобы воспрепятствовать прибытию швейцарской группы. Поэтому они попросили его отправиться с ними на следующее утро (воскресенье, 10 октября) на рассвете, чтобы подняться на гору, на вершине которой они все еще надеялись найти Уайлдермута и его последователей и заставить их вернуться. [653] Де Луллен не согласился бы с этим предложением. Он хотел позволить небольшому швейцарскому отряду спуститься на равнину, не сомневаясь, что солдаты, подчиняющиеся его приказам, разнесут их вдребезги. Представилась возможность преподать хороший урок тем авантюристам, которые осмелились помериться силами с герцогом Савойским: ни один из этих опрометчивых людей не должен возвращаться домой. Но бернцы были все же более решительны, чем савойский губернатор, и после долгих усилий им удалось склонить его к своим взглядам. "После долгих хлопот мы пришли к выводу, - говорится в их отчете, - пойти им навстречу и заставить их конфиденциально удалиться в свою страну за счет милорда Савойского". [654]

=ПЛАНЫ СИРА ДЕ ЛУЛЛИНА.=

В ночь, последовавшую за этими обсуждениями, обитателей замка занимали совсем другие мысли. Пока бернцы размышляли о средствах предотвращения сражения, губернатор обдумал свои планы: у него было от трех до четырех тысяч солдат, свежих, энергичных и готовых к бою, в то время как у швейцарцев было всего четыре или пятьсот усталых и изголодавшихся людей. Не воспользоваться такой возможностью наказать этих "еретиков и нечестивцев" казалось ему серьезной ошибкой. Не нарушая своего обещания, было возможно (если бы он промедлил), что швейцарцы успели бы спуститься с гор и быть разорванными на куски савоярами. Воскресным утром Дизбах и Нагуэли проснулись на рассвете, но Луллин заставил их долго ждать его. Когда он появился, бернцы сказали ему, что готовы начать, согласно их договоренности. "Извините, джентльмены, - сказал губернатор, - сначала я должен отслужить мессу: мы, католики, никогда не отправляемся в путь без нее". [655] Месса была очень утомительной; наконец бернцы, увидев возвращение губернатора, решили, что их долгое испытание окончено; но Луллин, как всегда убежденный, что, дав время его войскам, они уничтожат банду Уайлдермута, сказал им: "Джентльмены, сейчас подадут угощение: невозможно начать без завтрака". [656] С сопоставлением пришлось подождать: Луллин и его офицеры много и чрезвычайно дружелюбно разговаривали. "Действительно, губернатор и его джентльмены задерживают нас сегодня утром слишком долго", - сказали послы, [657] которые были весьма утомлены этими задержками. Наконец они сели за стол и, без сомнения, просидели бы так еще долго, но внезапно послышался шум, похожий на ружейные выстрелы. Бернские послы вскочили на ноги. Для сомнений больше не оставалось места: битва началась, и, возможно, было слишком поздно выполнять их поручение. Несмотря на это, они решили отправиться на поле битвы. Савойский губернатор, полагая, что из-за всех его проволочек у его воинов было бы время разрубить швейцарцев на куски, больше не создавал трудностей. Они спустились во внутренний двор замка, где в течение нескольких часов нетерпеливо топали тридцать лошадей и сплетничало множество офицеров, стражников и слуг. "Приведите мне прекрасную испанскую лошадь женевца, - сказал губернатор, - и дайте ему осла". [658] Они привели благородного скакуна Савойи к сир де Луллину. "Дайте мне также его аркебузу, - добавил сообразительный савояр, - ибо я уверен, что она хорошая". Отряд построился: тридцать всадников и гвардия губернатора окружили сира де Луллена, его офицеров, бернцев и бедного Савоя верхом на своем скромном четвероногом. Они не могли ехать очень быстро, учитывая еретического осла, которого Луллин не хотел оставлять позади. Клод не позволял себе раздражаться из-за насмешек, которыми губернатор пытался покрыть его, и предпочел, чтобы

они смеялись над ним и обращались с ним как с обычным заключенным, а не оставались в Коппете.

Тем временем губернатор и его эскорт продолжали продвигаться вперед, глядя перед собой и пытаясь обнаружить швейцарцев. Внезапно, на небольшом расстоянии от Джинджинса, их взорам предстало самое странное и неожиданное зрелище. Солдаты разбегались во всех направлениях — вдоль шоссе, по проселкам, через поля: повсюду ужас, замешательство и все признаки сигнального поражения. Губернатор внимательно присмотрелся: бесполезно было пытаться обмануть самого себя, беглецы были его собственными солдатами. Он ожидал увидеть вражескую банду уничтоженной, а обнаружил, что те, кто должен был осуществить его замыслы, в смятении разбегаются. Разгневанный такой трусостью, он подошел к некоторым из беглецов и закричал: "Что вы делаете, трусы? Остановитесь! почему вы убегаете? Разве вас не в десять раз больше, чем еретиков? Повернись и помоги мне повесить их!" [659] Но савояры, охваченные паническим ужасом, прошли рядом с ним, почти не заметив его. Проверить их рейс было невозможно.

=БЕРНСКИЕ ПОСЛЫ.=

Что было делать в такой странной ситуации? Оставалось выбрать только один путь. Губернатор льстил себя надеждой увидеть швейцарцев разбитыми или сокрушить их самих, и он нашел их победителями. Вместо того, чтобы прибегать к мечу, он должен обратиться к смиренной молитве. Похоже, что ни у Луллина, ни у Дисбаха не было никакой надежды увидеть успех третьей атаки. Поэтому бернские послы, уполномоченные своим Советом действовать в качестве посредников, должны выступить вперед и остановить ужасную банду. Де Луллен выделил им несколько своих всадников в качестве эскорта, и они ускакали. В один момент их остановили банды беглецов, в другой они попали в гущу савойской кавалерии, шедшей вперед, чтобы воссоединиться со своими знаменами: наконец они прибыли на поле битвы. Это был момент, когда швейцарцы, одержав две победы и вернувшись благодаря Бога, почувствовали приближение свежих войск и готовились возобновить сражение в третий раз. [660] Но при виде лордов Берна они остановились. Это важное обстоятельство должно было придать событиям новый и неожиданный поворот.

Что в это время делал женевец на своем осле? Хронисты не сообщают нам: он исчез, он испарился. Мы можем предположить, что, видя, что Луллин занят сбором своих войск, все еще надеясь, что состоится еще одно сражение, и понимая необходимость информировать Советы о происходящем, он воспользовался всеобщим замешательством, чтобы отправиться в Женеву, призвать своих сограждан принять участие в этом героическом деле и объединиться со швейцарцами. Как бы то ни было, известие о битве при Гингене было принесено в Женеву Савойей или каким-то другим лицом 11 октября, на следующий день после сражения, и весь город был в смятении. Смертельная битва (по их словам) произошла между нашими освободителями и нашими угнетателями. Четыреста савояров остались на поле боя, но швейцарцы, окруженные многочисленными войсками, заперты близ Ньона и находятся в большой опасности быть изрубленными на куски!

=ЖЕНЕВА С ОРУЖИЕМ В РУКАХ.=

Тогда в вольном городе поднялся крик! Они знали число савоярдов и даже преувеличивали их; но швейцарцев нужно было спасти любой ценой. Кроме того, не могло быть никаких сомнений в

том, что если эта маленькая группа будет уничтожена, Лугрин, Мангеро и другие вожди повернутся против Женевы. Женевцы не колебались: они уже участвовали во многих битвах и были готовы сражаться в других. Сильный человек - это тот, кто постоянно борется. Пловец, который перестает плыть против течения, уносится потоком и исчезает. Люди, чья свобода или вера находятся под угрозой, должны, подобно сильному человеку, бороться до последнего, опасаясь, что стремительные воды захлестнут их. Это был пример, который долгое время подавал маленький город Женева: веками она боролась за свою независимость; долгие века она боролась за свою веру.

Бодишон де ла Мезоннев, главнокомандующий, призвал всех горожан к оружию. Собрать их не составило труда. В Женеве они говорили о неслыханных трудностях, которые швейцарцам пришлось преодолеть при пересечении Юры. Такие страдания, труды, усердие и любовь (говорили люди); такие выдающиеся заслуги; большие опасности, которым подверглись эти храбрые люди из—за нас, - неужели мы отплатим им только неблагодарностью? [661] Женевцы решили освободить швейцарцев или умереть вместе с ними. В одно мгновение они оказались при оружии; "около двух тысяч человек", - говорит Фроман, - полностью экипировались под командованием Бодишона де ла Мезоннева; в других документах говорится только о пятистах — цифра, которая кажется более близкой к истине. Фромант, вероятно, пересчитал всех, кто взял в руки оружие: самого старшего, который остался в городе, чтобы защищать его, а также самого молодого, который покинул его, чтобы отправиться на помощь отряду Вильдермута. Восемь артиллерийских орудий были вывезены из арсенала, [662] и армия была разделена на три корпуса под командованием отдельных капитанов, Бодишон де ла Мезоннев принял главнокомандование. [663]

Они ушли. Женевские солдаты с энтузиазмом двинулись к площади Во и ускорили шаг, опасаясь, что придут слишком поздно. При виде маленькой армии Бодишона рассеянные савояры, которых страх довел до Версуа и окрестностей Коппе и которые все еще дрожали при мысли о вчерашнем сражении, вообразили, что все потеряно. "Нас всех убьют, - говорили они, - а страна будет завоевана". Некоторые разбежались в разные стороны по полям; другие, опасаясь, что у них не будет времени бежать, спрятались в дворах или огороженных садах в окрестностях Коппету; в то время как другие, еще более напуганные, желая поставить озеро между собой и своими врагами, прыгнули в несколько лодок, пришвартованных к берегу, и за неимением весел воспользовались алебардами и таким образом, гребя изо всех сил, достигли берега Савойи. Женевцы, не прекращая преследовать беглецов, приблизились на небольшое расстояние к Коппету. "Если однажды мы объединимся со швейцарцами, что может быть легко сделано, - говорили они, - наша страна спасена". [664]

Вечером в воскресенье и утром в понедельник дипломатия сделала свое дело. Посланцы Берна, прибывшие на поле битвы в тот момент, когда швейцарцы собирались в третий раз броситься на савойскую армию, встали перед этим отрядом героев и, верные дипломатическому духу, который в то время царил на советах могущественной республики, сказали: "Стойте! От имени нашего начальства мы приказываем вам удалиться. Савояров много, и они вполне готовы тепло принять вас." Лорды Берна привыкли повелевать, а их подчиненные - повиноваться: поэтому они надеялись привлечь на свою сторону жителей Зеланда. Далее, Людовик Дисбахский, отличившийся в итальянских войнах и бывший губернатором Невшателя после того, как швейцарцы похитили его принца, Людовика Орлеанского, считал себя по этой причине уверенным в том, что убедит тех невшательцев, которые остались верны этому предприятию.

Отозвав их в сторону, он попытался показать им, а также бернцам, "что для них было бы лучше уйти с хорошей победой, чем подвергаться большей опасности". "Были предприняты все усилия, чтобы мягкими словами побудить доблестных чемпионов вернуться", — говорит Фромант.

Дипломатия была менее уверена, чем казалось, в поражении, которое, как она утверждала, ожидало спутников Уайлдермута. Если бы в одиночку они одержали две победы, чего бы они не сделали с помощью жителей Женевы? Савояры оказались меж двух огней, и многим казалось, что они все будут схвачены, а их страна завоевана. [665] Последователи Мезоннева, объединившись с последователями Вильдермута, изгнали бы савояров из страны и объединили бы ее либо с Женевой, либо со Швейцарией. С другой стороны, дипломаты сказали швейцарцам, что еще одно нападение подвергнет их риску поражения, столь же значительного, каким был их триумф; что сражения, которые вели такие храбрые люди, не будут бесполезными; и что бернцы, на которых возложена задача посредничества, добьются от Савойи хорошего мира в пользу Женевы. - Видите, вы два или три дня ничего не ели, - добавил Дисбах. - два сражения истощили ваши силы. Направляйтесь в деревню Фаункс, что над Коппетом; вас ждут обильные припасы, и там вы получите наши последние указания". Так говорили лорды Берна.

=МАРШ ШВЕЙЦАРЦЕВ На ФАУНЕКС.=

Но бесстрашные люди из контингента Зееланда и Невшателя были "сильно разгневаны"; они спросили, должны ли они позволить соблазнить себя "мягкими словами" или "глупыми страхами"; они смеялись над попыткой напугать их савоярами, которые были (по их словам) так напуганы, что не понимали, что делают! Но послы не прекращали своих усилий, и швейцарцы уже колебались. Многие бернцы не хотели становиться в оппозицию правительству своего кантона; а невшательцы думали, что, поскольку именно бернские сеньоры поддерживали Невшатель в проведении Реформ, они вряд ли покинут Женеву. Большинство из них, измученные двумя днями пути по снегу и одним днем ожесточенных боев, и не имевшие никакой другой пищи, кроме нескольких репок, придерживались мнения, что, поскольку они были ослаблены голодом, а в Фаунксе им предлагали еду, которой не было в Джинджинсе, было вполне естественно отправиться туда. Кроме того, это не означало отказа от их дизайна. Разве Founex не был на пути в Женеву? Послы становились все настойчивее, и наконец все отправились восвояси, не без сожаления покидая славное поле битвы. "И вот они прибыли в Фаункс, где их снабдили мясом и питьем", - говорится в женевских реестрах. [666]

Бернские лорды видели, как они удалялись, и, когда последний отряд проехал мимо них, они вздохнули свободно, натянули поводья и вместе со своим эскортом отправились по дороге в Коппет, очень довольные тем, что так удачно преуспели. Но их неприятности еще не закончились. Они не прошли и половины пути, когда подверглись новой опасности. Приближался савойский эскадрон численностью около шестидесяти человек: оказавшись на небольшом расстоянии от бернцев, всадники пришпорили своих лошадей и бросились на послов и их эскорт, выкрикивая: "Убивайте, убивайте!" Один из них, приставив мушкет к груди Дисбаха, готовился убить его. [667] В разгар охватившей их тревоги бернские дипломаты начали понимать, что неразумно плохо выбирать себе друзей. Однако Дизбах отделался испугом, так как один из его сопровождающих отбросил мушкет в сторону. Объяснения послов не удовлетворили савояров, которые были подкреплением кавалерии на пути в Джинжин, чтобы помочь своим соотечественникам получить удовлетворение за поражение, которое потерпели

их друзья. Они были в ярости и поклялись отомстить за своих товарищей, убитых бернцами в двух боях. Убежденные, что эти патриции Берна были в заговоре с победителями, они взяли их в плен, приказали им слезть с лошадей и, заставив их идти пешком между ними, как будто они были разбойниками, намеревались посадить их в тюрьму в Ньоне. Наконец, однако, после новых переговоров, эти грубые всадники узнали, что они увозят друзей губернатора, и, напуганные этим известием, поспешили освободить послов, которые снова сели на своих лошадей и ускакали в Коппет. Было уже поздно, когда они прибыли в замок, где их ждали серьезные дела. [668]

=ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ОБМАН.=

На следующее утро, в понедельник, 11 октября, губернатор, два бернских депутата и несколько джентльменов, встретившись за завтраком, обсуждали, что делать, "пока они ели, пили и пировали", когда вошел офицер и сообщил им, что женевская армия под командованием Де ла Мезоннева приближается к замку. Все вокруг было в замешательстве. Савойская армия была так далеко, что женевцы могли смелым ударом захватить губернатора Во с его офицерами и дворянами и даже бернских послов и увезти их в Женеву. Такой удар вполне соответствовал бы отважному характеру Бодишона; если бы ему удалось заставить епископа покинуть Женеву, он мог бы легко (как думали многие) избавить свой город от сеньоров, замышлявших заговор в Коппе. Что можно было сделать, чтобы остановить его? Эти джентльмены изобрели "старый военный трюк", говорится в "хронике", согласно которому каждый человек, не в состоянии противостоять своим противникам, делает вид, что желает мира, либо чтобы выиграть время, либо заманить своего врага в ловушку. Любой ценой нужно заставить жителей Женевы вернуться. Поэтому дипломатия возобновила свои уловки. Губернатор Во, хотя и был более чем когда-либо полон решимости уничтожить этот беспокойный город, поручил нескольким своим дворянам отправиться и сообщить женевскому коменданту, что они совещаются и что они даже готовы подписать предварительные условия выгодного для города мира; но что для завершения переговоров им нужны три депутата из Женевы.

Савойские джентльмены, доставившие это послание, прибыли на женевские аванпосты и, будучи препровождены в Де-ла-Мезоннев, выполнили свою мирную миссию. Мнения разделились. Некоторые подозревали подвох и утверждали, что если войска Женевы и Невшателя смогут встретиться, независимость Женевы будет обеспечена. Поэтому они сделали все, что могли, чтобы воспротивиться конференции; но другие утверждали, что они могут доверять г-ну де Дисбаху; и что лучшим выходом было бы послать трех своих людей, чтобы убедиться в искренности этих мирных предложений, а затем вернуться и составить свой отчет. "Кто гарантирует их возвращение?" - кричали те, кто боялся савойского губернатора. На это джентльмены из окружения сира де Луллена поклялись в своей "вере и обещании", что делегатам не причинят вреда. Достойные женевцы, не желая подозревать лжесвидетеля, уступили и избрали своими посланниками Жана д'Арлода, Тибо Токера и Жана Ламбера.

=ЖЕНЕВСКИЕ ПОСЛЫ ЗАКЛЮЧЕНЫ В ТЮРЬМУ.=

Когда эта депутация прибыла в замок, сир де Луллен и его гости снова были заняты едой, питьем и банкетом. Эта близость бернских лордов с врагами Женевы вызвала неудовольствие д'Арлода и его коллег, но, тем не менее, они решили добросовестно выполнить свою миссию. Им не пришлось долго ждать, прежде чем они узнали, что савойские вожди не имели ни малейшего представления о мире и что они хотели сокрушить эту секту, непокорную законам Церкви, —

секту, которую они так долго презирали, которая отвергла священников, провозгласила свою независимость от папы, издала законы, противоречащие тем, которые веками управляли христианским миром, и делала вид, что обращается с Римом как с равным. Эти гугеноты лишили святых почестей, которыми они пользовались, уничтожили изображения, отменили мессу и запретили священные обряды. Что же тогда оставалось делать, кроме как обращаться с их заместителями как с преступниками? Женевские полномочные представители попросили ознакомиться с предварительными условиями мира, который было желательно заключить с ними. Сир де Луллен не мог поверить своим ушам и, вне себя от гнева, пришел в ярость от их дерзости: "Что? мятежники осмеливаются спрашивать о *предварительных условиях*! Он приказал схватить их. Женевцам было бесполезно взывать к данному им обещанию; Луллин не желал слушать ни слова и, желая войны любой ценой, был полон решимости растоптать ногами неприкосновенность, которой международное право наделяет интернунциев. Трое женецев были "связаны, как разбойники". — "Отведите их в Шильонский замок, - сказал Луллен, - где они смогут поговорить с господином де Сен-Виктором (Бониваром), который уже провел там шесть лет по делам Женевы". Трое благородных граждан были увезены и заперты в Шильонской крепости. Тогда в Коппете, как и столетием ранее в Констанце, бытовало мнение, "что никто не обязан хранить верность еретикам". [669]

Де ла Мезоннев и его офицеры с нетерпением ждали возвращения своих делегатов; время утекало, а они не появлялись. Страх перед прискорбными событиями начал тревожить наименее доверчивые умы. "Вполне вероятно, - говорили некоторые, - что это *уход* из которого не будет *возврата*". [670] Командир послал трубача Ами Вулье узнать, что происходит, — в те дни это входило в обязанности его ведомства. Вулье, то ли потому, что он склонялся к худшей стороне, то ли был подкуплен врагом, то ли позволил обмануть себя какому-нибудь хитрому савояру, вернулся и доложил, что джентльмены в замке были заняты составлением статей мирного договора; и что это место не было беззащитным, поскольку он видел на виноградниках вокруг него больше солдат, чем виноградников. Он добавил, что, поскольку мир вот-вот будет заключен, присутствие вооруженных людей, которые не должны сражаться, бесполезно, и что лучше всего было бы, если бы каждый мужчина вернулся домой. Наиболее миролюбивые женецы, полагая, что их делегаты действительно заняты составлением настоящего договора, настояли на возвращении в город. Опытный и дальновидный командир, человек незаурядного ума, не удовлетворился бы докладом трубача. Он не покинул бы это место, не установив прямой связи с тремя полномочными представителями. Если бы он обнаружил вероломство губернатора, то смог бы, особенно при поддержке швейцарцев, окружить замок, захватить губернатора и его свиту, а также самих бернцев и не отпускать их, пока не добьется освобождения своих посланцев. Даже если бы это было правдой, что они обсуждали мирный договор, разве женевским силам не было бы выгодно оставаться вблизи Коппета, чтобы усилить представления своих делегатов? Де ла Мезоннев был добропорядочным гражданином, добрым протестантом и солдатом, но он не был ни великим полководцем, ни искусным дипломатом. Кроме того, благородная простота сердца не допускает притворства. Эти гордые гугеноты, которые иногда ошибались из-за чрезмерного насилия, теперь ошиблись из-за чрезмерной простоты. Было решено, что, поскольку мир должен быть подписан, женецы должны вернуться домой. Корпус двинулся к Женеве. Эта ошибка тяжелым бременем легла на Бодишона де ла Мезонневу и беспокоила его всю оставшуюся жизнь.

=ШВЕЙЦАРСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ БЫЛИ ОБМАНУТЫ.=

Искусные дипломаты, собравшиеся в Коппе, избавившись таким образом от женевцев, взялись таким же образом избавиться от швейцарцев, расквартированных в Фаунксе. Некоторые из них, направляясь к маленькой армии Уайлдермута, сказали: "Мир заключен. Все солдаты должны сейчас же вернуться домой. Город гугенотов теперь будет свободен. Вы справедливо приобрели право наслаждаться покоем. Более того, губернатор Во обязуется оплатить расходы на ваше путешествие. ' Швейцарцы уступили, как и женевцы. За героической победой последовало дипломатическое поражение. Если честные обладают своей силой, то и хитрые тоже. Судьба скромных и искренних людей и наций такова, что они иногда оказываются сбитыми с толку ловкими и могущественными людьми. Что касается швейцарцев, то последний куплет военной песни Джинджина показывает, что, если они повернули домой, то только потому, что были убеждены в том, что освобождение Женевы обеспечено.

"Завершите это дело, — сказали мы, - чтобы город Женева был освобожден - это все, о чем мы просим; чтобы ей был обеспечен мир, чтобы Слово Божье могло проповедоваться в ее стенах со всей свободой, чтобы стадо Господне могло быть спасено, и тогда мы радостные вернемся в наши дома". [671]

Но эти напряжения были иллюзиями благородных умов. Если оружие обеспечило триумф права и свободы в Джинджинсе, то политика обеспечила триумф мошенничества и деспотизма в Коппете.

Возникает еще один вопрос. Была ли битва при Джинджине бесполезной? Нет, поскольку она спасла Женеву. Храбрость швейцарцев и их победа глубоко запечатлелись в сознании населения Во. Об этом говорили в деревнях, замках и даже в Савоие. Соответственно, несколько месяцев спустя, когда в стране появилась армия, посланная бернскими советами, никто не осмеливался померяться с ней силами, храбрость швейцарцев все еще вселяла ужас во все сердца.

Людовик Дизбахский и его коллеги, прибывшие в Женеву на следующий день после измены Коппе, предложили совету заключить договор с герцогом, среди прочего, предусматривающий восстановление привилегий предателей Пеней. "Что? - воскликнул главный синдикат. - Вы отослали назад тех, кто шел к нам на помощь, и вы утверждаете, что оставляете в наших стенах тех, кто никогда не перестанет воевать с нами!" [672] Де ла Мезоннев, обнаружив, что трубач подал ложный сигнал и что его войскам, вместо того чтобы возвращаться в Женеву, следовало бы двинуться маршем на Коппе, не смог сдержать своей печали и ярости. Он объявил этого человека виновным в государственной измене, и многие люди присоединились к нему, требуя головы Ами Вулье. Однако его жизнь была спасена, но он потерял уважение своих сограждан. [673]

Негодование магистратов и военачальников было ничтожным по сравнению с гневом народа. Мысль о том, что посланники были заперты в стенах Шильона, заставляла гореть их сердца. "Давайте совершим репрессии, - обратились родственники жертв к синдикам, — и, чтобы убедиться, что они вернут нам наших сограждан, давайте захватим заложников, которые не хуже их". Были схвачены трое известных людей, находившихся в то время в пределах досягаемости женевцев — г-н де Салье, бастард Вуффленский, и г-н де Монфор. [674] Последний был монахом монастыря Сен-Жан, расположенного на высотах, омываемых голубыми водами Роны, у ворот Женевы. Женева, хотя и находится на территории герцога. Люди не взвешивают требования правосудия так спокойно, как мудрецы на совете. Пламя, горевшее

в каждом сердце, внезапно вырвалось наружу. Послышались крики и собрание. Народные волны поднимались все выше от улицы к улице, вздымаясь и пенясь. "Неужели мы оставим у самых ворот города, - раздался крик, - здание, откуда враг может направить на нас свою артиллерию?" Толпа бросилась к Сен-Жану, взобралась на стены, схватила Де Монфора, забралась на крышу, сломала, снесла и крушила все подряд и не останавливалась до тех пор, пока монастырь не превратился в руины. Преступление в Коппете привело к казни в Сен-Жане. Народное возмущение не отражало того, что во всех штатах, и особенно в республиках, ничего не должно делаться иначе, как по закону.

[650] Посмотрите работы мадам де Сталь, ее семьи, герцога де Бройля, графа Оссонвиля и ее друзей.

[651] Доклад двух бернских посланников Совету в Женеве.

[652] 'Von Lullin sagte Alinges hatte Gleit zu geben keine Gewalt.'—Stettler, *Chronik*.

[653] 'Die Deutsche heim zu mahnen, und zu Ihnen den Berg hinauf zu reiten.'—*Ibid*.

[654] Доклад двух бернских посланников.—*Registres du Conseil de Genève*.

[655] 'Hielt die Berner betrüglich auf, bemeldeter von Lullin, und sagte: Er wollte zum ersten Mess hören.'—Stettler, *Chronik*.

[656] 'Und eine Collation thun.'—*Ibid*.

[657] *Registres du Conseil de Genève* du 12 Octobre 1535.

[658] 'Nahm er des Genfers starken hispanischen Hengst, setzt denselbigen hingegen auf einen Esel.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[659] 'Vermahnet sie ihren Feinden bey Hencken zügestehen.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[660] Стеттлер говорит, что швейцарцы уже отправились в Женеву, когда прибыли бернцы; Ручат и другие говорят то же самое. При чтении рукописных реестров Женевского совета становится ясно, что в отчете господ де Берн прямо говорится об обратном; и Фроман подтверждает этот отчет, стр. 196.

[661] Вот слова, произнесенные на Совете. —См. *Реестры Совета* за 11 октября 1535 года.

[662] *Registres du Conseil, ad diem*.

[663] Froment, *Gestes de Genève*, p. 197.

[664] *Registres du Conseil* du 11 Octobre 1535.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 51.

[665] 'Gagné.' Froment. *Gestes de Genève*, p. 197.

[666] *Registres du Conseil de Genève* du 12 Octobre 1535.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 196-198.

[667] 'Die Schryen, Würgen, würgen! Setzten dem von Diesbach ein Feuerbüchsen an die Brust.'—Stettler, *Chronik*, p. 71.

[668] Stettler, *Chronik*, p. 72.

[669] Froment, *Gestes de Genève*, p. 198.—Registres du Conseil du 11 Octobre 1535.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 41.

[670] 'Uneallée qui n'aura pas de retour.'

[671] Froment, *Gestes de Genève*, p. 199.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 41.—*Schweizer Chronik in Liedern*, Berne, 1535.

[672] Registres du Conseil du 12 Octobre 1535.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 42.

[673] Фроман, Розет и др.

[674] Хроника магистра де Розе, лив. iii. глава 51.

ГЛАВА XI.

ДВИЖЕНИЯ ЗА НАСТУПЛЕНИЕ И ЗАЩИТУ ЖЕНЕВЫ — ВЕРА И ГЕРОИЗМ.

(С начала ноября 1535 г. по конец января 1536 г.)

=ЖЕНЕВА В БЛОКАДЕ.=

Поражение не всегда является злом; иногда оно может привести к решающей победе. Среди тех, кто потерпел поражение при Джинджине, было мало регулярных войск, что сделало это поражение уроком, которым мог бы воспользоваться герцог Савойский. Фактически он решил извлечь из этого выгоду, воспитать солдат-ветеранов, поставить во главе их выдающегося генерала и таким образом сокрушить этот мятежный город, который осмелился установить религию, неизвестную Риму. Но поскольку эти войска не были готовы, Карл III приказал вождям великой долины Лемана потребовать от своих вассалов военной службы, которой они были обязаны. Дворяне этого округа были убеждены, что они легко одержат победу над Женевой, если швейцарцы не придут им на помощь; а так как это было маловероятно, ненависть, испытываемая к городу, и надежда обогатиться за счет его добычи побудили большое количество подданных сплотиться под знаменами своих сеньоров. Примерно в конце октября сир де Луллен предпринял свои меры по блокаде Женевы. Мангеро, барон де Ла Сарраз, стремительный, вспыльчивый, упрямый человек, преисполненный презрения к реформации Церкви и свободе граждан, был поставлен во главе атаки. 1 ноября эти вооруженные банды заняли несколько деревень и небольших городков, образовавших своего рода кольцо вокруг города, и начали грабить, жечь и убивать всех, кто попадался им в руки. Голод и холод, которые в тот год были очень сильными, вскоре вызвали в городе смуту. Церкви были заполнены стариками, женщинами и детьми, и даже вооруженными мужчинами. "Не осталось другого ресурса и убежища, кроме одного Бога", - сказал Фарел с кафедры, и из среды прихожан слышались голоса, отвечающие ему: "Только на Него мы возлагаем наше упование". Если раздавался мушкетный выстрел, или крики, или барабанный бой, вооруженные люди немедленно уходили, но "без шума или замешательства; никто больше не прерывал проповедь", и служба не прерывалась. По мере того как стрельба снаружи становилась все жарче, те, кто оставался в храме, взывали к Богу, что "не от человеческой руки они ждали

избавления, но от Его великой верности". Однажды ночью женевцы, пробудившись ото сна и поспешно поднявшись, обнаружили, что город окружен кострами, разожженными савойскими латниками с намерением осветить их для штурма, и слышали, как колокола монастырей и часовен вокруг звонят так громко, как только возможно, чтобы усилить их ужас. Горожане доблестно сражались, и враг снова был отброшен. [675]

Однако вокруг города все еще сохранялась блокада, и никто не мог сказать, откуда прибудет помощь. Однажды гонцу, прибывшему из Франции, удалось пробиться сквозь войска, окружившие Женеву: он доставил письмо, составленное в следующих выражениях:

-Вы, несомненно, получите несколько мул, нагруженных хорошими и ходкими товарами, и на днях они будут там.

"Пьер Кroke". [676]

Письмо было передано Мегро Великолепному. "Это хорошо, - сказал он, - спасение приходит к нам из Франции".

=ДОБРОВОЛЬЦЫ ИЗ ФРАНЦИИ.=

В тот момент в политике великих держав Европы происходили определенные изменения, которые могли способствовать освобождению Женевы. "Если хочешь Милан, бери Турин", - сказал хитрый Климент VII. королю Франции. Поскольку Сфорца, последний герцог Миланский, был мертв, Франциску I. чтобы последовать совету понтифика, пришлось искать какой-нибудь предлог для объявления войны своему дяде, герцогу Савойскому. Был один, который представился вполне естественно. "Карл IV. угнетает Женеву", - говорили некоторые. "Пусть Франция воспротивится тому, чтобы он наложил на нее руки, и война будет неизбежна". Франциск I., который в то время находился в Лионе и вел переговоры с Карлом V. Он понял, что не может открыто поддержать Женеву; но разрешил съеру де Вери, французскому дворянину, набрать отряд добровольцев. Мужчины, очарованные новыми свободами, с энтузиазмом стекались под его знамена. В частности, к группе присоединились многие печатники. Печатники тех времен отмечали, что Реформация породила не только авторов, писавших для народа, но и людей, которые с жадностью читали их книги; и, соответственно, они были готовы бороться за это. Франциск I не удовлетворился зрелищем, но дал Вери компанию Жана Паоли, сына съера де Сери, старого капитана римских отрядов, состоящих из "превосходной кавалерии и доблестных личностей". [677]

Тем временем город приходил в упадок: не было денег, чтобы заплатить солдатам. Что было делать? Во многих старых домах были найдены женевские монеты с изображением солнца в качестве символа с этим девизом —*Post tenebras spero lucem*. [678] Эти монеты доказывали, что город Женева когда-то обладал правом чеканки денег - правом, которого ее лишили князья-епископы. Клод Савойя получил инструкции выпустить новую чеканку монет и немедленно был снабжен серебряными крестами, чашами, патенами и другой священной утварью. Монеты, которые он отчеканил, имели на одной стороне ключ и орла (герб Женевы) с надписью "*Deus noster pugnatur pro nobis*", 1535 г., "Наш Бог сражается за нас"; а на реверсе - "*Geneva civitas*". В следующем году была выпущена другая монета, на которой, в дополнение к обычному изображению, *Post tenebras lucem*, были выгравированы слова Исайи и святого Павла, *Mihi sese flectet omne genu*, "Предо Мной преклонится всякое колено", с монограммой Иисуса, I. H. S., в

центре. Женева верила не только в свою собственную победу, но и в победу Бога, слава которого, скрытая до тех пор, будет возвеличена среди всех народов.

=КОНФЕРЕНЦИЯ В АОСТЕ.=

В то время как Франциск I тайно помогал Женеве, могущественная Бернская республика вела переговоры в ее пользу. Некоторые из ее государственных деятелей пересекли реку Сен-Бернар по пути в город Аоста, где их должен был встретить герцог Савойский. Бертольд Галлер, реформатор, и другие бернские пасторы собрались в совете и призвали их обратиться к народу с призывом освободить Женеву. "Они готовы, - сказали министры, - пожертвовать своим имуществом и своими жизнями, чтобы поддержать Реформацию в этом городе". Лорды Берна, желая предпринять хотя бы один шаг, послали к герцогу депутацию и поручили своему генералу Франсису Нагуэли, стоявшему во главе ее, поддержать дело Женевы. Сын одного из самых выдающихся вождей швейцарских отрядов, Фрэнсис вырос в лагере и, как и Вильдермут, предпринял свою первую кампанию в ходе войн в Италии в 1511 году. "В двадцать лет он был мужчиной", - говорили люди. Его черты, загорелые южным солнцем, представляли собой смесь энергии, остроты и античного величия, а христианское благочестие, которым он был одушевлен, придавало им большое очарование. [679] Его сопровождали П. д'Эрлах, Рудольф Дизбахский и канцлер П. Жиро. С трудом преодолев горы — это было во второй половине ноября — и невзирая на дождь, холод и снегопад, [680] послы прибыли наконец в город Аоста. Герцога там не было; им предложили отправиться в Турин, но лорды Берна ответили, что будут ждать герцога у подножия ледников. Бернцы и их свита воспользовались этой задержкой, чтобы вступить в беседу с жителями и бесстрашно говорили им о Священном Писании и узурпации римского епископа.

Наконец прибыл Карл III, и конференция была открыта. "Прежде всего, - сказали бернцы, - мы требуем, чтобы вы предоставили гражданам Женевы свободу повиноваться Слову Божьему как высшему авторитету веры". Герцог, окруженный слугами Рима и особенно убеждаемый Гаццини, епископом Аосты, заявил, что не может уступить их требованию без согласия императора, разрешения папы и решения генерального совета. "Я спрашиваю вас еще раз, - сказал Нагуэли, - оставьте женецам свободу исповедовать свою веру". "Их вера, - воскликнул Карл, - в чем их вера?" "Я думаю, в Савойе достаточно Библий, - ответил Нагуэли. - Прочтите их, и вы узнаете их веру". Герцог попросил перемирия на пять или шесть месяцев, чтобы прийти к взаимопониманию по этому вопросу с императором и папой. Послы, пересекая снега этих высоких гор, вернулись в Берн и составили свой отчет. [681]

За это время савойские войска приблизились к Женеве и 7 декабря атаковали город. Родольф Нагуэли, брат генерала, сообщил совету о предложении Карла III о перемирии сроком на пять месяцев. Но женевец ответил: "Как герцог может соблюдать перемирие на пять месяцев, когда он не может соблюдать перемирие на двадцать дней? Он делает это предложение, чтобы уморить нас голодом. Мы больше не будем вести с ним переговоров, разве что на острие меча. Любые задержки для нас - война. Окажите нам вашу помощь, достопочтенные лорды. Мы просим об этом не только во имя наших союзов, но и во имя любви, которой вы обязаны своим бедным братьям во Христе. Делайте, что можете, час пробил, и наш Бог будет сражаться за нас". По городу был разослан вестник, приказывающий каждому гражданину взять оружие наизготовку и собраться вокруг своих капитанов. [682]

=УСИЛИЯ МЕЗОННЕВА.=

В то же время Бодишон де ла Мезоннев, находившийся тогда в Швейцарии, приложил все свои силы, чтобы пробудить симпатии народа в пользу Женевы. В Берне он искал поддержки среди среднего класса, среди тех, кто любил Евангелие и свободу, будучи убежден, что они поддержат магистратуру. Он был неутомим и отстаивал интересы своей страны в частных домах, в обществе и в совете. Он трудился так, словно желал исправить ошибку, которую совершил, позволив савойским государственным деятелям перехитрить себя в Коппете. Правительство Луллина, будучи проинформированным об усилиях гражданина Женевы, приказало схватить его, когда он попытался пересечь территорию Во по возвращении домой. Де ла Мезоннев был полон радости, ибо его усилия увенчались успехом; правое дело постепенно одерживало верх в Берне; но одно его огорчало: он не получал никаких известий из Женевы и не мог поехать туда, чтобы поделиться своими великими надеждами с соотечественниками. "Я вообще не получал от вас никаких известий, - писал он совету 9 декабря, - не больше, чем если бы я был евреем или сарацином. Если бы я мог пройти, я бы здесь не оставался; но меня предупредили, что за мной наблюдают со всех сторон, как за мышью наблюдает кошка. Знайте, что жители Базеля и других кантонов, верующие в Евангелие, готовы приложить все свои силы, чтобы помочь нам. Через короткое время вы увидите чудеса и то, как будет действовать Бог". [683]

Тем временем непогода стала невыносимой; дворяне, блокировавшие Женеву, — де Монфоры, Де Женжены, Де Буршиез и другие — решили уйти со своими людьми на зимние квартиры. Сир Мангеро де ла Сарраз тщетно уговаривал их остаться. "Мы вынуждены вернуться", - сказали они. Женевцы начали дышать. Их враги уходили, а беженец Мегро продолжал говорить им, что друзья из Франции вот-вот "прибудут в большом количестве и полные мужества". Таким образом, горожане начали различать проблески света в окружавшей их темноте.

В действительности сьер де Монбель де Вери со своими семьями пехотинцами и четырьмя сотнями всадников, тайно отправленный Франциском I. С личной целью оказать поддержку Женеве, прибыл в долину Сен-Клод. Это было в середине декабря. Бесстрашный Мангеро, возмущенный трусостью своих союзников, остался один на своем посту; и он сделал это специально, чтобы противостоять французам. Взяв с собой четыреста человек, он поднялся в горы и обнаружил, что в верхних долинах лежит от десяти до двадцати футов снега. Итальянская кавалерия Де Вери не могла продвигаться вперед, а его пехотинцы почти замерзли. Внезапно, на повороте дороги, мушкетный залп посеял ужас и беспорядок в этом дезорганизованном отряде. Бесстрашный Де Вери в сопровождении семи всадников прорвался сквозь ряды противника, и 14 декабря восемь человек, единственные выжившие из почти тысячи двухсот, прибыли к воротам Женевы. [684]

Депутат бернского парламента Нагуэли, полностью осознавая серьезность обстоятельств, отбыл в тот же день. Вскоре они с сожалением узнали, что все воины сьера де Вери были либо перебиты, либо рассеяны по снегам и лесам гор; в то же время Ла Сарраз, гордый своей победой, снова осадил город и поклялся, что положит конец его независимости и ереси. Судьба Женевы была мрачной, и некоторые спрашивали, не таким ли образом Бог спас тех, кто следовал Его Слову. 17 декабря, в тот момент, когда поступили ужасные новости, Уильям Фарел пришел в совет и сказал: "Достопочтенные лорды, главное, чтобы мы все обратились к Богу, и чтобы вы приняли меры, чтобы люди отреклись от греха и услышали Слово Господне. Именно потому, что Бог знает, что бесполезно соблазнять кротостью тех, кто спит, Он сейчас наносит вам сильные удары Своим молотом, чтобы разбудить вас ". Это святое увещание произвело глубокое впечатление на совет, и в тот же день государственные служащие распространили по

всему городу объявление о том, что "всем людям следует завтра и в другие дни идти в церковь Сен-Пьер и призывать на помощь Бога". На следующее утро женевцы, собравшись перед Всевышним, взывали к Нему голосами Его слуг. [685]

=ПРЕТЕНЗИИ ФРАНЦИСКА I.=

Еще большая опасность угрожала Женеве. Француз Де Вери, хотя и был разбит, тем не менее желал достичь цели, ради которой его послали. У него были очень обаятельные отношения с женевцами. "Король Франции, - сказал он, - принимает ваше дело близко к сердцу; он пошлет более сильные силы, чтобы спасти вас, ибо он очень любит Женеву. [686] Тем временем, джентльмены, чтобы дать ему повод изгнать вашего врага, было бы желательно, чтобы вы предоставили ему некоторое превосходство в вашем городе. Король не просит ничего, кроме того, чтобы его называли *Защитником ваших свобод*. Он желает помочь вам стать сильными". [687] Совет обдумал, обсудил и хорошо просчитал все эти вопросы. [688] С одной стороны, они не хотели защиты Франции; с другой, они чувствовали потребность в ее поддержке. Они тянули время. "Сначала изгоните наших врагов, - сказали они, - а потом мы посмотрим, как проявить наше уважение к королю". "Мы надеялись, что вы будете настроены лучше", - сказал де Вери, который не был удовлетворен *уважением* к своему хозяину. "Подумайте об этом, джентльмены, подумайте об этом". Он ушел очень недовольный. Но граждане высказались более откровенно, чем совет. Деспотичный король, какой защитник их свободы! Король, который вешает и сжигает евангельских христиан, какой защитник их веры! Смелые трибуны, и особенно братья Бернард, выступили вперед и потребовали, чтобы, если их стране суждено погибнуть, она погибла свободной. Давайте напишем королю, сказал тогда совет, что женевцы предлагают ему свои скромные услуги, "но без *какого-либо подчинения*". Маленький город, стоящий на краю пропасти, отверг руку могущественного монарха, которая единственная была протянута, чтобы спасти их. Шесть дней спустя (23 декабря) герцог Савойский приказал командирам своих войск по эту сторону гор "выполнять свой долг". В Женеве было решено, что в случае нападения все горожане, и даже старики, женщины и дети, должны вернуться к стенам.

=ГЕРОИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА ДЖЕССИ.=

Наступил 1536 год, и 3 января савойские гарнизоны Ланси, Конфиньона, Саконнекса за Арвой и План-ле-Уата, замков, расположенных между Роной и Арвой, а также гарнизонов Гайара и Жюсси, крепостей между Арвой и озером, одновременно двинулись на город. Во главе последнего отряда был Амблар де Грюйер, ревностный католик и вспыльчивый феодалист, который решил первым делом завладеть церковью Пресвятой Богородицы на реке Арве и таким образом занять важное положение в нескольких минутах езды от города и савойской территории. Пьер Жессе и трое других отважных гугенотов бросились в башню. Амблар выступил вперед и, стоя у подножия стены, крикнул им: "Сдавайтесь! клянусь честью джентльмена, ваши жизни будут спасены." Джесси ответил: "Я бы скорее сдался этим свиноводам, потому что у вас, джентльмены, нет чести". После этого Амблар де Грюйер открыл жаркий огонь по своим противникам. Последние не были встревожены; они стояли твердо и верили вместе с Фарелом, что человек, вооруженный божественной силой, экипирован с головы до ног. Они сбросили огромные камни с вершины башни на своих нападавших; они разрядили свои аркебузы и убили нескольких врагов. Эмблард приказал идти на штурм, выломал железную дверь, закрывавшую лестницу, и бросился вверх по ней с мечом в руке; но как только он добрался до двери, ведущей на колокольню, пуля отбросила его назад, на людей,

стоявших позади него. Хотя на помощь нападавшим одно за другим подходили подкрепления, последние, увидев, как упал их капитан, "сильно испугались". [689] Всю ночь напролет четверо гугенотов подавали сигналы огнем своим друзьям в городе, давая им понять, что они будут держаться до самой смерти. Тем временем атакующая сторона не ослабляла хватки. Поднявшись по узкой лестнице, они приставили факелы к полу башни под ногами четырех гугенотов и подожгли бревна. Савоярды, думая, что женевцы будут сожжены заживо, затем отступили, "унося тело своего капитана и других павших". Неустрашимые гугеноты, уже почувствовавшие огонь, бросились вниз по лестнице сквозь пламя и были спасены, у них не сгорело ничего, кроме бород. [690] Впоследствии Джесси стал членом совета.

Тем не менее, если одна атака проваливалась, она прокладывала путь для других; и против города выдвигались новые войска. Совет обсудил дальнейший курс, и были предложены две альтернативы. Фарель требовал, чтобы ради сохранения города жители доверяли Богу и чтобы от всего сердца возносились молитвы о мире и единстве не только для Женевы, но и для всего христианского мира. [691] Бальяр предложил другое средство: "Пусть месса будет отслужена публично еще раз", — сказал он. "Месса - это искупление, которое сделает Бога благосклонным к нам". - "Месса ломаного гроша не стоит", - воскликнул гугенот. "Если это так, - возразил католик, - то смерть и страсти Иисуса Христа ни на что не годны". При этих словах собрание пришло в сильное возбуждение. "Богохульство!" - воскликнули некоторые. - Балард произнес богохульство! Он еретик. Все, кто поддерживает жертвоприношение воинства, сводят на нет жертву Иисуса Христа". Совет положил конец дискуссии, постановив, "что священники должны доказать, что проповедники говорили ложь, или же что они должны пойти на проповеди и убедить себя, что служители говорили правду". [692]

12 января городские ворота были заложены кирпичом, проемы в стенах заделаны, и вооруженные люди держали себя наготове. Вражеские силы наступали тремя дивизиями — одна между озером и Арве, вторая между Арве и Роной и третья между Роной и озером. Около десяти часов вечера со стен донеслись тревожные крики; савояры устанавливали свои лестницы на южной стороне, в то время как барон де ла Сарраз и его отряд уже проникли в ров на северо-западной стороне. Женевцы храбро бросились на защиту и сбросили вниз и лестницы, и солдат. На следующий день взволнованный совет распорядился занести в протокол своих заседаний следующие слова: *"Они яростно атаквали нас, но Бог, которому принадлежит вся честь, отразил их"*. [693] С тех пор савояры, "более распаленные, чем когда-либо, не пропускали ни одной ночи без нападения". [694] Они хотели сделать больше.

24 января гарнизоны Жюсси и Гайара численностью 600-800 человек, из которых 100 были всадниками, усиленные большим количеством крестьян, заняли позицию между Шене и Колоньи, немного выше ущелья Фронтенекс. Сто пехотинцев и сорок всадников совершили вылазку из Женевы, и их сопровождало множество мальчиков от четырнадцати до шестнадцати лет. Этот маленький отряд сразу же атаковал большой, и в короткое время широкая равнина между Фронтенексом и Амбилли была покрыта беглецами и трупами. Пало не менее двухсот человек. Победители с триумфом вернулись с *войны при Колоньи* сквозь толпу горожан, которые вышли им навстречу и приветствовали их радостными криками. [695]

Но если слабые жители Женевы дали отпор маленьким армиям, то как они будут сопротивляться, когда придет великая армия?

[675] Registres du Conseil des 9 et 12 Novembre 1535.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 179-184.

[676] 'Vos recevrez certainement charge de mullets, de bonne et mettable marchandise, et seront là un de ces jours.'

[677] Registres du Conseil du 17 Décembre.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 11.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 187-191.

[678] Взято из Вульгаты, Иов xvii. 12.

[679] Dictionnaire de Len. Journal de Nägueli.—Vulliemin, *Continuation de l'Histoire Suisse de Müller*.

[680] 'Bei Kalter Winterzeit, in Schnee und Regen.'—Stettler, *Chronik*, p. 72.

[681] Стеттлер, *Хроник*, стр. 73.—Магистр де Розет, лив. iii. гл. 46.

[682] Registres du Conseil des 8 et 10 Décembre.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 49 to 51.—Collection Galiffe dans Roget, *Les Suisses et la Genève*.—Stettler, *Chronik*, p. 73.

[683] 'Vous verrez merveilles en bref et comme Dieu besognera.'—Collection Galiffe dans Roget, *Les Suisses et Genève*.

[684] Stettler, *Chronik*, p. 73.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 201.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 52.—Mémoires de Pierre-Fleur, p. 118.

[685] Registres du Conseil du 17 Décembre 1535.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 53.

[686] 'Fortiorem bendam Genevam ingenti amore prosequitur.'—Registres du Conseil du 17 Décembre 1535.

[687] Там же.—Хроника магистра де Розе, лив. iii. глава 53.

[688] 'Omnibus bene ruminatis, discussis, et calculatis, fuit solutum respondendi.'—Registres du Conseil, du 17 Décembre.

[689] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 184, 185.

[690] Там же.

[691] 'Farellus exhortavit eos de uniendo populum, et fidendo in Deum,' etc.—Registres du Conseil du 10 Janvier 1536.

[692] Registres du Conseil du 10 Janvier 1536.

[693] 'Ils nous ont assaillis vigoureusement; mais Dieu, à qui en est tout honneur, les a repoussés.'—Registres du Conseil du 13 Janvier 1536.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 56.

[694] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 186, 187.

[695] Registres du Conseil du 24 Janvier 1536.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 58.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 204-206.

ГЛАВА XII.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОПАСНОСТЬ.

(Январь-февраль 1536 г.)

=ЖЕНЕВА В ОПАСНОСТИ.=

Герцог Савойский готовился нанести более решительные удары по Женеве. Он желал удовлетворить давние амбиции своего дома и сокрушить город, который считал себя призванным отделить от Рима население, разбросанное вокруг него. В этом его вдохновляла его жена Беатриче, португальская принцесса, которая была вдохновлена тем религиозным фанатизмом, который обычно отличает женщин Пиренейского полуострова. Города Асти, Ивреа и Версей попали в руки савойского дома, и Женеву постигла та же участь. Момент казался благоприятным. Карл V готовился уничтожить протестантизм: ланскенеты, завербованные братом императора, прибывали из Германии, а армия, которую сам Карл возвращал из Африки, двигалась к Альпам. В письмах из Берна сообщалось, что император и герцог начнут с сокращения Женевы, за ними последует реформированная Швейцария и в последнюю очередь лютеранская Германия. Таким образом, подчинение города гугенотам было частью общего плана. Этот могущественный монарх, над владениями которого никогда не заходило солнце, решил покончить с Реформацией, начав с этого города.

=GIANGIACOMO DE MEDICI.=

Карл III. узнал, что парализовало его прежние усилия то, что он совершил ошибку, не отправив дисциплинированные войска против города гугенотов. Поэтому он решил на этот раз отобрать только солдат-ветеранов и отдать их под командование одного из самых смелых военачальников того времени, чей поход должен сопровождаться грабежом и опустошением. Человек низкого происхождения, поселившийся в Милане, сколотил небольшое состояние благодаря своему трудолюбию. У этого человека, Бернардино Медичи (имя, которое не следует путать с именем флорентийских Медичи), было два сына: Джованни Анджело, ставший папой под именем Пий IV, и Джанджакомо, опрометчивый, предприимчивый, вероломный и жестокий молодой человек, чьи амбиции были ненасытны, а профессией была война. Посланный герцогом Миланским в замок Муссо на озере Комо с письмом, в котором губернатору предписывалось предать смерти подателя письма, хитрый Джанджакомо вскрыл письмо, собрал нескольких товарищей, захватил замок и превратил его в маленькое княжество, которое он мало-помалу увеличивал, совершая яростные набеги на окружающие районы — Вальтелину, Милан, Венецию и даже Граубюндон. Швейцарцы во главе с Нагуэли выступили против главаря разбойников и разрушили его логово. С того времени дерзкий флибустьер перенес свою стремительность и опустошения в другие места. Он разорил часть Французской Швейцарии на берегу Юры. Именно этого Аттилу небольшого масштаба Карл III избрал для того, чтобы поставить во главе новой кампании против Женевы. Речь шла не о том, чтобы просто взять город, а о том, чтобы поставить его в такое положение, чтобы он никогда больше не смог поднять голову; короче говоря, о том, чтобы уничтожить его. Джанджакомо был как раз тем человеком, который подходил для этой работы. Позже Карл V, желая использовать его против немецкой реформации, присвоил ему титул маркиза Мариньяно и поручил командовать артиллерией в его кампании против лютеран. Однако в настоящее время Медичи предстояло опустошить не Виттемберг, а Женеву. [696]

Герцог Савойский поставил своего генерала во главе армии, состоявшей из четырех тысяч итальянцев, [697] помимо савойцев и испанцев, крепких парней, большинство из которых были старыми солдатами. Значительное количество вооруженных людей было вызвано из долины Леман, чтобы присоединиться к Медичи и таким образом удвоить или даже утроить его силы. Воинственный брат будущего папы Пия IV, поддерживаемый великими князьями, герцогом Савойским и императором, не сомневался в победе. Он начал свой марш по долине реки Леман.

Опасность была велика, но было ли потеряно все? Разве в Женеве не было силы, которой не было в Версейле или Асти? "Кажется, нет способа вырваться из рук наших врагов, - говорили благочестивые женевцы, - но мы надеемся на Бога, который не допустит, чтобы Его святое имя хулили неверные". [698]

Берн долгое время не обращал внимания на крики Женевы. Бодишон де ла Мезоннев отправился туда, чтобы указать на крайность, до которой дошла его страна. В тот момент, когда опасность стала наибольшей, Медведь проснулся и приготовился спуститься со своих гор. Несомненно, политические мотивы имели какое-то отношение к этому решению Совета. После войны в Бургундии "римские земли" (франкоязычная часть Швейцарии) привлекли внимание этой могущественной республики. Несколько позже она заключила договоры о совместном гражданстве с Женевой и Лозанной; и когда она увидела, что король Франции собирает армию и двигает ее к Альпам, она испугалась, как бы этот принц не оказался рядом с ней раньше. Но просьбы Бодишона де ла Мезоннева и голоса граждан Берна, выступавших за независимость и Реформацию, сыграли, после Бога, наибольшую роль в принятии решения этим государством. Бернский совет выпустил обращение к народу, в котором, описав опасность, грозящую Женеве, они продолжали говорить: "Этот вопрос касается, прежде всего, славы Божьей, а затем он касается нас". "Мы готовы, - ответил народ, - пожертвовать нашим имуществом и нашими жизнями для поддержания веры и наших клятв". Двадцать тысяч человек вызвались выступить в поход. Перемена, произошедшая теперь на Бернских соборах, была настолько неожиданной, что ее обычно приписывали Божьему указанию. "Берн, движимый божественным вдохновением, движется вперед", - писал набожный бернец Буллингеру, преемнику Цвинглю в Цюрихе. [699] И этот превосходный женевец Поррал сказал в полноте своей радости: "О Боже, я благодарю Тебя за то, что Ты вдохновил наших граждан оказать нам помощь и утешение". [700]

16 января герольд принес герцогу Савойскому объявление войны огнем и мечом. Фрэнсис Нагуэли был единогласно назначен командующим экспедицией. Убежденный христианин, испытанный военачальник и умелый переговорщик, он был обожаем своими солдатами, которые называли его "наш Франц". Из двадцати тысяч человек, предложивших себя, он отобрал шесть тысяч. Он отдал два приказа. На смену алебардам и длинным мечам пришло новое оружие; аркебузы метали пули, которые невидимо поражали врага. Нагуэли хотел воспользоваться этим оружием. - Принесипалочки для костра, - сказал он. Более того, он требовал строгой дисциплины: "Будьте аккуратны, справедливы и добры по отношению к крестьянству, а также бесстрашны в бою".

=BERTHOLD HALLER.=

В Берне был еще один человек, который болел за Женеву так же сильно, как Нагуэли. Реформатору Бертольду Галлеру, согбенному страданиями, оставалось жить всего несколько дней. Однако, поскольку армия, прежде чем покинуть Берн, пожелала публично помолиться о

Божьей помощи, он с некоторым трудом поднялся с постели больного и, поддерживаемый друзьями, взобрался на кафедру собора. Этот человек, такой мягкий, такой робкий, такой недоверчивый к самому себе, проявил при приближении смерти энергию, которая до сих пор была ему чужда. "Жители Берна, - сказал он почти неслышным голосом, - будьте тверды и мужественны. Судьи и простой народ, офицеры и солдаты, остаются верными Слову Божьему. Почитайте Евангелие, ведя себя праведно, и непоколебимо следуйте ради любви к Богу своему намерению спасти от гибели, которая им угрожает, наших бедных братьев из Женевы, до сих пор, к сожалению, оставленных людьми". [701] Затем, подняв дрожащие руки к небу, Холлер простер их над безмолвной армией и воскликнул: "Пусть Бог наполнит ваши сердца верой, и пусть Он будет вашим Утешителем!" Вся армия, весь народ, в городе, в кантоне и даже в верхних долинах среди вечных снегов, повторяли эти слова — последнее, что реформатор произнес публично, — которые стали лозунгами этой священной войны.

В субботу (22 января) шесть тысяч человек покинули город твердым шагом, но не под своими особыми флагами (у каждого города были свои), а только под флагом Берна, символом силы и единства одновременно. Сотня кавалеристов и шестнадцать орудий сопровождали пехоту. Все они носили белый крест на красном поле; старый знак крестоносцев был их единственной униформой. Слова Халлера возымели действие. Эти дети гор пришли на помощь своим братьям с энтузиазмом и верой. Благородный Нагуэли ехал во главе их. Он желал превратить прекрасную долину реки Леман в евангелическую и гельветическую страну. Он был серьезен и молчалив, поскольку размышлял о способах полного освобождения Женевы, но ценой как можно меньшего количества крови. Солдаты маршировали за ним, деятельные и радостные, посреди толпы мужчин, женщин и детей, собранных из окрестных деревень; и эти отважные гельветы, высоко подняв головы, оглашали дорогу эхом своих боевых песен. Хроника старой Швейцарии сохранила их для нас:

Замолчите, все люди, и послушайте мою песню.

Пойте, товарищи, возносите к небесам хорошо известную мелодию,

Ибо медведь покинул свое горное логово и следует за ним по пятам

Наводи ужас и тревогу на всех, кто попытается преградить ему путь.

Нетерпеливыми шагами он идет спасать тех, кто плачет,

Которого весь мир оставил без посторонней помощи сходить в могилу.

Мой храбрый, доблестный медведь! Бог воскресил тебя из мертвых;

Закованный в свои цепи, презираемый людьми, папа долго крепко держал тебя,

Но Христос разорвал твои узы, и ночь рабства миновала.

Еще раз дневной свет падает с небес на твою голову.

Какая толпа радостных волчат копошится вокруг тебя в твоём логове,

Ибо чудесна любовь, которую Бог явил тебе среди людей.

Не унывай, старый горный медведь! и, высоко подняв голову,

Пусть тот, кто попытается остановить тебя, поостережется!

Горе, горе тому, кто ненавидит тебя, горе негодяям, которые боятся

Следовать туда, куда ты ведешь, — в Рим и к победе,

Свергнуть короля лжецов, посмеяться над лицемерами,

А их идолопоклонство развеять по небесному ветру, как мякину.

Я жду тебя в горах, когда закончится кровавая борьба,

И ты идешь с лавровым венком на голове;

Ты будешь пить наши горные ручьи, травянистые луга станут твоим ложем,

Там твои усталые члены отдохнут, и твое сердце снова возрадуется,

Тот, кто сражается за веру, в конце концов обретает славу,

И Бог увенчает воина за все опасности, которые он миновал. [702]

=АРМИЯ В МОРАТЕ.=

В первый день армия достигла поля битвы при Морате, которое солдаты приветствовали с энтузиазмом. Контингенты Бьенна, Нидау, Ла-Невиля, Невшателя, Валанжена, Шато д'Экс, Гессене и Пайерна, сгорая от любви к Женеве и Реформации, присоединились к бернскому флагу в городе с последним названием. Здесь 24 января кавалер де Ватвиль провел смотр этой благородной армии и принес ей присягу.

Женева представляла на этот раз менее эффектное зрелище. Голод, который в течение нескольких месяцев терзал город, теперь бродил подобно призрачному призраку по каждой улице, пугая женщин и детей и даже самих мужчин. Холод и болезни, неизбежные последствия лишений, наполнили дома страданиями и скорбью. Эти невзгоды были подобны яростному потоку, который сметает все, к чему прикасается. Даже храбрецы начали впадать в уныние. В этот момент из Берна прибыл человек с двумя посланиями. Одно, на бумаге, было передано ему, чтобы отвести подозрения на случай, если его остановит губернатор Во; это было требование освободить Фербити'а. Другое сообщение должно было быть сделано устно. "Держите меня здесь пленником, - сказал бернец, - и предайте смерти, если мои сеньоры не выступят со своей армией вам на помощь". Жители Женевы не могли ему поверить. "Через три дня, - добавил он, - вы увидите замки страны в огне. Это будет сигналом к приближению Берна". [703]

Когда больше не оставалось никаких сомнений в прибытии освободителей, население Женевы, так долго страдавшее, вздохнуло и набралось мужества. Самые энергичные люди не хотели ждать, пока придут их союзники. Версуа, важный город, принадлежащий герцогу Савойскому, мог остановить бернскую армию. Восемьдесят горожан на нескольких лодках атаковали его с озера, обратили в бегство савойских солдат огнем их пушек и вошли в крепость. Зернохранилища были полны зерна, погреба - вина, а стойла - скота: для голодных горожан это было подобно сцене в лагере сирийцев у ворот Самарии. [704] Женевцы поспешно погрузили на свои лодки все, что могли унести, и, вернувшись в город, выставили свою добычу напоказ на

рыночной площади посреди огромной толпы. Пшеница, ячмень и крупный рогатый скот продавались по низкой цене. Каждый бежал и покупал, что хотел; все радовались этой неожиданной помощи. И все же большая опасность по-прежнему нависала над Женевой.

=КОМБИНАЦИЯ ПРИНЦЕВ.=

Это правда, что Берн пришел ей на помощь; но для спасения города требовалось нечто большее. План императора состоял (как мы видели) в том, чтобы сокрушить Реформацию, которая выступала против его абсолютного суверенитета в Германии. Говорили, что Франциск I, привлеченный предложением Милана, проявил склонность позволить Карлу V делать то, что ему нравилось. Мог ли Берн устоять перед этим могущественным монархом? [705] Не вернутся ли патриции, которые не раз проявляли себя очень холодно по отношению к Женеве, к своей старой системе компромиссов и проволочек? Только крупная перемена в отношениях и планах князей могла, как могло показаться, спасти город. И вот как раз в этот самый момент происходила серия событий, которые внезапно изменили политический облик Европы.

Екатерина Арагонская, тетя Карла V. Умерла. Вследствие ее кончины император отказался от своего намерения вторгнуться в Англию и сохранил за собой миланское герцогство, которое он предложил королю Франции, чтобы побудить его объединиться против Генриха VIII. Франциск I, к которому император относился как к незначительной личности, поклялся, что он будет отомщен. Но чтобы добраться до Карла V и захватить Милан, необходимо было перешагнуть через тело его дяди, герцога Савойского. Он без колебаний дал понять этому принцу, "как мало пользы принесет ему отсутствие друга Франции". [706] Теперь, если герцог Савойский, принц Пьемонтский, будет изгнан королем Франции за Альпы и еще дальше, Женева спасена.

При виде опасности, которая угрожала ему, Карлу III. он хотел бы возобновить старый союз со своим племянником; но влияние его жены, которая "вовлекла его в этот танец", [707] удержало его привязанным к делу императора. В своем замешательстве он принял решение, которое не было лишено определенной остроты и которое сделало бы неизбежным завоевание Женевы и присоединение ее к владениям императора. Карл III. предложил уступить Карлу V. в обмен на различные итальянские провинции, западные склоны Альп, "всю страну, которой он владел, от Ниццы до Швейцарской лиги, включая Женеву". [708] Установив австрийский дом между собой и Францией, герцог воздвиг бы непреодолимый барьер против своего беспокойного соседа и в то же время удовлетворил вкус савойского дома, который любил расширяться на стороне Италии. Благодаря этому обмену государства Карла V. граничили бы с Францией повсюду от Средиземного до Северного моря. Франциск I. был встревожен. "Я не позволю императору, - сказал он, - возводить такую *лестницу* [709] против моего королевства, чтобы впоследствии вторгнуться в него с этой стороны". [710] Все его колебания прекратились, и он решил без промедления осуществить разработанный им план вторжения в Савойю, Пьемонт и Милан. Таким образом, в тот самый момент, когда герцог готовился сокрушить Женеву, он увидел внезапно надвигающуюся бурю, которая должна была разом прогнать его с обоих склонов Альп и спасти маленький город. Давайте посмотрим, действительно ли таков был результат этой политики.

Швейцарская армия под командованием Нагуэли выступила из Пайерна 24 января и на следующий день прибыла в Эшаллен, откуда должна была двинуться на Морж. Контингенты из Орбе и Лозанны, желавшие принять участие в освобождении Женевы, прибыли, чтобы увеличить его силы, которые, таким образом, были доведены примерно до десяти тысяч

человек. Себастьян де Монфолькон, епископ Лозанны, гордый, интригующий, властный священник, охваченный гневом при виде того, как его народ выступает за Женеvu, полон решимости собрать войска, чтобы противостоять армии освобождения. Его управляющий и секретарь, бродя по крутым и узким улочкам города, стучали во все двери и спрашивали, на чьей стороне заключенные - епископа или горожан. Сам Монфолькон отправился в свой замок Глероль, недалеко от Сен-Сафорина, чтобы расшевелить жителей Ла-Во. Но в своем походе Нагуэли столкнулся с более серьезным препятствием, чем Монфолькон и его импровизированные солдаты.

Медичи, узнав о марше бернской армии, решил атаковать ее до того, как она достигнет Женеvy. Он понимал, что если бы Нагуэли когда-нибудь утвердился в этом городе, взять его было бы нелегко. План итальянского командующего состоял в том, чтобы пройти мимо Тона и Эвиана, переправить своих солдат через озеро, дать сражение бернцам и, разгромив их, повернуть на Женеvu, которая была бы неспособна оказать ему сопротивление. Характер и прошлое опустошительного кондотьера были достаточны, чтобы указать на судьбу, уготованную его завоеванию. Город был бы разграблен, возможно, сожжен, в соответствии с привычками Джанджакомо.

=ДВЕ АРМИИ ВСТРЕЧАЮТСЯ.=

Этот грозный вождь пересек озеро со своей армией на лодках из Шабле и почти достиг Моржа; он намеревался создать прочную базу для своих операций, не только овладев Моржом, который находился в подчинении герцога, но и овладев с помощью епископа Лозанной, либеральные граждане которой были готовы присоединиться к Нагуэли. 27 января вечером с этой целью выступил отряд под командованием сьера де Коллони. Но не успели последние уйти далеко, как Медичи заметил пожары на высотах близ деревень Бюссины, Ренанс и Криссье; это были бернцы, которые готовились разбить лагерь на холмах. Беглый губернатор Мюссо понятия не имел, что враг так близко. Он еще не занял свою позицию, а швейцарцы были уже в поле зрения. Он отозвал отряд и рано утром следующего дня отправил часть своей кавалерии на разведку швейцарской армии и перестрелку с ними. Нагуэли, не сомневаясь, что настал час битвы, выстроил свою грозную линию на высотах Моржа; все его люди были полны рвения. [711] Медичи также желал подготовить свои войска для борьбы, но не был слеп к невыгодам своего положения. Нагуэли находился на высотах, в то время как савойские войска стояли спиной к озеру, в которое их могли загнать. Генерал, посланный герцогом Савойским разрушить Женеvu, с удивлением смотрел на армию новых крестоносцев. Он оказался в присутствии того доблестного Нагуэли, который, будучи генерал-капитаном Лиги, отнял у него замок Муссо и земли, захваченные им хитростью или силой. Этот главарь разбойников не раз говорил: "Чего не могли сделать ни император, ни король Франции, то сделал Швейцария". И теперь, стоя во главе войск Пьемонта и Савойи и поддерживаемый Карлом V. Покойный кастелян Мюссо льстил себя надеждой отомстить за нанесенное ему когда-то оскорбление; но произошло обратное. Вместо того чтобы броситься вперед во главе своих опытных солдат, он был сбит с толку; он колебался, и его сердце, казалось, остановилось.

=БЕГСТВО МЕДИЧИ.=

Как это было? Было ли это потому, что вид бернской армии в боевом порядке напугал его? Было ли это потому, что джентльмены из Во и Жекса, на которых он рассчитывал, помня о доблести швейцарцев при Гингене, не захотели рисковать шансом получить второй урок и держались в

стороне? Было ли это потому, что подкрепление, ожидаемое из Савойи, не прибыло? Или это было потому, что до него дошли плохие новости из Шамбери, сообщавшие, что герцог не может думать ни о чем, кроме защиты своих наследственных владений от короля Франции? Все эти причины были как-то связаны с неприятностями бывшего кастеляна Муссо; но последняя была самой сильной. Какая досада для Медичи! Он хвастался, что положит конец нескончаемому существованию Женевы, и при первом же столкновении ему приходится отступить. Он рассчитывал на удовольствие уничтожить *гнездо еретиков*, и он не может помешать Нагуэли спасти его. В этот критический момент один из самых отважных капитанов эпохи, казалось, превратился в одного из самых трусливых. Есть люди, которые, будучи смелыми в условиях процветания, теряют голову, когда шансы против них. Флотилия, на которой командующий савойскими войсками пересек озеро, стояла на якоре недалеко от Моржа, со стороны Лозанны. Медичи покинул поле битвы, не нанеся ни единого удара, и сел на корабль с частью своих войск, в то время как остальные остановились в Морже, укрепленном городе. Нагуэли, видя, что противник отступает, отеснил передовой отряд швейцарцев к берегу. Итальянский капитан, желая сжечь хотя бы несколько патронов, разрядил орудия своего флота по бернцам, которые открыли ответный огонь; но последним было нетрудно убраться за пределы досягаемости канонады.

Во время этого мелкого сражения испанцы и итальянцы, которых было около семисот человек, укрывшихся в Морже, разъяренные тем, что триумф протестантов был так близко, вели себя в этом городе, принадлежавшем герцогу, как во враждебном городе. Они ворвались в замок, взломали частные дома и даже разграбили церкви, повсюду совершая самые жестокие бесчинства; [712] после чего они открыли ворота со стороны Ролле, и большинство из них убежало. Некоторые спаслись верхом, "а остальные, - говорит Фроман, - отделались двуногим мечом". [713] Медичи отправил две или три лодки в Морж, чтобы забрать тех, кто не сбежал, а затем отплыл в Савойю. Можно было бы почти сказать, что непобедимый ангел Всемогущего, как во времена Иуды, обратил врагов Слова Божьего в бегство. [714]

=СИЛА МОРАЛЬНОЙ СИЛЫ.=

Распад был полным: солдат охватил панический ужас. Дороги, равнина, горные тропы были запружены беглецами. Мотивы, побудившие Медичи отступить, были, несомненно, неизвестны его войскам; но есть и другое объяснение, моральное объяснение их беспорядочного бегства. Итальянские отряды перешли Альпы, потому что их командиры пообещали сдать им Женеву, чьи богатства были сильно преувеличены. Швейцарцами двигали совсем другие мотивы: они покинули свои горы и долины, чтобы обеспечить национальную независимость и свободу вероисповедания в Женеве в противовес папе, епископу и герцогу. Сами женевцы в упорной борьбе, которую они вели на протяжении стольких лет, руководствовались самыми благородными побуждениями. Но моральные принципы придают армии моральную энергию, перед которой банды мародеров не могут устоять. Нет сомнения, что кондотьеры Медичи были во многих отношениях лучшими солдатами, чем альпийские пастухи или лавочники маленького городка; но у последних было святое дело, которое они должны были защищать. Одного их взгляда было достаточно, чтобы напугать бандитов, которые, отказавшись от грабежа враждебного города, разграбили города своих союзников и бежали так быстро, как только могли нести их весла или ноги. 30 января Совет Женевы смог внести в свой протокол следующие слова: "Четыре тысячи итальянцев и других иностранцев, которые готовились в

Морже к обороне страны (Во), не оказали сопротивления и бежали как трусы, не нанеся ни одного удара".

Но Нагуэли может столкнуться с противниками более грозными, чем итальянцы из династии Медичи. Вожди всего округа, лежащего между Альпами и Юрой, не только Во, но и Жекса, Шабле и других частей Савойи, были реальной властью. В то время не было известно, какую роль они примут. Их отсутствие в Морджесе могло быть вызвано только задержкой. Разве священники не могли бы разбудить своих прихожан и маршировать во главе их, как они это сделали тремя месяцами ранее в битве при Джинджине? Если бы средневековые кавалеры объединились с наемниками шестнадцатого века, с Женевой было бы покончено. Но победа, одержанная при Джинджине четырьмя с половиной сотнями сыновей Реформации над тремя-четырьмя тысячами дворян и солдат, как мы уже упоминали, посеяла ужас по всей стране. Они вспомнили, что один обратился в бегство семерых; что многие вожди пали от пуль этих метких стрелков; и что сотня жрецов обратилась в прах. Вот почему лишь немногим из знати пришла в голову мысль взяться за меч: священники хранили молчание, и даже бесстрашный барон Ла Сарраз ушел и спрятался в стенах Ивердуна. Настоящим военным подвигом, освободившим Женеву, была победа при Джинджине, одержанная независимыми друзьями реформации: официальная бернская экспедиция была триумфальным маршем, собравшим плоды и увенчавшимся лаврами.

Нагуэли, который остановился в Моргесе до следующего дня, был разбужен посреди ночи своими встревоженными последователями. Часовые в гавани услышали вдалеке шум весел. Неужели враг возвращался из Савойи с большими силами? Каждый человек затаил дыхание, звук приближался, и вскоре приблизилась лодка. Возможно, за ним последовали бы другие; но нет, он был один и привез письма для Медичи, которые, вероятно, были отложены. Все было захвачено, и из депеш бернский генерал узнал, что граф Шаллан направил итальянскому командующему значительное подкрепление в виде кавалерии и пехоты.

Нагуэли, думая подойти с этим подкреплением к Женеве, поспешил им навстречу. Утром 30 января он двинулся в Ролле; никакие препятствия не замедлили его марша; дворяне и солдаты "были обращены в прах ужасом". [715] Поля были пустынные; маленькие города и деревни опустели; страх перед бернцами охватил страну. Генерал вместе со своими начальниками согласился с тем, что было бы неразумной политикой пренебрегать установлением мира в этом районе твердой рукой как в настоящем, так и в будущем. Бернцами руководил и другой принцип: они хотели расширить территорию Гельветической лиги и свою собственную до берегов озера Леман. Теперь, пока власть дворян Во, которые были сильно привязаны к Савойе, оставалась нерушимой, происходили бы постоянные восстания, и Берн вряд ли был бы в состоянии постоять за себя. Нагуэли был убежден, что сила жестоких кавалеров этих долин заключалась в их крепостях. "Если мы хотим изгнать волков, - сказал он, - мы должны уничтожить их логова". Замки Ролле и Розэ были обращены в пепел, и женевцы, увидев во тьме ночи далекие языки пламени, закричали от радости: *"Они приближаются!"*

Нагуэли возобновил свое шествие, щадя жителей, но повсюду уничтожая изображения. Пройдя близ Ньона, не атаковав его, он двинулся на Дивонн и Жекс, важные позиции, с которых он хотел изгнать врага, прежде чем войти в Женеву.

=FRANCOIS DE GINGINS.=

Франсуа де Жинген, сеньор Дивонна и Шателара, который сначала принимал участие в блокаде Женевы, но вывел свои войска во время декабрьских морозов, заперся в своем замке Дивонн на холмах, возвышающихся над этой деревней. Нагуэли хотел с уважением относиться к дворянину, чьи предки с десятого века числились среди великих вассалов королей Зауральской Бургундии и который обладал дружелюбным характером и миролюбивым нравом. Воспитанный своим дядей по материнской линии, графом Грюйером, а впоследствии назначенный королем Франции почетным пажом в своем доме, он вернулся в свой дом и женился на своей двоюродной сестре Маргарет, дочери Антуана де Джинжена, президента суверенного совета Савойи. Он не испытывал особой симпатии к священникам, чье грубое и часто аморальное поведение оскорбляло его; но его встревожила мысль о том, что он неверен Церкви и феодализму, и после некоторых колебаний он присоединился к римско-католицизму и герцогу. [716] Говорят, что Маргарет имела некоторое отношение к переменам, которые впоследствии произошли в семье. Дамы из замков, как правило, были выше своих мужей; они были более доступны религиозным впечатлениям. Пока господин был в отъезде, на турнирах или в военных походах, жена оставалась хозяйкой дома, управляла своими детьми и слугами, и в ней часто развивались добродетели, которые тщетно было бы искать в другом месте. Сын, говоря о своей матери, описывает ее красоту, ее черты всегда спокойные, ее чело, вооруженное суровым целомудрием, ее добродетельную внешность, ее сдержанный разговор, ее скромность, ее страх Божий и ее милосердие. [717] Именно такой мы любим представлять себе Маргарет Джинджинс.

Молодому сеньору Дивоннскому нравились окрестности Женевы и интеллигентность ее жителей, и, сам того не сознавая, дело Реформации добилось некоторого прогресса в его сердце. В 1548 году он передал четыре своих замка Джинжен, Дивонн, Шателар и Сарраз своим сыновьям и удалился в Женеву, где оставался до конца своих дней. [718] Таким образом, в его лице был заключен мир между грозными джентльменами страны и городом, который они так донимали. Нагуэли, зная о добрых наклонностях барона, не стал сжигать его замок и удовлетворился тем, что потребовал от него выкуп в триста крон.

Во вторник (1 февраля) десять синдиков Женевы прибыли, чтобы вручить бернскому генералу благодарность города. Пока они совещались с ним, в замке послышался шум. Все они навестили уши. Старый аббат Де Гинген, епископальный викарий Женевы, удалившийся (как мы видели) в Юру, в свой уединенный монастырь Бонмон, встревоженный приближением армии, встревоженный воспоминаниями о своей распутной жизни и помня, что швейцарцы не питают симпатии к нечестивым священникам, многие из которых пали при Гингене, укрылся в Дивонне, в замке своего племянника, где он считал себя в безопасности от всякого зла. Он затаился в тайном убежище, сильно мучимый страхом, что бернцы могут обнаружить его. Несколько солдат, которым было приказано обыскать замок, нашли его и привели скорее мертвым, чем живым к своему генералу. Когда последний резко упрекнул сеньора Дивонна в нарушении их соглашения, тревога старого грешника возросла; но он снова начал дышать, когда генерал заявил, что готов освободить его за выкуп в четыреста крон. Бедный аббат, хотя страх смерти и прошел, так и не оправился от своего испуга.

Савойские войска, о прибытии которых Медичи сообщил граф Шаллан, не появились, и мы можем понять причину. Следовательно, на следующее утро (2 февраля) Нагуэли, обнаружив, что что противника, способного помешать его вступлению в Женеву, нет, разделил своих солдат на три корпуса: один должен был сократить территорию между Роной и Юрой до форта л'Эклюз,

который он должен был взять; другой должен был отправиться в Жекс и сжечь замок; в то время как остальная часть армии двинулась на Женеву. [719]

=БЕРНСКАЯ ВОЕННАЯ ПЕСНЯ.=

Женевцы с большим нетерпением ожидали прибытия своих освободителей. Солнце приветствовало своими лучами самый яркий день в истории Женевы. Снега, покрывавшие горы, блестели вдалеке; но на равнине у их подножия были замечены вспышки света, которые еще больше восхитили горожан. "В двух лье от нас, - рассказывает Фромант, - мы могли видеть сверкающее оружие, что доставило нам огромную радость". Молодежь выбежала вперед, чтобы встретить своих избавителей, и через короткое время приблизилась бернская армия и прошла сквозь восторженную толпу, стоявшую по обе стороны дороги. Вожди Нагуэли, Вайнгартен, Сиро, Дисбах и Граффенрид прибыли первыми верхом; затем следовали знаменосцы, советники, проректоры и другие члены советов Берна; и последней из всех была освободительная армия, семнадцать артиллерийских орудий и роты из Невшателя, Лозанны и других мест в Во. Когда бернцы миновали ворота и вошли в город, они еще раз громко пропели эти мелодии во славу Божью:

Когда сердца людей молчат,
И их глаза закрыты в смерти,
Тогда Бог, великий Избавитель,
Пробуждает их своим дыханием.
Гордый , как египетский фараон
Был ли герцог на берегу Лемана,
Дважды по пять утомительных лет его ига
Женева, стонущая, зануда.
Мученица веры, она летит
Тяжело дышащий и все еще подавленный.
Пробил час: "Вставай, Иуда, вставай!
Пройди через море и обрети покой".
Ее голос среди наших гор
Раздался ее крик, и
От тоски устало эхо,
Но никто не ответил.
Глух к горестям Женевы и спит
Среди ее медов лежала Гельвеция;

Но наши скалы наконец пошатнулись;
С криком просыпаются бернцы,
И помогать угнетенным
Они маршируют с бесстрашной грудью:
Медведь один уступает дорогу жалости.
На войну свирепого старого медведя,
Со своими нетерпеливыми детенышами ушел:
День безопасности для детей Божьих,
День радости для каждого.
День смерти тебе, опрометчивый принц,
День скорби и позора,
День огня, который поглотит тебя
С неугасимым пламенем.
Не жди пощады за свое преступление
Иссяк источник милосердия;
Мой голос, когда-то тихий, теперь гремит громко,
И жестокое раскаяние будет терзать твое сердце.
Берн, если бы твое сердце могло притворяться,
Если бы твоя гордая шея могла согнуться;
Если твой язык, с медовым акцентом,
Могли бы короли, как боги, восхвалять;
Затем их надменные дворцовые ворота
Открылся бы перед тобой настежь,—
Но Христос - твое спасение,
И чаша Его - твое хвастовство и гордость.
Они оставили тебя совсем одну,
Твои друзья, — куда они улетели?
В битве ни один мужчина не сражается на твоей стороне.
Ничего не бойся! с каждым новым возрастом

Буду благословлять память твою;

Дважды по десять дней взывал ты:

"Мы побеждаем или умрем!" [720]

Какие подвиги были совершены

Клянусь твоей рукой! сколько городов

И многие надменные правители

Пред тобою пал!

Сожжены их замки и их боги

Низко в пыли уложены;

Пока все люди воспевают твою славу,

Который не знает ни пятна, ни тени.

Счастливы люди, среди которых

Великий Бог любит пребывать;

Которые ежедневно исследуют собственную книгу Господа,

Которые презируют папу римского, которые смотрят вверх

Ко Христу, их небесному наставнику.

Они убирают свои мечи в ножны и поворачиваются

Их сердца обращены к всевышнему,

С утра до вечера непоколебимо

Они полагаются на Его любовь. [721]

=СЛАВА БОГУ.=

"Женева встретила своих избавителей с великим восторгом, - говорит очевидец, - и ответила на их песни радостными криками". [722] Варварский военачальник, посланный против гугенотов, чтобы уничтожить их, исчез; дикий зверь, взревев, поспешно вернулся в свое логово. Их имущество, их свобода, их вера, их жизни были спасены. Воодушевленные этим великим избавлением, женевцы не удовлетворились простым выражением своей благодарности бернцам, но воззрились выше. Они знали, что Высшая Сила, Бесконечная Любовь держит дела этого мира в Его руках. Именно эта вера должна была способствовать росту маленького города, и они хотели выразить ее. Собравшись на совет, они решили занести в анналы республики свидетельство своей благодарности и приказали написать следующие слова:

"Сила Божья посрамила самонадеянность и опрометчивую дерзость наших врагов." [723]

Фроман, тоже очевидец этих событий, написал в своих "*Жестах Мервейе*" следующие простые и трогательные слова:

"В 1536 году и в феврале месяце Женева была избавлена от своих врагов провидением Божиим." [724]

[696] Hieronymo Soranzo, *Relazione di Roma*.—Ripenmonte, *Historiæ urbis Mediolani*.—Ranke, *Römische Päpste*.

[697] 'Die Soldaten, darunter 4,000 Italiäner.'—Stettler, *Chronik*, p. 82.

[698] Beauregard, *Mémoire sur la maison de Savoie*, tom. i. p. 324.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 207.—C. Zwick to B. Haller, le 12 Janvier 1536.

[699] Veluti numine quodam instinctus.'—Sulzer to Bullinger, le 11 Février 1536.

[700] Stettler, *Chronik*, p. 78.—Lettre de Porral.—Mémoire de Pierre-Fleur, p. 140.

[701] 'Die armen, verlassen, Christlichen Mitbrüder zu Genf.'—Kirchofer's *Haller*, p. 231.

[702] Werner Steiner, *Sammlung*.—*Le Chroniqueur*, p. 202.—Pierre-Fleur, p. 143.—Stettler, *Chronik*, p. 81.

[703] Froment, *Gestes de Genève*, p. 208.

[704]2 Царств, гл. vii.

[705] Письмо епископа Лозаннского судебному приставу Веве.—Стеттлер, *Хроник*. — Воспоминания Пьера-Флера, стр. 145.

[706] Mémoires de Du Bellay, liv. v. p. 239.

[707] Там же. стр. 240.

[708] Mémoires de Du Bellay, liv. v. p. 240.

[709] Echelle.

[710] Mémoires de Du Bellay, liv. v. p. 240.

[711] 'Ihre Feinde unerschrocken anzugreifen.'—Stettler, *Chronik*, p. 82.

[712] Хроника де Розет, лив. iii. гл. 59.—Савион, iii. стр. 175.—Стеттлер, *Хроник*, стр. 82.

[713] 'En bataillant de l'épée à deux pieds.'—Froment, *Gestes de Genève*, p. 209.—Registres du Conseil du 30 Janvier 1536.—Chron. MSC. de Roset, liv. iii. ch. 59 and 60.

[714]2 Царств, гл. xix.

[715] 'Verstaubt mit solchem Schrecken.'—Stettler, *Chronik*, p. 512.

[716] Рукописный архив семьи Гингиных.

[717] Жизнь Гиберта де Ножана.—Collection des Mémoires de M. Guizot, tom. ix. p. 346.

[718] Рукописный архив семьи Джинджинс.

[719] Registres du Conseil du 2 Février 1536.—Stettler, *Chronik*, p. 82.

[720] Армия покинула Берн 22 января и вступила в Женеву 2 февраля.

[721]

Die, dann, das Schwerdt verborgen,

Das Herz in Gott versenkt,

Die Gottheit lassen sorgen,

Am Abend wie am Morgen

Die alle Herzen lenkt.

Werner Steiner, MSC. Sammlung.—Froment, *Gestes de Geneve*, P. 209.—Registres du Conseil du 2 Février 1536.

[722] МАГИСТР де Розет, лив. iii. гл. 59.

[723] 'La puissance de Dieu a confondu la présomption et la téméraire audace de nos ennemis.'—Registres du Conseil du 30 Janvier 1536.

[724] 'L'an 1536 et au mois de Février, Genève fut délivrée de ses ennemis par la providence de Dieu.'—Froment, *Gestes de Genève*, p. 207.

ГЛАВА XIII.

РАЗРУШЕНИЕ ЗАМКОВ—РАДОСТЬ В ЖЕНЕВЕ—ОСВОБОЖДЕНИЕ БОНИВАРА. (С февраля по конец марта 1536 г.)

Теперь должна была состояться встреча освободителей с освобожденными. Берн и Женева, объединенные общей верой, должны были обнять друг друга. Члены этих двух республик любили друг друга не только как союзники, но и как братья. В четверг (3 февраля) собрался Совет двухсот; присутствовало много других граждан, и зал был полон. Появился Нагуэли в сопровождении своих высших должностных лиц и представителей Бернского совета. Собрание громко выражало свою радость, и все взгляды были прикованы к доблестному генералу. - Высокочтимые лорды, - сказал он, - прошло много времени с тех пор, как мы выслушали ваши жалобы. В течение этих двадцати месяцев мы прилагали огромные усилия в Люцерне, Бадене и даже Аосте; и, исчерпав таким образом все средства для достижения мира, мы обнажили меч, и враг бежал со всех сторон. Теперь мы сделаем все, что вы нам прикажете, ибо мы здесь для того, чтобы выполнить клятвы, которые объединяют Женеву и Берн". Такие благородные слова тронули ассамблею. "Пусть Бог сделает то же самое для вас", - ответил главный синдик. Затем, пожелав, чтобы работа была выполнена безупречно, он добавил: "Теперь, джентльмены, маршируйте вперед; преследуйте врага до конца; мы готовы оказать вам всю необходимую

помощь". Было решено, что армия овладеет Шабле на левом берегу озера и продвинется вперед на другом берегу до Шамбери. Во всех этих районах они распространяли бы Слово Божье. [725]

=СОЖЖЕНИЕ ЗАМКОВ.=

Сначала нужно было выполнить еще одну задачу. На протяжении веков замки препятствовали прогрессу цивилизации, а в более поздние годы - прогрессу Евангелия. Именно из этих орлиных гнезд, примостившихся на высоких скалах, на равнину налетели стервятники. Известно, что епископы даже умоляли князей разрушить "из любви к Богу и в честь пресвятой Марии эти здания, построенные по вдохновению сатаны". [726] Евангелист Нагуэли собирался это сделать, и отныне земледелец мог спокойно вести свой плуг по полям, с которых он больше не боялся увидеть, как сметут плоды его трудов.

Обитатели замков исчезли: страх перед бернцами опустошил страну. Мужчины, женщины и дети укрылись в жалких шале в Салеве, Вуароне, Моле и Юре. Священники и монахи, поспешно покидая свои приходы и монастыри, сбрасывали с себя платья и надевали одежду крестьян. "Ни один человек во всей стране не осмеливался выдавать себя за священника или монаха". Время от времени кто-нибудь из них, одетый в грубую серую куртку, выходил из своего укрытия и, таинственно войдя в какую-нибудь полузаброшенную хижину, спрашивал перепуганного крестьянина: "Что делал бернский медведь". "Но будьте осторожны, - добавил он, - вы никому не говорите, что я священник". Духовные лица и мирские деспоты средневековья, в свою очередь, узнали, что такое дрожать.

Наконец началось великое зрелище опустошения, которому суждено было стать последним. Суд — разве мы не можем назвать это судом Божьим?— свершился. Сначала то тут, то там вспыхивало несколько огоньков, которые вскоре превратились в огромный пожар. Отряды, состоявшие из бернцев и женевцев, выступили из города: одни повернули направо, другие налево; их целью были древние стены некоторых старых башен. "Именно оттуда, - говорили женевцы, - на нас так часто обрушивались грабеж и смерть". Здание было окружено, самые отчаянные проникли внутрь и подожгли его, а когда пламя охватило их, они бросились на новую казнь. За этими отрядами следовал многочисленный отряд мужчин, женщин и мальчиков, которые также принимали участие в этом деле. Суд Божий пронесся над страной, как в древности над землей Ханаанской. Крепости Жекс, Гайяр и Жюсси, эти ужасные бедствия Женевы; замки Коппе, Пранж, Бельрив, Вилетт, Виль-ла-Гран и многие другие пали жертвой пламени. Всего их было, по словам Фромана, от ста до ста сорока. Женева иногда оказывалась в огненном кольце. Чем дольше и жестокее было преступление, тем страшнее было наказание. Никто не был предан смерти, но эти феодальные логова, которые рассыпались в огне, были жертвой, принесенной швейцарцами теньям граждан, принесенных в жертву их бывшими владельцами.

=РАЗРУШЕНИЕ ПЕНЕЯ.=

Был, в частности, один замок, разрушения которого женевцы желали: это был Пеней. 8 февраля несколько бернцев в сопровождении нескольких всадников и артиллеристов из Женевы отправились с этой целью. Кровь, пролитая пенейсантами, и их бесчисленные бесчинства заставили их единодушно воскликнуть: "Пенею пощады нет!" Почти заброшенная крепость была легко занята. Во дворе, где так жестоко пытали жертв, разожгли костер. Вскоре замок был объят пламенем, и от него не осталось ничего, кроме разобранных башен и почерневших стен;

но этого было недостаточно. Эти стены все еще казались виноватыми, и женевцы так полностью разрушили зловещие руины, что теперь от них не осталось и следа. Вся страна, наконец, была очищена от продолжавшегося долгое время разбоя; но (мы повторяем) не похоже, чтобы кто-то из этих джентльменов или их иждивенцев пострадал от смерти или даже тюремного заключения за свои преступления. Лозунг Женевы и Берна во время этой замечательной экспедиции гласил: "Пощадите тиранов, но разружьте их логова". [727]

В то же время внутри воцарился мир. Дух прощения, казалось, снизошел на женевцев. Счастье наполнило их сердца. В воскресенье (6 февраля) реформаторы произнесли проповеди в разных церквях; после чего большой колокол Клеменс, предназначенный для торжественных случаев, созвал всех людей в собор Святого Пьера. Это был, так сказать, первый день новой республики. "Граждане, - сказал один из синдиков, - чтобы город процветал, мы должны верить в то, чему учит Евангелие, и жить в соответствии с его заповедями. Соответственно — и это наш новый указ — пусть вся вражда, возникшая во время войны, будет прекращена; все обиды прощены, все ссоры забыты, все судебные иски прекращены. Давайте отбросим все ненавистные имена. Пусть впредь никто не говорит другому: "Ты папист", или последний отвечает: "Ты лютеранин". Но давайте все жить согласно Святому Евангелию Божьему", - таковы были первые плоды Реформации. "Мы будем! мы будем!" - кричали люди. Затем они приступили к выборам четырех синдиков, которые должны были стать во главе новой республики. Ассамблея выбрала энергичного Клода Савояя, любезного и настойчивого Ами Порраля и ревностного Этьена де Шапоружа, людей, стоявших на стороне Реформации, но особенно обладающих политическим опытом. Народ, желая иметь среди своих магистратов одного человека чисто евангелического вероисповедания, назвал Ами Леве, мужа благочестивой Клодины, хотя его и не было в списке, предложенном сенатом. Вскоре после этого Двести человек избрали двадцать пять членов Совета, и Балард, а также Ришарде, римско-католики, но добропорядочные граждане, сохранили свои места. В час своего величайшего энтузиазма женевцы вели себя справедливо и без партийности - явление, редко встречающееся в анналах наций. [728]

Накануне вечером Нагуэли во главе армии, усиленной женевским контингентом, выступил маршем, чтобы довести свою победу до Шамбери и дальше. Тогда, возможно, честолюбивые мысли тронули сердца некоторых бернцев. Ради триумфа Реформации (они, возможно, сказали бы, ради величия Берна) они считали, что Савояя и даже север Италии должны быть завоеваны. Пусть в центре Европы, по обе стороны колоссальных альпийских цитаделей, будет сформирована великая конфедерация независимых и евангелических народов, которая распространит свободу и истину через Германию, Францию и итальянский полуостров. Поэтому вперед, в Шамбери, и дальше!

Мечта должна была растаять, едва сформировавшись. Генерал ехал впереди, спокойный и задумчивый, за ним следовали несколько его офицеров. Он повернул голову — армии не было видно. Нагуэли поскакал обратно в Женеву и обнаружил, что его солдаты выстроились в каре на большом поле и совещаются демократическим путем. Что было причиной такого нарушения военной дисциплины? Солдаты, довольные тем, что освободили Женеву, не захотели следовать за своим капитаном в его дерзких планах. Поэтому они совещались, как обычно делали в своих долинах. Идти ли им вперед или повернуть назад? "В Берн! - кричали многие. - На наши поля, на наши стада, в наши горы!" Однако Нагуэли удалось заставить армию выступить. Разве он не был их добрым Францем? [729]

=ФРАНЦУЗЫ ВТОРГАЮТСЯ В САВОЙЮ.=

В субботу, 12 февраля, передовой отряд швейцарцев достиг Румийи, близ озера Бурже, в восьми лье от Шамбери, когда господин де Вильбон, главный мэр Парижа, в большой спешке прибыл в лагерь. "Король, мой повелитель, - сказал он, - поссорился с герцогом Савойским, своим дядей, из-за прав его матери. Вчера (11 февраля) он подписал в Лионе распоряжение, данное сир де Брион-Шабо, адмиралу Франции, атаковать Савойю. Восемьсот французских копейщиков, тысяча легкой кавалерии, двенадцать тысяч пехоты, шесть тысяч ланскенцев, две тысячи французских авантюристов, три тысячи итальянцев и мощная артиллерия вот-вот вступят на территорию герцогства; а когда Савойя будет завоевана, французская армия вторгнется в Пьемонт. Поэтому я требую, чтобы вы именем короля не продвигались дальше. "Нагуэли, уже потрясенный требованиями своих солдат, ответил, что, поскольку король Франции имеет права на эти страны, швейцарцы прекратят свое наступление. [730]

=ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГЕРЦОГА.=

Последние удары, призванные обеспечить Реформацию и независимость Женевы, должны были нанести другие руки, помимо Швейцарии. Едва Вильбон вернулся в Лион, как армия Франциска I двинулась вперед, захватила Бресс и Савойю, затем вторглась в Пьемонт, а затем и в Милан. Герцог, всегда пребывавший в нерешительности, не предпринял никаких шагов, чтобы сдержать французов. Напрасно в последний момент он призвал Медичи к себе на помощь; этот военачальник, который не смог разрушить Женеву, не смог спасти Пьемонт. Карл III, брошенный императором, своим шурином, обнаружил, что, потратив тридцать лет своей жизни на охоту за Женевой, за четыре месяца лишился своих владений, в которые он больше никогда не въезжал, и загнан в бухту на берегах Средиземного моря. На него сразу обрушились всевозможные бедствия. Его страна была опустошена чумой; его друзья отвернулись от него; император не проявил к нему жалости; его сына, наследника его короны, забрала смерть; его прекрасная и надменная жена Беатриса Португальская, пронзенная в самое сердце столькими несчастьями, умерла от изнуряющей болезни. От всех его владений не осталось ничего, кроме долины Аоста, Ниццы и двух или трех других городов. Одиноким и запуганным, этот несчастный принц влачил изнурительную жизнь. Он сожалел о своем сыне, сожалел о своей жене, сожалел о своем состоянии. Его разгоряченное воображение окружало его призраками; Женева, которая, не встречая сопротивления, развивала свое великолепное и новое существование, была для него мстительным призраком. Он заболел: его прошиб пот; он дрожал от холода; его глаза затуманились, а лицо побледнело; он медленно угасал от лихорадки. После двадцатитрехлетнего наказания смерть, ставшая следствием его неудач и горестей, положила конец мучительному существованию великого врага независимости Женевы и Реформации. [731] Его сын, Эмануэль Филиберт, человек больших способностей, восстановил свои состояния; но, имея много проблем, которые нужно было исправить, он придерживался мирной политики в отношении Женевы. Сорок четыре мирных года позволили Реформации и новой республике укрепиться и организовать. Бог дает людям и церквям, которых он намеревается использовать, время, необходимое для их развития.

Пока происходили эти события, Женеве угрожали опасности менее очевидные, но столь же серьезные, сколь и неожиданные. Поскольку бернцы желали извлечь выгоду из помощи, оказанной маленькой республике, их послы выдвинули определенные претензии, которые они выдвинули немного позже в отношении Лозанны и Во, и которые тогда были слишком легко

приняты. Лорды Берна, невзирая на упреки, которые могли быть выдвинуты против них в том, что они руководствовались исключительно своими собственными интересами в экспедиции, намекнули Женевскому совету, что они должны получить вознаграждение, и попросили передать им права и прерогативы герцога и епископа. Такое требование возмутило гордых независимостью женеццев, и они отвергли суверенитет Берна с такой жерешимостью, с какой они отвергли суверенитет Савойи. "Если бы мы хотели иметь хозяина, - твердо ответили они, - мы бы избавили себя от всех хлопот, расходов и кровопролития, на которые мы были так расточительны, чтобы обеспечить нашу независимость". Берн был вынужден отступить перед решением, которое казалось непоколебимым. Когда Нагуэли вернулся в Женеву после взятия форта л'Экюз по возвращении из своей короткой кампании, он был удивлен холодным и смущенным приемом, сильно отличавшимся от прежнего восторженного приема. Благородный генерал, которому не нравились подобные дискуссии, немедленно отдал приказ об отходе своей армии.

Предстояло еще проделать огромную работу. В соответствии с инструкциями бернского правительства Нагуэли должен был сбросить двойное иго папы римского и герцога, которое сильно давило на территорию Во. Его войска вошли в эту страну без сопротивления и взяли Ивердун, в котором укрепился бесстрашный Мангеро. За короткое время города, деревни и замки покорились; несколько городков, устав от савойского правления, пожелали быть присоединенными к Берну. Другие, особенно Лозанна и некоторые сельские округа, хотели сохранить все свои права; но они уступили, когда бернцы пообещали уважать их привилегии. При любых обстоятельствах это была хорошая работа - отнять у папы римского и объединить со Швейцарией прекрасную страну, простирающуюся от Женевского озера до Невшательского. Нагуэли с миром вернулся в Берн, и его солдаты, гордые четырехнедельной кампанией, которая имела такие важные последствия, дали волю своему ликованию и завершили свои песни такой строкой:

Respecte l'ours, ou bien crains les oursons. [732]

Казалось, что работа завершена. Город Реформации трепетал от радости и ликовал в воздухе свободы и Евангелия. Однако кое-где печали и сожаления оставались. Многие сердца были потрясены, и многие взгляды с огорчением были обращены в сторону Шильона, где Бонивар томился в течение шести лет. Он так много сделал, чтобы дать свободу Женеве, и он один не был свободен. Он чахнул, заключенный в этих скалах, которые, будучи выкопаны ниже уровня озера, образуют гигантскую гробницу. Бойница позволяла слабому лучу света проникать в темницу, и узник, медленно обходя колонну, к которой он был прикован, с удовольствием поворачивал глаза в ту сторону и иногда созерцал (согласно преданию) маленькую птичку, которая обычно садилась на железные прутья узкого отверстия. При малейшем шуме птица улетала в лес за замком или скользила над поверхностью озера. Птица была свободна, но Бонивар был в цепях. "У меня было столько свободного времени для прогулок, - сказал он, - что я протоптал дорожку в скале, как будто ее проделали молотком". [733] Когда он был схвачен вероломными руками своих врагов, он сказал: "Я иду один, с Богом, вытерпеть свою страсть!" И он вытерпел это. Но в то время как его тело и сердце страдали, его разум был в работе. Некоторые из мыслей, которые тогда занимали его, были записаны его собственной рукой: *Живи в воспоминаниях о смерти, — Мужество возрастает от ран*, и тому подобное. В течение пяти или шести месяцев женевские посланники, столь предательски схваченные в Коппе, также находились в заключении в Шильоне, но не в подземных застенках.

=ШИЛЬОНЦЫ АТАКОВАНЫ.=

С подобными беззакониями нельзя было мириться. Берна снова взялась за свои *палочки для костра*, а Женева приготовила свои лодки. 20 марта сто вооруженных людей были погружены на четыре военных катера и другие суда. Женевские советы передали командование Фрэнсису Фавру и Фрэнсису Шамуа. Все граждане хотели бы лично отправиться маршем в Шильон, чтобы освободить Бонивара и полномочных представителей. В день отплытия все покинули свои дома, и из взволнованной толпы, собравшейся у берегов Роны, раздался всеобщий крик: "Спасайте пленников!"

В воскресенье утром — это было 26 марта — Бонивар, как обычно, находясь в своей темнице, наострил уши. Ему показалось, что он услышал непривычный шум; он не ошибся. Громкие, но все еще далекие пушечные выстрелы эхом отозвались под сводами его тюрьмы. Что происходило? Это была артиллерия Берна, которая по прибытии в Лютри, между Лозанной и Шильоном, объявила о своем присутствии. Но этот сигнал об освобождении должен был стать сигналом о смерти для Бонивара и трех посланников. "Если бернцы появятся перед этим местом, - писал герцог Савойский губернатору, - вы дважды подвергнете женевских пленников эстрападе, а затем без колебаний предадите их смерти". [734] Герцог намеревался, что освободители не найдут ничего, кроме трупов.

На следующее утро (27 марта) Шильон был окружен. Берн собрал свои войска и установил орудия ниже деревни Вейто, между замком и Монтре. Валезцы, хотя и католики, тоже взялись за оружие, чтобы изгнать герцога из своих окрестностей, и разместили свою артиллерию на стороне Вильнева; женевцы блокировали замок со стороны озера. Батареи открыли огонь, и губернатор, поняв, что всякое сопротивление бесполезно, потребовал переговоров с наступлением темноты. Нагуэли, Фавр и несколько других военачальников собрались у подножия крутой скалы между замком и бернскими батареями, чтобы принять его заместителей; но так как они не могли сразу прийти к соглашению, совещание затянулось. Гарнизон, ни в коем случае не стремившийся попасть в руки швейцарцев, решил воспользоваться этой кратковременной передышкой и покровом ночи, чтобы совершить побег. Бесшумно они прокрались на борт большой галеры; не было слышно ни единого голоса, ни бряцания оружия, и, таким таинственным образом спасшись, они быстро направились к Савоие. Когда Фавру сообщили об этом, он немедленно поднялся на борт своей лодки, которая была пришвартована к берегу, и поспешил в погоню за врагом; но прежде чем он успел догнать их, они побросали свои пушки в озеро, подожгли галеру и из Лугрина, где они высадились, поспешили в Савойские Альпы ниже Дент-д'Ош. Взяли ли они с собой Бонивара и трех полномочных представителей? На этот вопрос нельзя было ответить, и Фавр, чувствуя себя не в своей тарелке, развернулся и вернулся в Шильон. [735]

=БОНИВАР ОСВОБОЖДЕН.=

Губернатор сдался сразу же, как только прибыл. Покидая Берн, Нагуэли написал ему, что он должен ответить своей головой за жизни заключенных: следовательно, у него была некоторая надежда вернуть их. Фавр, Сернуа и другие женевцы поспешно соскочили со своих лодок, вошли в замок и через минуту обняли трех посланников. Но где же Бонивар? Они схватили ключи от хранилищ, отперли утопленную в землю дверь и вошли. Это был зал казни: под его грубыми сводами находились колеса, топоры, блоки, веревки и все ужасные инструменты, с помощью которых калечили или убивали людей. Женевцы, не останавливаясь, подбежали к

двери внутреннего хранилища, отодвинули прутья, отодвинули засовы. Друзья приора Сен-Виктора перешагнули порог, ворвались в мрачное подземелье, добрались до колонны. "Вот он! он жив!" Бонивар упал в их объятия. Друзьям было трудно узнать его. Изменившиеся от страданий черты лица, длинная неухоженная борода, волосы, падающие на плечи, изменили его внешность. [736] "Бонивар, - сказали они ему, - Бонивар, ты свободен!" Заключенный, который, казалось, пробуждался от долгого сна, думал не о себе: его первые слова были о городе, который он так любил. - А Женева? - спросил он. "Женева тоже свободна", - ответили они. С него сняли цепи, и в сопровождении друзей он переступил порог этой огромной тюрьмы. Яркий свет, обрушившийся на него, ударил по его глазам, которые были лишены его столько лет, и он машинально обратил их во мрак своей темницы. Наконец он пришел в себя и попрощался со своей могилой. Толпа несколько мгновений смотрела на него с волнением, а затем бросилась в ту мрачную камеру, где несчастный так долго страдал. Каждый желал увидеть его, и еще долгие века путешественник будет посещать его. Знаменитый узник был освобожден; последняя крепость тирании была захвачена; победа Реформации была полной. Ни один путешественник, прогуливающийся по живописному берегу Монтре, не может не взглянуть на эти стены, поднимающиеся из воды, без чувства ужаса перед деспотизмом и благодарности за Евангелие. Эти скалы, так долго бывшие свидетелями угнетения, теперь с волнением и радостью приветствуются друзьями Слова Божьего и свободы.

Шильон! твоя тюрьма - святое место,

И твой печальный пол - алтарь. [737]

Вскоре флотилия отплыла обратно в Женеву с Бониваром и тремя парламентарями на борту. Они радостно возвращались с помощью свйше и через короткое время высадились из своих лодок под радостные крики своих сограждан и ступили на свободную землю. [738]

[725] Registres du Conseil du 3 Février 1536.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 210, 211, 213.

[726] Письмо Фульберта, епископа Шартрского, королю Роберту.—Гизо, *Цивилизация в Европе*, стр. 313.

[727] 'Epargnons les tyrans; abattons leurs repaires.'—Registres du Conseil des 14 Mars et 4 Avril 1536.—Froment, *Gestes de Genève*, pp. 211, 212.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 61.—Stettler, *Chronik*, p. 82.

[728] Реестр Совета 6 Февраля.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 62.—С этого дня протоколы Совета составляются на французском, а не на латыни. На смену старым временам приходят новые.

[729] *Mémoires de Pierre-Fleur*, p. 146.

[730] Guichenon, ii. p. 212.—Froment, *Gestes de Genève*, p. 214.—Stettler, *Chronik*, p. 85.—MSC. de Roset, liv. iii. ch. 61.

[731] Costa de Beauregard, *Mémoires de la Maison de Savoie*, pp. 323-327.—Du Bellay, Guichenon, Calvin, *passim*.

[732] "Уважай медведя или бойся его детенышей". — Военная песнь Женевы.—Воспоминания Пьера-Флера, стр. 148-152.—Стеттлер, *Хроника*, стр. 87.

[733] "Я знаю, что такое любовь ко мне, как к императору, живущему в ла—роше, комично признавать факт существования мартеля". - Этот путь хорошо известен всем, кто побывал в Шильоне.

[734] Bonivard MS.—Mémoires d'Archéologie, iv. p. 207.—Mémoires de Pierre-Fleur, p. 153.

[735] Bonivard MS.—Mémoires d'Archéologie. iv. p. 207.—Mémoires de Pierre-Fleur, p. 153.—Registres du Conseil du 29 Mars 1536.

[736] 'Era divenuto difforme, con un volto tutto coperto da un gran pelo et da lunghi capelli.'—Leti, *Hist. Giverrina*, tom. iii.—Mémoires d'Archéologie, p. 269.

[737] Лорд Байрон, *Шильонский узник*.

[738] Registres du Conseil *ad diem*.

ГЛАВА XIV.

ЖИТЕЛИ ЖЕНЕВЫ ЖЕЛАЮТ ЖИТЬ ПО ЕВАНГЕЛИЮ.

(Март-июнь 1536 г.)

Весь народ не может быть обращен к Богу целиком. Языческие религии были идентичны нации; но христианская Церковь отличается от нее. Даже Апостольская Церковь вскоре вышла за узкие пределы колена Иудина; она была основана в Иерусалиме независимо от храма, синедриона и евреев, а впоследствии утвердилась среди всех народов, не связанных с государством. Принц не может устанавливать религию решением кабинета министров; народ не может избирать ее большинством голосов. Однако есть что-то грандиозное в том, чтобы видеть, как собравшаяся нация без стеснения заявляет, что они примут Евангелие как правило своей веры и источник своей жизни. Именно это Женева и собиралась сделать.

=ЕВАНГЕЛИЗАЦИЯ ПО ЗАКАЗУ.=

Общины, простиравшиеся от подножия Юры до Альп Вуарон и Моле, признали советы Женевы своими законными хозяевами, сохранив за собой свои собственные обычаи и привилегии. Но, по мнению реформаторов, эта территория была бы лишь помехой, если бы ее жителям не была сообщена новая жизнь и не распространилась по всей стране. Торговля, мануфактуры, свобода и литература многое делают для процветания народа, но не могут быть его жизнью. Если Слово Божье, *если свет миране* просветляет их, они рано или поздно падают. Эти мнения были достаточно распространены в Женеве, чтобы неизвестный поэт сказал объединенным приходом в таком грубом тоне:

Vaut-il pas mieux dire à Dieu nos secrets,

Qu'à un grand tas d'idiots indiscrets?

Vaut-il pas mieux au pauvre et au débile

Привычка Доннера, боль, вино, шандель и жизнь,

Qu'aux marmots d'or, d'argent, pierre, et bois,

Rendre l'honneur défendu tant de fois? [739]

"Господа, - сказал Фарель совету 13 марта, - Слово Божье должно проповедоваться в приходах, подвластных этому городу". Десять дней спустя он обратился к этой ассамблее с новым заявлением по тому же вопросу, когда его поддерживали как политики, так и набожные люди. Оставлять семена папизма в Женеве и в ее сельских владениях означало (по их мнению) подвергать государство большой опасности. Для того чтобы преодолевать мели и противостоять штормам, которые угрожали хрупкому барку, между всей командой должно быть сердечное взаимопонимание. Несколько человек воскликнули с избытком энергии: "Если одни пойдут на проповедь, а другие - на мессу, республика отправится к дьяволу".

Работа была начата немедленно. Реформаторы проповедовали в Женеве; другие министры проповедовали по всей стране; глашатаи совета ходили из деревни в деревню, провозглашая под звуки трубы: "Да не будет больше неповиновения!" - говорили они; "Больше никаких азартных игр! Больше никакого богохульства!" - И все же совет не пожелал применять никаких ограничений в отношении религии. Жители Вюза и других деревень вокруг Тиз в Фосиньи помолились о том, чтобы им позволили поступать по-своему в церковных делах, и их просьба была удовлетворена. Но епископ, который был менее терпим, отлучил бедных людей от церкви, потому что, хотя они и были католиками, они признавали еретических магистратов. Синдики, невозмутимые и очень уверенные в своих епископских способностях, написали викариям, что они освободят свои приходы от отлучения и полностью отпустят им грехи, что очень утешило достойных крестьян. Однако, когда приблизилась Пасха, они начали испытывать сильное огорчение. "Увы! - сказали они синдикам, - поскольку мы были отлучены от церкви, мы не можем принимать причастие на Пасху". "Мы считаем, что вы полностью освобождены", - скромно ответили реформированные магистраты. После чего простые люди приняли причастие с великим душевным спокойствием. [740]

=ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ.=

Это странные действия. Утверждалось, что церковь, по мере того как политическое общество становится христианским, должна постепенно растворяться в государстве. Утверждалось, что в эпоху Реформации христианство завершило свой церковный период и вступило в период политический. Наконец, некоторые люди добавили, что организация церкви была бесполезным трудом, явной потерей времени, абсолютной невозможностью и что пресвитерии и синоды были всего лишь глупой детской забавой. [741] Был ли зафиксированный нами факт — епископское отпущение грехов, исходящее от собора, — первым шагом в этом поглощении церкви государством; и правда ли, что Реформация ведет к этому? Совсем наоборот. Возродив в христианском сознании идею царства Божьего; пробудив к жизни и действию членов евангелической конгрегации, протестантизм пробудил церковь по всему христианскому миру. Женева, благодаря импульсу, данному ей Кальвином, стала местом, где она была создана самым независимым и наиболее библейским образом. Церковь не должна растворяться в государстве, а государство не должно растворяться в церкви, что бы ни говорили социалисты или священники. Как государство может пережить церковь? Государство временно, церковь бессмертна.

Но магистраты героически выполняли свои епископские функции без особой пользы; поддерживать порядок было очень трудно. Деревни Вандевр и Селиньи хотели каждое воскресенье слушать мессу и протестантскую проповедь, в то время как священники повсеместно требовали сохранения римских обрядов. Совет почувствовал необходимость разъяснить положение дел и созвал всех священнослужителей и настоятелей приходов. [742] 3 апреля 1536 года партия романистов собралась по одну сторону зала заседаний совета, а по другую - Фарел с некоторыми другими министрами и несколькими ревностными протестантами. [743] Клод Савойя, главный синдик, выступил против объединения проповедей и мессы, чего желали некоторые приходы, и заявил, что такая смесь ни в коем случае не устраивает магистратуру. Затем Он обратился к священникам: "Вместо того, чтобы мешать людям жить по Евангелию, почему бы вам самим не принять его и не отказаться от своей мессы?" Дом Клод де Путекс, каноник из Сатиньи, выступил вперед и сказал: "Если наши соседи из Жекса изменят свой образ жизни, мы сделаем то же самое". Эта религия *соседства* была неожиданностью для реформаторов; и эти простые люди напоминали им овец, которые проходят там, где раньше проходили другие, и перепрыгивают через изгородь, как только первые из них укажут путь. "Развернитесь, джентльмены, - сказал Фарел, - вместо того, чтобы продолжать свой путь", - и добавил несколько "прекрасных увещаний". "Дайте нам месяц на изучение Евангелия", - ответили каноники. После того, как священники удалились, совет поинтересовался мнением Фарела и Бониварда. Последний заявил, что "совесть должна быть просвещена, а не принуждена". Фарель также придерживался мнения, что папистов не следует беспокоить в их богослужениях, чтобы они не были раздражены против Слова; но что их следует приводить к Евангелию "с чрезвычайной мягкостью". Поэтому он предложил, чтобы "священники в течение требуемого месяца посвятили себя исключительно исследованию истины". Когда были вызваны священнослужители, синдик сообщил им, что их просьба была удовлетворена единогласно; и в конце месяца они должны были обратиться к Евангелию. все они заявили, что не могут подтвердить Евангелием ни мессу, ни исповедь за ушами, ни другие папские постановления. Брат Гая Фербити, присутствовавший на собрании, заявил, что обращение Фареля к священникам было "здоровым согласно Священному Писанию и Богу". [744] Это правда, что у этого человека были причины желать понравиться женецам.

=ПАРЕНЬ ФЕРБИТИ.=

Однако оставалось сделать еще одну вещь. Они освободили протестанта Бонивара, они решили также освободить римско-католического Фербита, освобождения которого требовал его брат Уильям. Гай вышел из тюрьмы 6 апреля. Он был осужден (следует помнить) доказывать свои доктрины или отказываться от своих оскорбительных высказываний; после чего он попросил книг, и совет прислал ему Библию. "Библия! - воскликнул он. - Они, должно быть, смеются надо мной. Как я могу доказать свои доктрины с помощью Библии? Я бы не добился успеха и за двенадцать месяцев". Он хотел получить *Предложения* Питера Ломбарда, *Итоги* Фомы Аквинского и так далее, и они дали ему Библию! "Великолепные лорды, - сказал он 6 апреля, - прошу у вас прощения; я сказал вещи, которые вам не понравились; я был неправ. Я не знал, как обстоят дела. Отныне я буду стараться вести лучшую жизнь и проповедовать истину лучше, чем я это делал до сих пор". Совет приказал немедленно освободить его. [745]

=ТЯЖЕСТЬ ФАРЕЛА.=

Фарел был активен как никогда. Он был занят в городе и в деревнях общением с римско-католиками и реформатами: он был нацелен на все, что могло улучшить моральное и религиозное состояние общины. Анархия и коррупция, царившие в Женеве после прибытия Кальвина, были преувеличены. Энергичный язык шестнадцатого века в интерпретации тонких критиков нашего времени, возможно, способствовал этой ошибке. До Реформации, вне всякого сомнения, среди духовенства, и особенно среди монахов, царила великая коррупция. Эта распущенность также заразила отдельных людей и даже семьи граждан; но одна черта отличала этот народ, и особенно советы, во время борьбы за политическое освобождение, а именно, тесный союз свободы с законностью, то есть с порядком. Женевцы всегда были готовы на величайшие жертвы — скорее пожертвовать своим имуществом, своим комфортом, своими домами и своей жизнью, чем потерять свою независимость: теперь это не манеры эпикурейского народа. Восхищение периодом Реформации не должно делать нас несправедливыми по отношению к периоду политической эмансипации. Это правда, что реформаторам, и особенно Кальвину, было нелегко справиться с этим энергичным и беспокойным народом, и что борьба часто проистекала из недостатка веры и морали, которые эти суровые люди замечали у некоторых граждан. Но борьба обострилась из-за вмешательства государства, против которого министры были не прочь, и светских наказаний, налагаемых на тех, кто нарушал религиозную дисциплину. Возможно, никто в шестнадцатом веке не воспринимал более ясно, чем Кальвин, различие между духовным и мирским; и все же ни он, ни Фарел не понимали этого и, прежде всего, не осознавали в полной мере. "Если найдутся люди, настолько наглые и склонные ко всяким извращениям, - сказал Фарел синдикам, - что только смеются над отлучением от церкви, то это ваше дело - посмотреть, оставите ли вы такое презрение безнаказанным". [746] Надменные республиканцы, пожертвовавшие всем, чтобы свергнуть деспотизм епископа и герцога, были раздражены, когда увидели, что на них наложили еще одно ярмо в религиозных вопросах. У них было истинное чувство, что их совесть должна быть свободна, и если бы были предприняты попытки убедить их, а не ограничивать, предложенная цель была бы достигнута легче. На протяжении многих веков Рим забывал, что оружие евангельской войны *не плотское*. К несчастью, судьи и реформаторы иногда тоже забывали об этом. Это была ошибка, и ошибка привела ко многим ошибкам.

Тем не менее дисциплина не была существенной характеристикой Фареля, Кальвина и их друзей: они были в особой степени людьми веры и живой веры. В их глазах вера была единственной необходимой вещью — благом превыше всех остальных. Они желали, чтобы человек был святым и совершал добрые дела; но для этого он должен верить в любовь, которую Бог показал ему во Христе. Вера, по мнению реформаторов, является главным принципом морали. Если у человека есть вера, он - дитя Божье; если у него ее нет, он находится под властью греха. Более того, Фарель не хотел чисто негативной реформы, которая должна была заключаться в простом отказе от папы римского; он хотел, чтобы она была позитивной, и для этого было необходимо, чтобы люди уверовали в Иисуса Христа. Наконец, Фарель увидел разобщенность и споры в Женеве. Для того чтобы община, новая Церковь, была сильной, она не должна состоять (думал он) из разрозненных членов, возможно, противостоящих друг другу; она должна образовать единое тело и прославлять Бога единым голосом и единым сердцем. Поэтому Он желал, чтобы в Женеве было открыто провозглашено признание веры в Евангелие.

Поскольку верховная власть в государственных делах принадлежит собранию всех граждан, предполагалось с еще большим основанием, что этому же органу, созванному в соответствии с древними обычаями, принадлежало право провозглашения евангельского учения. В пятницу,

19 мая, Фарель в сопровождении Антуана Сонье, своего старого товарища по путешествиям по долинам, и пастора Анри де ла Мара предстал перед советом. "Достопочтенные лорды, - сказал он, - для всех людей очень важно жить в строгом союзе. Чтобы избавиться от ссор, насмешек, упреков и разногласий, которые раздражительный нрав нашей нации может вызывать каждый день, мы должны проявлять мягкость; и, более того, мы должны проявлять наше согласие. Видя, что есть одна-единственная истина Божья, все люди должны заявить о своем намерении придерживаться ее единым сердцем". Совет одобрил это предложение и постановил созвать генеральный совет для исповедания веры в воскресенье, 21 мая. В Аугсбурге это учение исповедовали священники и врачи; в Женеве это должна была сделать вся нация. [747] Разница между двумя реформами естественна. В Женеве царила демократия, и она стала еще дороже гражданам из-за их убежденности в том, что если свободы наций были отняты, то преступление лежало на совести папства. Кэлвин повторял это не раз. Было сказано, что коммун, свободы средневековья, возникли из борозды и цеха. [748] Именно из цеха возникла свобода Женевы. Поселившиеся там бургундцы были торговцами и охотно обменивали свое оружие на товары. Некоторые из героев Женевы, чья преданность напоминает нам о древних временах, вышли из-за прилавка или фабрики.

=РИМСКО-КАТОЛИКИ В ЖЕНЕВЕ.=

Тем не менее обращение к народу было смелой мерой, поскольку среди граждан и даже в совете все еще существовало много решительных противников реформы, и некоторые из них были одними из самых выдающихся людей. Не могло ли такое обращение вызвать оппозицию, которая опровергла бы все, что было сделано? Позиция римско-католиков была самой серьезной. От них требовалось соответствовать Евангелию. Могли ли они это сделать? Их совесть запрещала им это. Если бы они отказались, то нарушили бы единодушие и гармонию, столь необходимые людям на данном этапе. Пьер Луллен, почти семидесятилетний старик, дядя надменного гугенота Жана Луллена, был одним из самых ревностных католиков Женевы. Не в силах обойтись без мессы, он попросил в сентябре 1535 года разрешения, чтобы ее отслужил священник в часовне Сен-Жерве, которая была его частной собственностью. Другой выдающийся человек, синдик Балард, действительно перестал быть сторонником епископа, но он нашел убежище в католицизме, более духовном, чем у Луллина, и все же столь же заметном. Согласно его взглядам, Святой Дух управлял Римско-католической церковью, которая, передавая этот дух своим членам, налагала на них обязанность находить его доктрины в Священном Писании. Луллин, Балард и некоторые другие часто проводили совместные конференции. Искренние католики были не единственными людьми, которых следовало опасаться; их поддерживали женевцы со скудной верой, которые выступали против Реформации, главным образом из-за ее жесткой морали. Сами реформаторы не были лишены страха по отношению ко многим из тех, кто в то время шел вместе с ними. Были люди, которые слушали проповедников, но не пошли дальше; они сожгли идолов, но не изменили свою жизнь. "Чтобы вера была надежной, ею должна руководить совесть, - говорили теологи, - в противном случае существует опасность, что она будет затоплена и корабль затонет в штормовом море". Собирались ли они стать свидетелями возобновления тех волнений, которые так часто беспокоили Генеральные соборы? [749]

Наконец наступило 21 мая — день, которого одновременно так ждали и которого так боялись. Весело зазвонили колокола; Клеменс развевала в воздухе слова, вырезанные на ее поверхности: "Я призываю народ. Иисус, Спаситель людей, Сын Марии, спасение мира! будь

милостив и благосклонен к нам!" Добрые горожане поздравляли друг друга, повинувшись призыву, что этот день положит конец бесчисленным сражениям и что город, так долго опустошаемый колючками, теперь будет покрыт рукой Божьей цветами и лаврами. Эмоция была всеобщей.

=ВОПРОС И ОТВЕТ.=

Помимо массы народа, в церкви присутствовали послы Берна, и среди них главнокомандующий освободительной армией Нагуэли. Президентом был один из самых героических женецев и самых искренних христиан, бесстрашный Клод Савоя. Когда он поднялся, чтобы выступить, он напомнил им о бегстве епископа, о прибытии Евангелия в Женеву, о славном избавлении, дарованном городу; а затем добавил голосом, который был слышен по всему нефу: "Граждане, желаете ли вы жить в соответствии с Евангелием и Словом Божьим, как это проповедуется нам каждый день? Заявляете ли вы, что у вас больше не будет месс, изображений, идолов и других папских злоупотреблений вообще? Если кто-то знает и желает сказать что-либо против проповедуемого нам учения, пусть сделает это".

Наступила глубокая тишина: все были в ожидании. Не выступит ли какой-нибудь голос, дружественный Риму или всему миру, против реформы? Престарелый и набожный Пьер Луллен, духовный католик Жан Бальяр, легкомысленный Жан Филипп, епископ Мальбуиссон, Ришарде, Рамель, Де ла Рив и другие, известные своей привязанностью к Риму, несомненно, собираются принять вызов премьер-синдика. Час пробил; Женева вот-вот решит свое будущее. Если это правда, что папа - наместник Христа и как Бог на земле, пусть они так и скажут! Сейчас или никогда. Они ждут: они все еще ждут; ни одно слово не нарушает торжественного молчания народа. Никто не возражал. Этот факт был должным образом зафиксирован. Затем в проходах собора зазвучали другие акценты, отличные от тех, которые ожидались. Был ли это голос благочестивого синдика Лева, или одного из Двухсот, или кого-то из присутствующих на собрании? Протоколы совета ничего нам не сообщают. Этот голос, говоривший от имени объединенной нации, провозгласил: "Мы все единодушно желаем, с Божьей помощью, жить по этому святому евангельскому закону и в соответствии со Словом Божьим, как оно нам проповедуется. Мы желаем отказаться от всех месс, изображений, идолов и других папских церемоний и злоупотреблений и жить в союзе друг с другом, повинувшись справедливости". Когда голос умолк, все люди подняли руки и, повторяя единодушную клятву, воскликнули: "Мы клянемся в этом.... Мы сделаем это с Божьей помощью.... Мы сделаем это!" [750]

Собрание разошлось, и горожане разошлись, поздравляя друг друга с тем, что на смену бесчисленной тирании "*фараона*" и тьме "*колдунов*" пришли мягкий свет Иисуса Христа и животворящее дыхание свободы. Даже те гугеноты, которые боролись прежде всего за политическое предоставление избирательных прав, не высказывались против. Они хорошо знали, что если этот мелкий народец останется католическим, он потеряет свою независимость и безошибочно станет савойским. Но другие придерживались более высоких взглядов: Женева казалась им крепостью, которую Бог построил для спасения Евангелия. "Бог, - сказал Фроман, старейший из женецких реформаторов, - Бог избрал эту укрепленную территорию, столь труднодоступную, чтобы образовать как бы бастион против папы и его последователей. Именно в этих суровых странах, защищенных с юга горами Савойи и их вечными снегами; на севере труднопроходимыми ущельями Юры; а на востоке узкими перевалами Сен-Бернар и Симплон, где наши друзья, валеццы, с полудюжиной человек могут остановить армию; именно в этом благословенном уголке земли Бог насадил Свое Евангелие, окружив свое слово этими

гигантскими крепостями, чтобы враг не мог ни добраться до него, ни подавить его". В то время как горожане толпились на открытой площади, служители Церкви говорили: "Я хочу, чтобы вы знали, что это такое". взошел на кафедру. "Могучий военачальник вел нас, - сказали они. - давайте положимся на него одного. У него больше власти, чем у всех царей земли, и только он спас нас от наших врагов. Капитан - это Иисус Христос, наш Спаситель, наш Искушитель и наша крепкая башня". [751]

=ПАМЯТНАЯ НАДПИСЬ.=

Фарел и несколько женевцев попросили установить какой-нибудь памятник, чтобы в будущие века помнить об их великом освобождении. Разве Иисус Навин не установил двенадцать камней после того, как перешел Иордан? Фарел сочинил латинскую надпись, которая была вырезана золотыми буквами на камне и стали. Совет и народ установили его над одними из главных городских ворот, а затем и над входом в Отель-де-Виль, чтобы каждый мог прочитать это свидетельство благодарного города.

Quum anno 1535
Profligata Romani Antichristi tyrannide
Abrogatisque ejus Superstitionibus
SACRO-SANCTA CHRISTI RELIGIO
Hic in suam puritatem
Ecclesia in meliorem ordinem
Singulari DEI beneficio reposita
Et simul pulsatis fugatisque hostibus
Urbs ipsa in suam libertatem
Non sine insigni miraculo restituta fuerit
Senatus Populusque Genevensis
Monumentum hoc perpetuæ causa fieri
Atque hoc loco erigi curavit
Quo suam erga DEUM gratitudinem
Ad posterios testatam faceret. [752]

Горожане, покинувшие свои дома, чтобы присоединиться к фракции епископа и герцога и бороться против Реформации, были поражены неожиданным избавлением, оказанным Женеве. Они снова стали друзьями, и многие из них просили разрешения вернуться в свою страну. Евангелическая церковь Женевы была рада видеть этих блудных сыновей, снова стучащихся в дверь дома своего отца, и приветствовала их обещание соблюдать законы и вносить взносы в налоговые органы пропорционально их средствам. Некоторым из них, однако, было запрещено носить меч или нож, "за исключением того, чтобы резать хлеб". — "Давайте положим конец всей вражде и беспорядкам, - сказали горожане, - и будем жить вместе, как хорошие друзья". [753] Священники и монахи, принявшие Реформу, получили компенсацию за стипендии, которых они были лишены. Государство, желая выказать свою благодарность Бонивару, выплатило его долги, освободило его из города и даровало ему дом викария-епископа, звание члена Двухсот и пенсию в двести пятьдесят крон. Бывший приор Святого Виктора женился, заменив таким образом постыдную жизнь монаха христианским союзом.

Евангельская Женева показала пример чувств, порождаемых помощью с небес; терпение и кротость были проявлены по отношению ко всем. Женевцы прочитали в Священном Писании,

что "Милосердие все переносит, всему верит, на все надеется, все переносит", и в этом духе они действовали. "Высокочтимые лорды, я не могу пойти послушать проповедь, - сказал робкий Мальбуиссон, - потому что я страдаю подагрой". На это оправдание можно было ответить только улыбкой, поскольку подагра не помешала ему присутствовать на Соборе; но никто не хотел его принуждать. Если даже самые ревностные стремились привести непокорных к Евангелию, они не настаивали. Они хотели, чтобы Балард пошел на проповедь, но он этого не сделал; они хотели, чтобы он покинул город, но он остался; они хотели, чтобы он закрыл свой склад (он был крупным торговцем скобяными изделиями), и как только он закрывался, он снова открывал его. [754] Он продолжал быть членом Совета и исполнял все его функции. Жирарде де ла Рив увез своего ребенка за лигу от города, чтобы его окрестил священник; и все же он был переизбран синдиком в 1539 и 1543 годах, а во времена Кальвина, в 1547 году, был назначен одним из шести уполномоченных по составлению постановлений правосудия. Эти ужасные гугеноты были добрыми людьми в душе. Они хотели дать своим согражданам время сравнить старую жизнь с новой, библейское учение с учением папы римского. Римско-католики отмечали праздничные дни римской церкви и тайно встречались со своими священниками; но постепенно их убеждения изменились. Поскольку внешнее принуждение не применялось, истина действовала тем более внутренне. Эти честные люди читали Священное Писание, и Священное Писание, проливающее свет в их сердца, день ото дня приближало их к истине. Наконец, они, как и все остальные, пошли слушать проповеди. В шестнадцатом веке Женева была более либеральной, чем предполагают люди наших дней. [755]

=ТРАНСФОРМАЦИЯ.=

Какое преображение произошло в городе! Женевцы, эти спортсмены-ветераны, сложили оружие к ногам Принца Мира. Бурлящий город, постоянно подвергавшийся разбою рыцарей, ночным нападениям савояров и внутренним раздорам, превратился в центр цивилизации. - Давайте воспользуемся нашей свободой, - сказал Бонивар. "Давайте издадим хорошие законы и создадим хорошее правительство, ибо, согласно мнению императора Марка Аврелия, империи и великие лордства приобретаются храбрыми и доблестными военачальниками, но поддерживаются справедливыми судьями. Господа Женевцы, вы в долгу перед Богом за два благословения: первое - за то, что ваша республика дала жизнь свободе; второе - за то, что, покинув материнское чрево, она нашла кормилиц, готовых обеспечить ее таким питанием, что, если вы воспользуетесь этим, ваша республика будет если не бессмертной, что невозможно, то все же долгой и энергичной ". Фактически, Женева сразу стала свободным городом, городом ученых и городом евангелистов. [756]

Пасхальное воскресенье 1536 года было одним из главных праздников обновления этого маленького народа. Фарел, сидевший за скромным столом, заменившим помпезный алтарь, преломил хлеб и благословил чашу, в то время как спокойная и торжественная толпа приблизилась к символам тела и крови Спасителя. "Какое таинство у нас было, - сказал он, - и какие великие дела совершил для нас Господь". [757]

=ТРЕБУЮТСЯ МИНИСТРЫ.=

Но он жаждал еще большего. "Я молюсь, чтобы Тот, кто увеличил это маленькое стадо сверх всех наших ожиданий, увеличил его еще больше, укрепив нашу веру". [758] Реформатор был тогда почти один в Женеве. Фромана вызвали в Эгль, а Вире уехал в Невшатель. Фарель тонул в своих трудах и громко звал на помощь. По его мнению, женецам нужен был новый человек,

кто-нибудь на его место. Его неиссякаемая энергия, его несколько грубоватые манеры и даже одержанные им победы внушили тем, кто испытывал недостаток в религии, предрассудки, которые могли нанести вред делу Евангелия. Фарель был скорее одним из тех, кто основывал общества, чем из тех, кто их организовывал; он понимал это и желал передать в другие руки окончательное установление церкви в Женеве, чтобы он мог отправиться на новые места, где мог бы одержать новые победы. Он был похож на одного из тех благородных боевых коней, которые ржут, готовясь к битве.

Где можно было найти человека Божьего, чтобы завершить работу? Его искали среди служителей, но безрезультатно. Реформа была обречена на провал не из-за нехватки работы, а из-за нехватки рабочих рук. "Увы! - воскликнул Фарел. - Где мы найдем проповедников, которые нам нужны? Я не могу сказать". [759] Это правда, что бывшие священники и монахи часто предлагали себя, но какими же тружениками они были! В один день это был простака без всяких способностей; в другой - трус, который не хотел браться за столь опасную задачу; один человек был аморальен; другой самодостаточен; третий был мирянином; четвертый вообще монахом. Фарел был встревожен. "Вы говорите мне о Деннисе, - сказал он, - но Деннис - монах с головы до ног". [760] Реформатору было так же трудно избавиться от этих фальшивых соратников-помощников, как и в борьбе с отчаянными врагами. "Остерегайтесь пострига, - говорил он своим друзьям, - пострижения и постриженных". [761] "Нам не нужен никто из этих шумовщиков [762] Писания, - сказал он, - которые поворачиваются на каждый ветер, как флюгера на шпильях; никто из тех льстецов принцам и магистрам, которые хотят угодить им ради своего живота или из страха быть изгнанными; никто из тех распутных монахов, которые стремятся только угодить хозяину или госпоже. Нет, нет, ни один из этих наемников; ибо следует опасаться, что, если мы возьмем их вести стада, мы попадем в еще более запутанный лабиринт, чем тот, через который мы прошли.

Не только Женева, но и Западная Европа нуждались в "богобоязненном пасторе", как сказал Фарель; в враче, который мог бы объяснять, изучая учения Святого Писания; в евангелисте, который с полным жизни красноречием обращал бы души ко Христу; в защитнике, который должен доблестно сражаться против римских докторов и вести их по пятам к истине; и в человеке с административными способностями, который мог бы навести порядок в церквях Божьих. Земля содрогнулась, старые здания были разрушены. Требовалось возвести на их месте здание, более соответствующее первоначальному проекту — с большим количеством воздуха, света, тепла. Где можно было найти человека, который, подобно Соломону, был бы одарен мудростью от Бога и воздвиг бы Ему храм, который явил бы его славу? Его искали повсюду, настойчиво, но безуспешно. И все же человек, которого избрал Бог, вскоре должен был появиться.

[739] Автор неизвестен, но стихотворение находилось во владении Бонивара.—См. "Археологические мемуары", iv. стр. 271.

[740] Хроника г—жи де Розе, liv. iii. главы с 63 по 67. -Регистры Совета.

[741]"Вергегене Арбайт, Дух времени, элендес Киндершпиль". —Рот, профессор Гейдельбергского университета, *Theologische Ethik*, iii. стр. 1017.—Рот, который умер не так давно, считается выдающимся теологом в Германии.

[742] *Registres du Conseil* des 10, 13, 24 et 31 Mars 1536.—MS. de Roset, liv. iii. ch. 63.

[743] Registres du Conseil du 3 Avril 1536.

[744] Registres du Conseil du 3 Avril 1536.—MS. de Roset, liv. iii. ch. 63.

[745] Registres du Conseil du 6 Avril 1536.

[746] Mémoire du 16 Janvier 1537.

[747] Registres du Conseil du 19 Mai.

[748] Гизо.

[749] Registres du Conseil des 24 Juillet, 15 Août, 17 Septembre 1536.—Dernier Discours et Œuvres de Calvin.

[750] Registres du Conseil du 21 Mai 1536.—MS. de Roset, liv. iii. ch. 68.

[751] Froment, *Gestes de Genève*, pp. 166-168, 224.

[752] Г-жа де Розе, глава iii. 62.

Тирания римского антихриста
была свергнута,
А ее суеверия упразднены
В 1535 году,
святая религия Христа
была восстановлена,
В ее истине и чистоте,
И Церковь приведена в надлежащий порядок,
По знаку Божьей милости;
Враг был отброшен
И обращен в бегство,
И городу поразительным чудом
была возвращена свобода;
Сенат и народ Женевы воздвигли
И установили этот памятник,
В это место,
Как вечный памятник,
Чтобы засвидетельствовать будущим векам
Их благодарность Богу.

[753] Registres du Conseil des 11 Avril; 2, 20, 21 Juin 1536; 29 Janvier 1537.—MS. de Roset, liv. iii. ch. 68.

[754] Mémoires de la Société d'Archéologie de Genève, vol. x. p. lxvii.

[755] Mémoires de la Société d'Archéologie de Genève, vol. x. p. lxvii.—Registres du 4 Septembre 1536.—*La Réforme à Genève*, by the Abbé Magnin, p. 233.

[756] Froment, *Gestes merveilleux de Genève*, p. 239.—Bonivard, *Mémoires d'Archéologie*, iv. pp. 285-289.

[757] *Письма*.

[758] *Там же*.

[759] 'Jubeor evocare undique ministros. Sed unde? Самолет игнорируется". — *Письма*.

[760] 'Dyonisius totus monachus.'—*Ibid*.

[761] 'Rasis sedulo curabis.'—*Ibid*.

[762] 'Fleureteurs' (ceux qui effleurent).—Froment, *Gestes merveilleux de Genève*, p. 237.

ГЛАВА XV.

КАЛЬВИН В ФЕРРАРЕ.

(Зима и весна.)

В Италии, как мы уже говорили в другом месте, был, [763] город, в котором процветала любовь к литературе и где Евангелие находило твердую поддержку: этим городом была Феррара. Его украшали университет, епископский дворец и кафедральный собор; замок древних герцогов - дворец Эсте; но самым прекрасным его украшением была Рене Французская. Эта принцесса, дочь короля Людовика XII, жена герцога Эсте, отличалась не столько изяществом своего ума и ученостью, сколько любовью к святости, которая, по свидетельству одного из самых образованных христиан Италии, сияла в ней подобно божественному пламени. [764] На некоторое время она обратила свое внимание на небесную науку и богословские исследования и последовательно привлекла в Феррару самых выдающихся христиан Италии — Курионе, Оккино, Фламинио и Петра Мученика. Двое молодых французов прибыли в свою очередь незадолго до событий, которые мы только что описали. Одного звали Шарль д'Эспевиль, а другого Луи де Ольмон. Вскоре они сообщили о своем прибытии герцогине, которая ожидала их; и Рене, сердце которой оставалось французским, была счастлива видеть в своем дворце двух таких выдающихся соотечественников. Она знала, что они покинули свои дома из-за Евангелия Христа, которое она сама научилась любить в обществе своей дорогой кузины Маргариты Ангулемской, сестры короля. Она поселила их во дворце Магистрато, расположенном на Пьяцца дель Дуомо и примыкающем к замку. [765]

=РЕНЕ И КЭЛВИН.=

Луи де Ольмон был приятным молодым человеком, набожным, но робким, все еще не определившимся с путем, по которому ему следует идти, и ставшим жертвой ожесточенной борьбы. Его спутник, Шарль д'Эспевиль, был человеком скромной наружности: глаза у него были живые и пронизательные, манеры серьезные и твердые, и все в нем свидетельствовало о душе иного склада, чем у его друга. Настоящее имя Гольмона было Луи дю Тийе; он был каноником и архидьяконом Ангулема; Шарль д'Эспевиль был не кем иным, как Джоном Кальвином. Поскольку эти два француза собирались пожить в государствах принца, вассала папы римского, они были вынуждены (говорит Муратори) появиться под вымышленным именем и в костюме, отличающемся от того, что они обычно носили. [766]

Рене, чье сострадательное сердце так часто трогали рассказы об ужасных наказаниях и победоносной вере, воодушевлявшей евангелистов, не могла смотреть на одного из них, избежавшего темницы и эшафота, не испытывая к нему чувств матери и сестры. "Она была поражена прекрасным гением Кальвина", - говорит католический историк, [767] и совершенством, с которым он говорил и писал на французском языке. Она представила герцогу двух своих соотечественников как литераторов, приехавших посетить блистательную Италию: это было лучшим подтверждением благосклонности внука папы Александра VI. чем их состояние как реформаторов.

Феррара представила Кальвину множество тем, представлявших интерес. Герцогу Эсте нравилось играть роль Медичи: Бернар Тассо, поэт, не лишенный воображения, был секретарем герцогини; а его сыну, знаменитому автору "Освобожденного Иерусалима", вскоре предстояло наполнить феррарский двор своим гением, своими горестями, отчаянием и безумием, вызванными (как предполагается) его несчастной страстью к прекрасной Леоноре, дочери Рене, и даже искупить семилетним заключением в сумасшедшем доме преступление, заключавшееся в любви к внучке Людовика XII и Лукреции Борджиа. Челио Кальканьини, каноник, поэт, оратор, математик и антиквар, который вел *в стране Муз* по стопам юной Анны д'Эсте, впоследствии ставшей герцогиней де Гиз, и ее подруги Олимпии Моры, в то время также находился при дворе Эсте. Годом раньше автор "Институтов христианской религии" мог бы встретиться с автором "Орlando Фуриозо", но несколько противоречивым индивидуальностям Кальвина и Ариосто не суждено было встретиться бок о бок.

Однако молодой богослов пришел повидаться не с учеными людьми, а с самой герцогиней. Эта принцесса, уже получившая во Франции несколько лучей евангельского света, еще не обладала достаточным знанием христианской истины: она чувствовала это и была полна решимости прежде всего стремиться к миру с Богом. Поэтому она часто беседовала с Кэлвином. Предметом их беседы было Священное Писание; реформатор объяснял Рене один отрывок за другим, и небесный свет, исходивший от всех этих отрывков Священного Писания, наполнял сердце принцессы яркостью и теплом. Молодой врач говорил просто и скромно, но в то же время с любовью и решительностью. "Если я обращаюсь к вам, мадам, - сказал он, - то не из опрометчивости или самонадеянности, а из чистой и истинной любви, чтобы вы возобладали в Господе. Когда я размышляю о превосходстве, в которое Он тебя поставил, я думаю, что как человек королевского ранга ты можешь продвигать царство Иисуса Христа". Но даже это соображение не было необходимым, чтобы пробудить рвение нуайонского евангелиста. Благородный характер принцессы и ее любовь к Евангелию глубоко тронули его. "Я замечаю в вас, - добавил он, - такой страх Божий и такое искреннее желание повиноваться Ему, что я счел бы себя отверженным, если бы пренебрег возможностью быть вам полезным". [768] Кальвин был самым глубоким и самым ревностным комментатором Священного Писания; и Рене всем сердцем восприняла истины, которые он провозглашал, так что реформатор смог сказать ей некоторое время спустя: "Богу было угодно, мадам, просветить вас истиной Своего святого Евангелия. Давайте теперь признаем, что если Бог вывел нас из глубин тьмы, то это для того, чтобы мы прямо следовали за светом, не сворачивая ни в ту, ни в другую сторону". [769] Герцогиня воспользовалась этим советом. "Кальвин, - говорит Муратори, - так заразил Рене своими ошибками, что так и не удалось извлечь из ее сердца яд, который она выпила". [770]

=ХРИСТИАНСКОЕ ХОЖДЕНИЕ.=

Открыто ходить по-христиански было трудно при дворе, где папство и светскость правили вместе. Поэтому Рене остро ощущала потребность в наставлениях, согласующихся со Словом Божиим; и в своих трудностях и муках, в те моменты, когда она была близка к обмороку, "как будто ее погрузили в воду почти с головой", она прибегала к помощи евангелического богослова. Затем Кальвин призвал ее всегда идти "вперед, чтобы дары Божьи могли возрасти в ней". "Главное, - как он написал ей некоторое время спустя, - это то, что святое учение нашего Учителя должно так преобразить нас в уме и сердце, чтобы Его слава могла сиять в нас невинностью, непорочностью и святостью". [771]

Некоторые из самых выдающихся богословов римско-католицизма были во Франции и других странах наставниками князей; но между ними и реформатором была большая разница. Этот практичный евангелист, которого римские полемисты и другие упрекали в том, что он говорит только о доктринах, убеждал дочь Людовика XII. "стремиться к невинности, непорочности и святости".

Отношения Кальвина с герцогиней длились всю его жизнь, и они всегда были отмечены откровенностью и уважением. Тронутая таким христианским и таким чистым рвением, она любила и почитала его, "пока он был жив, - говорит Теодор Беза, - как превосходный инструмент Господа". [772] Даже когда Кальвин больше не мог держать перо из-за своей крайней слабости, он, позаимствовав руку своего брата, написал ей; и ей были адресованы последние три французских послания реформатора. [773]

=ГРАФИНЯ ДЕ МАРЕНН.=

Герцогиня Феррарская была не единственным человеком, которого Кальвин призывал в то время к христианской жизни. "Многие другие, особенно из тех, кто был рядом с ней, были соблазнены", - говорит Муратори, то есть привлечены к евангельской истине. [774] Эти обращения, вероятно, не следует приписывать исключительно Кальвину: некоторые, подобно Рене, уже обладали определенным знанием Евангелия; другие впоследствии укрепились в своей вере; но все получили что-то от молодого реформатора. Вскоре после своего прибытия ко двору Феррары Кальвин обратил внимание на даму большого ума и образованности, которая была одним из его главных украшений. Это была Анна де Партене, первая фрейлина герцогини и жена Антуана де Понса, графа Мареннского, первого кавалера герцога. Графиня Маренн была великой музыкантшей и часто пела в покоях герцогини, где ею восхищались за красоту ее голоса. [775] Но Анна занялась более серьезными делами. Не удовлетворившись изучением латинских авторов, она пристрастилась к греческому и "бесстрашно" переводила поэтов и прозаиков. [776] Эта выдающаяся женщина сделала больше: она читала книги по богословию и даже получала особое удовольствие, "почти каждый день обсуждая с теологами вопросы, которые они рассматривали". [777] Поэтому она беседовала с Кальвином на эти темы, и вскоре чистая и живая вера реформатора придала новое направление ее душе. До сих пор она была в некотором роде "синим чулком", но теперь она "перестала верить в себя" и искала в священных книгах и в своем Спасителе средства утолить жажду знаний и божественной жизни, которая мучила ее. С этого часа она стала новым созданием и "доброй гугеноткой". Она даже убедила своего мужа придерживаться убеждений, которые были дороги ей самой, и, пока графиня была жива, последний проявлял себя большим ценителем добродетели и истины. [778]

К залу Авроры, где обычно собирались Рене и ее придворные, примыкала часовня, украшенная карандашом Тициана. До сих пор Кальвин говорил только в покоях герцогини, и уважение,

естественно, не позволяло слугам (согласно историкам римской церкви) "слишком любопытствовать о том, что там происходило". [779] Но вскоре Рене начала думать, что ей не следует хранить только для себя и нескольких придворных фаворитов слова жизни и света, слетевшие с уст французского богослова. Слушая их, она почувствовала горечь греха и страх Божьего суда; но в то же время она вкусила сладости прощения и вечной жизни. Разве другие не должны также наслаждаться ими? Должна ли она препятствовать входить тем, кто желает войти?

Кальвин был готов. Рене пригласила его проповедовать в капелле Тициана. Разве он не проповедовал в католических церквях Нуайона, Ангума и Пуату? Герцогиня распахнула двери этой службы для всех, кто желал принять в ней участие. Граф де Маренн и его жена, юный Жан де Партене, сеньор Субиз и брат графини, а также другие члены этой семьи, граф Мирамбо, Анна де Борегар, Клеман Маро и Леон Жаме, бывший финансовый клерк, бежавший из Парижа после дела с Плакатами, — все присутствовали на этих собраниях.

Очарование, которое французы находили во французской службе, могло бы оправдать эти собрания в глазах герцога Эсте. Но вскоре к ним присоединились образованные итальянцы, друзья Евангелия, и среди прочих Джованни Синапи и его брат, а также благочестивая, жизнерадостная и красивая Франческа Бачиро, на которой Джованни Синапи женился два года спустя. [780] В эту славную для Италии эпоху, когда Курионе преподавал в Павии, защищенный восхищением своих слушателей; когда Аонио Палеарио в Сиенне прославлял Иисуса Христа, "царя всех народов"; когда Моллио в Болонье комментировал Послания святого Павла, вызвавшие большой скандал папы римского; когда Хуан Вальдес, Петр Мученик и Оккино наполнили Неаполь Евангелием; когда истина Христа, казалось, проникла даже в сам Рим, француз, находящийся под покровительством французской принцессы, проповедовал в Ферраре то же самое Евангелие, но только в другом месте. с еще более отчетливым голосом. Какое будущее было бы у Италии, если бы Рим не погасил эти огни! В часовне замка Феррара вокруг проповедника собралась серьезная и дружелюбная аудитория.

Кальвин, исполненный истин, которые он только что изложил в своих *Институтах*, "выдвинул это Слово Господа, величие которого святым насилием принуждает души повиноваться ему", и показал, что это "Евангелие, ничтожность которого многие люди презирали, как будто оно припало к их ногам, настолько превзошло возможности человеческого разума, что величайшие гении тщетно поднимают глаза, ибо они никогда не смогут увидеть вершины". [781]

=АННА БОРЕГАРСКАЯ.=

Среди людей, чье сердце стремилось к Богу, была прекрасная Анна де Борегар, которая, хотя и была еще очень молода, сопровождала Рене в Феррару. Будучи помолвленной и вся сияя радостью своей юности, она вскоре должна была быть призвана к другим алтарям, кроме алтаря брака. Заболев, она воспользовалась услышанным Словом и, довольствуясь одним Христом, презрела мир. Смерть сорвала этот прекрасный цветок. Рене горько сожалела о ней; весь двор плакал вместе с ней; а Маро, находившийся тогда в Ферраре, написал на ее могиле такие печальные строки:

De Beauregard, Anne suis, qui d'enfance,

Laissai parents, pays, amis et France,

Pour suivre ici la duchesse Renée;

Laquelle j'ai depuis abandonnée,

Futur époux, beauté, fleurissant âge;

Pour aller voir au ciel mon héritage.

Laissant le monde avec moins de souci

Que laissai France, alors que vins ici? [782]

Граф Маренн, человек нерешительного характера, часто посещал проповеди Кальвина. Он немного боялся, что герцог, его хозяин, будет недоволен, и все же герцогиня сама устраивала эти встречи. Графиня, его жена, чьим покорным слугой он был, попросила его присоединиться к ним; его шурин Субиз тоже пригласил его; поэтому Маренн последовал за остальными в часовню, подгоняемый извне, а не изнутри.

=РВЕНИЕ СУБИЗА.=

Субиз, напротив, человек независимый, благородный, решительный и энергичный, шел туда всем сердцем и после Рене был лучшим проповедником Евангелия в Ферраре. В тот фанатичный век он выбрал тяжелую и несчастную жизнь; но Слово Евангелия победило его, и он был полон решимости идти среди терний. "Иоанн Субизский, герой шестнадцатого века, - говорит Морери, - подвергся извращению при дворе герцога Феррарского, когда Рене Французская принимала там некоторых докторов мнимой реформатской религии". [783] Он был обучен военному делу; теперь он обнаружил на боку Кальвина меч Слова Божьего и, вернувшись во Францию, мужественно "занялся защитой истин, в которые верил". [784] Дворянин королевской палаты, кавалер ордена, командовавший французской армией в Италии, человек с большими ресурсами и большими заслугами, "совершивший сотню мастерских ударов", он был, прежде всего, очень ревностен к Богу; и, не пренебрегая важными делами королевства, он искал спасения для самого скромного арендатора своих поместий. Добрый старый пастор Мюло де Рюссо, "побуждаемый исключительной добродетелью хозяина этого места" (Субиза), имел обыкновение покидать свой дом с приближением ночи — единственного времени, когда евангельские христиане осмеливались собираться вместе, — и посещать прилегающие районы, повсюду обучая Священному Писанию. Не раз, услышав сигнал тревоги, ему приходилось прятаться в лесу и проводить там ночь. За короткое время большая часть людей оставила мессу. [785] Субиз даже желал обратить в свою веру Екатерину Медичи и с этой целью вел долгие беседы с королевой, [786] и хитрая итальянка на мгновение вселила в него надежду, что она вот-вот станет протестанткой.хлопоты, которые он взял на себя, не были полностью потеряны. Герцогиня Бурбонская Монпансье, "женщина мужественного характера и мудрости, неподвластной ее полу", как описывает ее Де Ту, [787] присутствовавшая при беседах Субиза с Екатериной Медичи, усвоила истины, которые он объяснял другой; а несколько позже две дочери этой дамы, герцогиня Бульонская и принцесса Оранская, смело исповедовали доктрины Реформации.

От своей единственной дочери, Екатерины Парфенейской, Субиз был дедом знаменитого герцога Роханского.

Не только среди своих соотечественников в Ферраре Кальвин был ловцом людей. Традиции некоторых семей полуострова относят нескольких выдающихся итальянцев [788] к числу тех, кто услышал его и получил свет от него. Одним из них был неаполитанский дворянин, герцог Бевилаквa, живший тогда в Ферраре. Его предки, происходившие от Буало, баронов Кастельно, семьи, породившей во Франции многих выдающихся людей, были лангедокийцами по происхождению и были вынуждены из-за преследований, направленных против водуа и альбигойцев в XIII веке, укрыться в Неаполитанском королевстве. [789] Бевилаквa открыл в Ферраре, в учении Кальвина, истину, ради которой его предки были вынуждены покинуть Францию.

Другим итальянцем, еще более выдающимся, который посещал эти евангелические собрания, был Тициан, которому тогда было около пятидесяти восьми лет. Этот великий художник, украшавший замок герцога Альфонсо Эсте, снова был в Ферраре. Обладая спокойным, цельным, рассудительным и любящим правду умом, преданный природе и стремящийся представить ее во всей ее истине, Тициан, естественно, был поражен чистой и живой религией, которую проповедовал Кальвин. Великому художнику были не чужды глубокие душевные переживания, и самым возвышенным героизмом в его глазах была преданность христиан, которые жертвовали своими жизнями за свою веру. Нет сцен более ужасных и жалких, чем те, что изображены на его картинах мучеников. Воспитанный на трудах Данте, Петрарки и других великих людей Италии, которые показали себя непримиримыми к злоупотреблениям пап и их приверженцев, Тициан мог аплодировать оппозиции, возглавляемой молодым французом против папства. Но если в то время он с восхищением воспринял евангельские истины, нет никаких свидетельств того, что они очень глубоко запали ему в сердце. Похоже, что Бевилаквa попросил его написать портрет Кальвина; но как бы то ни было, портрет все еще находится во дворце герцога Бевилаквa в Неаполе. [790] Нет никаких указаний на то, что Тициан сохранил впечатления, полученные им в Ферраре. "Среди тех, кто, кажется, тронут красотой Евангелия, - говорит Кальвин, - едва ли найдется один из десяти, в сердце которого Слово Божье не заглушено". Тициан, без сомнения, был примером истинности факта, указанного Реформатором.

=СЛОВО, ЗАГЛУШЕННОЕ МИРОМ.=

Кальвин был верным и деятельным работником на винограднике своего Хозяина, однако он не всегда встречал дружелюбных и послушных слушателей, даже в Ферраре. Среди лиц, составлявших двор герцогини, он заметил раболепствующую особу с вкрадчивыми манерами, чей вид и выражение лица вызвали у него сильное неудовольствие. Этот человек, по имени мастер Франсуа, капеллан Рене, был одним из тех двоедушных людей, которые хотят удовлетворить Бога и свою собственную алчность. Кальвин слышал, что жизнь этого священника была далека от святой. "Я не вмешиваюсь, — ответил он, когда его попросили высказать свое мнение относительно суеверных доктрин капеллана. - Я не вмешиваюсь, потому что, если бы я позволил себе злословить о нем, мне пришлось бы говорить совсем о других вещах, о которых я храню молчание". Мастер Франсуа, видя благосклонность, которой молодой незнакомец пользовался при дворе, напустил на себя вид убежденного его словами человека, казалось, стал его другом и начал проповедовать так евангелически, как только мог. Он не возражал против собраний Кальвина, но уговорил герцогиню также присутствовать на мессе, которую он продолжал служить, несмотря на свою евангельскую внешность. Такой человек не мог понравиться честному и непреклонному реформатору. "Когда я вижу, как кто-то гасит свет

истины, - написал он однажды Рене, - я не могу простить его, будь он хоть сто раз моим отцом".
[791]

Поэтому Кальвин пытался убедить Франсуа, что празднование того, что он называл "жертвоприношением на алтаре", противоречит Священному Писанию. Всякий раз, когда капеллан сбивался с пути, реформатор увещевал его. "Я часто пытался наставить его на путь истинный", - сказал он. Тогда священник казался бы опечаленным и стыдящимся своей слабости, и Кальвин, прижимая его еще теснее, преуспевал бы в том, чтобы "заставить его признаться в своем беззаконии". Но человеческое уважение все еще преобладало во Франсуа, и если кому-нибудь из придворных случалось присутствовать при его беседах с реформатором, он оправдывался перед ними.

=КАПЕЛЛАН И ИНСТИТУТЫ.=

Однажды, сочтя его рассуждения бесполезными, Кальвин решил представить ему "свой трактат"; [792] это все, что он говорит. Он не упоминает название этой работы; но поскольку это не мог быть ни его комментарий к "*Де Клеменции*" Сенеки, ни "*Психопанникии*", очевидно, это были "*Институты христианской религии*", которые он только что напечатал в Базеле — эти три работы были на тот момент всем, что написал реформатор. Даже если предположить, что Кальвин покинул Базель до фактической публикации своей книги, для него было бы очень естественно взять с собой экземпляр, отправляясь в Италию. Мастер Франсуа открыл этот том, который, по милости Божьей, запечатлелся неизгладимыми убеждениями в столь многих умах. Это первое известие, которое мы имеем о чтении *Институтов*: оно упоминается самим Кальвином и имело место во время его путешествия по Италии, в замке сына Лукреции Борджиа. Эти обстоятельства придают ему особый интерес. Франсуа, вероятно, не читал весь трактат. Месса была предметом разногласий между ним и Кальвином, и, следовательно, это была та часть его работы, к которой последний отсылал его. В ней было много такого, что могло обеспокоить капеллана. "Христос, - говорилось в трактате, - будучи бессмертным, был назначен Богом вечным священником; следовательно, ему не нужны другие, чтобы стать его преемником. Теперь разве те священники, которые приносят жертвы каждый день, не ставят себя на место Христа и не лишают его прерогативы его вечной жертвы?" [793] Далее он добавляет: "Месса, установленная таким образом, что ежедневно приносятся сто тысяч жертвоприношений, заглушает и хоронит жертву Христа, которая была принесена как *единственная* жертва. Воздвигнуть алтарь сейчас - значит снести крест Иисуса Христа. Месса стирает из памяти людей истинную и единственную смерть Спасителя". И еще дальше капеллан прочитал: "Месса лишает нас плодов, которые принесла нам смерть Христа; ибо кто поверит, что он искуплен этой смертью, когда на мессе ему будет представлено новое искупление?" Другие соображения, выдвинутые Кальвином в его книге, были в равной степени рассчитаны на то, чтобы убедить священника.

Кальвин, у которого не было недостатка в классических воспоминаниях и который предвосхищал вторую "*Илиаду*", в которой встретятся князья земли — одни, чтобы сохранить мессу, другие, чтобы убрать ее, — сравнивает ее в заключение с той женщиной древности, столь печально известной своими нечистыми страстями и жестокой войной, которую она разжигала. "Несомненно, - воскликнул он, - сатана никогда не создавал более мощной машины для нападения на царство Иисуса Христа. Узрите ту Елену, на глазах у которой враги истины сражаются с такой яростью, с которой они прелюбодействуют и погружаются в духовную

нечистоту, которая является самой отвратительной из всех". Затем он составляет и показывает длинный перечень "великих и серьезных злоупотреблений", которые породила масса, а именно: позорные рынки, незаконные и нечестные приобретения, крупные поборы — все виды нечистоты, идолопоклонства, святотатства и других "последствий", которые мы опускаем.

=КАЛЬВИН И ФРАНСУА.=

Священник был сильно взволнован. Красота языка, ясность стиля, энергия выражения, мощная логика, сила привязанности, быстрота и серьезность упреков, которые сыпались на его душу, как градины во время бури, и прежде всего мысль о том, что месса лишила Христа его креста и короны и оскорбила его божественность, встревожили Франсуа, который и представить себе не мог ничего подобного. Он был "убежден в своей совести"; он считал себя действительно виновным и подвергался большой опасности, в то время как его страдания возрастали все больше и больше. Он поспешил к реформатору, и там (говорит Кальвин) "он протестовал, крепко поклявшись, что никогда не будет присутствовать на мессе, настолько это отвратительно". [794] Эмоции капеллана были искренними, только они не были постоянными. Вскоре он вернулся в свое обычное состояние и возобновил проповедь слова Божьего "исключительно потому, что думал, что таким образом сможет получить бенефиции и другую добычу". Позже Кальвин написал о нем: "Мадам, я так хорошо знаю своего мужа, что ценю его клятву не больше, чем щебет сороки. Если люди, которые могут возвысить его до высокого положения или достаточно богаты, чтобы наполнить его кошелек, попросят его воздать славу Богу, он приложит усилия, чтобы удовлетворить их; но если возникнут какие-либо преследования, он будет вполне готов отречься от Евангелия. Он играет разные роли в разное время. В обязанности христианина не входит плохо отзываться о своем ближнем, но ни с кем я не веду такой ожесточенной войны, как с теми, кто под прикрытием Евангелия лицемерит перед князьями и своей хитростью и уловками постоянно окутывает их облаками, не приводя к истинной цели. [795] Этот человек, - сказал он, - убежден в своей совести, и все же он продолжает делать то, что считает неправильным". Он добавил: "Вся ненависть, которую я выказывал к нему до сих пор, заключается в том, что я из всех сил старался наставить его в том, что правильно". [796] Такова была борьба, которую доблестному поборнику Евангелия приходилось вести во дворце герцогов Эсте.

Одна из фрейлин герцогини — ее имя неизвестно, — которая обрела мир с Богом после смерти Спасителя, отказалась присутствовать на мессе. Франсуа пытался убедить ее, но молодая леди оставалась тверда как скала. - Она не стала бы оскорблять свою совесть. Разгневанный священник пожаловался герцогине и сделал все, что было в его силах, чтобы лишить молодую фрейлину того доброго чувства, которое Рене привыкла проявлять по отношению к ней. Вскоре саму герцогиню "предупредили", что тех, кто "ведет себя подобно этой юной леди", терпеть не будут, поскольку они могут послужить поводом для скандала. Принцесса, прекрасно зная, что герцог никому при дворе не позволит отказаться от мессы, была в большом горе, и Кальвин узнал об этом от графини Маренн. [797] Враги Реформации добавили к насилию ложь. Духовник пытался убедить герцогиню, что церкви Германии не обсуждали этот вопрос, но что они допустили мессу. Кальвин громко жаловался на огромный ущерб, нанесенный церквям Божьим. "Все церкви, принявшие Евангелие, - писал он немного позже, - и даже все отдельные люди придерживаются этого правила — не следует выносить мессу. Даже Капитон, один из тех, кто искренне стремится к умеренности в вопросах, посвященных королю Англии, учит в труде, посвященном королю Англии, что долг христианских монархов - изгнать из своих владений

такое отвратительное идолопоклонство. Сейчас нет ни одного человека с хорошей репутацией, который не придерживался бы такого мнения". [798]

=КАЛЬВИН ПИШЕТ ДЮШЕНУ.=

Во время своего пребывания в Ферраре Кальвин не удовлетворялся борьбой с ошибками тех, кто его окружал: он не забывал Францию, к которой всегда было привязано его сердце; и он наблюдал, хотя и издали, за друзьями, которых он там оставил. Суеверия Италии и нечестивый дух, проявляемый священниками среди их реликвий и пустых церемоний, произвели на него такое же действие, как и на Лютера, и заставили его еще больше желать, чтобы его соотечественники вышли из-под власти папы. Поэтому он был глубоко тронут новостью, которая дошла до него в это время. Николас Дюшен, с которым он жил в Орлеане, чей характер он уважал и о ком говорил, "что он был ему дороже собственной жизни", был назначен официальным или церковным судьей, что сблизило его с римским духовенством и богослужением. Кальвин был встревожен и отправил ему письмо, которое, переработанное и дополненное, было опубликовано под таким названием: *Как мы должны избегать папских церемоний и суеверий и соблюдать христианскую религию в чистоте*. [799] "Я не имею в виду, - сказал Кальвин своему другу, - что ты должен осознанно относиться к вещам, избежать которых не в твоей власти и в отношении которых ты должен быть свободен. Я не запрещаю вам входить в окружающие вас храмы, хотя бесчисленные примеры нечестия можно наблюдать в них ежедневно. Хотя эти изображения посвящены отвратительному святотатству, я не запрещаю вам смотреть на них. Это было бы даже не в вашей власти, поскольку улицы полны множества идолов. Но будьте осторожны, чтобы слишком большая распущенность не заставила вас переступить границы свободы". [800]

Дюшен прекрасно осознавал опасность и, желая в то же время оставаться верным Евангелию и сохранить выгодное назначение, задал Кальвину следующий вопрос: "Как мне сохранить себя чистым среди скверны Вавилона?" Кальвин показал ему, как он показал Франсуа, что масса - самый опасный враг.

"Не верьте, - сказал он, - в того фокусника, который подходит к алтарю и начинает разыгрывать свои фокусы, поворачиваясь то одной стороной, то другой; то оставаясь неподвижным, то бормоча свои магические заклинания, с помощью которых он притворяется, что спускает Христа с небес, чтобы примирить Бога и человека, и таким образом заменяет собой умершего и воскресшего Спасителя". [801]

Чем больше Кальвин размышлял о положении Дюшемена, тем больше оно его тревожило. Он думал, что вот-вот потеряет один из первых объектов своей нежной привязанности. Еще несколько мгновений на краю пропасти, и его друг свалился бы в нее. Он позвал его из всех сил, с криком боли. "Я очень сожалею о твоём состоянии", - сказал он. "Мне жаль, что тебе не позволено выбраться из этого Египта, где перед тобой всегда столько чудовищ. Человек думает про себя, что не имеет большого значения немного пошалить, чтобы сохранить расположение народа, и принимать участие вместе с другими в нечестивых церемониях. Затем одна нога ставится немного дальше, и, таким образом, постепенно снижаясь, он сходит с прямого пути и обречен на гибель. Давайте будем осторожны, чтобы ни на йоту не отступать от послушания, подобающего нашему Небесному Отцу. Тогда пробудись, пробудись, самый добродетельный человек! Проявляйте в своих действиях такое благочестие, доброту, милосердие, целомудрие и

невинность, что суеверные, даже будучи раздосадованы тем, что вы не похожи на них, могут быть вынуждены признаться, хотя бы они того или нет, что вы слуга Божий". [802]

=ОБРАЩЕНИЕ КАЛЬВИНА К РУССЕЛЮ.=

Вскоре Реформатор получил еще более печальные известия. Его огорчил не просто ученик, его огорчил учитель. Один из людей, которого он уважал больше всего, не только подвергся опасности, но и пал жертвой. Кальвин узнал, что после смерти Пьера д'Альбре, епископа Олеронского, королева Маргарита Наваррская, которая отступала от евангельской простоты, отправилась в Рим просить вакантный престол для Русселя; и что после некоторых трудностей ватиканский суд удовлетворил эту милость. Руссель - епископ, и по милости папы римского! Кальвин был поражен. Люди писали ему, что это назначение было отпраздновано поэтами Беарна и что Руссель был переполнен поздравлениями; и Кальвин задавался вопросом, прислушается ли его друг к его предостережениям под соблазнительные песни сирен. Однако он решил произнести торжественный голос верности. Строгие слова, с которыми он обратился к новому епископу, яснее, чем самый умный портрет, показывают нам великое решение его души.

"Вам покажется, что я вижу сон, - писал он Русселю, - будто я один среди множества тех, кто льстит вам, прихожу нарушить всеобщее веселье. И все же, если вы хотя бы в малейшей степени позволите таким прелестям обольстить себя, они приведут вас к тяжелому и опасному забвению. Те, кто однажды выпил, пусть даже самую малую каплю, из этой чаши римского стола, опьянены и околдованы". [803]

Кальвин представил себе великолепное состояние своего друга, великое великолепие, величественную внешность, митру, посох, мантию и кольцо, а также все остальные атрибуты, которыми тот был украшен; богатство, помпезность, демонстрируемую в его доме, длинную вереницу слуг, изысканный стол и тысячу других видов роскоши и излишеств, и воскликнул: "Теперь, когда ты стал любимцем фортуны, помни, что Тот, кто назначил епископов (то есть Бог), желает, чтобы, пока люди спят, они были убиты". Они должны находиться на сторожевой башне на холме, обозревая все вокруг, и чтобы их голос был подобен звуку трубы. С какой преданностью вы трудитесь, чтобы поднять то, что упало? Истинная религия порочится, над ней смеются, ее топчут ногами и даже полностью разоряют; бедные люди обманываются, подвергаются насилию, их грабят тысячами мошенничеств и ведут на бойню... и все это совершается на ваших глазах! Вы не только пропускаете это мимо ушей, но в вашей епархии едва ли найдется какое-либо нечестие, которое вы не санкционировали бы своей печатью!

- Что следует делать с тем, кто, подобно вам, покидает своего командира, переходит на сторону врага и наносит ущерб лагерю, защите которого он поклялся посвятить свою жизнь?

- Труби в трубу, страж! Вооружайся, пастух! Чего ты ждешь? О чем ты думаешь? Сейчас время спать? Что? убийца, виновный в пролитии крови, каждую каплю которой Господь снова потребует от тебя! И ты не боишься? [804]

"О Рим, Рим! скольких хороших людей ты развратил, которые в остальном не были дурно рождены? Скольких из уже развращенных ты делаешь хуже с каждым днем?" Скольких из тех, кого ты развратил, кого ты ввергаешь в вечную погибель? [805]

"О мой дорогой Руссель, выбирайся из этой трясины как можно скорее, опасаясь, что, задерживаясь в ней, ты будешь погружаться все глубже и глубже в трясины. [806]

Я знаю, вы скажете: "Что же тогда станет с нами, беднягами? Должны ли мы, живущие в свое удовольствие, отправляться в чужие страны, как нуждающиеся бродяги? Должны ли мы, у которых всегда полны наши кладовые и погреба, без всякого труда питаться грубой пищей, добытой в поте лица и трудом наших рук?" [807]

"Если ты находишь такую жизнь странной, ты не настоящий христианин. Признаюсь, очень тяжело покидать место своего рождения и быть странником. И все же Господь, который является чудесным тружеником, ухитряется сделать так, чтобы эта бедность, столь горькая по мнению людей, была им приятна и, смягченная небесной сладостью, доставляла им особое удовольствие".

Таким образом, двадцатисемилетний молодой человек уже был учителем, полным энергии и здравого смысла. Этих двух писем, которые (согласно наиболее достоверным свидетельствам) были написаны в Ферраре, самих по себе было бы достаточно, чтобы обозначить его пребывание в этом городе особым знаком. Именно тогда он начал появляться, говорить и руководить с авторитетом реформатора. В нем Бог дал Своей церкви учителя, одаренного той негибимой твердостью, которая, несмотря на все препятствия и все соблазны, способна покончить с заблуждением и отстаивать истину. В то же время Он дал человеку, чья деятельность не ограничивалась местом, где он жил, но чей широкий дух охватил бы весь христианский мир, и кто был бы способен посылать во Францию, Нидерланды, Англию, Польшу и везде, где это было необходимо, слова мудрости и веры.

Кальвин учил не только своими словами, но и своим примером. Возможно, он смог бы, смягчив некоторые выражения в Евангелии, остаться во дворце герцогов Эсте и пользоваться благосклонностью принцев. Но если он требовал от Русселя верности и самоотречения, то сначала овладел ими сам. Он шел на жертвы, к которым призывал других, и был готов променять удовольствия и блеск двора на ужасы тюрьмы или бегства, сопряженного с опасностью. Кальвин оставался непоколебимым, поскольку "видел Того, кто невидим", и предпочитал страдать вместе с народом Божиим, а не участвовать в радостях великих людей земли. Этот дух самоотречения характеризовал его до последнего. Друг принцев, советник королей, он жил скромно, едва располагая средствами для удовлетворения обычных жизненных потребностей.

=ВЛИЯНИЕ КАЛЬВИНА В ИТАЛИИ.=

Говорят, что Кальвин посетил Падую, Венецию и даже Рим; но не похоже, чтобы история могла принять эту традицию. Вполне вероятно, что все время, проведенное им за Альпами, он проводил рядом с герцогиней Рене. Однако его влияние простиралось за пределы дворцов и княжества герцогов Эсте. Один из людей, которых можно считать лучшими судьями, один из историков литературы полуострова, иезуит Тирабоски, заявляет, что пребывание Кальвина при феррарском дворе нанесло Италии больший вред, чем все солдаты, активные ученики Лютера, которые распространяли там его доктрины. [808] И все же Кальвин едва покинул Феррару. Как раз тогда, когда звезда Ариосто, воссиявшая над этим городом, зашла, и когда звезда Тассо вот-вот должна была взойти, звезда Кальвина засияла там более чистым светом, чем у барда Орландо или Годфри. Но верующий христианин не мог долго оставаться в лоне мирянства и

папизма, не страдая от их жестоких нападков. Пребывание Кэлвина должно было закончиться трагическим и неожиданным образом.

[763] См. Том IV. bk. vii. гл. 18.

[764] 'Sic versari in *studiis nostris, ut excellat*. . . . Sed ob magnitudinem ingenii et studium sanctitatis quæ in ista semper veluti divinum aliquid eluxit, retulit se ad *cœlestes artes* et ad *disciplinas theologicas*.'—Paleario, *Epp.* iv. 4.

[765] A. Frizzi, *Guida per la città di Ferrara*, p. 43.—Bonnet, *Calvin à la cité d'Aoste*.

[766] 'Sotto abito finto.'—Muratori, *Annali d'Italia*, xiv. p. 305.

[767] Varillas.

[768] Мадам герцогиня Феррарская.—*Французские письма Кальвина*, i. стр. 44. На этом письме нет даты, и, возможно, оно относится к следующему, 1537 году. На странице 154 Кальвин ссылается на книгу, которую не так давно написал Капитон "нагеры", и эта работа "Де Мусса", посвященная Генриху VIII, датирована 15 марта 1537 года.

[769] 'Sans décliner ni de çà ni de là.'

[770] 'Talmente infetto Renea degli errori sui, che non si potè mal trarle di cuore il bevuto veleno.'—Muratori, *Annali d'Italia*, xiv. p. 305.

[771] Письмо от 1537 года, адресованное Рене, герцогине Феррарской.

[772] Беза, *Жизнеописание Кальвина*, стр. 21.

[773] Смотрите Письма, датированные 8 и 24 января и 4 апреля 1564 года, в *Рецензии* Монса Ж. Бонне. Кэлвин умер 4 мая следующего года.

[774] 'Poichè non solo confermò nell' errore la duchessa Renata, ma più altri ancora sedusse.'—Muratori, *Antichità Estensi*, ii. ch. xiii.

[775] 'Quali venustate canas.'—Gyraldus, *Epistola dedicatoria, Hist. Poetarum*.

[776] 'Ut Græcos autores intrepide evolvas.'—*Ibid.*

[777] Бейль, *Словарь Анны де Пармене*, iii. стр. 600.

[778] Беза, *Привет. еkkлесиаста*. i. стр. 127.

[779] Майбург, *История. du Calvinisme*, p. 62.

[780] Жюль Бонне, *Олимпия Мора*, стр. 43.

[781] Кальвин, *пассим*.

[782] *Œuvres de Marot*.

[783] Moreri, *Grand Dictionnaire historique*, vi. p. 317.

[784] Bayle, *Dictionnaire hist. u др.* iv. стр. 142.

[785] Беза, *Привет. des Eglises réformées*, i. p. 127.

[786] Bayle, *Dictionnaire*, iv. p. 142.

[787] Туанус, библиотека. xxviii.

[788] See the *Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme français*, Paris, 1860, p. 168.— Documents historiques inédits et originaux, communiqués par M. de Triqueti.

[789] *История инквизиции во Франции*, par De la Mothe, том ii. стр. 538, 603 и с.—Бевилаква является переводом Буало на итальянский. Некоторые из Дринкуотеров и Бойло из Англии утверждают, что принадлежат к одному семейству.

[790] В *Бюллетене французского протестантизма* за 1860 год, стр. 170, мы читаем: "Примерно в 1840 году герцог Бевилакua показал сэру Джону Буало портрет Кальвина, написанный Тицианом по этому случаю, и предложил ему его копию. У меня было много возможностей увидеть его в Лондоне, в доме сэра Джона". Господин де Трикети, слова которого мы только что процитировали, говорит о другом портрете Кальвина кисти Тициана, приобретенном в 1860 году на публичной распродаже в Париже. Мы сами видели в одной из итальянских картинных галерей портрет Кальвина, также приписываемый Тициану. Одна из них находится в публичной библиотеке Женевы, и несколько можно найти в различных итальянских музеях (Штелин: *Йоханнес Кальвин*, ii. стр. 7); но это скорее картины, написанные учениками Тициана и подправленные мастером, как это было принято у учителя и его учеников в те дни.

[791] Письмо герцогине Феррарской, в "*Французской литературе Кальвина*", i. стр. 47.

[792] 'Un sien traité.'—*Ibid.* i. p. 48.

[793] Кальвин в *издании princeps* (март 1536 г.) своих *Институтов* "Угощения о вечере Господней" на страницах 236-284.

[794] A la duchesse de Ferrare.—*Lettres françaises de Calvin*, i. p. 48.

[795] A la duchesse de Ferrare.—*Lettres françaises de Calvin*, pp. 47, 48.

[796] Там же. Письмо герцогине Феррарской было написано позже; но то, что мы процитировали выше, относится к пребыванию Кальвина в Ферраре, когда у него были эти беседы с мастером Франсуа.

[797] A la duchesse de Ferrare.—*Lettres françaises de Calvin*, i. p. 45.

[798] A la duchesse de Ferrare.—*Lettres françaises de Calvin*, p. 54.

[799] 'Comment il faut éviter,' &c. Де Галлар, друг Кальвина, говорит в своем издании "*Сочинений реформатора*" (1552): "Послания для чтения, как о том, что касается дружбы с итальянскими писаниями". Последние редакторы работ Кальвина говорят в "*Пролегоменах*" к т. v. (Брансуик, 1866): "Как в итальянском тексте, анно 1536, восприимчиво, Calvinum scripsisse dicit Колладоний." Колладон был одним из близких друзей реформатора. Первое из этих сочинений содержит (во французском издании) 38 страниц фолио, а второе 35.

[800] Calvin, *Opuscles français* (1566), p. 82.

[801] Там же. стр. 58, 62, 64, 73, 74, 84, &c.

[802] Calvin, *Opuscules français* (1566), pp. 58, 59, 84, 92.

[803] *Quel est l'office de l'homme chrétien en administrant ou rejetant les bénédictions de l'Eglise papale?* Jean Calvin à un ancien ami à présent prélat.—*Opuscules français*, pp. 36, 37.

[804] *Opuscules français*, p. 108.

[805] Там же. стр. 124.

[806] Там же. стр. 128.

[807] Там же. стр. 129.

[808] 'Più dannoso all' Italia fu il soggiorno che, per qualche tempo, fece occultamente Calvino, sotto il nome di Carlo d'Heppesville, alla corte di Ferrara, circa il 1535.'—Tiraboschi, *Hist. de la Litt. umal.* vii. стр. 358.

ГЛАВА XVI.

БЕГСТВО КАЛЬВИНА.

(Весна 1536 г.)

Герцог Эсте Геркулес заметил, что с прибытием француза произошли определенные изменения. Беседу Кальвина с капелланом Франсуа не удалось сохранить в секрете. Внук Борджиа знал, что папа под предлогом ереси может лишить его состояния; его отец, герцог Альфонсо, уже много лет находился в изгнании из-за плохих отношений с Римом. У инквизиции был трибунал в Ферраре, и того, что происходило при дворе, было более чем достаточно, чтобы встревожить его. Папе был сделан доклад; Карл V был проинформирован; и Павел III предложил герцогу мирный договор, в котором была секретная статья, предусматривающая изгнание всех французов, находившихся в то время в Ферраре; но среди них был один, которому уготована более суровая участь. Герцог, отказываясь от снисхождения, которое он оказал своей жене, заявил, что он полон решимости положить конец раскольническим интригам, театром которых был двор; что граф и графиня Мареннские, Субиз, другой джентльмен и даже Маро должны покинуть свои владения; "а что касается господина д'Эспевилля, - добавил он, - знайте, мадам, что, если он будет разоблачен, его немедленно привлекут к ответственности за религию". [809]

=СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД РЕНЕ.=

Этот приказ был для Рене подобен удару грома. Призванная покинуть землю своих предков, она создала маленькую Францию в Ферраре; и теперь все, кто давал ей хоть какое-то утешение в ее изгнании, были вот-вот разлучены с ней. Рим лишит ее этого благочестивого и образованного учителя, который дал ей такой хороший совет; возможно, он искупит на итальянском эшафоте преступление, заключавшееся в том, что он провозгласил Евангелие. Все придворные лорды и дамы, и даже сатирик Маро, должны были покинуть Феррару. Леон Жаме, по-видимому, был единственным французом, которому было разрешено остаться; герцогиня, которой требовался

секретарь, получила разрешение своего мужа на то, чтобы этот бывший служащий казначейства остался с ней в таком качестве. Таким образом, дочь Людовика XII после ярких дней, которыми она наслаждалась, была обречена оставаться почти одна в своем дворце, как в мрачной комнате; за малейшими ее движениями следили; ее мучили священники, которых она презирала, и внук Борджиа подвергал ее несправедливой жестокости. Маро, тронутый столькими несчастьями и зная, какую роль сыграет королева Наварры, кузина Рене, в этом великом испытании, обратился к ней с такими трогательными строками:

Ax! Marguerite, écoute la souffrance

Du noble cœur de Renée de France;

Puis comme cœur, plus fort en espérance,

Консоль-ля.

Tu sais comment hors son pays alla,

Et que parents et amis laissa là;

Mais tu sais quel traitement elle a

En terre étrange! [810]

Рене предстояло испытать еще большую боль, чем та, которую причинило увольнение "за горы" ее друзей из Франции. Это незаконное учреждение, украшенное названием *Святой канцелярии*, которому немного позже было суждено сделать тысячи мучеников в Испании, Нидерландах и других странах, в данный момент желало нанести удар учителю, возбудившему величайший ужас и ненависть в Риме. Инквизиция обнаружила резиденцию Кальвина. Его имя и его *преступление* были занесены в черную книгу этого жестокого учреждения. [811] При дворе Эсте процветала ересь; был указан главный виновник, и если остальным было позволено уйти, то он, по крайней мере, должен быть наказан.

=АРЕСТ КЭЛВИНА.=

Кальвин, предупрежденный о происходящем, находился во дворце Магистрато, где жили он и Дю Тийе, и спешно готовился к отъезду, когда прибыли агенты инквизиторов, которые были на страже, схватили "зловредного нарушителя спокойствия" и утащили его пленником. [812] В их намерения не входило оставлять его в месте, где у доктора-евангелиста было много влиятельных друзей. Они решили судить его в Болонье, городе в папских владениях, недалеко от Феррары, где они были бы полновластными хозяевами. Поэтому молодой француз был передан на попечение нескольких приближенных Святой Канцелярии, и под их охраной он должен был отправиться в этот древний город, который хвастался тем, что в его стенах покоится прах святого Доминика, основателя инквизиции.

Кальвин отправился в путь в окружении людей, назначенных проводить его. Тогда он мог бы сказать о себе то, что впоследствии сказал о другом: "Хотя он все еще надеется, на него

обрушивается сотня смертей, так что нет ни малейшего шанса на спасение". [813] Трибунал инквизиции, который никогда не был мягок, конечно, не был бы таким по отношению к еретику такого рода. Эскадрон, которым он командовал, повернул на юг, пересек плодородную местность и беспрепятственно проследовал к городу Болонья. [814] Они прошли уже больше половины пути, когда внезапно появились несколько вооруженных людей. [815] Они остановили конвой и приказали им освободить своего пленника. Мы не знаем, было ли оказано какое-либо сопротивление; но одно несомненно: инквизиторы, не привыкшие уступать, видели, как у них забрали врача, которого они вели на верную смерть. Кальвин был отпущен на свободу [816] и напряг все нервы, чтобы выбраться из Италии.

Его пребывание в этой стране, как мы читаем о нем в подлинных документах, далеко не пустая страница, как некоторые предполагали. Последнее событие, о котором мы упомянули, по словам Муратори, представляет даже особый интерес. Это напоминает нам о хорошо известном обстоятельстве в истории немецкой реформации, когда Лютера, возвращавшегося из Вормса, увезли всадники в масках и вооруженные с головы до ног. Но случай Кальвина был серьезнее, чем случай саксонского реформатора, которого увезли в замок, принадлежащий друзьям, вне досягаемости опасности; в то время как Кальвин был оставлен один, почти в центре Италии, и вынужден пробираться через враждебную страну, где он рисковал быть снова арестованным.

Спрашивается, кто вырвал эту избранную добычу из рук римских трибуналов и даже из рук папы римского; откуда был нанесен удар? [817] Это было смело и опрометчиво; оно подвергло своих создателей и агентов большой опасности, ибо папство и инквизиция были всемогущи в Италии. Сильная привязанность, огромное уважение к реформатору и безграничная преданность делу истины могут быть единственными причинами столь дерзкого приключения. Только один человек на итальянском полуострове был способен придумать это и осуществить, и это была — нужно ли говорить?— дочь Людовика XII. Все приписывали ей освобождение реформатора. Можно было ожидать, что инквизиция, всегда такая подозрительная и суровая, будет неумолима в своей мести. Рене сбежала, по крайней мере, на данный момент. Возможно, что Геркулес Эсте оказал свое влияние при папском дворе, чтобы замять это дело, и пообещал держать герцогиню поближе в будущем. Он сдержал свое слово, но слишком хорошо.

Кальвин без колебаний воспользовался этим спасением, но с того момента у нас нет достаточных данных ни о нем, ни о его маршруте. Чтобы найти какие-либо его следы, мы должны изучить местные традиции, которыми не следует пренебрегать, но которые не дают нам исторической достоверности. Вполне естественно — на это указывает карта, — что беглец повернул в сторону Модены. В окрестностях этого города жил знаменитый литератор Людовико Кастельветро, которого подозревали в ереси. Он был уважаемым критиком и искусным переводчиком; он перевел на итальянский язык одно из произведений Меланхтона, и когда он покинул Италию много лет спустя, он проезжал через Женеvu, где навестил нескольких друзей. Когда в первой половине этого столетия снесли древнюю виллу Кастельветро, рабочие обнаружили запечатанный сундук, в котором хранились самые ранние издания произведений Кальвина в прекрасной сохранности. [818] Реформатор, без сомнения, слышал упоминание этого ученого при дворе Феррары; но нет ничего, что доказывало бы, что он искал временного убежища под крышей переводчика Меланхтона, который, по-видимому, в то время не открыто исповедовал Евангелие. [819]

=МАРШРУТ КАЛЬВИНА.=

Традиция гласит, что Кальвин, вместо того чтобы идти на север, в сторону Швейцарии, обогнул Апеннины, повернул на запад и достиг Валь-ди-Грана, между Салуццо и Кони, где он проповедовал. Утверждается, что священники из деревни Карильяно так взволновали женщин прихода, что с дикими криками они забросили француза камнями и выгнали оттуда. Добавляется, что Кальвин отправился оттуда в Салуццо и проповедовал там, но с таким же небольшим успехом. [820] По нашему мнению, эти традиции недостаточно подтверждены, чтобы заслужить место в истории. Кажется более вероятным, что Кальвин выбрал кратчайший путь в Швейцарию и направился к перевалу Сен-Бернар. Если бы у него было свободное время для евангелических экскурсий, он, без сомнения, отправился бы в вальденские долины, которые посетил его двоюродный брат Оливетан, и где последний задумал проект перевода Библии, над которым он сам также трудился и должен был еще трудиться. Но нет никаких указаний на то, что он когда-либо посещал эти горы. Он прибыл в город Аоста.

=ГОРОД АОСТА.=

Первые проблески Слова Божьего, как мы уже говорили, начали озарять цизальпинский регион, лежащий у подножия гор Сен-Бернар, Монблан и Мон-Роза. Аоста, основанная Августом, в честь которого она была названа, получила евангелический импульс из Швейцарии. Бернцы думали, что если Божественное Слово, пересекая Сен-Готард, совершило завоевания у берегов Тичино, то оно может совершить другие завоевания в долине Аосты, пересекая Сен-Бернар. Итальянские, бернские и женевские документы в равной степени свидетельствуют о религиозном брожении, царившем тогда в этом городе. "Евангелие распространяется за пределы гор, - писал Поррал, посланник Женевы в Берне, - и оно должно распространяться вопреки князьям, ибо оно от Бога". Вскоре римская иерархия применила свое обычное оружие против тех, кто принял Реформу, и Поррал объявил, что у аостанцев возникли "серьезные вопросы к своему епископу из-за *отлучений*, которые они не могли вынести". [821] Мы рассказывали, как бернские уполномоченные отправились в Аосту в ноябре 1535 года, чтобы посоветоваться с епископом герцога Савойского. Они выступили там в пользу Женевы и потребовали освобождения Сонье, в то время заключенного в Пиньероле. [822] Они беседовали со всеми, кого встречали, о важных вопросах, которые тогда обсуждались, и приглашали их принять учение Священного Писания. Некоторые жители долины, как среди знати, так и среди бюргеров, приветствовали принципы Реформации. [823] Среди тех, кого привлекло Евангелие, были сеньоры Де ла Крет и Де ла Визьер, благочестивый и ревностный Леонард де Водан, Безенваль, Тилье, Шаллан, Бове, Борньон, Филиппон, Гей и другие. [824]

Но если в долине Аоста и были сердца, готовые принять Евангелие, то были и другие, решившие сопротивляться ему. Во главе его противников стояли два выдающихся человека. Среди мирян был граф Рене де Шаллан, маршал Аосты, полный энтузиазма в отношении папства и феодализма и преисполненный презрения к еретикам и республиканцам Швейцарии. Огорченный тем, что стал свидетелем неудач, постигших его господина, герцога Савойского, он поклялся, что, по крайней мере, в Аосте истребит лютеран. Его соратником в этом крестовом походе был Пьетро Гаццини, епископ Аосты, один из самых известных прелатов Италии. Священники и преданные превозносили его добродетели и ученость, но больше всего его отличали надменный нрав и властный юмор, которые так часто характеризуют римских священников. Гаццини был каноником Латеранской, первой патриархальной церкви запада, и

служил связующим звеном между герцогом и папой римским. Он был в Риме, когда евангелическое учение начало распространяться в его епархии, и тогда он попытался добиться того, чтобы собор, который должен был положить конец ереси, был проведен во владениях герцога, его господина. [825] Он даже зашел очень далеко в своих амбициях относительно своего государя. "Становилось так, - сказал он понтифику, - что руководство советом должно быть передано герцогу Савойскому императором и королем Франции". [826] Руководство советом, данное светскому князю папой и двумя другими светскими князьями, - идея, очевидно, не совсем согласующаяся с теократическим всемогуществом понтифика, которым многие люди так громко хвастаются.

В отсутствие епископа в Аосте был человек, вполне достойный занять его место: это был хранитель францисканского монастыря Антонио Савион (Antonius de Sapientibus), хорошо информированный, ревностный человек, который впоследствии стал генералом ордена и был одним из отцов Тридентского собора. Савион издал тревожный крик.

Однажды, когда Гаццини исполнял свои обязанности в базилике Святого Иоанна, он получил письма с описанием положения дел в Аосте. Встревоженный прелат не колебался. "Когда ересь Кальвина проникла в его епархию, - сказал Бессон, савойский священник, - он поспешил перекрыть дорогу". [827]

Как только епископ прибыл, он посетил каждый приход с неутомимым усердием; он поднялся на кафедры и "своими проповедями поддерживал людей в здравом учении". [828] Он сказал им, что "сатана рыщет, как рыкающий лев, чтобы пожрать их; что поэтому они должны строго следить и прогнать свирепого зверя". К этим увещаниям он добавил порицания, наказания и отлучения от церкви. Все читатели Священного Писания должны были быть изгнаны из лона церкви.

21 февраля 1536 года состоялось общее собрание поместий долины для урегулирования дел округа. Среди депутатов было несколько друзей Реформации: Де ла Крет, Водан, Борньон и другие, указанные в *кагье* сословий. [829] Две темы, в частности, вызывали беспокойство у большинства собравшихся. Политическая и религиозная ситуация в городе казалась в равной степени угрожаемой. Взоры людей были обращены к Швейцарии, и утверждалось, что планы политического завоевания сочетались в умах бернцев со слишком явным желанием религиозного завоевания. В то время, когда савойский дом подвергся нападению Франции, многие хотели увидеть, как долина Аоста воспользуется этим, чтобы присоединиться к Гельветической лиге и сплотиться под знаменем Евангелия. Члены ассамблеи были убеждены, что швейцарцы хотели "объединить в кантоны" всю страну и таким образом расширить свою конфедерацию по обе стороны Альп. Но другая опасность была еще более тревожной для руководителей римской партии, и они искренне заявляли сословиям, что присоединение города и долины к святому престолу Рима находится под угрозой; и что бернские лютеране, которые не удовлетворились наложением рук на территорию Во, но внедрились и распространяли свою "ядовитую секту", хотели сделать то же самое в Аосте. [830] Ассамблея постановила поддерживать римско-католическую веру и сохранять верность его герцогскому высочеству, и было постановлено, что каждый нарушитель должен быть предан смерти. [831]

=КАЛЬВИН В АОСТЕ.=

Общеизвестно, что Кальвин проезжал через город Аоста; но прибыл ли он в эту эпоху и был ли он там хотя бы частично во время сессии Сословий? Это подтверждается документами 17-го и 18-го веков, и его присутствие там не является невозможным; но есть, на наш взгляд, одно обстоятельство, препятствующее его принятию. Официальные документы того периода, и особенно журналы ассамблеи за февраль и март 1536 года, не упоминают о присутствии Кальвина и даже не намекают на него. Однако стоило бы потрудиться записать его, если бы он был только обозначен, как это произошло чуть позже в Регистрационных книгах Женевы, как *француз*. Два важных факта с религиозной точки зрения произошли в Аосте в первые месяцы 1536 года: собрание сословий и кончина Кальвина. Первое состоялось в феврале и марте; второе, вероятно, немного позже. Традиция заставляет их совпадать, что более драматично; история расставляет каждое по своим местам. Но поскольку реформатор не сыграл (во время заседания Ассамблеи) отведенной ему роли, не следует предполагать, что он никогда не проезжал через этот город.

У Кэлвина были свои причины выбрать маршрут Аоста и Сен-Бернар. Им пользовались веками, и он, без сомнения, узнал во время своего пребывания в Базеле то, что было общеизвестно в Швейцарии: что бернцы поддерживали частые связи с этой страной, что они ввели там Евангелие и что некоторые жители приняли принципы Реформации. Древний документ дает нам понять, что Кальвин проезжал через Аосту как на пути, так и на обратном пути. [832] По нашему мнению, это было бы вполне естественно. Слухи, распространявшиеся в Швейцарии об этом городе, побудили бы его выбрать эту дорогу по пути в Италию, и мы легко можем предположить, что по возвращении беглец выбрал бы дорогу, уже известную ему и где он был уверен встретить друзей. Но мы не настаиваем на этом и довольствуемся тем, что идем по следам, которые Кальвин оставил в стране по возвращении и которые все еще можно найти там.

=ФЕРМА КЭЛВИНА.=

У подножия реки Сен-Бернар, совсем недалеко от города Аоста, на возвышенности, где до сих пор можно увидеть усадьбу, стоял дом. Чтобы добраться до него, вы съезжаете с улицы Сен-Бернар-роуд недалеко от города и идете по пешеходной дорожке, рядом с которой сейчас стоит маленькая часовня. Окружающие его луга, возвышающиеся над ним крутые вершины, Альпы, скрывающие свои снежные вершины в облаках, вид на Аосту и долину — все это в сочетании придает этому дому живописный вид. Если путешественник спросит местных жителей, что это за дом, ему скажут, что это "Ферма Кальвина"; и добавят, что, когда реформатор проезжал через Аосту, его приютил там один из самых ревностных реформаторов, Леонард де Водан. Было вполне естественно, что Кэлвин предпочел такое уединенное жилище городскому дому.

Мы не знаем, что Кальвин сделал или сказал в Аосте. Единственный факт, который кажется доказанным — и памятник, которому более трех столетий, подтверждает это, — это то, что его присутствие не осталось неизвестным и вызвало там более или менее оживленную сенсацию. Реформатор подвергся бы большой опасности, если бы был арестован в городе епископом Гаццини, "который своими яростными речами вооружал всю свою паству против еретиков и который, видя воплощение сатаны в евангельских учителях, призывал их изгнать хищного зверя". Таковы выражения, используемые историком епархии. [833] Кальвин, уже находившийся в бегах, поспешил покинуть окрестности города. К этим простым и естественным фактам добавились некоторые чрезвычайные обстоятельства. Например, некоторые авторы изображали графа Шалланского в яростной погоне за Кальвином и последовавшим за ним с

обнаженным мечом в самое сердце гор. Это легенда, вошедшая в историю, как это случается слишком часто.

Было естественно, что Кэлвин, при тех обстоятельствах, в которые он попал, не пошел обычной дорогой, поскольку было ясно, что там его будут искать и его легко могли догнать. Если проследить по следам, оставленным его путешествием по Аосте, то может показаться, что он стремился спастись от врагов Реформации. Когда мы покидаем "Ферму Кэлвина" и поворачиваем направо, мы подходим к мосту недалеко от Ройсана, ниже деревни Клозелина. По соседству его называют "Мостом Кальвина". Кальвин пересек его и, таким образом, пошел по более трудной и менее посещаемой дороге, чем Сенбернар. Если мы поднимемся на гору в направлении долины Вальпелин, мы достигнем холма, окруженного Мон-Бальмом, Мон-Комбен и Мон-Веланом: это "перевал окна", впоследствии названный "Окном Кальвина", и по нему реформатор снова вошел в Швейцарию. [834]

Как мы уже говорили, отрывок Кальвина произвел глубокое впечатление на Аосту. Жители этого самого католического города рассматривали свое противодействие реформатору и бегство, к которому они вынудили его прибегнуть, как славу своего города, рассчитанную на то, чтобы вызвать восхищение друзей папства. Следовательно, через пять лет после этих событий, 14 мая 1541 года, аостанцы воздвигли каменный крест в центре своего города в память об этом поступке. Поскольку этот примитивный памятник пришел в упадок, его заменили два столетия спустя (1741) колонной высотой восемь футов, о которой упоминает Сенебье, и на которой была такая надпись: [835]

'Hanc Calvini fuga erexit anno MDXLI.
Religionis constantia reparavit MDCCXLI.'

Наконец, сто лет спустя за ним последовал памятник, который теперь может увидеть каждый путешественник, проезжая через Аосту, и который мы сами не раз осматривали. [836] Таким образом, существует три столетия и три последовательных памятника. Таким образом, проезд Кальвина через город Аоста входит в число исторических фактов, увековеченных на том самом месте, где они произошли, самым безапелляционным образом.

=КАЛЬВИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВО ФРАНЦИЮ.=

Кальвин проехал через Швейцарию, остановился в Базеле, а оттуда направился в Страсбург. Он решил выбрать один из этих двух городов, в котором провести ту прилежную и мирную жизнь, о которой он так мечтал, либо в обществе Копа, Гринеуса и Микония, либо Буцера, Капито и Гедю. Но сначала он хотел вернуться в Нойон, где ему нужно было уладить кое-какие дела. Оставив Дю Тийе в Страсбурге, он отправился во Францию, что мог сделать без всякой неосторожности, ибо он покинул свою страну не под тяжестью какого-либо судебного приговора, которого ему удалось избежать. Более того, правительство как раз тогда было менее суровым.

Едва о прибытии молодого доктора стало известно в Париже, как многие друзья Евангелия поспешили в его гостиницу. Они никогда не уставали слушать его. "Во всей Франции, - сказали они ему, - нет человека, который внушал бы нам такое восхищение, как вы". [837]

Но Кальвину не терпелось добраться до Нойона, где его ждало жестокое разочарование: его брата Чарльза, капеллана, больше не было. [838] Обстоятельства его смерти наполнили

Кальвина печалью и радостью. "Чарльз открыто исповедал Иисуса Христа на смертном одре, - рассказали Джону его оставшиеся в живых брат Энтони и сестра Мэри, - и не желал никакого другого отпущения грехов, кроме того, которое было получено от Бога верой. Соответственно, разгневанные священники приказали похоронить его ночью между четырьмя столбами виселицы.

Кальвин предложил Антонию и Марии покинуть страну, в которой верующие были покрыты позором.

Его пребывание в Нойоне было очень коротким. У него не было возможности отправиться прямо в Базель или Страсбург из-за войны между Карлом V и Франциском I. Это помешало ему пересечь Шампань и Лотарингию; но он узнал, что может, не встречая никаких трудностей, пройти через Бресс, затем подняться по Роне, пересечь Женеву и таким образом добраться до Базеля через Лозанну и Берн. Он выбрал этот путь. "Во всем этом, - говорит Беза, - Бог был его проводником". [839]

Так приблизился к Женеве великий богослов, который яснее любого другого человека того времени понимал, что в учении и в жизни соответствовало Божьей истине и воле или противоречило ей. В то время как его предшественники оставили несколько традиций, существующих рядом с Писанием, он обнажил скалу Слова. Истина стала единственной страстью этой пылкой и непреклонной души, и он был полон решимости посвятить ей всю свою жизнь. Однако в то время он понятия не имел о выполнении работы, подобной работе Лютера; и если бы ему показали открывающуюся перед ним карьеру, он бы с ужасом отшатнулся от нее. "Я постараюсь зарабатывать себе на жизнь частным образом", - сказал он. [840] Амбиции Франциска I. изменили все. Этот правитель, сам того не желая, осуществил замыслы Бога, который пожелал поместить реформатора в центр Европы, между Италией, Германией и Францией.

[809] *Défense de Calvin*, par Drelincourt, p. 337.

[810] *Œuvres de Cl. Marot*, ii. p. 337.

[811] 'Vengo assicurato da chi ha veduto gli atti dell' Inquisizion di Ferrara.'—Muratori, *Annali d'Italia*, xiv. p. 305.

[812] 'Che si pestifero mobile fu fatto prigionero.'—*Ibid.*

[813] Кальвин о *Деяниях* xii. 6.

[814] 'Mentre che era condotto da Ferrara a Bologna.'—Muratori, *Annali d'Italia*, xix. p. 305.

[815] 'Gente armata.'—*Ibid.*

[816] 'Fu messo in libertà.'—*Ibid.*

[817] 'Onde fosse venuto il colpo.'—Muratori, *Annali d'Italia*, xiv. p. 305.

[818] Словарь Бейля, *вслух* Кастельветро. —Дж. Бонне: *Кальвин*. Открытие произошло в 1823 году.

[819] Тирабоцци, *История. de la Litt. умал.* vii. стр. 169.

[820] Бонне, *Кальвин о Валь д'Осте*, стр. 13, 14.

[821] Dépêches d'Ami Porral au Conseil de Genève.

[822] Lettres du Conseil de Berne au duc de Savoie du dernier Septembre 1535, et au Conseil de Genève du 24 Décembre 1535. Эти письма были переданы мне, наряду с другими, М. де Штайнером, библиотекарем города Берна, и М. де Штюлером, государственным канцлером.

[823] 'Quæ factæ sunt per Bernenses Leuteranos in Provincia Augustana, etc.' Procès-verbal de l'Assemblée du 28 Février 1536.

[824] Многие из этих имен до сих пор можно найти в Сюисс-Романде, где их носители были вынуждены укрыться.

[825] *Il vescovo d'Agosta allo duca di Savoia*. Автор нашел это письмо, датированное из Рима, в Главном архиве королевства Италия, хранящемся в Турине.

[826] 'Di far dare il governo del Concilio, tanto da sua Santità quanto dallo Imperatore, e re di Francia, a vostra Eccellenza (the duke). Там же.

[827] *Mémoires des diocèses de Genève, d'Aoste, etc.*, par le curé Besson, p. 260.

[828] Там же. стр. 261.

[829] "Нобилис Николаус де Криста, Антониус Водан, Бартоломеус, Борньон, сторонники общины Святых Стефани электи и т.д." Генеральный совет февраля 1536 года. Архив интендантства Аосты.

[830] "Illa secta venenosa leuterana". —Протокол Собраниа. Архив интендантства Аосты.

[831] СР. в архивах королевства в Турине.

[832] Документы в архиве М. Мартине, бывшего депутата Аосты.—Ж. Бонне, *Кальвин о Валь д'Ост*, стр. 21.

[833] *Mémoires des diocèses de Genève et d'Aoste, etc.*, par le curé Besson, p. 261.

[834] Идея перехода Кальвина через этот перевал теперь общепризнанна, и даже в Путеводителе Мюррея мы читаем: "*Кальвин бежал через этот перевал из Аосты*".

[835] *Histoire littéraire de Genève*, i. p. 182 (edit. 1786).

[836] К приведенной выше надписи были добавлены следующие слова:

'Civium munificentia renovavit et adornavit.
Anno mdccccli.'

[837] Годафрид Лопинус, *Кальвино*. Рукопись сохранилась в публичной библиотеке Женевы.

[838] Beza, *Vita Calvini*.

[839] 'Divinitus perductus.'—Beza, *Vita Calvini*.

[840] *Lettres françaises de Calvin*, i. p. 22.

ГЛАВА XVII.

ПРИБЫТИЕ КАЛЬВИНА В ЖЕНЕВУ.

(Лето 1536 года.)

=КАЛЬВИН ПРИБЫВАЕТ В ЖЕНЕВУ.=

Однажды вечером в июле месяце 1536 года в Женеву прибыла карета из Франции. Из нее вышел мужчина, еще молодой. Он был невысок, худ и бледен; его борода была черной и заостренной, его организация слабой, а телосложение несколько изношенным учебой; но в его высоком лбу, живых и строгих глазах, правильных и выразительных чертах лица были признаки глубокого духа, возвышенной души и неукротимого характера. Его намерением было "проехать через Женеву поспешно, не останавливаясь в городе более чем на одну ночь". [841] Его сопровождали мужчина и женщина примерно того же возраста. Трое путешественников принадлежали к одной семье — двум братьям и сестре. Первый из них, давно привыкший держаться на заднем плане, пожелал проехать через Женеву незамеченным. Он спросил гостиницу, где мог бы переночевать: голос у него был мягкий, а манеры привлекательные. Едва ли карета, прибывавшая из Франции, не была окружена кем-нибудь из женеvцев или, по крайней мере, французскими беженцами, ибо в ней могли появиться новые беглецы, вынужденные искать страну, в которой они могли свободно исповедовать учение Христа. Молодой француз, в то время друг и ученик путешественника, который отправился к месту стоянки кареты из Франции, чтобы посмотреть, не привезла ли она кого-нибудь из его знакомых, узнал человека с интеллигентным лицом и проводил его в гостиницу. Путешественником был Джон Кальвин, а его другом - Луи Дю Тийе, бывший каноник Ангулема, спутник Кальвина во время его путешествия по Италии. Из Страсбурга, куда он отправился на встречу с Кальвином, он вернулся в Женеву, без сомнения, потому, что думал, что война между Франциском I и Карлом V. вынудит его друга повернуть и пройти через Бресс и долину реки Леман. Именно это и произошло на самом деле.

Кальвин, приехавший в Женеву без определенного плана и даже против своей воли, сел с Дю Тийе в его номере в отеле, и их разговор, естественно, зашел о городе, в котором они находились и о котором реформатор знал очень мало. Впоследствии он узнал либо от своего друга, либо от других людей то, о чем, вероятно, уже кое-что знал; а именно, что папство было вытеснено оттуда незадолго до этого; что рвение, борьба, испытания и евангелические труды Уильяма Фарела были непрестанными; но что дела в городе еще не были "приведены в порядок"; что существовали опасные разногласия и что Фарел почти в одиночку боролся за торжество Евангелия. Кальвин долгое время уважал Фареля как самого ревностного из евангелистов, но, похоже, они никогда не встречались. Дю Тийе не мог оставить при себе известие о прибытии своего друга и, покинув Кальвина, навестил мастера Уильяма. "Обнаружив меня, он сообщил о моем приходе другим", - говорит Кэлвин. [842]

=ФАРЕЛ И КАЛЬВИН.=

Фарел, который читал "*Христианские институты*", признал в авторе этого труда самого выдающегося гения, самого богослова, опирающегося на Священное Писание, и самого

красноречивого писателя своего времени. Мысль о том, что этот необыкновенный человек находится в Женеве и что он может видеть и слышать его, тронула и обрадовала Фареля. Он поспешил в гостиницу и вступил в разговор с молодым богословом. Все подтверждало его прежние мнение. Он долго искал слугу Божьего, который помог бы ему, но никогда не думал о Кальвине. Но теперь вспышка света озарила его душу, внутренний голос сказал ему: это человек Божий, которого ты ищешь. "В тот самый момент, когда я меньше всего думал об этом, - сказал он, - милость Божья привела меня к нему". С этого момента не было ни колебаний, ни задержек. "Фарел, который светился изумительным рвением к распространению Евангелия, - говорит Кальвин, - приложил все усилия, чтобы удержать меня". [843]

Добьется ли он успеха? Редко встречался человек, который, подобно Кальвину, занимал бы влиятельное положение, которое ему предстояло занимать всю свою жизнь, не только без его согласия, но даже против его воли. - Останься со мной, - сказал Фарел, - и помоги мне. В этом городе есть над чем поработать". Кальвин с удивлением ответил: "Извините, я не могу задержаться здесь больше чем на одну ночь". — "Почему вы ищете в другом месте то, что вам сейчас предлагают?" - ответил Фарель. "Почему отказываетесь назидать Женевскую церковь своей верой, усердием и знаниями?" Призыв был бесплоден: взяться за столь грандиозную задачу казалось Кальвину невыполнимой. "Но Фарель, вдохновленный духом героя, - говорит Теодор Беза, - не унывал". Он указал незнакомцу, что, поскольку Реформация чудесным образом утвердилась в Женеве, ее не следует трусливо бросать; что, если он не примет предложенного ему участия в этой задаче, дело, вероятно, может погибнуть, и он станет причиной разрушения Церкви. [844] Кальвин не мог решиться; он не хотел связывать себя с определенной церковью; он не хотел связывать себя с какой-либо конкретной церковью. сказал своему новому другу, что предпочитает путешествовать в поисках знаний и приносить пользу в тех местах, где ему случалось останавливаться. "Посмотрите сначала на то место, в котором вы сейчас находитесь, - ответил Фарель. - Папство изгнано, традиции отменены, и теперь здесь должно преподаваться учение о Священных Писаниях". "Я не могу *учить*, - воскликнул Кальвин. - Напротив, мне нужно *учиться*. Есть особые дела, для которых я хотел бы зарезервировать себя. Этот город не может предоставить мне досуг, в котором я нуждаюсь.

Он объяснил свой план. Он хотел поехать в Страсбург, к Буцеру и Капито, а затем наладить общение с другими врачами Германии, чтобы пополнить свои знания путем продолжения учебы. "Учись! отдыхай! знание! - воскликнул Фарел. - Что? неужели мы никогда не будем *практиковаться*? Я с трудом справляюсь со своей задачей; прошу, помогите мне". У молодого врача были и другие причины. У него было слабое телосложение. "Слабое состояние моего здоровья требует отдыха", — сказал он. "Отдыхайте!" - воскликнул Фарел. - "Только смерть позволяет воинам Христа отдохнуть от своих трудов". Кальвин, конечно, не имел в виду ничего не делать. Он будет трудиться, но каждый человек трудится в соответствии с полученным им даром: он будет защищать Реформацию не делами, а словами. [845]

Реформатор еще не выразил всю свою мысль: его пугала не только работа, за которую его просили взяться, но и местность, в которой ему предстояло ее выполнять. Он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы выдержать битву, в которую ему предстояло вступить. Он избегал выступать перед ассамблеями Женевы. О насилии, беспорядках, неукротимом нраве женеваца много говорили, и они пугали и встревоживали его. На это Фарел ответил, "что чем тяжелее болезнь, тем решительнее меры, которые необходимо принять для ее излечения". Женевская буря, это правда; они разразились, как шквал во время шторма; но было ли это причиной для

того, чтобы оставить его, Фарела, одного встречать эти яростные бури? "Я умоляю вас, - сказал бесстрашный евангелист, - примите свою долю. Эти дела тяжелее смерти". Ноша была слишком тяжела для его плеч; он нуждался в помощи человека помоложе. Но молодой человек из Нойона был удивлен, что *онем* подумали. "Я робок и малодушен от природы", - сказал он. "Как я могу противостоять таким ревущим волнам?" [846] При этих словах Фарел не смог сдержать чувства гнева и почти презрения. "Должны ли слуги Иисуса Христа быть настолько деликатными, - воскликнул он, - чтобы бояться войны?" [847] Этот удар тронул молодого реформатора до глубины души. Он испугался! — он предпочел собственную легкость служению Спасителю! Его совесть была неспокойна, а чувства сильно взволнованы. Но его великое смирение все еще сдерживало его: у него было глубокое чувство своей неспособности к той работе, за которую они хотели, чтобы он взялся. "Я умоляю вас, во имя Бога, - воскликнул он, - сжальтесь надо мной! Позвольте мне служить Ему не так, как вам хочется".

=ПРОКЛЯТИЕ.=

Фарел, видя, что ни молитвы, ни увещевания Кальвина не помогают, напомнил ему об ужасном примере непослушания, подобном его собственному. "Иона тоже, - сказал он, - хотел убежать от присутствия Господа, но *Господь бросил его в море*". Борьба в сердце молодого доктора становилась все острее. Он был сильно потрясен, как дуб, на который обрушилась буря; он согнулся под порывом ветра и снова поднялся, но последний порыв, более стремительный, чем все остальные, вскоре был готов вырвать его с корнем. Эмоции старшего из двух говоривших постепенно возрастали, пропорционально тому, как возрастали и эмоции молодого человека. Сердце Фарела пылало. В этот высший момент, чувствуя себя как бы вдохновленным Духом Божьим, он поднял руку к небу и воскликнул: "Ты думаешь только о своем спокойствии, тебя не волнует ничего, кроме учебы. Да будет так. Во имя Всемогущего Бога я заявляю, что если вы не откликнетесь на Его призыв, Он не благословит ваши планы". Затем, поняв, что наступил критический момент, он добавил к своему заявлению "тревожное заклинание": он даже отважился на проклятие. Устремив свои горящие глаза на молодого человека и возложив руки на голову своей жертвы, он воскликнул громовым голосом: "Да проклянет Бог твой покой! пусть Бог проклянет вашу учебу, если в такой великой нужде, как наша, вы отступаете и отказываетесь оказать нам помощь и поддержку!"

При этих словах молодой врач, которого Фарел некоторое время держал на дыбе, задрожал. Он дрожал всем телом; он чувствовал, что слова Фарела исходили не от него самого: Бог был там, святость присутствия Иеговы сильно завладела его разумом; *он видел Того, кто невидим*. По его словам, ему показалось, "что рука Божья простерлась с небес, что она схватила его и безвозвратно приковала к тому месту, которое ему так не терпелось покинуть". [848] Он не мог освободиться от этой ужасной хватки. Подобно жене Лота, когда она оглядывалась на свой спокойный дом, он прирос к своему месту, не в силах пошевелиться. Наконец он поднял голову, и мир вернулся в его душу; он уступил, он пожертвовал учебой, которую так любил, он возложил своего Исаака на алтарь, он согласился *пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти ее*. Его совесть, теперь убежденная, заставляла его преодолевать все препятствия, чтобы он мог повиноваться. Это сердце, такое верное и искреннее, отдало себя, и отдало навсегда. Видя, что то, что от него требовалось, было угодно Богу, говорит Фарел, он совершил насилие над собой, добавив: "И он сделал больше, и это быстрее, чем мог бы сделать кто-либо другой".

=ПОКОРНОСТЬ КАЛЬВИНА.=

Призвание Кальвина в Женеве, пожалуй, является самым замечательным в истории Церкви после призвания святого Павла. Это не было чудом, как в случае с Апостолом на дороге в Дамаск; и все же в комнате той гостиницы была вспышка света и грохот, подобный раскату грома; голос, который Господь заставил прозвучать в сердце Кальвина, ужаснул его, сломил его упрямство и поверг ниц, как будто его поразила молния с небес. Его сердце было пронзено; он смиренно склонил голову и, почти распростертый на земле, почувствовал, что больше не может бороться с Богом и отбиваться от уколов. В то же время уверенность в Боге наполнила его душу. Он знал, что Тот, кто заставил его почувствовать эти "уколы" [849], обладал могущественным средством, рассчитанным на исцеление всех его ран. Разве Бог не сказал: "Вверь свой путь Господу, и Он осуществит это"? Молодой человек больше не желал норовисто скакать, как пламенный скакун, но, "подобно послушному скакуну, позволить, чтобы его мирно вела рука его Учителя". [850]

С этого часа распространение и защита истины стали единственной страстью его жизни, и им он посвятил все силы своего сердца. После этого торжественного часа ему еще предстояло пережить, как он говорит, "великую тревогу, печаль, слезы и огорчение". Но его решение было принято. Он принадлежал больше не себе, а Богу. "Во всем и везде он будет руководствоваться исключительно своим послушанием". Он никогда не забывал страшного завета, которое использовал Фарел. Он не ставил себя (как ему казалось) на то место, которое занимал, но был поставлен туда рукой Всемогущего. Поэтому всякий раз, сталкиваясь с препятствиями, он вспоминал "руку, простертую с небес", и, зная ее суверенную силу, набирался смелости.

Реформатор, однако, не сразу остановился в Женеве. Покидая Францию, он взял на себя обязательство сопровождать одного из своих родственников по имени Артуа в Базель. В течение нескольких дней женевские братья отказывались отпускать его. Наконец, видя, что Кальвин принял решение, они ограничились тем, что вымогали у него обещание вернуться; после чего он отправился в Базель со своим родственником. По дороге он столкнулся с новыми препятствиями; церкви, которым автор *Христианских институтов* приветствовал на своем пути, хотели задержать его. [851] Трудно сказать, исходили ли эти мольбы, на которые Кальвин не рассчитывал перед отъездом, из Лозанны, Невшателя, Берна или, скорее, из каких-то других, более молодых Церквей. Наконец он прибыл в Базель и, закончив свои дела, вернулся в Женеву, вероятно, во второй половине августа. Но не успел он приехать, как его хрупкое здоровье пошатнулось; он сильно простудился и проболел девять дней.

=ПРИЗВАНИЕ КАЛЬВИНА.=

Когда Кальвин оправился от своего недомогания, он сразу же приступил к работе, ради которой его задержали. Поскольку у него должна была быть толпа слушателей — мужчин и женщин, старых и молодых, женевцев и незнакомцев, — ему поручили собор Сен-Пьер. Именно в этом огромном здании, где так часто служили мессу, Кальвин собирался провозгласить господство Священного Писания. Ворота собора Святого Пьера открылись; хрупкий и скромный, но могущественный проповедник вошел в готический портал; многочисленная толпа последовала за ним в неф, величественное величие которого, казалось, так хорошо гармонировало с новым учением, которое вот-вот должно было прозвучать в нем; и вскоре его голос зазвучал под освещенными временем сводами.

Кальвин, пришедший после Лютера и Фареля, был призван завершить работу обоих. Могущественный Лютер, которому всегда будет принадлежать первое место в деле

Реформации, с силой произнес слова веры; Кальвину предстояло систематизировать их и показать впечатляющее единство евангельской доктрины. Порывистый Фарель, самый активный миссионер той эпохи, оторвал людей от римских заблуждений и многих объединил со Христом, но не объединил их; Кальвину предстояло воссоединить этих разрозненных членов и составить собрание. Обладая организаторским гением, он выполнил задачу, возложенную на него Богом: он взялся сформировать церковь, находящуюся под руководством Слова Божьего и дисциплиной Святого Духа. По его мнению, это должно быть — не иерархический институт легальной религии, как в Риме, и не расплывчатый идеал, как у мистиков, и не интеллектуальное и нравственное общество без религиозной жизни, как у рационалистов. О Слове, которое было Богом и которое стало плотью, сказано: *В Нем была жизнь*. Следовательно, жизнь должна быть существенной характеристикой людей, которых она должна была формировать. Духовные силы должны — так считал Кальвин — действовать посреди стада Иисуса Христа. Господь сообщал Своим ученикам не только идеи, но и божественную жизнь. "В царстве Христа, - сказал он, - все, о ком нам нужно заботиться, - это *о новом человеке*".

И это была не просто теория: Кальвин должен был увидеть, как она воплощается в жизнь. Не довольствуясь реформацией веры, он будет бороться с тем упадком нравственности, который так долго наполнял беспорядком дворы, города и монастыри. Он призвет к обращению сердца и святости жизни; он запретит роскошь, пьянство, богохульство, нечистоплотность, маскарады и азартные игры, которые Римская церковь терпела.

Такая строгость дисциплины навлекла серьезные упреки на реформатора. Мы должны признать, что если Кальвин и сделал ложный шаг, то именно здесь. Он уступал человеку, должностному лицу, слишком большую роль в исправлении морали и доктрины: в шестнадцатом веке вмешательство государства в церковную дисциплину нарушило единственное по-настоящему благотворное действие Слова Божьего. Кальвин очистил чистой водой золото и серебро дарохранительницы, но оставил на ней *одно* пятно — следы использования гражданского оружия. Однако мы не должны обвинять его больше, чем позволяет справедливость. Ему пришлось пострадать от этого действия светской власти гораздо больше, чем он использовал ее. С 1532 года правительство Женевы поставило себя на место епископа. Мы видели его приказы проповедовать Евангелие без какой-либо примеси человеческих доктрин. Чуть позже он организовал грандиозный диспут, затребованный Бернардом, и председательствовал на нем в качестве судьи. Разве это не зашло даже так далеко, что сняло с жителей Тиза отлучение, объявленное епископом? В другом месте мы описывали, как в швейцарских кантонах, и особенно в Цюрихе и Берне, магистраты делали то же самое. Вмешательство светской власти исходило от светской власти. Женевский совет не собирался позволять незнакомому министру, молодому нойону, лишать их прерогатив, за которые они так крепко цеплялись. Они претендовали на право регулировать своими указами почти все - от самых высоких вещей, исповедания веры, регулирования богослужения и управления церковью, вплоть до женской одежды. Кальвин часто протестовал против этих притязаний, и по этому поводу вся его жизнь была одной долгой борьбой. Далекие от того, чтобы обвинять реформатора за определенные правила, которые он был вынужден допускать, мы должны похвалить его за твердость, с которой он больше, чем любой другой учитель шестнадцатого века, отстаивал великие принципы различия между мирским и духовным. [852]

=РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО УЧЕНИЯ.=

Но своим прямым учением он еще более убедительно способствовал распространению семян истинной и мудрой свободы среди новых поколений. Несомненно, источники современной цивилизации многообразны. Многие люди разных призваний и гениальности трудились над этой великой работой; но это просто для того, чтобы признать то место, которое Кальвин занимает среди них. Чистота и сила его нравственности были самым могущественным средством освобождения людей и наций от злоупотреблений, которые были повсюду введены, и от деспотических притеснений, под которыми они стонали. Народ, слабый в своей морали, легко поработается. Но он сделал больше. Как велики истины, как важны принципы, провозглашенные Кальвином! Он бесстрашно атаковал папство, *которым подавляется всякая свобода*, [853] и которое в течение стольких веков держало человеческий разум в рабстве; и разорвал цепи, которые повсюду сковывали мысли человека. Он смело утверждал, "что существует *очень явное различие* между духовным и политическим или гражданским правлением". [854] Он сделал больше, чем это: целью всей его жизни было восстановить верховенство совести. Он стремился восстановить царство Божье в человеке, и преуспел в этом не только с гениальными людьми, но и с огромным количеством малоизвестных личностей. Это были люди, которые, решив превыше всего повиноваться Богу, смогли противостоять инструментам папы римского, Валуа, Филиппа II, Альвы и их подражателей. Сохраняя свою свободу в отношении веры, эти благородные последователи Евангелия — такие люди, как Нокс, Марникс де Сент-Альдегонд и множество других христианских героев, — научились сохранять ее в земных делах. [855] Таковы были главные врата, через которые различные свободы вошли в мир.

Кальвин не ограничивался теориями: он открыто выступал против деспотизма королей и деспотизма народа. Он заявил, что "если князья *узурпируют какую-либо часть Божьей власти*, мы не должны им повиноваться"; [856] и что, если люди будут потворствовать актам безумного насилия, мы скорее погибнем, чем подчинимся им. "Бог вооружил вас не для того, - сказал он, - чтобы вы могли противостоять тем, кто поставлен Им над вами в качестве правителей. Вы не можете ожидать, что Он защитит вас, если вы предпримете то, от чего Он отказывается". [857] Тем не менее Кальвин учил людей любить такие вечные благословения и говорил, что лучше умереть, чем быть лишенным их. "*Божья честь*, - провозгласил он, - *дороже вашей жизни*". И с того часа мы видим, как в Нидерландах и других странах те, кто научился в Женеве отстаивать свободу совести, приобретают такую любовь к свободе, что заявляют о ней и для государства, ищут ее для себя и пытаются дать другим. Религиозная свобода была и остается матерью всех видов свободы; но в наши дни мы являемся свидетелями странного зрелища. Многие из тех, кто во многом обязан своим освобождением Кальвину, забыли о нем, и некоторые из них оскорбляют благородного защитника, который сделал их свободными.

Однако установление временной свободы не было целью реформатора: она вытекает только из его принципов, как вода из источника. Провозглашать спасение Божье, утверждать Божью правоту — вот то, чему он посвятил свою жизнь, и эту работу он выполнял с неизменной твердостью. Он знает, какое сопротивление окажут ему люди, но это не остановит его продвижения. Он разрушит крепостные валы, перекинет мосты через пропасти и непоколебимо растопчет ногами барьеры, которые, как он знает, противостоят славе Божьей и благополучию человека. У Кэлвина правильный, пронизательный и уверенный взгляд, и его взгляд охватывает широкий горизонт. Он противостоит не только главному врагу, папству, но и великодушно противостоит тем, кто, по-видимому, на его стороне и делает вид, что поддерживает его: с ним не соглашаются люди. Он различает многочисленные и серьезные ошибки, скрытые под

покровом реформ, — ошибки, которые разрушат до основания здание, в построении которого те, кто им учит, притворяются, что оказывают свою помощь. В то время как многие позволяют себе удивляться, он обнаруживает небольшое облако, поднимающееся с моря; он видит, что небо вот-вот потемнеет и наполнится штормами, громом и дождем. При виде этих бурь он не склоняет и не прячет голову: напротив, он смело поднимает ее. "Мы призваны, - говорит он, - к трудным битвам; но мы далеки от того, чтобы изумляться и робеть, мы набираемся мужества и вверяем свое тело смертельной борьбе".

Этот человек поначалу вызывал удивление своим юношеским видом и слабостью телосложения; но не успел он заговорить, как сразу же поднялся в глазах всех, кто его слушал. Он становился все выше и выше, он возвышался над их головами. Каждый человек предвещал в нем один из тех могущественных разумов, которые увлекают за собой нации, выигрывают битвы, основывают империи, открывают миры, реформируют религию и преобразуют общество.

Кальвин преподает в Женеве, он пишет тем, кто находится далеко за ее стенами. И вскоре мы видим, как в мире формируется нечто новое. Великая работа была начата героическим Лютером, у которого был достойный преемник, способный завершить ее. Кальвин дает Реформации то, чего, по утверждению папы, у нее нет. Раздается шум и тряска, и сухие кости соприкасаются друг с другом. Дыхание исходит от четырех ветров, мертвые оживают и встают на ноги, превеликое войско. Церковь Христа вновь появилась на земле. Из недр этого маленького города исходит слово жизни. Франция, Швейцария, Нидерланды, Германия, Англия, Шотландия и другие страны слышат его. Столетие спустя то же самое слово, которое несут благочестивые беженцы или верные миссионеры, станет славой и силой Нового Мира. Еще позже оно посетит самые отдаленные острова и континенты; оно наполнит землю знанием о Господе и будет собирать все больше и больше рассеянных семей мира вокруг креста Христова в святом и живом единстве.

=МИНУТА СОВЕТА.=

5 сентября 1536 года Женевский совет распорядился внести в свои публичные реестры следующие слова:

'Master William Farel explains that the lecture which that Frenchman had begun at St. Pierre's was necessary; wherefore he prayed that they would consider about retaining его и обеспечить его поддержку. После чего было решено обеспечить его содержание.'

15 февраля 1537 года они подарили шесть солнечных корон, а затем суконный плащ "тому французу", который недавно прибыл и имени которого, по-видимому, они не знали. [858] Таковы скромные упоминания о молодом человеке в публичных архивах города, который его принял. Через несколько лет это имя прозвучало по всему миру; и в наше время знаменитый историк, беспристрастный в этом вопросе, поскольку он не принадлежит к церквям Реформации, сказал: "Для того чтобы французский протестантизм [мы могли бы сказать "протестантизм" в целом] имел характер и доктрину, ему нужен был город, который служил бы центром, и вождь, который стал бы его организатором. *Этим городом была Женева, а тем вождем был Кальвин.*" [859]

[841] Preface to Calvin's *Commentaire sur les Psaumes*.

[842] 'Il me fit connaître aux autres.'—Preface to the *Commentaire sur les Psaumes*. В латинском издании "Statim fecit ut innotescerem".

- [843] Письмо к Ч. Р. Фабри, 6 июня 1561 г.
- [844] Беза, *Жизнь Кальвина*.
- [845] Calvin, *Préface des Psaumes*.
- [846] Там же.
- [847] Беза, *Жизнь Кальвина*.
- [848] 'Ac si Deum violentem mihi e cœlo manum injiceret.'—Calvin.
- [849] 'Piqûres.' Это слово принадлежит Кальвину.
- [850] Кельвин.
- [851] 'In ipso itinere Ecclesias multas offendo quibus immorari aliquantisper rogor.' Calvin to Daniel, 13th October, 1536. *Оскорбление* здесь следует понимать в смысле "встретить", а не "причинить боль". См. Цицерон, *Семья*. ii. стр. 3.
- [852] По этому поводу Mons. А. Роже изложил справедливые взгляды и достоверные факты в своей работе, озаглавленной "*Взгляд и действие в Женеву жизни Кальвина*".
- [853] Calvin, *Institution chrétienne*, liv. iv. ch. 7.
- [854] Calvin, *Institution chrétienne*, liv. iv. ch. 22.
- [855] "В чем принцип нашей силы?" - не так давно спросил красноречивый голландский писатель. - Я скажу тебе: это заложено в нашем происхождении. Мы — отпрыски Женевы Кальвина". - *Олланд и его влияние на Кальвина*, статья М. Груна ван Принстерера, государственного совета. La Haye, 1864.
- [856] Кельвин, *Прокомментирый. sur Matth.* xxii. 21.
- [857] Это было адресовано тем, кто подстрекал протестантов Франции к актам насилия. Смотрите письма Кальвина Анжерской церкви от апреля 1556 года и другие письма.
- [858] Registres du Conseil des 13 Février 1537, 13 et 20 Septembre 1541.
- [859] Mignet, *La Réformation de Genève*, p. 10.

**БРОДВЕЙ, 530, НЬЮ-ЙОРК,
ноябрь 1875 года.**